

Юрий Соколов

СТЕПЕНЬ
ПРЕВОСХОДСТВА

- [Юрий Юрьевич Соколов](#)
- [Степень превосходства](#)
 - [Пограничные миры – 1](#)
 - [АННОТАЦИЯ](#)
- [Юрий Соколов](#)
- [СТЕПЕНЬ ПРЕВОСХОДСТВА](#)
- [Часть первая](#)
- [ДОМ БОГОВ](#)
-
- [Глава 1. Планета без названия](#)
-
-
- [Глава 2. Паго Нвокеди. Неудачный эксперимент](#)
-
-
-
- [Глава 3. Лучшее общество в мире](#)
-
-
-
- [Глава 4. Герман Левицкий. Расследование по факту.](#)
-
-
-
- [Глава 5. Дом, в котором живет Кэт](#)
-
-
-
-
-
- [Глава 6. Агизекар Тау. Под сенью Вечного Леса](#)
-
-
-

-
-
- [Глава 7. Старт экспедиции](#)
-
-
-
-
-
- [Глава 8. Свежий взгляд на привычные вещи](#)
-
-
- [Глава 9. Айхамар](#)
-
-
- [Глава 10. Планы на будущее](#)
-
-
-
- [Часть вторая](#)
- [КОЛЫБЕЛЬ ИСПОЛИНА](#)
-
- [Глава 1. Прибытие на Тихую](#)
-
-
- [Глава 2. Начало охоты на горилл. Активный способ](#)
-
- [Глава 3. Последующие попытки отлова](#)
-
- [Глава 4. Пассивный способ охоты и некоторые особенности заготовки свежего мяса](#)
-
- [Глава 5. Стивен Шарп. Пари](#)
-
- [Глава 6. «Миротворец»](#)
-
- [Глава 7. Схватка](#)
-
-

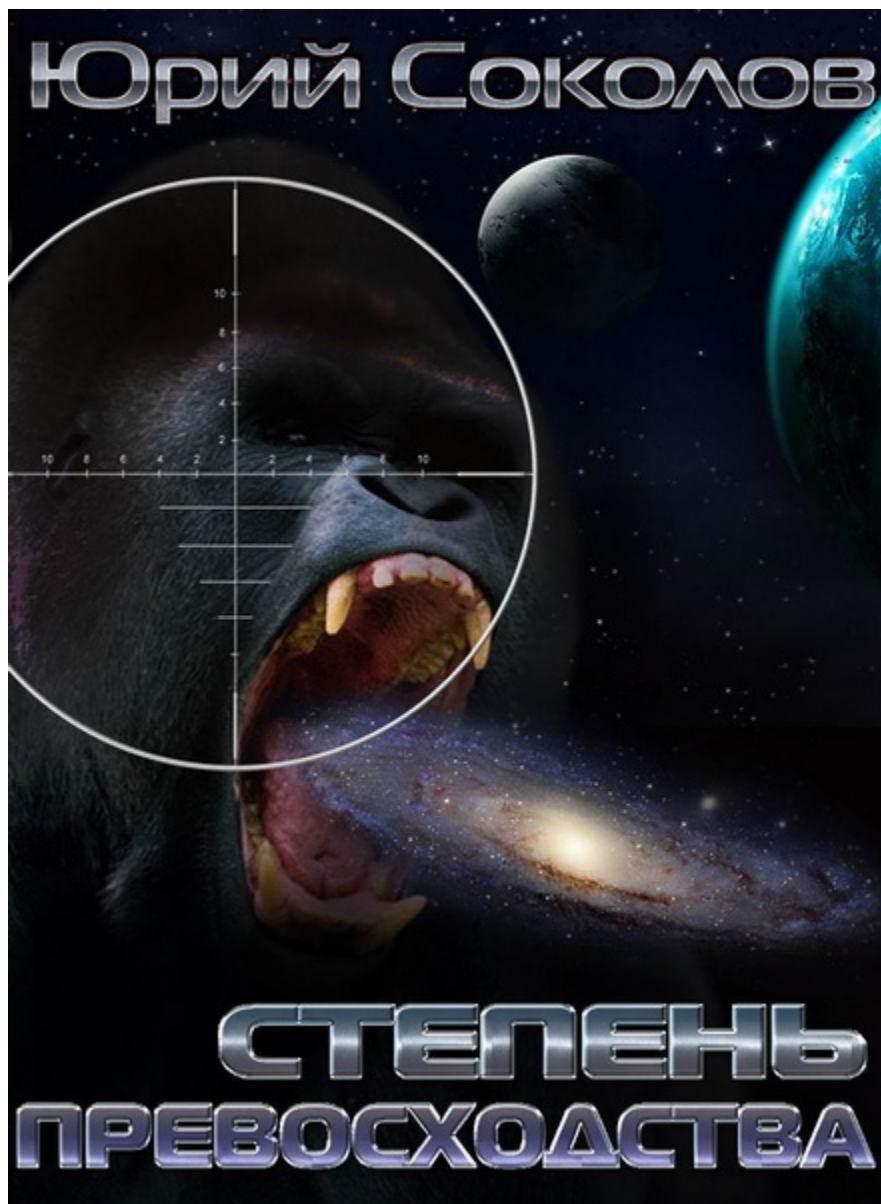
-
-
-
-
- [Глава 8. Вячеслав Ливнев. Будем знакомы!](#)
-
-
-
-
-
-
-
- [Другие книги автора](#)
- [Информация об издании](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
-

Юрий Юрьевич Соколов

Степень превосходства

Пограничные миры – 1

Автор: Соколов Юрий
Название: Степень превосходства
Издательство: Самиздат
Страниц: 378
Год: 2014

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

К середине двадцать пятого века человеческая раса доминирует в космосе. Доступ к ресурсам тысяч планет и отсутствие конкурентов обеспечивают благосостояние и стабильность. Но люди чувствуют себя королями Галактики лишь до тех пор, пока природа им это позволяет. На планете Тихая, на задворках всемогущего Терросоюза обитают животные, потенциал которых в начале эволюционного пути выше, чем вся сумма достижений человечества, и столкновения с ними избежать не удастся.

Кто победит – люди с их техникой или животные, готовые стать богами? На чьей стороне превосходство?

Юрий Соколов

СТЕПЕНЬ ПРЕВОСХОДСТВА

Часть первая

ДОМ БОГОВ

Глава 1. Планета без названия

Это был, конечно, всего лишь сон. Заурядный ночной кошмар из тех, которые время от времени заставляют нас просыпаться в холодном поту и с чувством большого облегчения, что все произошло не на самом деле.

Но мне до пробуждения оставалось еще далеко, поэтому я пока стоял на небольшой прогалине в джунглях и смотрел в горящие неизбывной яростью глаза жуткой твари — смотрел, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд. А больше там никого не было, потому что все, кто пришел сюда со мной, или уже умерли, или умирали сейчас.

Нет, не все. Где-то сзади и сбоку слышались короткие стоны вперемешку со всхлипами — там Кэт, с перебитым позвоночником, почти разорванная пополам, кое-как подтягиваясь на руках, медленно и мучительно ползла туда, где валялась ее винтовка.

— Стреляй, Пит, стреляй! — еле слышно шептала она. — Убей его, убей, бога ради!

Но я не мог стрелять. Для этого следовало бросить винтовку с пустым магазином, достать пистолет из кобуры на бедре, нажать на спуск — а зверь находился от меня на расстоянии куда меньшем, чем один прыжок, и он был готов. Я видел оскаленную пасть, длинные когти, впившиеся в землю, кровь, хлещущую из развороченного разрывными пулями бока. Видел вздыбленную на загривке шерсть, напряженные до отказа мускулы, я видел... видел... видел...

Сначала я ничего не увидел кроме темноты, окутывавшей меня со всех сторон, потом начал понемногу соображать.

— Свет! — крикнул я, без особого успеха пытаюсь выпутаться из простыни. Крикнул, должно быть, излишне эмоционально, потому что Полли — киб-мастер^[1] номера в отеле, перепугавшись, врубила освещение на полную мощность. Пришлось зажмуриться.

— Вы не настроили программу снов, — с упреком промолвила Полли, сбавляя яркость до приятного полумрака. — И не велели вас будить.

— Знаю, знаю.

Я сбросил, наконец, простыню и, спустив ноги на пол, огляделся. Уютный и безопасный гостиничный номер, панорамное окно во всю стену, причудливый перламутровый кристалл макроинформера, примостившийся в углу. Кэт у себя дома, на Земле, за тысячу световых лет отсюда, и тоже в полной безопасности.

— Говорила мне бабушка — всегда настраивай программу снов, — усмехнулся я.

— Ваша бабушка абсолютно права, мистер Дуглас, — радостно согласилась Полли. Как и у любого кйба, у нее было плохо с чувством юмора. — Настроить?

— Да нет, не нужно. Кстати, это просто присказка такая.

Пару секунд Полли переваривала поступившую информацию, потом до нее дошло:

— Хотите, я добавлю это выражение в свой повседневный словарь?

Я представил, как все оставшиеся четыре дня моего проживания в отеле Полли без конца поминает бабушку, и содрогнулся.

— Не стоит. Лучше пошли «жучку» за свежим апельсиновым соком.

Откуда-то из-под кровати (никогда не угадаешь, где спрячется!) вынырнул робот-горничная, больше всего похожий в этот момент на миниатюрную радарную установку, немного помедлил и, без всяких видимых усилий трансформировавшись в сервировочный столик, покатил к двери.

Через пару минут он появился снова, дождался, пока я заберу стакан, затем опять трансформировался — на этот раз в нечто, описанию не поддающееся, и принялся перестилать постель. Я не торопясь выпил сок, отверг настойчивые приставания Полли на счет того, чтоб сделать мне массаж с помощью встроенного в кровать медкомплекса, забрался под свежую простыню и почти сразу отключился.

* * *

Сухой горячий ветер гнал пыль по безлюдным в этот ранний час улицам Уивертауна. Вчера было прохладно, однако ночью ветер внезапно изменил направление и принес на город кхан-пун — злой суховей из Мертвой пустыни. Сам кхан — вовсе не ветер, а лишь медленное перемещение раскаленных масс воздуха с континента в

сторону моря, но если встать к нему лицом, ощущение такое, будто ты стоишь у открытой топки гигантской печи. Температура все поднималась, небо приобрело желтовато-серый оттенок, а над еле видимыми теперь в этом дрожащем жарком мареве Черными горами висела огромная мрачная туча, изредка озаряемая вспышками молний пока еще очень далекой грозы.

Я знал, конечно, какая погода на улице — Полли не преминула сообщить прогноз, но, несмотря на это, не захотел изменить давней привычке совершать утреннюю прогулку. Мозги прочищает, хороший аппетит гарантирован, можно привести в порядок мысли, наметить самые необходимые дела на день. Но, самое главное, мне не давал покоя этот чертов кошмар. Хотя остаток ночи я провел спокойно и встал бодрым и отдохнувшим, странный сон не шел из головы, в душе время от времени поднималось непонятное смутное чувство. Поэтому, выйдя из своего номера в отеле «Козерог» когда остальные постояльцы еще даже глаза продирать не начинали, я взял курс прямо по Крокет-стрит на восточную окраину города — туда, где плато Уивер огромными ступенями, похожими на лестницу великанов, спускалось вниз, к морю.

Помимо пугающего своей реалистичностью сна, у меня сегодня были и более серьезные поводы для беспокойства.

Шел уже одиннадцатый день ежегодного конгресса ООЗ^[2], а у нас на руках не было еще ни одного стоящего заказа. Экономический кризис, пятый год терзающий всю Галактику, докатился наконец до нашего бизнеса и сразу накрыл его с головой. Даже такая традиционно процветающая отрасль, как старое доброе сафари^[3], и то пострадала; экстрим-туризм заглох на треть. Что же касается звероловства, то тут дела шли совсем плохо, а ведь как раз им мы и занимались — я и мои компаньоны.

Заварила всю эту кашу, конечно, Кэт: она всегда заваривала кашу везде, где бы ни оказалась. Потом к ней примкнул я, и уже вместе мы втащили (именно втащили!) в дело Крейга Риеру — бывшего охотника, нашего общего старого знакомого, который к тому времени только что ушел на покой и возвращаться в бизнес по доброй воле не хотел. Немного позже к нам присоединился Рик Болди, по кличке Малыш-на-все-плевать, после чего сплоченный коллективчик психов,

вздумавших открыть новую звероловную фирму в то время, когда нормальные люди закрывали старые, был готов к действию.

Первые два сезона дела шли нормально, на третий стало труднее, что же касается этого, то он вообще мог оказаться для нас последним. И не только для нас. Президент ООЗ в своем итоговом отчете объявил о сокращении общего объема продаж и оказанных услуг в прошлом году на сорок два процента по сравнению с предыдущим, прибыли падали катастрофически. Самый большой зверь в нашем лесу — «Мортон групп компани» была вынуждена уменьшить штат почти на треть, выбросив на улицу четыре тысячи человек; «Хантер» и вовсе приказал долго жить. У более мелких фирм тоже проблем хватало, только в текущем году их закрылось уже более сотни. Уивертаун, в прошлом весьма оживленный, выглядел так, будто по нему прошла чума.

Я миновал площадь Торжеств и поднялся по крутой каменной лестнице, высеченной прямо в скале, на Утес Последней Надежды. Когда-то корабль первопроходцев потерпел крушение неподалеку отсюда, почти весь экипаж погиб, а оставшиеся в живых установили здесь маяк, собранный из разбитого вдребезги бортового передатчика. Одного за другим они хоронили своих; спустя двадцать семь лет в живых остался только один. Он прожил еще четыре года на безжизненной планете, до последнего дня ведя видеодневник, и умер, сидя на этой самой скале, прислонившись спиной к самодельному маяку. Там его и нашли — почти полвека спустя после смерти.

В настоящее время здесь устроили обширную смотровую площадку, с которой в хорошую погоду открывается вид не только на город и Оранжевое море, но и на сотни квадратных километров Мертвой пустыни с ее сверкающими «бриллиантовыми» песками и причудливыми кристаллами каких-то местных минералов — огромных, с многоэтажный дом, сияющих всеми цветами радуги природных образований, для описания форм которых слишком бедна человеческая фантазия.

Посреди площадки возвышался памятник первооткрывателям — тот самый примитивный маяк, одним боком впаянный с помощью вполне современных технологий в стелу из здешнего, похожего на гранит камня. Подойдя ближе, я положил руку на теплую, зеркально гладкую поверхность обелиска.

— Мемориал в честь погибших на этой планете космонавтов корабля «Титан», — торжественным голосом произнес информатор, — входившего в состав Четвертой экспедиции к галактическому ядру. Корабль потерпел крушение в результате сбоя работы генератора Пи-коридора.

Вот тряхнуло их, наверное, подумал я. Удивительно, что вообще кто-то выжил. Нештатный выход из подпространства равнозначен ситуации, когда из машины, идущей со скоростью двести километров в час, выбрасывают на шоссе коробку с сырыми яйцами. Честно говоря, я мало что понял из пояснений информатора относительно причин, приведших к аварии, улавливая только общий смысл. Люди уже давно не применяют для космических полетов сложный и небезопасный способ создания Пи-коридоров, требующий длительной подготовки и колоссальных затрат энергии. Но я немного помнил школьный курс истории космоплавания — из десяти кораблей Четвертой экспедиции до цели дошло шесть, а на Землю вернулся один. Из Первой экспедиции не вернулся никто...

Я продолжал слушать. «Титан» выпал из коридора в опасной близости от звезды — настолько близко, что должен был упасть на нее через сто десять часов. Три из четырех разгонных двигателей были разрушены, четвертый работал едва на половину мощности, так что невозможно было ни толком затормозить, ни набрать сколько-нибудь приличную скорость. Однако, совершив ряд рискованных эволюций с помощью уцелевших маневровых движков и умело используя поле тяготения звезды, затягивающей корабль в смертельную гравитационную ловушку, экипажу удалось вначале вывести корабль на орбиту вокруг светила, которое они без всяких затей нарекли Гелиос (понятно, что в такой ситуации не до фантазий), а затем направить его в сторону единственной в системе планеты — выбирать было не из чего. Началось долгое путешествие в темпе черепахи...

Полтора года странствия в космосе через два пояса астероидов и аварийная посадка окончательно добила «Титан», и тут несчастливым путешественникам наконец повезло — на планете оказалась атмосфера земного типа и полностью отсутствовали опасные микроорганизмы. Я слушал рассказ информатора и восхищался хладнокровием и целеустремленностью этих ребят, которые, осознав, что назад им, скорее всего, никогда не вернуться, не пали духом, не

сошли с ума, не перерезали друг друга. Они приводили в порядок искалеченное оборудование, вели наблюдения окружающей среды, проводили научные исследования, составляли карты континентов. Единственное, чего они не сделали за все годы своего пребывания здесь — так и не дали имени планете, их приютившей. И ничего не строили, хотя и могли бы. Трансгалактические корабли того времени были, по сути, огромными летающими заводами со сложной системой производства и воспроизводства всего, что необходимо для жизни людей. Но вместо того, чтобы построить себе сносное жилье, они предпочитали делать несложные летательные аппараты и облетели вдоль и поперек всю планету, собрали даже небольшую подводную лодку и опустили в ней на дно океана... А жили в корабле. И до последнего надеялись, что слабый сигнал их маяка будет услышан, что за ними прилетят... Эта стела была памятником не только космонавтам с «Титана», но целой эпохе в истории освоения космоса. От нее остались десятки разбитых кораблей на планетах с названиями и без; десятки других кораблей, затерянных в пространстве — мертвых металлических гробов с мертвыми экипажами внутри, да вот такие мемориалы.

Я убрал руку, и информатор, запрограммированный на касание так же, как и на голосовой приказ, умолк. Дальше история была не столь интересна и трогательна. Планету, которая до сих пор во всех каталогах значилась Безымянной, повторно открыли в 2257 году, в период, когда уже полным ходом шло освоение Галактики. Сначала здесь находилась база Космической разведки, потом — перевалочный лагерь торговцев и контрабандистов (которые, к слову сказать, в те времена мало отличались друг от друга), но по-настоящему прославилась Безымянная как Планета Звероловов — именно так, с большой буквы.

Я отошел от памятника и, подойдя к кованой решетке с деревянными перилами поверху, широким полукругом ограждающей площадку с востока, стал смотреть на море — неяркого оранжевого цвета, такое же пустынное, как и суша.

На Безымянной нет жизни — по крайней мере в обычном понимании этого слова. Помимо безмозглых комочков слизи, плавающих в океане, да массы одноклеточных водорослей ничего не найдешь — ни животных, ни растений. И все-таки именно здесь вот

уже двадцать третий год подряд проводится Всегалактический конгресс ООЗ — Великого Общества Славных Охотников.

С первого взгляда этот факт может показаться странным — казалось, звероловы для своих ежегодных съездов могли бы выбрать планету с чуть более разнообразной флорой и фауной. Но объясняется все просто — на самом деле место проведения конгресса никто специально не выбирал. Кто-то первым устроил здесь перевалочный лагерь, поскольку Безымянная идеальна как отправной пункт для экспедиций в соседний галактический рукав, не зря ведь ее в свое время облюбовала Косморазведка. Кто-то отсиживался, скрываясь от полиции после незаконного отлова: в огромных пещерах под плато Уивер можно без проблем спрятать хоть сотню зоопарков, а пустынная планета — последнее место, где будут искать охотника. К тому же, в период «дикого» освоения космоса для звероловов существовала и куда более серьезная опасность, чем полиция — так называемая Лига защиты природы, основанная сумасшедшим миллиардером Барни Барретом. Лига не скупясь финансировала хорошо организованные бригады разного рода экологических экстремистов, которые, объединившись под общим лозунгом: «Защитим Галактику от эксплуатации и разграбления», развернули против охотников настоящую войну. Прекрасно вооруженные и абсолютно беспринципные, они не вступали в переговоры и, в отличие от полиции, не брали взятки. Щедрое вознаграждение трудов праведных папашей Барретом привлекло в их ряды немало откровенных головорезов, и нам тоже пришла пора объединяться. Что и было сделано тридцать шесть лет назад с подачи легендарного капитана Уивера, основавшего Независимый союз охотников — зародыш ООЗ. Правительство в это время, озабоченное подавлением мощного мятежа в звездном скоплении Башни, грозившего расколоть надвое всю цивилизацию, почти не вмешивалось в происходящее. «Зеленые» открывали огонь не задумываясь; звероловы, технически оснащенные ничуть не хуже, не оставались в долгу, и случайные стычки в космосе зачастую перерастали в полномасштабные сражения, в которых участвовали десятки кораблей и сотни людей с той и другой стороны.

Капитан Уивер, незадолго перед этим основавший на Безымянной город, позже названный в его честь, медленно но верно превращал планету, а заодно и всю систему Гелиос в неприступный бастион.

Скупая оружие попеременно то у Федерации, то у мятежников, он создал сложную систему из станций слежения, которые просматривали буквально каждый кубический сантиметр пространства на расстоянии в добрый десяток астрономических единиц, и забил всю округу блуждающими минными полями так, что в постоянно изменяющихся лабиринтах между ними вскоре перестали ориентироваться даже сами охотники. Пройти здесь стало можно только следуя лучу целеуказателя «проводника» с Безымянной, а любой чужой корабль, вздумавший прорваться к планете, был бы обречен. Обезопасив себя таким образом от «зеленых» (а заодно и от полиции), Уивер на деньги Союза построил первые на планете приличные вольеры для содержания животных, которых до сего времени каждый зверолов содержал как придется. И теперь, проведя отлов, охотник мог спокойно отдохнуть, привести в порядок снаряжение для нового похода, не опасаясь ни внезапного налета молодцев из Лиги, ни того, что с таким трудом пойманные звери разбегутся из ненадежных клеток, как это не раз и не два случалось раньше.

Шли годы, правительство мало-помалу устанавливало контроль над стихийной экспансией человечества, жадно осваивающего Вселенную, укрепляло свою власть в периферийных районах уже обжитого космоса, некоторые из которых хотя и получили автономию, вынуждены были смириться со своим подчиненным, по отношению к Метрополии, положением. Независимый союз охотников был преобразован в ООЗ, банды «зеленых» разогнала полиция, а Уивертаун из захудалого городишки превратился в процветающий город с десятками роскошных отелей, самыми большими в Галактике специализированными магазинами охотничьего снаряжения и двумя космодромами.

Природные условия земного типа обеспечили быструю колонизацию Безымянной. Население составляет в настоящее время шесть с половиной миллионов человек и неуклонно растет, в основном за счет притока рабочих, занятых на предприятиях горнорудной отрасли промышленности, которая продолжает стабильно развиваться, наращивая объемы производства несмотря на кризис. Сказочные ландшафты и бесконечные пляжи привлекают сотни тысяч туристов, горная страна на севере от Мертвой пустыни превратилась чуть ли не в Мекку альпинизма, сфера развлечений и торговля процветают. Все

обстояло бы еще благополучнее, если б не плохая сейсмическая обстановка на планете. Землетрясения в 7 — 8 баллов и сильнее здесь не редкость, что не добавляет оптимизма ни поселенцам, ни туристам. Довольно реальна также и угроза терактов со стороны Лиги защиты природы — неизвестно, что хуже, она или стихийные бедствия. Будучи официально запрещена в 2447 году, Лига продолжает существовать подпольно и имеет немало сторонников во всех слоях общества. Папаша Баррет давно умер, но дело его живет — никто из тех, чьи интересы пересекаются с интересами Лиги, не может чувствовать себя в безопасности. Масштабы ее деятельности существенно сократились, методы же остались прежними. Достается всем — и промышленникам (больше, чем другим), и ученым (которым теперь для проверки своих теорий и обкатки новейших изобретений требуются в качестве полигонов уже не отдельные куски суши, а целые планеты и звездные системы), и даже официальным природоохранным организациям, которые, по мнению деятелей Лиги, действуют недостаточно активно, жестко и последовательно. Что же касается охотников, то нас они ненавидят просто по традиции, согласно которой мы — исчадия ада, а Уивертаун — средоточие мирового зла. Даже в последние, относительно спокойные годы, было сделано несколько попыток уничтожить город — некоторые почти смехотворные, другие вполне серьезные. Последний инцидент произошел три года назад, когда два прикурка, проскочив на прогулочном катере заслоны службы безопасности Общества на орбите Безымянной, пытались сбросить на Уивертаун ядерную бомбу, похищенную ими в Музее военной истории.

После подобных людоедских выпадов акции активистов движения «Живой Космос», например, кажутся до смешного безобидными и даже забавными. Мне лично особенно понравилась их прошлогодняя выходка на открытии конгресса ООЗ — в самый разгар церемонии небеса вдруг разверзлись, и огромный, весьма грозного вида Зевс Олимпийский (динамическая голограмма, конечно) принялся метать виртуальные молнии прямо в площадь Торжеств, изрыгая громовые проклятия в адрес всех присутствующих.

Спустившись с Утеса Последней Надежды, я не торопясь отправился в обратный путь, избрав на этот раз маршрут через Центральный парк — еще одну достопримечательность Уивертауна. В свое время было немало споров о том, как он должен выглядеть.

Охотники, забиравшиеся в погоне за добычей в такие места, где не бывали еще даже поисковики из Космической разведки, могли без труда доставить на Безымянную любые растения с любой планеты. Отцы города столкнулись с вполне понятным затруднением — при столь широких возможностях нелегко сделать окончательный выбор. Года через три стало ясно, что если не принять решительных мер, то неприглядный пустырь посреди города так навсегда пустырем и останется. Поэтому меры приняли — благоустройство парка поручили сразу нескольким группам ландшафтных архитекторов, а те, не мудрствуя лукаво, взяли отовсюду всего понемногу. Получился пейзаж, который мог возникнуть разве что в результате воплощения в жизнь коллективных галлюцинаций нескольких сумасшедших садовников, допившихся до белой горячки. Посреди этого растительного кошмара, расчерченного аккуратными полосами пешеходных дорожек, водрузили несколько разбросанных в живописном беспорядке скал с искусственными водопадами, и на этом завершили проект.

Я не собирался здесь задерживаться, прогулка и так затянулась, поэтому, пройдя по главной аллее метров триста, свернул налево и вскоре снова оказался на Крокет-стрит. Прошло больше часа, как я вышел из отеля, Гелиос стоял в небе уже высоко, и чем выше он поднимался, тем невыносимей становилась духота. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине, а кровь, кажется, дошла до точки кипения. Я решил, что достаточно размял ноги и, дабы не умереть в следующие несколько минут от теплового удара, завернул в ближайший бар — там, по крайней мере, были кондиционеры и холодное пиво.

В просторном зале было совсем пусто, а за стойкой сидел всего один человек. Ничего особенного, если не приглядываться — ежик светлых волос, в которых седина была почти не заметна, серые глаза, приличное брюшко. Взгляд вот только, похоже, мог просканировать человека на клеточном уровне, как соответствующий медицинский аппарат.

Я взгромоздился на табурет, оставив между собой и этим субъектом пару свободных мест. Не спеша закурил, потом сунул свою депозитку в щель терминала и дружелюбно улыбнулся глазку идентификатора.

— Что желаете? — спросил бесстрастный «электронный» голос.

— Если ты не возражаешь... — я ткнул пару раз в кнопки клавиатуры.

— Нисколько, — буркнул субъект. — Я тоже рад тебя видеть, Пит.

— Что желаете? — повторил бармен, на этот раз куда более приятным голосом молодой девушки.

— Пива, — сказал я и повернулся к собеседнику: — Извини, Джош, что сразу не заметил тебя — столько народа вокруг, еле пробился к стойке.

— Очень смешно.

— Надеюсь.

— Какую марку пива вы предпочитаете? — осведомилась «девушка», вежливо подождав, пока мы договорим.

— «Гиннес», — ответил я. — А почему ты всегда выбираешь «электронного» бармена, Джош?

— Не только бармена. У меня и дома киб-мастер так настроен...

— Наверно, именно поэтому от тебя ушла жена.

— ...и главный киб моего корабля...

— Команда тоже скоро разбежится.

— ...а также мой личный киб-секретарь.

Тут мне нечего было сказать.

— Мне нравится заведомо искусственный голос, — продолжал Джош. — Он настраивает на деловой лад. А все прочее только расслабляет. Если ты склонен забывать, что робот — это робот, то рискуешь в пьяном виде трахнуть барную стойку. — Он одним духом опрокинул в рот то, что еще оставалось в его кружке. — Повторить.

Из-под стойки вынырнул манипулятор, поставил перед Джошем полную кружку, забрал пустую, и уж потом подал мой «Гиннес». Быстрота, с которой бармен обслужил моего визави, свидетельствовала о том, что он проделывал эту операцию далеко не в первый раз за сегодняшнее утро.

— Ну и как у тебя дела? — спросил я.

— Как дела? — Его смех, скорее, напоминал бульканье. Может, это булькало выпитое им пиво. — Можно сказать, что в этом году я вообще не при делах.

— Неужели совсем ничего?

— Ничего. Ни единого заказа. Охотничий бизнес медленно подыхает, дружище. Мы все скоро по миру пойдём. Еще недавно среди

даже мало-мальски состоятельных людей считалось хорошим тоном повесить на стене в гостиной башку какого-нибудь динозавра пострашнее и поэкзотичнее. А еще лучше — иметь живого в домашнем зверинце. Теперь не то. Мода переменчива.

— Просто они объелись, — предположил я. — Наша клиентура, то есть. В последнее время только ленивый зверей не ловил. Все крупные зоопарки затарены на десять лет вперед, да и мелкие тоже. Если мы хотим удержаться на плаву, нам нужен свежий подход.

— Какой??? — Джош посмотрел на меня столь яростно, словно именно я был главным виновником упадка последних лет.

— Сафари, например.

— Тоже мне, свежий подход...

— Может, и не свежий, только компании, занимающиеся исключительно организацией сафари, не сидят в таком глубоком дерьме, как мы. Есть прямой смысл заняться этим.

— А профессионалы сафари, конечно, будут страшно рады, если сорок тысяч бывших звероловов вклинятся в их бизнес, — хмыкнул Джош.

— В мои планы не входит радовать кого бы то ни было.

— Так-то оно так, в мои тоже, но ты поставь себя на их место Пит. Ты что, вот так просто пустил бы чужих к своей кормушке? Я тебе так скажу: когда где-то становится слишком тесно — столкновений не избежать. Одно дело выяснять отношения здесь, в конференц-зале ООЗ, и совсем другое — в соседней галактике, в какой-нибудь заштатной системе у черта на рогах, с пустым банковским счетом, но полным боекомплектом.

Я не стал спорить, поскольку прекрасно понимал, что Джош прав. Он был охотником первой волны, лет тридцать пять уже в деле, если не больше, и, конечно, хорошо помнил те времена, когда на просторах космоса разногласия между заинтересованными сторонами разрешались, в основном, с помощью оружия. На Границе дела во многих местах до сих пор таковы, что без пушек там появляться небезопасно, а уж за Границей... Ходили слухи о некоем Хуане Валла, основавшем собственное королевство где-то в Малом Магеллановом Облаке, о рабовладельческих планетах-государствах в Андромеде, о странствующих кочевниках-людоедах... Э-э, да что и говорить.

Звероловов, отправляющихся в дальний поиск, подстерегала уйма опасностей, даже в ближних походах имелась немалая степень риска; нам только междоусобных разборок не доставало.

— Можно временно переквалифицироваться в трофейщиков, — предложил я. — Займемся шкурами, бивнями, клыками и так далее, на это все еще есть спрос, а там, глядишь, ситуация изменится к лучшему.

— Займи мне хоть на десятку твоего оптимизма, и я попробую, — невесело усмехнулся Джош. — Тебе хорошо говорить: ваша фирма — союз свободных охотников. В случае чего разбежитесь — и все, а я на одних шкурах не проживу, мне людей надо кормить.

У Джоша на хозяйстве состояло двенадцать кораблей и больше ста человек персонала. В былые времена многие завидовали его размаху, теперь же ему мог позавидовать разве что нищий на грани голодной смерти. Если он не найдет работу — и быстро, налог на охотничью лицензию, установленный в годы процветания ООЗ и с тех пор не корректировавшийся, сожрет с потрохами и самого Джоша Маттерсона, и его фирму. Впрочем, нам тоже придется несладко.

Я закурил новую сигарету. Джош угрюмо уставился в свою кружку, словно надеясь найти там ответы на мучившие его вопросы.

— Кстати, — вскинул он на меня свой сканирующий взгляд, — ты слышал о Берке?

— Нет. А что с Берком? Он же ушел в прошлом сезоне к Андромеде?

— Четыре его корабля пошли. А сам он отправился поохотиться на Тихую.

— Куда? На Тихую? Он что, совсем рехнулся, там же заповедник.

— Берк добился разрешения в УОП^[4].

Я с недоверием уставился на Джоша.

— Но это же заповедник А-категории. Планета с зачатками цивилизации, причем гуманоидного типа. Да и что ему там могло понадобиться? Там ведь ничего интересного нет.

— Берк считает, что есть. Он хочет отловить рэдвольфа.

— Ну, знаешь... — Я облокотился на стойку. — Всем известно, что Берк сумасшедший, но не до такой же степени. Рэдвольф — всего-навсего миф, сказка тамошних туземцев.

— Все так считают, люди из УОП тоже. Берк подписал кучу страшных обязательств, что ни одно другое животное, не говоря уж о

туземцах, он и пальцем не тронет, а раз рэдвольф с точки зрения современной науки не существует, значит — охотья на здоровье!

— Вот это да... Ну и чем кончился сей гениальный проект?

— Весь экипаж пропал без вести — вместе с кораблем. Берк был обнаружен совершенно случайно, в состоянии близком к сумасшествию, и не мог вразумительно объяснить, куда делось то и другое. Ученые с исследовательской орбитальной станции, которые его нашли, ударили в набат, СОЗ^[5] включила систему поиска, но ни черта не обнаружила. Исчезновение четырнадцати человек в заповеднике — это ЧП, сам понимаешь, а потому правительство направило туда крейсер ВКС^[6], который еще раз прочесал всю планету мелкой гребенкой — с тем же результатом. Планировали даже произвести высадку десанта, но тут вмешалась Комиссия по Контактам^[7] и зарубила идею на корню. Мол, охотники знают, на что идут, риск — неотъемлемая часть их профессии, а широкомасштабная наземная операция будет неэтична по отношению к местному населению.

— Это каким же образом? — удивился я.

— А таким, что если туземцы станут слишком часто наблюдать всякие там летающие огненные колесницы и богов в сверкающих доспехах, спускающихся с небес, это может привести к нежелательным перекосам в развитии их цивилизации.

— Очень интересно. Значит, выпустить на планету-заповедник банду Берка, не забыв взять с них деньги за отлов того, чего они никогда не поймают, это этично, а...

— Не будь ребенком, Пит. Уповцам в связи с кризисом урезали финансирование, а тут им, словно манна небесная, сама валится в руки изрядная сумма. Да разве они могли устоять?

— Ну ясно... И что дальше?

— Маяк корабля Берка замолчал на двадцать первый день пребывания его команды на планете. Сначала подумали, что Берк сам его отключил, чтобы выйти из-под наблюдения и вдоволь пошалить. Может, так оно и было. Он не выходил на связь две недели. Парни из Службы охраны заповедников уже готовили ему теплую встречу на орбите, мечтая порвать в клочья, но развязка оказалась не такой, как они предполагали. Берк находился в состоянии тяжелейшего

психического стресса, и помочь расследованию ничем не мог. В общем, дело тихонько закрыли.

— Странная история... — Я помолчал ровно столько, чтоб хватило времени закурить новую сигарету. — Более чем странная.

— Еще бы, — согласился Джош. — Берк сейчас лечит нервы в санатории на Ульмо. Остальные его ребята вернулись из Андромеды с неплохим уловом и без потерь.

— Ну и что, по твоему, случилось на Тихой? — спросил я. — Она ведь потому так и называется, что там ровным счетом ничего не происходит со времени ее открытия. Там даже опасных хищников нет.

— А черт его знает. Иногда даже самые спокойные планеты таят в себе сюрпризы. — Джош нервно заерзал на стуле — верный признак того, что он собирается встать. — Знаешь, мне, пожалуй, пора. Уже пару часов здесь сижу, задница болит.

— Да и неплохо тебе будет уйти отсюда до того, как ты вылакаешь все пиво в этом баре, — согласился я. — Владелец и так уже поправил дела благодаря твоему посещению.

— Трепло, — беззлобно отозвался Джош, и мы вышли на улицу. В лицо дохнул горячий воздух пустыни.

В городе наметилось некоторое оживление. То тут, то там на тротуарах виднелись пешеходы, по дороге в обе стороны пронеслись редкие пока машины, в воздухе над нашими головами стремительно промчалось аэротакси. Джош пошел прямо, а я свернул в сторону «Козерога» и, войдя в холл отеля, напрямик направился в ресторан, расположенный на первом этаже. Сразу заметил в зале пару — тройку знакомых, но подходить не стал, только кивнул издали, и занял столик возле огромного панорамного окна, подальше от них. Чертовски хотелось есть, а разговоров уже хватит на сегодняшнее утро. Уплетая яичницу с беконом (настоящую, никакую синтетику в Уивертауне принципиально не признают) я чувствовал, как настроение мое стремительно улучшается. Пожалуй, ничто не создает в жизни больше проблем, чем пустой желудок. Разве что женщины.

Поднявшись в номер после завтрака, я занялся тем, с чего обычно и начинал рабочий день — с просмотра отчетов различных фирм и свободных охотников об их последних экспедициях в самые разные районы Галактики и за ее пределы. Каждый номер в отеле «Козерог», как и в любом другом отеле в Уивертауне, оборудован рабочим

креслом с вмонтированным в него суггестором, чтобы дать возможность звероловам, остановившимся в гостинице, работать не выходя из комнаты. Постояльцы, которые в таких услугах не нуждаются, могут использовать его в качестве обычного кресла, персонального кинотеатра, или для сеансов полноформатной связи. Полли сотворила из одной стены экран и, связавшись с главным киб-мастером Общества, подавала информацию, время от времени гоняя «жучку» в бар на этаже то за кофе, то за апельсиновым соком, а под конец — за сигаретами.

Структура современного тривидео такова, что загрузив в суггестор кристалл с записью или подключившись к хранилищу, ты не просто смотришь фильм — ты практически живешь в нем. Если фильм художественный, все это достаточно забавно, а вот когда дело касается документальных материалов, да еще и неотредактированных отчетов об охоте в почти неисследованных мирах с различными свойствами окружающей среды, может быть попросту тяжело. Не говоря уж о нагрузке на нервную систему и мозг, вызванную подачей больших объемов информации, психологическая нагрузка также достаточно высока.

Мне приходилось иметь дело именно с необработанными отчетами, ведь именно из них можно узнать самые свежие данные о животных и способах их отлова. Зачастую эти сведения невозможно получить из других источников. Возможность обмена необходимой для работы информацией была одной из причин создания Общества. Подобный обмен весьма желателен и практиковался всегда, но лишь со времени создания ООЗ дело было поставлено действительно на широкую ногу. Даже звероловы, не связанные с Обществом, регулярно пользуются услугами архива, внося установленную плату, или получают нужные файлы в обмен на собственные отчеты. Членам ООЗ информация предоставляется в любое время бесплатно. Со своей стороны охотник, вступая в Общество, обязуется неукоснительно документировать буквально каждый шаг, сделанный во время экспедиций на планеты, представляющие интерес для других звероловов, и без задержек сдавать все это в архив по возвращении. Соккрытие сведений, способных при возникновении экстренных ситуаций оказаться жизненно важными — единственная причина, по которой охотника могут исключить из Общества навсегда, без права

восстановления. Такая строгость неувидительна и оправдана. На чужой планете знание или незнание какой-нибудь мелочи зачастую равняется возвращению или невозвращению с нее. Общество даже соглашается покрывать факты прямого браконьерства — лишь бы охотники ничего не пытались утаить. По крайней мере, не было еще случая, чтобы руководство ООЗ по доброй воле выдало нарушителя властям. Обычно все заканчивается нагоняем и устным предупреждением, о котором после предпочитают забыть.

Преимущества доступа к архиву очевидны. Так можно бесконечно расширять свои профессиональные познания, пользуясь чужим опытом и экономя кучу времени. Данными услугами пользуются не только звероловы, но и люди самых разных профессий, а также промышленники, поселенцы, научно-исследовательские институты и даже Косморазведка. Относительно ученых и разведчиков у Общества тоже жесткие правила — информация в обмен на информацию. Благодаря этому через архив ООЗ можно получить доступ к архивам тысяч правительственных и частных организаций по всей Галактике.

Итак, я просматривал отчеты, которые Полли без устали закачивала в мою бедную голову по защищенному, строго конфиденциальному каналу; она сама видела только общие сведения, оглавление, так сказать. Многие предпочитают работать на больших тренажерах в Конторе^[8], у которых есть интересные дополнительные опции — пауза, реконструкция и многовариантная обработка ситуации. Можно в любую секунду остановить просмотр и, находясь внутри созданного имитатором мира, зайти куда-нибудь назад, рассматривая сцену с той точки, где в реальности вовсе не было камеры. Можно самому стать участником событий или заменить одного из реальных участников. Воздействие на сенсорное восприятие при этом просто потрясающее. Кое-что из подобных эффектов используется на сеансах полноформатной связи — позвонив другу, попадаешь к нему в комнату и, сев на стул, гладишь его любимую кошку. Но я в Конторе работаю редко, а что касается тренажера, то не менее мощная и функциональная машина имеется у нас в офисе, и я еще успею вдоволь наиграться с вариатором ситуаций, когда вернусь на Землю. Сейчас моей задачей было просто «проглотить» возможно большее количество файлов.

Время от времени я давал себе короткий отдых — Полли прерывала сеанс, и с помощью встроеной в стены номера техники превращала комнату то в светлую, пронизанную лучами солнца рощу, то в кусок морского побережья. И тогда над моей головой шуршали ветвями березы, или накатывающие на виртуальный пляж виртуальные волны разбивались у самых моих ног, очень правдоподобно шурша ненастоящими камушками. Единственное, что оставалось в комнате неизменным при всех метаморфозах интерьера, так это рабочее кресло. Эти жалкие миражи не шли ни в какое сравнение с внушенными, но до ужаса правдоподобными мирами суггестора, однако они странным образом успокаивали. После отчета об охоте на каких-то кровожадных чудовищ в ледяных торосах полярных шапок планеты Ахав, Полли устроила мне передышку на крохотной мирной ферме в тропиках Весты, а после экспедиции в непролазные болота Бундегеша дала возможность насладиться ароматами несравненной красоты цветов бескрайних полей Омфалы.

К концу второго часа я наткнулся на кое-что весьма интересное. Эд Камински, которого я знал не понаслышке, собрал серьезную команду свободных охотников, вместе с которой прошелся по окраине Малого Магелланова Облака. Исследовав более восьмидесяти планет и не обнаружив ничего, что представляло хотя бы минимальную коммерческую ценность, они вдруг натолкнулись на нечто такое, от чего у них глаза на лоб полезли.

Ничем не примечательная планетка земного типа в системе двойной звезды была плотно заселена зверьем, типичным для такого рода условий. Слишком плотно, чтобы не обратить на это внимание. Согласно предварительным оценкам, количество всевозможных живых существ на один квадратный километр поверхности превосходило аналогичные показатели любых известных планет с подобными биосферами в десятки раз.

Камински, сообразив, что наткнулся на нечто особенное, немедленно свернул исследования соседних звездных систем и, разбив базовый лагерь, приступил к отлову. Это оказалось на удивление нетрудно — местная живность, казалось, не знала ничего ни о защитной окраске, ни об элементарной осторожности, как и вообще о чувстве самосохранения. Но что больше всего поражало, так это чудовищный аппетит здешних обитателей. Трюмы кораблей

стремительно заполнялись клетками с хищниками, разновидностей которых оказалось невероятно много, всеядными, готовыми сожрать кого и что угодно, и фантастически прожорливыми травоядными, желудки которых переваривали любую пищу растительного происхождения, начиная от нежнейшей зелени и кончая древесными стволами и прелыми листьями.

Ребята Камински, наблюдая повседневную жизнь этого крайне перенаселенного уголка Вселенной, пребывали в состоянии непрерывного удивления, ибо ничего подобного в жизни не видели. Представители одних видов безостановочно пожирали представителей других, да и себе подобных тоже. Прекрасно вооруженные для нападения клыками, когтями, ядовитыми жадами, могучими мускулами и беспощадностью, они были столь же хорошо защищены от любой неожиданной атаки рогами, панцирями, костяными шипами и молниеносной реакцией.

Жизнеспособность существ граничила с бессмертием. Страшно изуродованные в схватках друг с другом, практически полностью выпотрошенные, они не только не умирали, но и продолжали двигаться, пастись, охотиться, спариваться; их способности к регенерации, в том числе и внутренних органов, превосходили все мыслимые пределы. Не нужно было обладать слишком уж обширными специальными познаниями, чтобы понять значение всего вышеперечисленного для земной науки вообще и для медицины в частности. Набив корабли животными так, что швы трещали, Эд вернулся на Безымянную, моментально распродал все, что поймал, и заключил выгоднейший контракт с Государственным институтом экзобиологии^[9]. Правительство, проявив обычно несвойственную ему расторопность, поспешило объявить планету, нареченную Фениксом, собственностью Федерации, и приняло решение о создании там закрытой зоны научных исследований. Надо было торопиться: неизвестно, сколько времени могла просуществовать подобная экосистема, как неизвестны были и причины, приведшие к ее возникновению. Я знал, что Эд Камински, с момента возвращения из своего последнего похода, вот уже в течение двух месяцев беспробудно пьянствует в барах Уивертауна в ожидании новой экспедиции. Теперь стало ясно, что экспедиция, в которой Эду и его компаньонам отводилась не последняя роль, будет на Феникс.

Мысленно пожелав им удачи, я дал указание Полли отправить отчет и всю сопутствующую информацию на Землю, в наш офис в Монреале, с рекомендацией к немедленному просмотру. Крейг был высококвалифицированным экзобиологом, я в не таком уж далеком прошлом — биомехаником^[10], Кэт в свое время с отличием окончила Североамериканский институт геной инженерии. Охотничьи фирмы с таким набором специалистов, да еще собственным кораблем, всегда на заметке у соответствующих правительственных структур на тот случай, если не хватит своих кадров или ресурсов. К тому же Камински был нашим другом. Если исследования Феникса развернутся шире, чем планируется сейчас, он вполне мог бы нас порекомендовать.

В течение последующих четырех часов я продолжал заниматься отчетами, потом вспомнил о Берке и этой темной истории на Тихой. Но Полли не смогла раскопать в архиве ничего такого, чего бы я уже не знал из разговора с Джошем Маттерсоном. Видеоматериалы вообще отсутствовали. Странно...

Спина затекла от непрерывного шестичасового сидения в кресле, да и время обеда уже подошло. Поднявшись на лифте до тридцатого этажа, я вышел через раздвижные двери в конце коридора на открытый пандус для приема малых воздушных судов, взял аэротакси, задал киберпилоту программу маршрута и отправился к Дагелу.

Ресторан Дагел, напоминавший издали фантастический черный цветок, возвышался посреди пустыни в пяти километрах от города. Посадив такси на одном из «лепестков», я прошел в зал и оказался в настоящем царстве стекла. Оно было здесь повсюду: стеклянный пол и стены, меняющие густоту тонировки в зависимости от времени суток, от почти угольной черноты днем до полной прозрачности ночью; огромная люстра под горный хрусталь, парящая где-то в недостижимой вышине под стеклянным куполом, массивные стеклянные столы... Только для кресел дизайнер сделал исключение.

Сказать, что меню у Дагел было богатым, значило ничего не сказать. Его повара, кибернетические и настоящие, могли приготовить, наверное, миллиард блюд. Иногда без справки от метрдотеля попросту невозможно догадаться, что именно ты ешь — пищу растительного происхождения или животного, но все до обалдения вкусно.

Я неторопливо шел по залу, выбирая место, когда услышал негромкое: «Эй, Алеша!» — и оглянулся. Очень немногие люди знали мое второе, русское имя Алексей, а Алешей называл только один.

Это он и был — высоченный, мощного телосложения, с лицом аристократа и ухватками борца-профессионала. Когда Владимир Мартынов встал из-за столика для приветствия, то оказался почти на голову выше меня, а я ведь тоже не дюймовочка.

Покончив с рукопожатиями и взаимными похлопываниями по плечу, мы сели, и я наконец смог поздороваться с Кристиной.

— Привет, Пит, — отозвалась она, разглядывая на свет содержимое своего бокала. — Вот это встреча! Мы только час назад прилетели с Пальмиры, и сразу сюда. Не успели устроиться как следует, смотрим — ты!

— Какими судьбами вы оказались на Безымянной, Влад? — спросил я. — Неужели решили снова заняться охотой?

— Влад и Владимир не одно и то же имя, сколько раз повторять, — проворчал Мартынов. — Уж тебе-то, с твоими русскими корнями, стыдно не знать таких вещей.

— Оставь в покое мои корни, мы живем в эру великого смешения народов. Ученые прогнозируют окончательное формирование единой нации и языка в ближайшие сто лет.

— Может быть, — с сомнением сказал Мартынов. — Только многие народы — китайцы, например, в основной своей массе участвовать в этом процессе не спешат, и на прогнозы ученых им наплевать.

— И русские, конечно.

— Русские, к сожалению, в этом вопросе не столь последовательны. А зря.

— Национальная и религиозная обособленность ни к чему хорошему не ведет, сам знаешь, — заметил я. — Стоит в такой среде объявиться лидеру с замашками диктатора...

— К тому я и веду, — перебил Владимир. — По данным статистики, на сегодняшний день каждый четвертый человек во Вселенной — китаец, и процентное соотношение с каждым годом изменяется не в пользу всех остальных людей. Формирование единой китайской нации с соответствующим языком — как тебе такой прогноз?

— А остальные что — вымрут как динозавры? — усмехнулся я. — Мне кажется, для бездельника, без всякой пользы прожигающего свои миллионы, ты слишком мрачно смотришь на жизнь. И вообще, ты что, решил угощать меня одними разговорами? Давай, заказывай на всех, раз ты тут самый богатый.

Обед был чудесным. Несмотря на свой патриотизм, Владимир Мартынов всегда был поклонником французской кухни. Говорили обо всем на свете, но в основном об экспедициях на те планеты, куда мы успели добраться за два года, что не виделись. Будучи неутомимыми искателями приключений и любителями всевозможного экстрима, располагая поистине неистощимыми денежными средствами, Влад и Кристина делили свое время между отдыхом на самых комфортабельных и дорогих курортах и путешествиями в такие уголки космоса, где даже черти не лазили. Под конец, я сам не заметил как, разговор свернул на Берка и Тихую.

— Я был там, — сказал Владимир, задумчиво постукивая вилкой по тарелке. — В пятьдесят шестом, в составе группы Джонатана Эрцога. Криста тоже.

— И чем вы занимались?

— Эрцог занимался делом, естественно. В его задачу входило исследование почти не изученного Восточного Массива. Мы с Кристиной били баклуши, путаясь под ногами у ученых, и совали свой нос повсюду, где становилось интересно. Они бы с радостью послали нас куда подальше, но я финансировал экспедицию на две трети.

Я отвалился на спинку кресла, не в силах больше проглотить ни кусочка.

— Восточный Массив — что это?

— Огромная территория, занятая тропическими лесами. Почти необитаема — за исключением северо-западных окраин, где джунгли переходят в лесостепи и степи, населенные знаменитыми туземцами Тихой.

— Вы их видели? — заинтересовался я. — Какие они? Правда, что как люди?

— Контакты с ними строго запрещены, Алеша. — Владимир прищурился так хитро, что я сразу понял — они, конечно, не только видели туземцев, но и подошли поздороваться, посидеть у костра,

пропустить по стаканчику. Может, даже разделись догола и сплясали с ними военный танец вокруг тотемного столба.

— Кристина, — воззвал я, — ты же хорошая девочка, не то что этот невоспитанный варвар. Расскажи!

— Они действительно очень похожи на нас, Пит, — ответила она. — Высокие. Смуглокожие. Если одеть любого из них в современный костюм и выпустить на улицу — никто и не обернется... Хочешь подробностей — посмотри материалы Института внеземных культур и Комиссии по Контактам. Насколько я знаю, это открытая информация.

— Ладно, черт с ними. А с Берком что могло случиться, как повашему?

Владимир и Кристина переглянулись.

— Представить себе не могу, — вздохнул Мартынов. — Тихая полностью оправдывает свое название. Хотя таинственные исчезновения там бывали и раньше. В тридцать первом году в этом самом Восточном Массиве бесследно пропала экспедиция Борисова — Родригеса. Двумя годами раньше исчезли четыре метеоролога на плато Михорас — на самом юге континента. В пятьдесят втором на одном из островов Большого архипелага потерялись восемь ученых группы Аарона Карра; и одновременно двое его же людей — на острове в архипелаге Гринберга. Ну и так далее. При мне тоже был один случай. Сопляк-стажер, вообразивший себя крутым исследователем, втихую сбежал в джунгли, взяв недельный запас продовольствия.

— И больше его никто не видел, — заключила Кристина.

— Точно, — подтвердил Мартынов. — Эрцог выслал на поиски всех кого мог. Мы с Кристиной тоже принимали участие. Восемнадцать дней сто с лишним человек прочесывали сельву, но это привело только к потере одной из поисковых групп, а затем и второй, посланной ей на выручку, после чего из Федерального центра научных исследований спустили приказ свернуть спасательную операцию. Итого, Эрцог потерял девять человек, из которых восемь были тертыми ребятами, прошедшими не один десяток планет. Кстати, это характерно для Тихой — группа, посланная для обнаружения пропавших, тоже исчезает. Я хотел было плюнуть на запрет Центра и отправиться туда еще раз самостоятельно, но Криста отговорила.

— Это был бы уже сверхэкстрим, милый, — отозвалась Кристина.

— Ты, пожалуй, права. Я после и сам так думал.

— А как все эти случаи связаны с рэдвольфом? — спросил я.

— Большинство никак, — ответил Мартынов. — Хотя, к примеру, наш сопляк хотел найти как раз его. Может, даже нашел.

— Послушай, Влад, — сказал я. — Похоже, ты осведомлен обо всех делах на Тихой куда лучше меня. Кем считают рэдвольфа аборигены, я знаю из общеобразовательного школьного курса. Бог леса, чудовище, покрытое огненно-красной шерстью — он бродит по джунглям и жестоко карает нераскаянных грешников за плохое поведение. Да вот беда — жители Тихой могут быть не знакомы с нашим школьным курсом. Сами-то они что думают по этому поводу?

— Я говорил с одним из вождей племени Итко... — протянул Владимир.

— А ведь контакты с туземцами строго запрещены, — не удержался я.

Он метнул на меня свирепый взгляд.

— Так вот, информация у тебя верная, но неполная. Рэдвольф не только и не столько бог леса, сколько бог природы в широком смысле. Кроме этого он еще и владыка загробного мира. Аборигены называют его Айтумайран.

— Туземцы верят в вечную жизнь?

— В отличие от тебя, атеист несчастный... По их верованиям Айтумайран жестокий, но справедливый бог — всемогущий, вездесущий, а на тот случай, если он несмотря на эти замечательные качества куда-то не успеет, у него под командованием есть целая бригада богов помельче, способных при необходимости принимать любой облик. Этим последних Айтумайран использует главным образом для того, чтобы послать последнее предупреждение непокорным, прежде чем явиться на разборки лично, однако иногда они могут действовать и сами. Превращаясь в ужасные и отвратительные привидения, они способны довести нарушителя табу до сумасшествия, так что бедняга бросится вниз головой с обрыва или будет без конца бегать по лесу, пока не расшибется о дерево.

— Чудесные создания... А добрые боги есть?

— Нет. То есть злые одновременно являются и добрыми тоже. Не спрашивай меня, как такое может быть. Но если туземец соблюдает табу, то боги пошлют вдоволь пропитания, и этого в его представлении

достаточно, чтоб считать богов эталоном милосердия. А нарушителя ждут несчастья, болезни и смерть. Табу у них великое множество, так что когда парни гибнут на охоте, или разразится эпидемия, или соседнее племя совершит набег на их деревню, вопросов не возникает: был нарушен какой-то запрет, а при таком их изобилии ничего не нарушать — дело невозможное. Если же нарушенный закон особо важен, за дело берется сам Айтумайран и разрывает в клочья всех, кто под руку попадется. Ну как, удовлетворил я твое любопытство?

— Отчасти, — пробормотал я. — Теперь скажи, что из этого может иметь отношение к реальности?

— Ну, знаешь...

— Я серьезно. Возможно ли, чтоб под этой мифологией были основания? Крайне опасный редкий хищник. Какая-нибудь мутация. Что-то в атмосфере. Вирус, провоцирующий психоз и продолжительные галлюцинации...

— С этой точки зрения возможно что угодно из того, что ты назвал, или даже все вместе. — Владимир закинул руки за голову и, сцепив их на затылке, с хрустом потянулся. — Но что именно происходит на Тихой, и происходит ли вообще, мы не знаем, и если сейчас открыть дискуссию на эту тему, то она будет пустой болтовней дилетантов. Ты не первый, кто заинтересовался рэдвальфом. Ребята куда серьезнее нас с тобой пытались раскопать что-то еще в то время, когда Тихая не была заповедником А-группы... Научники всю крутили программу активного контакта, изучали язык туземцев, систему их табу и предания знали лучше, чем верховный шаман Великого союза племен Хантагу... Кое-кто до сих пор не теряет надежды, и Берк тому пример.

— Ты это хорошо сказал: «если там вообще что-то происходит», — включилась в разговор Кристина. — Думаю, если бы не сказания об Айтумайране и не история с «Вудс индастриз компани», никто не увидел бы ничего странного в исчезновениях людей на Тихой. Не так уж их и много. Не больше, чем на других планетах в период освоения.

— Может, ты права, — отозвался Владимир.

Я хотел было спросить, что это за история с «Вудс индастриз компани», но воздержался, видя, что наша с Владом болтовня, в которой Кристина почти не принимала участия, начинает ей надоедать.

— Ладно, — сказал я, вставая из-за стола и тоже с удовольствием потягиваясь, — в следующий раз моя очередь угощать вас обедом. И я уже знаю, что сделаю. — Я навел на Мартынова указательный палец. — Накормлю тебя чем-нибудь из китайской кухни. Ты сможешь на деле убедиться, что китайцы — просто замечательные люди, если смогли придумать такую клевою еду. Что касается Кристины, она, когда до нее дойдет очередь, наверняка опять отделается чаем и пончиками собственного приготовления.

В роскошном особняке Мартыновых на курортной Пальмире рядом с суперсовременным кухонным комбайном стояла старинная газовая плита. По особо торжественным случаям Кристина оживляла это приспособление и самолично стряпала пончики.

— Мне казалось, они нравятся тебе, — прищурилась Кристина. — В последний раз ты слопал невероятное количество.

— Конечно, нравятся, — честно сознался я. — Ты — королева пончиков. Если б ты умела готовить хоть что-нибудь еще, я уже давно пристукнул бы Влада и женился на тебе. Вы где остановились?

— Пока нигде, — ответил Владимир. — Думал обосноваться в кемпинге «Гросс Хилл».

— А я хочу в пентхаус «Козерога», — безапелляционно заявила Кристина.

— Должно быть, ты была в прошлой жизни кошкой, — рассмеялся Мартынов. — Вечно тебя тянет на крышу.

— Уступи девушке, — предложил я. — Станем соседями.

— Годится.

Мы вышли на пандус и обнаружили, что оставили наши такси по соседству.

— Ты будешь вечером на тусовке в Конторе? — спросил Владимир.

— Конечно, — подтвердил я.

— Тогда прощаться не будем, еще увидимся. Мы тоже придем.

— Передай привет Кэтти, — попросила Кристина. Они с Кэт были хорошими давними подругами, хотя и редко встречались. — Пусть почаще выходит на связь, а то обижусь.

До самого отеля наши машины шли рядом как привязанные, потом я аккуратно повел свою на вторую посадочную площадку (тридцатый этаж), а такси Влада, резко задрав нос, понеслось

вертикально вверх в опасной близости от зеркальной стены «Козерога». Этот сукин сын наверняка успел залезть в инфор и снять блокировку ручного управления, иначе киберпилот вряд ли позволил бы ему выкинуть такой трюк. Я прикинул в уме сумму, которую Мартынову придется заплатить владельцу такси за фокус-покус с инфором, приплюсовал штраф за опасное вождение, и мне стало нехорошо. Впрочем, что ж сравнивать наши финансовые возможности...

— Для вас есть почта, — сообщила Полли, как только я переступил порог. — Переадресована из Монреаля. Открыть?

— Немедленно! — рявкнул я, не обратив должного внимания на слово «переадресована». Неужели на нас, наконец, свалился ЗАКАЗ? Одержимый в последнее время желанием найти работу, я упустил из вида элементарный факт — ребята, конечно, не стали бы отсылать мне заявку на заказ. Хотя формально я и числился старшим компаньоном, согласно уставу любой из нас мог подписать контракт от имени фирмы, если только его объем соответствовал нашим возможностям. Они бы это сделали, а уже потом сообщили мне новость.

И точно, это была не работа. Впрочем, работа, но не та, которую я искал. Из Пражской лаборатории биомеханики интересовались, не желаю ли я возобновить сотрудничество. Приятно, что по прошествии стольких лет тебя помнят. Тем более приятно сознавать, что в случае чего не придется помирать с голоду на улице. Я мимоходом прикинул возможность променять вольную жизнь, простор открытого космоса и сотни далеких планет, на которых я еще не успел побывать, на работу в четырех стенах, безопасность и стабильную зарплату. Потом, вместо того, чтобы отдохнуть перед визитом в Контору, как планировал вначале, велел Полли включить экран, твердо намереваясь сделать что-то полезное на своем теперешнем поприще. Мимоходом отметил только, что, наверное в биомеханике, как в науке, не произошло в последние годы заметных прорывов, иначе программа поиска кадров не выдала бы моим бывшим коллегам в Праге кандидатуру сотрудника, уволившегося двенадцать лет назад. Хотя, возможно, это постарался профессор Лайош Вацек, под руководством которого я когда то начинал — он всегда относился ко мне лучше, чем я того заслуживал.

— Сколько еще отчетов осталось? — спросил я.

— Двадцать пять. Все о рейдах за пределы Галактики, — отрапортовала Полли. — Плюс открытая информация научных экспедиций и разрешенные к просмотру файлы Космической разведки.

— Ну, это я уже не успею. Упакуй на кристаллы и отправь... Впрочем, нет. Возьму с собой, будет, чем заняться по пути на Землю. А отчеты давай прямо сейчас.

Я откинулся в кресле, моментально принявшем форму, наиболее комфортную для тела, мягкие лапы суггестора слегка сжали виски. Там, где напротив только что была стена, развернулось объемное изображение неизвестного мрачного мира, будто придавленного сверху низкими тучами, в голове пронесся прохладный стремительный ветер, умножая скорость восприятия во много раз.

— Вы готовы? — прошелестел голос Полли где-то на поверхности сознания, которое стало теперь огромным, как бездонная яма.

— Давай, девочка.

Мир напротив шевельнулся и ожил, а в мозг одновременно на нескольких уровнях пошла информация — координаты маяков, планет, звездных систем; траектории полетов, карты, природные условия, названия животных, их размеры, повадки; типы примененных ловушек, оружия, необходимые дозы парализаторов...

Глава 2. Паго Нвокеди. Неудачный эксперимент

Паго Нвокеди затравленно огляделся по сторонам и, хватаясь за грудь одной рукой, оперся другой о шершавый ствол огромного дерева. Пот заливал глаза, в боку нестерпимо колело, дышал он со скоростью загнанного собаками зайца, но воздуха все равно не хватало. Сообразив, что он глупо поступает, застряв здесь, на сравнительно открытом месте, где его можно заметить издалека, Нвокеди заставил себя оттолкнуться от ствола и двинуться дальше — требовалось найти какое-нибудь укрытие и передохнуть. Бежать, как раньше, он сейчас не сможет, скорее даст порвать себя на части: ноги совсем не хотели двигаться. А ведь когда то был прекрасным спортсменом, усмехнулся про себя Паго, да видно, потерял форму, уйдя с головой в науку, в кабинетного доходягу превратился; но тут же оборвал себя — нет, он и сейчас прекрасный стайер, просто бегать на тренажере в спортзале Центра или по дорожкам стадиона, и здесь, в труднопроходимых даже на скорости пешехода джунглях, да еще с этими монстрами на хвосте — не одно и то же.

Нвокеди спустился по склону неглубокой ложбинки между двумя пологими холмами и, перейдя вброд мелкий ручей, забрался в густые заросли колючего кустарника; сначала шел, раздвигая ветви и обдирая руки, потом опустился на четвереньки и пополз между пучками тонких, покрытых бледно-зеленой паутиной вьющихся растений стволов. Внезапно стало просторнее, и он, совершенно обессилив, повалился лицом вниз на толстый слой прелых листьев, сплошным ковром покрывавших свободную от кустов площадку размером восемь — девять квадратных метров. Через несколько минут нашел в себе силы перевернуться на спину. Ветви сплетались над головой, образуя непроницаемый коричнево-зеленый купол. Из свежих ссадин на руках сочилась кровь, на старых царапинах она уже запеклась. Угораздило же потерять перчатки... Лицо тоже было в крови, черная кожа стала пепельно-серой, ее покрывала грязь и крупные капли пота. Нвокеди приподнялся, опираясь на локти, сел и медленно вытер лицо рукавом комбинезона. На ткани остался мокрый грязный след.

— Ну и влип же ты, Паго, дружок, — сказал он сам себе, и звук собственного голоса подействовал на него успокаивающе.

А может, он просто слишком сильно устал, чтобы продолжать бояться. Сколько длился этот бег с препятствиями — три, четыре часа? Дольше? Если бы не экзоскелет в комбинезоне, существенно увеличивающий силу мышц, ему бы ни за что не удалось уйти от этих ублюдков. Нвокеди вспомнил, и его передернуло. Чем-то похожи на павианов, только ростом в два метра. Безволосые черные тела, мощные четырехпалые лапы с короткими толстыми когтями, длинные гибкие хвосты рептилий... Нвокеди был уверен, что среди обитателей Тихой нет и не было ничего подобного.

— Маус, — позвал он своего киб-секретаря, которого перед высадкой на планету присоединил к интеллектронной системе комбеза. — Маус, ты имеешь сведения о существах, что на нас напали?

Киб не отозвался, и Паго вспомнил, что тот перестал подавать признаки жизни сразу после первого нападения — там, на поляне. Связь тоже не работала. Это выяснилось после получасовой игры в кошки-мышки с неведь откуда взявшимися монстрами, когда он попробовал вызвать базу научно-исследовательского центра на орбите — ему уже было наплевать на угрозу наказания за несанкционированную высадку на планету и свои сомнительные эксперименты. Это произошло еще до того, как Паго потерял шлем, лишившись, помимо прочего, возможности видеть в каком-либо другом диапазоне, кроме обеспеченного человеку природой. С кораблем связь тоже отсутствовала; скутер^[11], настройки которого заставляли машину следовать за хозяином, как только тот удалялся на расстояние более пятидесяти метров, отстал в самом начале погони, очевидно, потеряв пеленг, и теперь Нвокеди понятия не имел, где находятся оба летательных аппарата. Он попытался позвать скутер сразу же, как эти твари выпрыгнули из окружающих поляну зарослей, но машина, вместо того чтобы лететь к нему, только бестолково крутилась из стороны в сторону, словно не зная, в каком направлении следует двигаться. Животные быстро приближались с угрожающе разинутыми пастьми, издавая леденящий душу вой и отрезая его от скутера. И тут Паго потерял голову — вместо того, чтобы сразу взять четкое направление в сторону оставленного в укромном месте корабля, рванул не разбирая дороги в заросли, надеясь, что интеллектроника

скутера вскоре сориентируется, машина догонит его, и он сможет взлететь. Глупее ничего нельзя было придумать. Уже через несколько минут бешеного забега в джунглях, где приходилось все время сворачивать то вправо то влево, Нвокеди потерял всякое представление о том, в какой стороне от него находится корабль, а в каком — поляна с брошенным скутером; злобные бестии наступали на пятки, и ничего не оставалось, как непрерывно бежать, непрерывно маневрировать в бесплодных попытках сбить их с толку... Хотя, кажется, ему это наконец удалось. Только теперь.

— Ладно, посмотрим, что мы имеем, — пробормотал он, и первым делом проверил, на месте ли пистолет.

Пистолет оказался на месте, в кобуре, пристегнутой к правому бедру. Паго достал его и посмотрел на индикатор боезапаса. Конечно, пусто. Первый магазин он истратил на поляне, но в спешке вряд ли кого-то серьезно зацепил, да и больше думал о том, как побыстрее оседлать скутер и удрать оттуда. Второй расстрелял спустя минут сорок, уже после неудачной попытки связаться с Центром. Ветка дерева низко нависла над землей, а он как раз оглянулся проверить дистанцию между собой и преследователями. Когда посмотрел вперед, нагибаться было уже поздно. Ветка пребольно хлестнула по лицу, снесла с головы шлем, оборвав кабель, соединяющий его с комбинезоном, Паго поскользнулся и полетел кувырком вниз по крутому склону оврага. Падение затормозить не удавалось, пока он не врезался со всего маху в лежавшую на пути огромную полусгнившую колоду. Если б дерево упало недавно, и ствол был твердым — не собрать бы ему костей... Вскочив и повернувшись лицом к приближающимся хищникам (в том, что это хищники, сомневаться не приходилось, слишком уж недвусмысленными выглядели их намерения), Нвокеди выхватил пистолет. Отплевываясь от забившей рот трухи, воя от внезапно накатившей ярости, он начал стрелять — сначала беспорядочно, потом сосредоточил огонь на передовом преследователе, очевидно, вожаке. Паго никогда не был особенно метким стрелком, предпочитая упражнениям в тире занятия легкой атлетикой, но стрелять все же умел, да и расстояние было невелико. Он ясно видел, как по крайней мере четыре пули попали вожаку в грудную клетку, но тот даже ход не сбавил. На остальных мощные реактивные пули, любая из которых могла бы свалить животное втрое

крупнее, тоже не произвели должного впечатления. Паго одним прыжком перемахнул через упавшее дерево и рванул дальше. Отстреливаться он больше не пытался, только время от времени попеременно вызывал то базу, то свой корабль — никто не отзывался. Вот тогда он уже испугался по-настоящему. А потом...

Потом была многочасовая изматывающая гонка на выживание в джунглях. Преследователи все время поджимали сзади, заходили то справа, то слева, вынуждая его снова и снова сворачивать, пока он не потерял не только ориентацию в пространстве, но и чувство реальности происходящего.

Нвокеди ощупал широкий пояс, плотно облегающий талию и составляющий с комбинезоном одно целое. Готовясь к высадке, он взял с собой минимальный боекомплект — четыре магазина. Полный комплектуется десятью, но разве могло прийти в голову, что на планете с биосферой земного типа, с расслабляющим названием Тихая, придется начать боевые действия, да еще против тварей, которые держали попадание тяжелой стандартной пули с такой же легкостью, как боксер-профессионал держит неловкие и слабые удары новичка? Итак, было четыре магазина по двадцать патронов, плюс один в пистолете. Два истрачены полностью, должно остаться три. Все три оказались на своих местах, в специальных отделениях на поясе. Паго достал один и перезарядил оружие. Впрочем, что толку? Тут не пистолет нужен, а гранатомет по меньшей мере. Плоская литровая фляга с тоником, как обычно называли тонизирующий энергетический напиток, тоже была на месте.

— Маус, дай попить, — по привычке попросил Нвокеди, забыв, что киб-секретарь не реагирует на его призывы уже несколько часов. Выругался, повернул крышку, нажал, ожидая, что из воротника-стойки выдвинется мундштук автономной системы питания. Подождал и нажал еще раз. Никакого эффекта. Значит, накрылся не только Маус, но и киб-мастер спецкостюма, а вместе с ним и вся система жизнеобеспечения, встроенная в комбинезон. Чудесно...

Нвокеди отцепил флягу и, открутив крышку, с удовольствием глотнул освежающей жидкости. Что, во имя всех святых, могло вывести из строя сразу обоих кибов? Впрочем, подключив Мауса к гостевому контуру и передав командование ему, он тем самым включил его в общую цепь информационных связей, и то, что сбило

работу Мауса, автоматически повлияло и на киб-интеллект комбеза. Или наоборот? Какая разница...

Еще на поясе был контейнер с концентратом, обеспечивающим полноценное питание человеческого организма в течение семидесяти двух часов. Правда, теперь придется употреблять его с помощью ложки, разводя в стакане с тоником или с водой. Ложка и раздвижной стакан, который при необходимости можно было трансформировать в небольшой котелок, находились тут же, в чехле. Во время бегства ему не раз приходилось перебираться через ручьи. Вода на Тихой хорошая, по химическому составу для человека вполне пригодна, а все необходимые прививки против местных инфекционных заболеваний у него сделаны. Да и снадобья из личной аптечки могут даже кислоту, перемешанную с болотной жижей, превратить в химически чистую аш-два-о. Так, аптечка... Аптечка тоже была на месте. Ну что же, все не так плохо. Жаль, конечно, что не работает электроника, но управление экзоскелетом подчинено непосредственно ему, точнее, экзоскелет реагирует на сигналы, посылаемые телом; с системой терморегуляции костюма — то же самое. У него есть аварийный SOS-передатчик... SOS-передатчик! От души обругав себя идиотом, Паго полез в нагрудный карман. Нет, в плане искусства выживания в экстремальных условиях он просто жалкий дилетант. Сидит тут, запасы подсчитывает, робинзон хренов...

Усилием воли Нвокеди подавил в себе желание немедленно врубить передатчик и послать сигнал бедствия сразу на всех доступных частотах. Короткий отдых и отсутствие непосредственной угрозы быстро вернули ему обычную уверенность в собственных силах и способность рассуждать хладнокровно и расчетливо. SOS будет прежде всего услышан Службой охраны заповедников, именно у этих парней самые чувствительные приемники, именно они слушают эфир в наиболее широком диапазоне. Космические контрольно-наблюдательные станции смотрителей расположены на низких стационарных орбитах вокруг Тихой, и есть еще наземные наблюдательные пункты, значит, быстрее всего до него доберутся именно они. Скорее всего, часа не пройдет, как кто-то из смотрителей будет здесь, и его сразу же доставят домой, на космическую базу научно-исследовательского центра «Тихая». Но...

Тут и начинались всякие «но». Иметь дело даже с самой СОЗ по поводу несанкционированной высадки в заповеднике А-группы уже достаточно неприятно, это раз. Придется указать им место посадки своего катера, и зрители непременно выяснят, что в ходе эксперимента ему пришлось застрелить десяток многоногих броненосцев — представителей одного из наиболее редких видов фауны Тихой, это два, и уже пахнет судебным разбирательством. Да что там — пахнет, тюремный срок почти гарантирован, и не маленький. Попробуй, докажи, что ты совершил сие в интересах науки... Тем более что его профиль — не биология даже, а история и культура внесемных цивилизаций. СОЗ обязана сообщать обо всех случаях самодеятельности в заповедниках А-группы в Комиссию по Контакткам, и это три, а после разбирательства по делу Ткаченко, которого к ответственности привлечь так и не удалось, людоеды из Комиссии спят и видят как бы отыграться и поймать ученых на горячем... Что и говорить, научная братия не слишком аккуратна в выборе средств, когда дело касается возможности получения особо важных для исследований данных. Большинство специалистов, особенно молодых и горящих желанием прославиться, нарушают запреты Комиссии при каждом удобном случае. Но, с другой стороны, если соблюдать все пункты Устава^[12], шагу ведь не сделаешь...

А ведь я тоже хотел прославиться, с грустью подумал Паго. Тем более, что если бы мои выводы оказались верны, я бы двинул науку вперед куда дальше, чем Ткаченко, причем сразу по нескольким направлениям и в разных областях. Однако...

Однако Ткаченко привез из своей вылазки на Тихую готовый результат — и его живодеры из Комиссии чуть на месте не убили. А ты, младший научный сотрудник Нвокеди, что *ты* представишь в свое оправдание? Кучу догадок и десяток трупов животных, которые не то что к отстрелу — к отлову запрещены? В жизни ты не убедишь ни Комиссию по Контакткам, ни Управление по Охране Природы, ни даже своих коллег, что эксперимент прошел успешно, не имея на руках убедительных доказательств.

А в том, что эксперимент удался, у Паго не было сомнений. Сейчас, когда впервые за последние несколько часов у него появилась возможность проанализировать информацию и сопоставить события, он мог бы сказать, что все его догадки подтвердились самым

несомненным образом — появление монстров его напугало вначале, но не очень удивляло теперь. Правда, он никак не ожидал, что это будут хищники неизвестного науке вида, хотя существование таких в районе Восточного Массива и допускалось экзобиологами. Тем более, он не ожидал, что их окажется так трудно убить. Господи, да он с первой попытки ни на какой осязаемый результат вообще не надеялся, готовился лишь замерить колебания биополей, зарегистрировать с помощью приборов всплески «нервной активности» биосферы...

Нет, Службу охраны заповедников он на выручку звать не будет. В самом лучшем случае это грозит дисквалификацией или запретом заниматься научной деятельностью вообще. Его коллегам из Центра тоже лучше пока побыть в неведении. Самовольство ему вряд ли простят, а это грозит переводом в аналитический отдел, после чего его и вовсе постараются спихнуть куда-нибудь подальше отсюда. Так или иначе, он не сможет довести до конца то, что начал, и завершить эксперимент.

Нвокеди развернул антенну, выдвинул клавиатуру и, быстро набрав идентификационный номер своего катера, нажал «вызов» и «поиск». Не может быть, чтобы одновременно с Маусом и кибом спецкостюма вышел из строя и киб корабля; такого не бывает, чтоб в один и тот же день отказали сразу три киб-мастера, от которых в данный момент зависит, возможно, его жизнь, и уж точно — карьера... Паго был слишком занят просчитыванием вариантов своих возможных действий, а не то, конечно, сообразил бы, что без серьезных причин не выйдет из строя и один искусственный интеллект, надежно защищенный от большинства известных человеческой цивилизации агрессивных физических и энергоинформационных воздействий извне.

Киб-мастер катера по имени Клен отозвался почти сразу.

— В чем дело, Паго, почему не отвечаешь? Ты запретил мне самостоятельно выходить на связь с тобой и с базой Центра, хоть мне и непонятен смысл подобного приказа. Но расчетное время твоего отсутствия давно превышено и...

— Все понимать необязательно, Клен, — оборвал его Нвокеди.

К нему возвращалась его самоуверенность, успевшая войти в поговорку у коллег по работе. Клен не в курсе дел и подробно информировать о случившемся его не стоит. В курсе был Маус, а он, по всем признакам, сгорел. Если сейчас действовать правильно, можно

легко выбраться из нынешнего неприятного положения и продолжить свое исследование прямо с того места, на котором его сегодня столь грубо прервали.

— Сколько времени я отсутствую? — спросил он.

— С момента твоего выхода из корабля прошло пятнадцать часов пятьдесят семь минут по универсальному времени^[13], — ответил киб.

Паго едва не присвистнул от удивления. На выбор места для проведения эксперимента ушло минут сорок. Еще двадцать он потратил на установку оборудования, и, начиная с этого момента, как и полагается добросовестному исследователю, четко отмечал время начала любого своего действия. На поляне он провел два часа сорок три минуты, потом появилась группа многоногих броненосцев числом в двадцать три особи, которую Паго вычислил уже давно и наметил в качестве рабочего материала, другими словами — выбрал в жертву на алтарь науки. В прямом смысле... Отстрел неповоротливых беззащитных животных из автоматической винтовки с мощной оптикой занял полторы минуты; и то лишь потому, что, согласно своему замыслу, он должен был наносить смертельные, но не приводящие к немедленному летальному исходу ранения — прицеливаться приходилось тщательно. Беднягам предстояло как следует помучиться перед смертью — к необходимости именно таких действий Нвокеди пришел в результате предварительного анализа информации, собранной им по интересующему его вопросу. Он подстрелил десятого и решал, не хватит ли, как вдруг разом заверещали сигналы датчиков. Паго взглянул на индикаторы — приборы будто сошли с ума. Пока он пытался разобраться с показаниями и понять, что же происходит, прошло от силы минут пять — вот тут-то и пришлось прервать эксперимент в связи с появлением новых действующих лиц. Неизвестные науке монстры выскочили из зарослей столь стремительно, что экспериментатору пришлось посвятить все свое время и силы тому, чтоб его не сожрали в течение ближайших нескольких секунд.

Паго прикинул, что отдыхает в своем убежище в этих кустах около часа. Значит, кросс по лесу продолжался не три и не четыре — одиннадцать часов! Неудивительно, что он чувствует себя так, будто попал в камнедробилку. И это значило, что до наступления ночи остается не так долго.

— Паго, с тобой все в порядке? Почему молчишь?

Нвокеди вернулся к действительности.

— Все в норме, не переживай.

— Ты вышел на связь через SOS-передатчик, — сказал киб-мастер. — Что случилось? Какие будут указания?

— Слушай, Клен, мой секретарь отказал. По неизвестным причинам. Киб костюма — тоже. Поэтому я немного заблудился...

Пиликнул сигнал уведомления, и Нвокеди взглянул на экран, на котором открылось окно навигатора. Катер был до смешного близко — меньше трех километров. Можно добраться за час или чуть больше... Он поднял голову — в его убежище стало заметно темнее. На широте, где он находился, вообще темнеет быстро, значит, скоро в этом лесу даже собственную вытянутую руку не разглядишь. Шлем-то потерян. А вместе с ним потеряна возможность видеть в темноте. Есть, правда, фонарик... Паго попытался сесть на корточки и тут же повалился на землю, едва сдержав стон. Не-е-ет, идти прямо сейчас он не сможет. Нвокеди попытался вспомнить, не попадалось ли на последнем отрезке его пути поляны, достаточно большой для посадки корабля, но не вспомнил ничего. Здесь даже просветы в сплошном массиве смыкающихся древесных крон и то редкость, а поляны только там, где скальное основание материка выходит на поверхность, образуя каменистые проплешины, заросшие травой и редким кустарником, или где слой почвы просто слишком тонок, чтобы удерживать громадные деревья. Ничего не остается, как заночевать в лесу. Если приказать Клену лететь сюда и сажать катер прямо сквозь ветки, выбрав место, где они пореже и потоньше, существует опасность угробить и корабль, и надежду вернуться на базу как ни в чем не бывало.

— Я приду утром, — сказал Нвокеди. — Ты меня уже засек?

— Да, — тут же ответил Клен.

— Постараюсь выйти, как только рассветет. Следи за моим движением и будь готов взлететь, как только я подойду. До встречи.

Нвокеди, свернув антенну, засунул передатчик в карман. Достал свой стакан-котелок, и, щедрой рукой насыпав туда питательной смеси из контейнера, залил концентрат тоником. В быстро сгущающихся сумерках действовать приходилось уже почти на ощупь, но фонарик он зажигать поостерегся — его недавние преследователи или другие хищники могли бродить где-то поблизости, и привлекать их внимание

было ни к чему. Если он от тех монстров днем едва ушел, то какие шансы у него будут ночью? Нет, правильно сделал, что остался.

Поев, он так же, на ощупь, нашел аптечку и, достав шприц, сделал себе укол стимулятора — поможет быстрее восстановить силы. Подумал, и вытащил пенал с гипномином, который в шутку называли еще «антисклерозными таблетками». Когда-то, мимолетно увлекшись экстрим-туризмом, он прошел краткий курс гипнообучения по выживанию в условиях необитаемых планет, но большинством знаний так никогда и не воспользовался, а внушенные знания и навыки, если их не применять на практике, забываются очень быстро. Гипномин поможет вспомнить. Нужно лишь четко сформулировать для себя тему и сосредоточиться... Правда, голос будет наутро хрипеть — странный побочный эффект у этих таблеток. Ну да ему тут не с кем разговаривать.

Нвокеди сгрел в кучу слежавшиеся мертвые листья, которых вокруг было сколько угодно, и устроил себе нечто вроде лежанки. Спать будет помягче, завтра он должен быть в форме — насколько это возможно после сегодняшнего. Неизвестно, с чем еще придется столкнуться на пути к кораблю. Уже засыпая, ощутил первое действие гипномина — вспомнил, что во втором контейнере на поясе, на который он почему-то не обратил внимания, находится набор предметов, необходимых человеку, оказавшемуся в тяжелом положении, в том числе — очки ночного видения... Нет, не было сил сейчас подняться и тащиться к кораблю. Не было сил даже отчитать себя за забывчивость. Впрочем, на то они и существуют — антисклерозные таблетки...

Еще через секунду он уже крепко спал.

* * *

Проснувшись утром, Нвокеди чувствовал себя лучше, но глаза открывать не хотелось. Хотелось опять уснуть. Господи, да после такого марафона, как вчера, надо отдыхать неделю! Уже снова проваливаясь в сон, Паго уловил что-то... Звук? Но вокруг было тихо. Может быть, запах? Он осторожно потянул носом. Точно, запах. Тяжелый, незнакомый и пугающий. Гипномин, от которого сейчас слегка першило в горле, не только помогал вспоминать все хорошо забытое, он в известной степени обострял все чувства; расширяя

сознание, способствовал быстроте и ясности мысли. Открывая глаза, Паго уже знал, что увидит.

Монстр был здесь, прямо в его убежище, не дальше, чем в полуметре. Да, он был похож на огромного безволосого павиана — и в то же время не похож ни на что на свете. Черная голая кожа лоснилась, будто смазанная жиром, огромная, как тыква, голова сидела на толстой короткой шее, переходящей в широченные плечи. «Павиан» сидел на корточках, совсем по-человечески положив на колени длиннющие мосластые передние лапы, толстый змеиный хвост, изгибаясь по земле, почти касался ног Паго, в равнодушных, близко посаженных глазах зверя светился легкий интерес. «Гастрономический», — тут же решил Нвокеди. Господи, сколько он уже здесь сидит? Где его дружки? Должно быть, Паго шевельнулся, потому что «павиан» опустил на землю передние лапы и резко подался вперед, оскалив пасть; раздался оглушительный рев, переходящий в визг. Паго тоже завизжал — от страха и отвращения, сгруппировался, подтянув колени к груди, и изо всех сил ударил надвинувшегося на него монстра обеими ногами.

Удар вышел что надо — зверь отлетел в кусты ломая ветки. Паго перевернулся на живот, вскочил на четвереньки и начал остервенело продирается сквозь заросли, а когда они стали реже, вскочил и побежал. Ветки хлестали по лицу, колючки раздирали в кровь кожу, но он не обращал внимания. Где-то справа раздался рев второго павиана; слева, не дальше чем в сотне метров, ему ответил третий. Надо побыстрее выбраться на более открытое место: если они схватят его в этих кустах, где он лишен возможности маневрировать, ему конец. Несмотря на неожиданность нападения, Паго быстро пришел в себя и действовал куда увереннее и умнее чем вчера, сразу взяв направление на свой корабль. Гипномин действовал отменно, и он прекрасно помнил курс, который вечером проложил с помощью навигатора. Отдохнувшее за ночь тело неплохо слушалось — делал свое дело стимулятор, хотя бежать на полной скорости было трудновато, мышцы еще не вполне пришли в норму. Нвокеди помчался, петляя между огромными стволами деревьев, оплетенных лианами, перепрыгивая через обросшие мхом коряги, постепенно забирая влево. Начиная привыкать, подумал он с усмешкой. Внезапно один из хищников выскочил словно из-под земли прямо на дороге. Паго не успел отвернуть, врезался в него, сшиб, и сам покатился по земле.

Моментально поднялся на ноги, брезгливо передернувшись, успев почувствовать короткое прикосновение к коже зверя — теплой, почти горячей, с тем самым тяжелым, неприятным запахом.

На пути попалась глубокая промоина, очевидно след бегущего здесь в сезон дождей потока. Паго спрыгнул в нее. Заросли наверху почти наверняка скроют его от преследователей хотя бы на время... Тут же себя одернул: он и вчера не раз пытался проделать подобный трюк, спрятаться где-нибудь — его всегда тут же замечали. «Хамелеон», конечно же, вышел из строя вместе с кибом комбинезона, костюм приобрел серебристо-серый цвет формы сотрудников научно-исследовательских групп и перестал поглощать запах тела, а прятаться в джунглях в таком наряде от хищников, наверняка обладающих прекрасным зрением и обонянием, все равно что пытаться обмануть радар, прицепив себе на спину сигнальную систему.

Можно включить «хамелеон» вручную, подсказал просвещенный гипномином мозг. Паго нашел на поясе закрытое клапаном углубление, просунул палец, нажал... Сработает или нет?

Прошла минута. Ничего не происходило. В джунглях наверху стояла тишина, и Нвокеди опустил голову, переведя взгляд на собственное плечо и руку. «Хамелеон» сработал. Надо бы еще вчера наглотаться гипномина, можно было это сделать прямо на бегу, а он не подумал; для того и таскают ведь с собой это средство, чтоб вспоминать то, что нужно, тогда, когда нужно... Исследователи-первопроходцы, охотники, спасатели, экстремалы всех мастей — все они в обязательном порядке имеют в аптечке гипномин. Паго сознавал, что бесполезно ругать себя за промах. Не только ведь об этом он не подумал — вообще ни о чем не думал, кроме своего эксперимента, слишком многое не предвидел, слишком многое не учел...

Прошла вторая минута. Кажется, получилось... В тот же момент тяжелая туша с ревом обрушилась прямо на него, он еле успел отскочить в сторону, подпрыгнул и, ухватившись руками за свисающие сверху корни, одним рывком выбрался наверх. Нет, бесполезно прятаться. Бежать, бежать! Корабль уже недалеко, пара километров... Сзади время от времени раздавался не то визг, не то вой, Паго напрягал все силы, чувствуя, что его уже догоняют. Он слышал шумное азартное дыхание передового преследователя, потом тот прыгнул. Паго это скорее почувствовал, чем услышал, рванулся из последних сил, но что-

то массивное ударило в спину, толкнуло вперед, и он свалился, с размаху проехавшись по траве и прелым листьям. Зверь упал рядом на все четыре лапы. На миг Нвокеди увидел оскаленную морду, когтистую лапу, занесенную для удара, перекатился в сторону, выхватил пистолет и выстрелил. Пуля попала хищнику в горло, он захрипел и вскинулся вверх и назад, а Паго машинально перевел предохранитель в режим автоматического огня и снова нажал спуск. Яростный рев зверя потонул в грохоте выстрелов, Нвокеди снова перекатился и попытался встать, но его тут же сшиб с ног второй хищник. Он отлетел далеко в сторону, ударился головой о дерево, вскочил и, увернувшись от длинной лапы, пытавшейся его схватить, рванул не разбирая дороги, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Пистолет он потерял, остался только нож, шансы выжить из минимальных превратились почти в нулевые. Добраться до корабля... В голове шумело. А что если твари уже отрезали его от корабля, устроили засаду на дороге? Он на бегу вытащил из кармана SOS-передатчик и нажал кнопку сигнала бедствия. Плевать на Комиссию по Контакткам, на судебное преследование плевать, лишь бы выбраться отсюда... Если еще не поздно. По всем признакам выходило, что поздно...

— Паго, что происходит? — Молодец, Клен, первым взял пленг... Ну да, ведь он за мной следил, сообразил Нвокеди, я сам приказал ему. Мысли путались. В груди болело. И еще болела голова.

— Клен, я попал в переделку... Далеко ты?

— Семьсот двадцать метров по прямой... Семьсот пять. Но по прямой ты не пройдешь, там болото. Возьми вправо.

Всего семьсот метров? Может, зря поторопился и послал SOS... Нвокеди послушно свернул направо, заметил одного из «павианов», который мог перерезать ему дорогу, но тот вдруг остановился, застыл как вкопанный. Не было времени поразмыслить над странным поведением зверя. Нвокеди пробежал от него всего метрах в десяти — «павиан» не сделал ни малейшей попытки его остановить.

— Пятьсот сорок метров, — сообщил киб-мастер. — Теперь влево и вдоль берега болота. Видишь его?

— Да...

— Говорит Служба охраны заповедников, — слышался из динамика другой голос. — База сектора восемнадцать, на связи

смотритель Герман Левицкий... Вы в состоянии говорить?

Отвечать? Не отвечать? Сзади не смолкал шум погони, но преследователи не подходили вплотную, теперь они держали дистанцию метров пятьдесят. Нет смысла отвечать — после получения сигнала бедствия СОЗ начинает спасательную операцию автоматически. Если успеть добежать до катера и, взлетев, добраться до того места, где он оставил корабельный маяк... Тогда будет еще возможность все как-то объяснить... Нет, ты неисправимый оптимист, Паго, подумал он. И глупец тоже неисправимый...

— Двести семьдесят метров, — сообщил Клен. — Теперь давай влево, потом прямо. Ты почти дома. Уверен, что не хочешь отвечать этому парню?

— Нет, не уверен... — Мысли сбивались. — Не уверен, но отвечать не буду. И ты молчи. Потом разберемся...

Судя по звукам, твари сзади опять начали догонять. Паго мельком оглянулся — господи, метрах в пятнадцати, не больше. Пятеро...

Он уже видел просветы между деревьями.

— Говорит смотритель заповедника Герман Левицкий. Иду к вам, ориентировочное время прибытия — двадцать одна минута. Вы можете ответить? Вы...

Голос вдруг захлебнулся в сплошных помехах, уши разодрал жуткий визг и рев сзади. Нвокеди, преодолевая внезапно накатившую слабость, проскочил невысокий кустарник и вылетел на поляну. Прямо перед ним, в двух метрах над землей завис катер, трап опущен. Наверху, словно материальное воплощение надежды, чернел открытый люк шлюзовой камеры. Вперед, вперед... Ноги вдруг стали как ватные, перед глазами поплыли разноцветные пятна, но Паго заставил себя добраться до трапа и встать на нижнюю ступеньку... Сейчас Клен втащит его внутрь. Сейчас... Трап остался на месте.

Скрипя зубами, Нвокеди полез вверх. Ему казалось, что он движется будто в замедленной съемке, да так оно, наверное, и было. Перед глазами все прыгало, к горлу подступала тошнота. Господи, да что ж это такое?

Он наконец добрался до люка и бессильно свалился на пол шлюза.

— Закрой люк, Клен... Закрой, бога ради, этот чертов люк, и стартуем!

Клен не отвечал.

SOS-передатчик тоже вышел из строя? Да, вероятно; но ведь теперь ему не нужен передатчик. Клен может слышать его повсюду внутри корабля и отвечать по системе внутренней связи. Может — но не слышал.

— Клен! Клен, черт тебя дернул!

Нвокеди перевернулся на спину и, упираясь руками в переборку, поднялся на ноги. Внизу, у трапа, стоял огромный «павиан», разглядывавший его тупыми безжизненными глазами. Потом зверь взялся за перила когтистой лапицей и стал неловко подниматься по ступеням. Длинный хвост волочился сзади. Паго добрался до рычага аварийного закрытия люка, ухватился обеими руками, дернул, снова повалился на пол. Тяжелая бронированная плита мягко скользнула вниз, закрывая проем, и Паго потерял сознание.

* * *

Уведомление о ЧП было передано зрителем Левицким на главную базу «СОЗ-Тихая» спустя двадцать минут, сразу после того, как он осмотрел место происшествия с воздуха. Оттуда информация ушла на временную базу Комиссии по Контакткам, расположенную на поверхности планеты, на территории сектора восемнадцать. Дежурный принял сообщение и передал его по связи обоим руководителям группы Комиссии — Аркадию Бабурину и Кэю Шентао. Бабурин немедленно дал команду старшему технику:

— Кастаньеда? Готовь к полету глиссер, шестиместный. Кроме нас с Кэем пойдут еще четверо. Нет, не нужно никакого оборудования, просто предварительная проверка.

— Зачем нам вообще туда? — поинтересовался стоящий рядом Шентао. — В данном районе нет и никогда не было туземцев. Зритель просто поставил нас в известность — согласно правилам. Можно провести осмотр потом, в плановом порядке, не прерывая основных работ.

— Это как раз может оказаться связанным с нашей основной задачей и текущей темой исследований — гориллами Фостера, — ответил Бабурин. — А их здесь как раз сколько угодно, как и повсюду в джунглях. Если этот Паго Нвокеди столкнулся с ними... При неблагоприятных обстоятельствах...

Дальнейших пояснений Кэю Шентао не потребовалось. За время пребывания их группы на планете он уже успел узнать, что это значит — столкнуться с гориллами при неблагоприятных обстоятельствах. Он круто развернулся и стал спускаться по узкой металлической лесенке с плоской крыши здания наблюдательного пункта, где они с Бабуриным осматривали установленный час назад мощный биорадар. Аркадий последовал за ним. Они подошли к ангару в тот момент, когда оттуда уже вывели глиссер — аэромашину, похожую на летающий катамаран, только «поплавки» были гораздо большего размера и служили в качестве багажных отсеков. Ажурность конструкции несколько нарушала глухая плита антигравитационной платформы внизу. Спереди, между торпедами «поплавков», находилось защищенное высоким, сильно наклоненным ветровым стеклом кресло пилота, сзади — полуоткрытая пулеметная турель с креслом стрелка. Еще четыре сиденья располагались попарно одно за другим с внешней стороны багажных отделений.

Рядом стояли четверо молодых парней в серебристо-серых, с черными полосами комбинезонах — форме сотрудников ККВЦ. Бабурин занял кресло пилота.

— Полет не отнимет много времени, — сказал он, — место ЧП находится неподалеку. Особое внимание обращать на присутствие вокруг горилл Фостера и их следов...

Глава 3. Лучшее общество в мире

Когда подошло время ехать в Контору, я не стал брать аэротакси, а спустился вниз и воспользовался услугами наземного транспорта. Машина тронулась с места так плавно, что я даже не заметил, и, выполняя заданную программу, поплыла вдоль тротуара со скоростью пешехода.

Прямо впереди, словно памятник, возвышалось огромное и черное, похожее на замок злого колдуна, здание штаб-квартиры ООЗ или, попросту, Конторы. Вплотную к нему примыкало еще одно — куда более габаритное, но приземистое, не более пятидесяти метров в высоту, зато полтора километра длиной и не менее семисот метров в поперечнике: павильон для животных. Я знал, что подземная часть здания, предназначенная для содержания особо опасных экземпляров, уходит вниз почти на километр и имеет множество дополнительных боковых отделений, каждое из которых превосходит по объему грузовой отсек транспортного корабля. В самом низу располагались два реактора, основной и резервный, питающие энергией все сооружение. Строительство сего колоссального вместилища для всевозможного зверья, по сравнению с которым Ноев ковчег показался бы жалкой коробочкой, являлось своего рода рекламным трюком. Существовало множество противников размещения всего этого зоопарка прямо в городе, и их доводы нездоровыми назвать было никак нельзя. Представьте, что случится, говорили они, если хоть один зверь из категории наиболее опасных (а таких среди животных, со всех концов Галактики свозимых на Безымянную, было большинство) вырвется на волю и попадет на улицы? Представить было нетрудно, однако желающих пофантазировать находилось мало. Времена, когда каждый житель Уивертауна, даже сидя в сортире, имел при себе оружие с убойной силой как у базуки, давно миновали. Да и ведь есть животные, размеры и живучесть которых позволяют им не бояться ничего, кроме разве что интенсивного ракетного обстрела. А как быть с тварями вроде хищного существа-колонии с Саитаила, с запутанным латинским названием и доходчивым общеупотребительным прозвищем Муравейник? Состоящее из тысяч особей размером с кошку, оно в минуту опасности (или для нападения) рассыпается на

отдельных, весьма агрессивных маленьких монстров, способных общаться между собой телепатически. Если такая вот паскуда разбежится по всему городу и попрячется по системам коммуникаций и подвалам, то выкурить ее оттуда будет практически невозможно.

Сторонники же идеи желали на деле доказать полную безопасность содержания в неволе, в том числе и в условиях большого города, абсолютного большинства животных, предлагаемых к продаже, и надежность клеток, вольеров и систем безопасности. Восемьдесят процентов патентов на подобные сооружения и устройства находилось в руках членов Общества, как и почти шестьдесят процентов их производства. Вопрос решило вмешательство компании «Кумамото электроникс», мирового лидера в производстве охранных систем вообще и киберсторожей в частности. Корпорация пожелала выступить в роли гаранта безопасности эксплуатации объекта, обязуясь в случае нежелательных инцидентов оплатить любой ущерб, включая компенсации пострадавшим. Расчет полностью оправдался — строительство комплекса завершилось девятнадцать лет назад, и с тех пор ни разу не произошло ни одного серьезного ЧП. «Кумамото электроникс» получила хорошую рекламу, перестраховщикам пришлось заткнуться, объемы заказов на поимку крупных хищников заметно увеличились. Впрочем, большинство зверей в Уивертаун никогда не попадает. Они, как и раньше, содержатся в куда более вместительных вольерах за городом в районе Второго космодрома, и, проведя положенное время в карантине, сразу отправляются заказчикам.

Традиционная вечерняя тусовка в Конторе была уже в самом разгаре, когда я, протопав через холл, попал в один из боковых залов, начиная свой ежедневный обход. Здесь, поодиночке и группами, сидели, стояли, передвигались с места на место сотни людей, занятых примерно тем же, что и я — высматривали знакомых, обменивались информацией, просто общались друг с другом, заходили в маленькие уютные забегаловки, огражденные невысокими декоративными стенками. От обычных городских кафе они отличались только тем, что в середине каждого столика рос кристалл макроинформера^[14]. С его помощью можно было в течение секунд получить любые сведения обо всем, что могло интересовать присутствующих: звери (самая свежая информация о только что прибывших экземплярах и даже о тех, что

еще в пути), системы безопасности (включая экспериментальные модели на стадии разработки), корма и оружие, космические корабли и наземные машины, невесомые стремительные скутеры и тяжелые вездеходы, лекарства и вакцины для людей и животных, спрос и предложение... Сидя за кружкой пива с партнером или потенциальным заказчиком, любой посетитель имел возможность связаться с главным киб-мастером Общества, без проблем рассчитать курс будущей экспедиции, примерный объем затрат, ориентировочное время возвращения, и тут же заключить контракт, воспользовавшись услугами постоянно работающих с ООЗ юридических фирм.

За одним из столиков в таком вот кафе примостился худощавый молодой парень с хитрыми глазами мошенника — Джаспер Рис. Он уже успел набрать десяток мелких, но интересных в финансовом плане заказов, и высматривал, чем бы еще поживиться. Недалеко от него, уныло подперев рукой курчавую голову, сидел Марко Савич — видно отдыхал, устав бродить. Савичу, как и мне, пока не везло. Кивнув обоим, я прошел дальше. Там неразлучные друзья-партнеры Джет Чеонг и Свен Нортон обрабатывали какого-то толстяка в дорогом костюме. Настроены приятели были серьезно, и я решил, что толстяк долго не продержится. В центре зала, возле небольшого фонтана, Моисей Гаон что-то доказывал Берту Конелли, экзобиологу из Кливленда. Берт заведовал научной лабораторией, финансируемой правительством, и заказ от него был бы лакомым кусочком, что и говорить. Рядом, сидя прямо на окружавшем фонтан бордюре, лениво покуривал Валентин Баешев. Вчера я видел, как он обхаживал директора крупного зоопарка; не знаю, склеилось у них или нет. Сейчас он тоже явно кого-то поджидал, поэтому подходить я не стал.

Вдоволь попутешествовав по одному залу, я перешел во второй и сразу столкнулся с Джошем Маттерсоном. Он все же раздобыл себе заказ, и очень серьезный: Большому галактическому зоопарку требовалась коллекция животных с планеты Алеф, входящей в состав системы одной из периферийных звезд Малого Магелланова Облака. Это даст работу почти всем его людям, а сам Джош с остальными на двух кораблях собирался порыскать по окрестностям — вдруг отыщется еще что-то. Я от души пожелал ему удачи и, расставшись с ним, заметил Мартынова в компании китайца Минга. Минг, хоть и имел лицензию охотника, но, если верить слухам, занимался чем

угодно, от торговли рудой до контрабанды оружия. Интересно, что понадобилось от него Владимиру? Гадать бесполезно, да и не мое это дело.

Кто-то сзади вдруг обхватил меня за плечи и стиснул с такой силой, что кости затрещали. Кое-как повернув голову, я увидел улыбающуюся физиономию Валерия Гонгадзе, профессионального зверолова и не менее профессионального выпивохи и буяна. Я бы с радостью врезал по его выдающимся размерам носу, но руки были намертво прижаты к бокам; ругаться я тоже не мог, поскольку из легких вышел весь воздух.

— Пит, дружище! — заорал он, и его громовой голос прокатился по залу, отразившись эхом от стен и потолка. Теперь я еще оглох на правое ухо, а о нашей встрече были оповещены не только присутствующие в зале, но и, наверное, все население Уивертауна. — Это нельзя не отметить! — прорычал Валерий и, пресекая мои слабые попытки освободиться, протащил к ближайшему кафе, ловко отодвинул ногой стул, швырнул меня на него, а сам уселся напротив. Я наконец получил возможность вздохнуть полной грудью и сказать все, что думаю о нем и его выходках.

— Да брось! — Гонгадзе широко махнул рукой, едва не сбив с ног подошедшего к нам официанта. — Я неделю назад вернулся из Андромеды, меня только сегодня выпустили из карантина. Пять минут как на свободе, и вдруг спотыкаюсь об тебя!

— Если б я знал, что ты на Безымянной, надел бы комбез и включил маскировку.

— Никогда не забуду, как ты меня спас тогда, — задумчиво сказал Гонгадзе, не обращая внимания на мои слова. — Ведь я уже был в лапах этого монстра, когда ты...

— Иногда я начинаю жалеть, что не оставил тебя ему на обед. Но если ты еще раз выкинешь одну из твоих штучек, я постараюсь исправить ошибку. Заманю тебя в павильон живности с Каими и засуну в клетку к гаримангу. Он поедает свою добычу только живьем и очень медленно.

— Пит! Эй, Пит! Валерий! — Из-за столика в углу поднялся человек и призывно махал нам рукой. Я присмотрелся и узнал Камински.

— Это Эд! — моментально вскочил на ноги Гонгадзе. Я тоже встал и пошел в ту сторону, не дожидаясь, пока меня потащат.

За столиком, кроме Камински, сидели еще трое: Михаил и Наташа Васильевы — счастливые супруги и владельцы собственной фирмы; и Пол Фултон — свободный охотник, новичок в бизнесе, уже успевший, однако, заработать неплохую репутацию.

— Господи! — заорал Пол во весь голос, поднимаясь на ноги, и я заметил, что он здорово пьян. — Какие люди! А мы уж думали, что здесь собрались сплошь одни слюнтяи-неудачники, когда Эд вас заметил.

Трое задиристого вида парней двинулись было к нам, очевидно желая призвать хама к порядку; Гонгадзе, углядев это, развернулся к ним всем корпусом, выпятив челюсть. Парни, сообразив, с кем предстоит разбираться, сделали вид, что идут к стойке бара. Гонгадзе понял, что драки не будет, и проводил их разочарованным взглядом.

— Садитесь, ребята, выпьем! — продолжал Фултон, не замечая ничего вокруг. Михаил вместо приветствия заключил меня в объятия. Наташа чмокнула в щеку. Камински хотел щелкнуть меня по носу, но промахнулся.

— Рад видеть тебя, Пит, — сказал он, теряя равновесие и хватаясь за спинку стула. — Иисусе! И одного из вас хватило бы, чтоб украсить любую компанию, а тут сразу двое! Слушайте, народ, сейчас ведь еще наши подойдут, давайте-ка перенесем лагерь туда.

И он направился в противоположный угол кафе, в котором стояло несколько свободных столиков. Я уже понял, что отвертеться не удастся и о делах на сегодня придется забыть. Просто так они меня не отпустят, а тут еще Гонгадзе... Четыре стола были сдвинуты вместе, мы расселись, причем я постарался устроиться так, чтобы оказаться поближе к Наташе, которая была самой трезвой из всех, и подальше от Валерия. Неделя сидения в карантине возбуждает жажду, и вскорости он будет пьянее, чем восемь Фултонов.

Не успели мы выпить по первой, как появились Дороти Даллас и Мигель Запата — оба владельцы небольших охотничьих фирм и компаньоны Камински по его экспедиции в Малое Магелланово Облако. В нашем уголке сразу стало очень шумно. Дороти опустилась на свободный стул справа от меня.

— Привет, Пит. Как дела? Как поживает Кэт?

— Как обычно, — пожал плечами я. — Всегда готова поскандальить, хотя этого окружающие или нет.

— Значит, в форме, — удовлетворенно вздохнула Дороти. — Нашли уже что-нибудь на этот сезон?

— Да ни хрена.

— Вот это да... — Дороти казалась искренне расстроенной. — Ничего не понимаю. Среди малых фирм ваша — одна из лучших.

— Выходит, не повезло.

— Ничего не понимаю, — повторила она и, опираясь о мое плечо, привстала с места. — Мишель! Эй, Мишель... ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ТАМ!!! — звонкий голос этой белокурой красотки без труда перекрыл даже рев Гонгадзе, и он — вот чудо! — действительно на секунду заткнулся. — Ты слышал, Мишель? У Пита...

— Слышал, слышал, — отозвался Михаил. — И не кричи так, пожалуйста. Я же не в соседней галактике нахожусь.

Камински, не без труда усадив Дороти на место, хлопнул ладонью по столу.

— Ты серьезно, приятель? Если у вас дела так плохи, мы могли бы... Э, да что там! Ты же слышал про Феникс — это огромный вкусный пирог, а мы стоим на раздаче. У нас больше двухсот человек, вы четверо никого не объедите. Вы классные ребята, никто не будет против взять вас в долю. Нажмем на чиновников из правительства — состав экспедиции еще не утвержден окончательно...

Михаил откинулся на спинку стула и вопросительно посмотрел на меня. Наташа ткнула меня пальцем в бок. Дороти пихнула в другой бок локтем.

— Ну, так как? — поинтересовался Эд.

— А Фултон с Запатою? — спросил я. — Мы их совсем не знаем, они нас тоже. Они согласятся?

— Да куда они денутся! — уверенно заявила Дороти. — А если вздумают возникнуть, то я напушу на них Гонгадзе прямо сейчас.

— Прямо сейчас не надо, — остановил я ее. — Не люблю наблюдать акты каннибализма. А за предложение спасибо, Эд. — Я и вправду был почти растроган. — Всем вам спасибо. Честно говоря, это самое лучшее предложение, которое я когда-либо получал.

— Ну, так как? — повторил Камински.

— Я то «за», причем обеими руками. Рик тоже против не будет. Крейг — тот вообще на такую планету, как Феникс, пешком пошел бы, если б туда можно было пешком дойти. А вот Кэт... Ну, ты же знаешь Кэт.

Конечно, Камински прекрасно знал Кэт. Как и все остальные.

— Постарайся ее убедить, — попросила Дороти. — Было бы здорово опять работать вместе. И передай ей, что я ее люблю. Она уникальна.

— Ясное дело, уникальна, — согласился я. — Второй такой вздорной девчонки нигде не найти. Может, она и согласится. Надеюсь, это случится прежде, чем мы протянем ноги с голодухи. Но учтите, она при этом будет считать, что вы все ей по гроб жизни обязаны за такое снисхождение.

— Плевать, — сказал Эд. — Просто у нее обостренное желание независимости. Передай, что я ее тоже люблю.

— А еще передай, что ты дурак, раз до сих пор на ней не женился, — добавила Наташа.

— Если я ей это скажу, она совсем зазнается. А теперь расскажите мне что-нибудь новенькое, чего я еще не слышал. Миша?.. Дороти?..

— Я превращаюсь в алкоголичку, — сказала Дороти.

— Такое я уже слышал не раз.

— Но теперь в этом виноват Камински!

— Вот злодей. Нет ему прощения.

Михаил слегка отодвинул от стола свой стул. Теперь ему не приходилось наклоняться вперед или откидываться назад, чтобы увидеть меня из-за фигуры жены.

— Я недавно слетал на Ульмо, — сказал он. — Хотел повидать Берка. Он валяется в медцентре «Гиппократ».

Опять Берк! Похоже, Берк становится дежурной темой любого трепа, в котором я участвовал.

— Ну и как он там? — спросил я для порядка.

— Это я и хотел узнать, — ответил Михаил. — Видишь ли, перед тем как мы договорились с Эдом, Берк предлагал нам отправиться с ним на Тихую. Я тогда сразу отказался. Отчасти оттого, что проект казался бредовым, отчасти из-за дурного характера Джонни. Я ему так и сказал. Он рассмеялся и сказал мне, что мы много потеряем.

— На самом деле это он много потерял, как я слышал.

— Ну да. Однако сам он так не считает. Сообщил мне, что твердо намерен отловить рэдвольфа, кем бы он там ни был, как только выйдет из санатория.

Наташа рассмеялась:

— Надеюсь, у него хватает ума скрывать такие желания от врачей, иначе они его никогда не выпустят из клиники. Так и будет до конца жизни ловить своего рэдвольфа по палатам разных психушек.

— А зачем ты вообще к нему полетел? — поинтересовался я. — Не такие уж вы друзья.

— Мы совсем не друзья, — уточнил Михаил. — Берк никому не друг, кроме самого себя. Но делать-то нечего, до старта к Фениксу осталось не меньше пяти недель... И я подумал — если бы тогда у нас дела обстояли чуть хуже, и если бы не подвернулся Камински со своим предложением, мы с Наташей в конце концов вполне могли оказаться на Тихой вместе с Берком. Понимаешь меня?

Да, я его понимал. Мы с Михаилом вообще похожи и одинаково смотрим на многие вещи.

— Я думаю, мы еще услышим о Берке, — сказал он. — Берк ненормальный, конечно, и был таким еще задолго до того, как попал на Тихую, но это на редкость целеустремленный сукин сын, и он всегда добивается того, чего хочет. И знаешь, что еще?

— Что?

— Я не верю, что он так уж болен. Врачи определили у него нарушения в работе центральной нервной системы и мозга, вызванные внешними воздействиями. Такое бывает, если человек подвергся направленному гипноудару высокой мощности.

— На Тихой нет живых существ, способных на это.

— Я знаю. Но тот же эффект дает употребление некоторых наркотиков.

— А у него в организме обнаружены следы таких наркотиков?

— Нет. Так ведь у него и обычных признаков гипноудара не обнаружено. Вторичные признаки налицо, а первичных нет, что уже само по себе какая-то чертовщина. Ну да не в этом дело, я не то хотел сказать, — перебил сам себя Михаил. — Берк — хитрая бестия, и я думаю, что он, узнав о диагнозе врачей, просто воспользовался наличием таких симптомов, чтобы заморочить всем голову и не отвечать на неудобные вопросы. И в эту его странную частичную

потерю памяти я тоже не верю. Я считаю, он прекрасно помнит, что произошло на Тихой с его экипажем. Помнит, и именно поэтому не хочет говорить.

* * *

Поднявшись на следующий день часа на четыре позже обычного, я в полной мере ощущал последствия буйной попойки с бригадой Камински, утешая себя только тем, что я, хотя бы, на свободе, а вот Гонгадзе, насколько я мог судить по неясным воспоминаниям вчерашнего вечера, наверняка ночевал в полицейском участке. Полли сочувственно поинтересовалась, как мое здоровье, а когда я ей честно ответил — как, предложила на выбор десяток новейших опохмеляторов. Подумав, я отказался и воспользовался традиционным способом, выдержавшим проверку веками практики — выпил стаканчик и залез под душ.

Начав с теплого летнего дождика, я постепенно довел температуру воды до холодной, а потом до ледяной, постоял еще немного, вышел из душевой кабины и растерся полотенцем. Когда запиликал сигнал вызова, и Полли сообщила, что на связи планета Земля, Монреаль, я был уже почти в норме. На экране появилось озабоченное лицо Крейга.

— Включи обратку, — проворчал он вместо приветствия. — Я тебя не вижу.

— Я еще халат не надел, — огрызнулся я.

— Чем ты там занимаешься, хочется знать. — При случае Крейг мог становиться еще сварливее, чем Кэт. — Я бы на твоём месте занимался делом.

— Жаль, что ты не на моем месте, старый брюзга. Получили материал по Фениксу?

— Еще нет. Это интересно?

Я коротко рассказал об экспедиции Камински, его вчерашнем предложении, и увидел, как у Крейга вспыхнули и тут же снова погасли глаза.

— Кэт на это не пойдет, — сказал он, подтверждая мои худшие опасения. — Правительственный заказ — это подписка работать только на правительство все время, пока будет жив проект. Может, год, может — несколько лет. Нечего и мечтать, чтоб она на это согласилась.

— Больше ничего нет, старина, — вздохнул я. — И не предвидится. Если не идти с Камински, то тогда только в дальний поиск.

Крейг выругался так длинно и замысловато, что я даже позавидовал.

— А давай пересмотрим устав фирмы относительно госпроектов, — предложил я. — Пункт, согласно которому сделка отменяется при отказе одного из компаньонов. А на тот случай, если не удастся решить вопрос мирно, так нас ведь трое. Посадим Кэт в клетку, в высокопрочную. Для монстрозавров, к примеру. Запихнем ее в грузовой отсек, и...

— Не выгорит, — засмеялся Крейг. — Она прогрызет зубами любую клетку раньше, чем мы стартуем. Кэт — это тебе не какой-нибудь мирный и безобидный монстрозавр. И если честно, госпроекты мне тоже не очень по душе. Судя по тому, что ты рассказал, Феникс лично для меня, как экзобиолога, все равно что персональный доступ к рогу изобилия, однако неприятно будет постоянно чувствовать себя под колпаком у спецслужб. Чем планируешь заниматься дальше?

— Знаешь, у меня предчувствие, что мое дальнейшее пребывание на Безымянной пользы нам не принесет, — сказал я. — На церемонию закрытия конгресса оставаться тем более не хочу.

— Тогда возвращайся. Прилетишь — все обсудим без спешки. И не переживай, что ничего не нашел. На крайний случай можем заняться один сезон какой-нибудь мелочевкой — шкурами, например...

— Ну да! — обрадовался я. — Устроимся работать в налоговую полицию и сдерем по три шкуры с каждого, кто попадет к нам в лапы.

Крейг обиженно фыркнул и отключился.

Когда решение принято, я не люблю откладывать его осуществление, однако до вылета на Землю мне предстояло решить кучу вопросов. Полли, связавшись с информаторием пассажирского космопорта, сообщила, что ближайший подходящий рейс ожидается в 26.35 по местному времени (сутки на Безымянной длиннее земных на три с половиной часа), и я везде успевал. Опрокинув еще стаканчик и почувствовав себя совсем хорошо, я первым делом отправился на Второй космодром и лично убедился, что с нашим кораблем все в порядке. «Артемиды» стояла в двенадцатом ангаре, площадка номер

семь, и пребывала в полной боевой готовности, как доложил мне дежурный техник. Без громоздкого грузового отсека, который сейчас находился где-то на орбите Безымянной, она выглядела необычайно легкой и грациозной. Я прошел в рубку и сел в пилотское кресло.

Тут же включился главный экран, и на нем появилось лицо милостивой черноволосой девушки, чем-то похожей на Кэт. Это была полноправная хозяйка корабля, киберинтеллект по имени Диана. Имена кораблю и кибермастеру присвоила Кэт, что дало всем нашим знакомым, не обделенным чувством юмора, массу поводов для шуток насчет убогой охотничьей фантазии и так далее — конечно, когда не слышала Кэт.

— Ну, как себя чувствуешь, девочка? — спросил я. — Надеюсь, эти торговцы тебя не обижали?

Простой такой дорогой штуки, как трансгалактический корабль, был страшным расточительством, и мы всегда старались сдать его внаем, когда не использовали сами.

Экран погас, и Диана материализовалась в рубке в виде объемной динамической голограммы.

— Они превысили допустимую погрешность сроков возврата на двое независимых суток, — ответила она, — и теперь должны выплатить неустойку.

Это была хорошая новость. Я не испытываю особой радости, когда у других людей случаются неприятности, но бизнес есть бизнес, за просрочки приходится платить, а в нашем теперешнем положении любые лишние деньги могли помочь нам пережить тяжелые времена.

— Тебе придет почта — обычная информация по экспедициям прошлого сезона, — сказал я. — Все скушай и перевари как можно быстрее. Активируй систему контроля за службами доставки — я сделаю обычный заказ на боеприпасы и продовольствие, примешь и разложишь по полочкам. Пока неясно, куда мы отправимся и когда, так что будь готова в любой момент принять также и дополнительный груз. Свяжись с тем орбитальным комплексом, куда загнали наш «грузовик», и проследи, чтоб его хорошенько почистили после этих чертовых удобрений. Помнишь случай со «Скаутом»?

— Конечно, — кивнула Диана. — Все звери, которых он вез с Сааха, передохли, потому что оказались чувствительны...

— Правильно. Не нужно, чтобы история повторилась.

— Все сделаю, — пообещала Диана. — Ты даже не представляешь, как мне надоели эти дешевые торгаши. У них только и разговоров что о...

Она, не договорив, махнула рукой, и я в очередной раз поразился, как много в ней человеческого. Мой брат Майк, талантливейший инженер-интеллектуал, мечтавший наделять искусственные интеллекты эмоциями, в свое время основательно поработал над Дианой. Очень основательно.

— Ты возвращаешься на Землю? — спросила она.

— Да. Поэтому и пришел — хотелось повидать тебя напоследок. Теперь сама всем командуй.

— Счастливо добраться. Скажи Кэт, что я по ней соскучилась. И передай привет ребятам.

Фигура Дианы подернулась рябью, поплыла и пропала, но это не значило, что она куда то ушла. Она была здесь везде, управляла всем, начиная от роботов обслуги и заканчивая катомарными системами^[15]. Некоторые по традиции называют киб-мастеров инфорами, но ведь это не так. Инфор, как и обычный компьютер, следует заданной программе, а киб-мастер может сам создавать любые программы в рамках своего общего назначения, самостоятельно управляя домом, офисом, кораблем... Что же касается Дианы, то когда Майк с ней закончил, она и вовсе превратилась в нечто особенное. Она смотрела на мир глазами камер, непрерывно прощупывала пространство внутри и вне корабля сотнями всевозможных сенсоров. Собственно говоря, «органов чувств» в ее распоряжении было куда больше, чем у людей. О чем она думала? Ей не надо есть, ей не надо спать. Она никогда не уставала...

Выйдя из ангара, я столкнулся со Стивеном Шарпом, который, без сомнения, мог считаться весьма колоритной личностью даже в таком пестром сборище, которым являлось ООЗ. Чуть выше меня ростом и на двадцать пять лет старше, плотный и темнокожий, Шарп прославился тем, что во время войны в скоплении Башни успел повоевать как на стороне мятежников, так и федералов, нанеся немалый ущерб живой силе и технике обеих армий. В ООЗ шутили, что если бы война вовремя не кончилась, то Стив со своим подразделением непременно истребил бы оба войска и стал диктатором Земной Федерации и Республики Свободы одновременно.

Шарп подобных шуток не любил (если только сам не был их автором), хмурился, исподлобья глядел на остролова и стискивал кулачищи; но в силу врожденной легкости характера обычно не выдерживал линию и начинал ржать.

С ним было хорошо дружить, и мы дружили; он был прекрасным товарищем и одним из немногих людей в обитаемой части Вселенной, с кем ни разу не поругалась Кэт. Мы обнялись, и Шарп сообщил, что его «Миротворец» стоит в ангаре напротив, а он сам только что получил заказ на отлов гигантских лягв Бундегеша. Мы немного поспорили, стоит ли держать свой корабль в тринадцатом ангаре, если ты собираешься на Бундегеш за лягвами. Стив сказал, что он не верит в приметы, а я пообещал хорошенько погулять на его поминках — вне зависимости от того, во что он верил при жизни. Стив отмахнулся и спросил, почему бы нам не объединиться в этом сезоне, раз у нас все равно нет заказов.

— Так и быть, поделюсь с вами контрактом, — сказал он, отечески улыбаясь. — С армии привык помогать новобранцам.

— Удивлюсь, если скажешь, что кто-то из твоих новобранцев протянул неделю после вербовки, — ответил я. — С такой помощью на этом свете не заживешься. Контрактом на бундегешских лягв незачем делиться — он всегда открыт, не один так другой. Любой может отправиться их ловить, но почему-то находится слишком мало желающих. Разве что старички вроде тебя, которым все равно пора на кладбище. Тебе гехана, случаем, отловить не предлагали?

Стоило мне упомянуть гехана, как разговор тут же съехал на последнюю экспедицию Берка, ибо гехан для Бундегеша был примерно тем же самым, что рэдвольф для Тихой. Хоть на Бундегеше отродясь не водилось никаких аборигенов, тамошние поселенцы боялись своего замороженного чудища ничуть не меньше, чем самые суеверные дикари. Мы со Стивом в подробностях обсудили, что лучше — попасть на зуб к гехану или мирно почить в желудке гигантской лягвы, после чего он попросил меня передать его дружеский пинок под зад всем остальным новобранцам в нашей команде, и мы расстались.

Вернувшись в город, я нанес визит вежливости президенту ООЗ, но его не оказалось на месте, и пришлось удовольствоваться беседой с одним из его заместителей. Наскоро перекусив здесь же, в Конторе, в одном из кафе внизу, заодно просмотрел каталог оружия, но заказывать

ничего не стал — посоветуюсь сперва с остальными. Сгонял побыстрому на улицу Чучельников к Элу и Салли Медоузам, которые владели одной из лучших трофейных мастерских в Уивертауне. Конечно, можно было просто связаться с ними, но личный контакт всегда предпочтительнее. Медоузы заверили меня, что любую достаточно страшную башку с достаточно здоровыми клыками они возьмут у нас без проблем, что же касается шкур, то Салли вручила мне прайсы с подробным описанием: чего, почему и сколько они купят. Побывав еще в десятке различных фирм и организаций, встретившись и переговорив с полусотней разных нужных людей, я наконец, уже под вечер, вернулся в номер и прилег отдохнуть, наказав Полли поднять меня за час до отлета.

Встав в назначенное время, я первым делом выгреб из приемника макроинформера горстку кристаллов с отчетами, которые так и не успел посмотреть. Обычным путем все это будет доступно пользователям на Земле не раньше, чем через месяц после завершения конгресса. Что делать, по каким-то не вполне ясным обычным людям техническим причинам, прямая передача данных, когда речь идет о межзвездных расстояниях, до сих пор куда дороже обычной пересылки с транспортной почтой, а она работает медленно. Проще привезти кристаллы с собой.

Напоследок я машинально обшарил глазами комнату — не забыл ли чего. Хотя что я мог забыть — Полли, с помощью «жучки» уже упаковала все вещи и отправила багаж в космопорт.

— Всего хорошего, Полли, — вдохнул я. — Надеюсь, твои биокристаллические мозги не слишком пострадали за две недели общения со мной.

— Ну что вы, мистер Дуглас, нисколько, — ответила она. — Напротив, я чувствую, что мой словарный запас существенно обогатился необычными выражениями и оборотами речи.

— Не сомневаюсь в этом, — проворчал я. — Но я не виноват, это издержки воспитания. При составлении моего школьного курса мама настояла, чтобы в него включили изучение русской культуры. Она самолично закачала мне через домашний суггестор Большую энциклопедию русского языка, не разобравшись как следует, что в нее входит. А там, кроме классического литературного, был еще словарь русской деревни, несколько разных молодежных сленгов, уголовный

жаргон, а также богатейший словарь русского мата. Но этот, последний, я почти никогда не использую — приберегаю для особо важных случаев и тяжелых стрессовых ситуаций, когда для выражения своих чувств мне не хватает современного универсального языка и еще восьми национальных, которые я знаю.

— Должна заметить, что несмотря на упомянутые вами издержки воспитания, вы были очень хорошим постояльцем, — сказала Полли. — Надеюсь, вы уже забронировали место в нашем отеле на будущий год?

— Вот хитрюшка, прекрасно знаешь, что да, у тебя постоянная связь с главным киб-мастером «Козерога». Заказал твой номер, и если меня в этом сезоне не съест какая-нибудь зверюга, то я обязательно прибуду на следующий конгресс.

— Очень вам благодарна, мистер Дуглас, — промолвила Полли, и в ее голосе мне вдруг почудилась чисто человеческая признательность. Или показалось? Наверное, показалось, после сегодняшнего разговора с Дианой. — Я, конечно, сохраню все ваши настройки в своей памяти. До встречи через год.

— Не скучай тут без меня, — сказал я. — И береги «жучку».

* * *

В зале космопорта я задерживаться не стал — там нечего было делать. Без всяких задержек пройдя контроль, я сел в крохотный автомобильчик, который на бешеной скорости покрыл три километра до взлетной площадки номер один, где возвышалась громада трансгалактического экспресса «Гранд», совершившего посадку на Безымянной полчаса назад. Пройдя в свою каюту, я обнаружил, что мой багаж, состоящий всего из одной дорожной сумки, уже доставлен, и можно располагаться со всеми удобствами. Экспресс экспрессом, а до Земли трое независимых суток ходу и семь остановок, причем две из них с посадкой на планеты.

Загрузив личные настройки киб-мастеру каюты, я вспомнил, что с этой сегодняшней беготней мне так и не удалось за весь день нормально поесть, а посему, отложив дальнейшее благоустройство на потом, прошел в просторную, обставленную с вызывающей роскошью столовую «Гранда». Корабль принадлежал компании «Трансгалактические линии Холланда», они любят подобные штучки. Еда здесь тоже была будь здоров — это я понял сразу же, как открыл

меню. Развернувшийся в воздухе над столом экран прокрутил мне такой список, по адресу которого даже Даген не смог бы, я думаю, сказать дурного слова.

Уплетая телячьи почки, запеченные с ветчиной и грибами, я так увлекся этим занятием, что не сразу обратил внимание на тех двоих, что подошли и сели за столик по соседству. Между нами находился здоровенный плоский аквариум с декоративными рыбками, буйно заросший водорослями, и я их плохо видел, но слышал довольно хорошо. Меня они не заметили, а больше в столовой никого не было, поэтому говорили не стесняясь.

— Зря ты сам отправился на Ульмо, Маркус, — сказал один, — лучше бы поручил это кому-то еще. Твое лицо всем примелькалось в новостях... — Последних слов я не разобрал, аквариум все же сильно глушил звук, да я и не особенно прислушивался.

— Не было времени, — ответил второй противным скрипучим голосом, показавшимся мне знакомым. — Этот свежий инцидент на Тихой... — Снова неразборчиво, а дальше: — ...те же симптомы, что и у Берка. Четвертый отмеченный нами случай — сомнений быть не может. И Берк единственный, кого мы способны без затруднений уговорить заняться отловом...

Это было уж слишком.

От неожиданности я даже перестал есть. Я не очень-то верю в приметы и всякого рода знаки, но считаю, что во Вселенной все взаимосвязано, а случайностей не бывает. И если несколько человек, связанных или не связанных между собой, в течение двух дней упорно заводят разговор о парне, про которого ты до этого вспоминал раз в полгода, то я считаю, что это повод призадуматься. Я не очень-то верю в Бога, особенно в такого, каким его рисует Библия, но готов допустить, что как существо, ограниченное узкими рамками своих представлений, я могу и ошибаться. Может быть, Бог есть. Или есть какие-то высшие силы. И может быть этот Бог или эти силы иногда предупреждают тебя о чем-то важном посредством таких вот странных совпадений.

Общение за аквариумом меж тем продолжалось:

— Если все подтвердится... Думаю, не нужно объяснять тебе, сколь важны станут для нас подопытные экземпляры.

В этот момент собеседник Скрипучего Голоса, или он сам, или они оба, должно быть, наконец заметили меня сквозь сплетение водорослей, потому что никто не меняет так круто тему разговора без причины:

— Этот кофе совсем не плох... Судя по вкусу, с плантаций Порсены. Ты к себе? До Ино путь не близкий, загляни через пару часов, поболтаем...

На этом они поднялись из-за стола и вышли. Их лиц я так и не увидел.

Черта лысого — через пару часов, наверняка они отправились в каюту прямо из столовой, там и закончат разговор.

Скрипучий Голос летел с Ульмо, его визави, судя по всему, сел вместе со мной на Безымянной, и если они даже до старта потерпеть не могли, так значит тема Берка для них крайне важна; не будут они ждать ни пару часов, ни пару минут, но все это меня не касалось. Слегка беспокоило только одно: где я мог раньше встречаться с этим скрипучим парнем? А в том, что я с ним встречался, не было сомнений, и повод, помнится, был такой же неприятный, как и его голос. Я начал было перебирать в памяти всех людей по имени Маркус, которых знал, но тут же строго себя отругал. Похоже, я просто от безделья мучаюсь, мозг не знает чем себя занять, вот и обращаю внимание на всякую ерунду. Лучше всего снова вернуться к почкам с грибами.

— Господа пассажиры, — зажурчал из динамиков голос стюардессы, — мы рады приветствовать вас на борту трансгалактического лайнера «Гранд», следующего по маршруту Портуми — Фаута — Ульмо — Безымянная — Ино — Этоли — Земля. Старт из космопорта Уивертаун через десять секунд. Девять, восемь, семь...

Одновременно с окончанием отсчета луч орбитального антигравитационного подъемника подхватил корабль и потащил его за пределы атмосферы, но внутри это никак не ощущалось. Когда я принялся за десерт, откуда-то со стороны кормы по всему гигантскому телу лайнера прошла еле заметная вибрация — «Гранд» включил разгонные двигатели и теперь набирал скорость.

Десерт был восхитителен, да и кофе — с плантаций Порсены или откуда еще — весьма хорош. Обед всегда кажется еще вкуснее при

мысли, что ты в командировке, и все оплачивает фирма.

Вернувшись в каюту, я велел киб-мастеру приглушить свет и, завалившись в одежде на кровать, стал думать о Берке. Видно, вся эта история на Тихой занимала меня куда больше, чем я был готов себе признаться. Или же я вправду мучился от безделья.

Джонни Берк был в охотничьих кругах человек известный. Его знали как искусного и невероятно удачливого зверолова уже тогда, когда я впервые пришел в этот бизнес двенадцать лет назад, а ведь он к тому времени сам был в деле всего лишь два года — маловато для приобретения славы, но у него получилось. Берк слыл индивидуалистом, поскольку хоть и не избегал общих предприятий, и даже с явной охотой шел на объединение, всегда старался играть в таком временном союзе первую скрипку, а то и вовсе превратить его в свое сольное выступление. За это его и не любили, хотя когда дело касалось исполнения обязательств или дележа добычи, он никогда не пытался надуть компаньонов. Напротив, Берк был способен на широкие жесты: мог уступить напарникам самый перспективный и сулящий богатую добычу участок на планете, себе брал что останется, какую-нибудь пустошь, на которой, казалось бы, не выловить и жалкой козявки — и неизменно добивался успеха. За это его не любили еще больше, не любили и завидовали. А он, взяв одной левой то, что другой не удержал бы двумя руками, и там, где никому в голову не приходило что-то искать, делал вид, что ничего особенного не совершил — да, похоже, и вправду считал так.

После первого же рейса, который он совершил в команде Джоша Маттерсона, тот назначил его командиром экипажа, после второго Берк уже оказался в состоянии приобрести корабль, сам нанял людей и открыл собственную фирму. Казалось, стоит ему расставить ловушки и засесть в засаде — все равно где — и звери сами шли в сети и на выстрел, причем, разумеется, самые редкие и ценные экземпляры. Если бы так продолжалось сезон или два, никто бы и внимания не обратил. Удача, равно как и неудача, является непременным, хотя и непостоянным спутником любого сколько-нибудь талантливого зверолова, но годы проходили за годами, а Берк постоянно возвращался из любой экспедиции далеко превысив предельные нормы заполнения грузового отсека.

Сменив несколько фирм, я наконец попал к Берку; там, кстати, и познакомился с Кэт, которая была тогда у него командиром экипажа. Сотрудничество наше продолжалось недолго, несмотря на то, что я зарабатывал как никогда прежде. Мне, как и всем, не нравилась манера Джонни вести дела, не посвящая никого в свои планы даже на полчаса вперед, не нравилось его плохо скрываемое пренебрежение к людям, менее удачливым и талантливым чем он; правда, я, в противовес его завистникам, всегда признавал, что охотник он, конечно, от Бога, и ни простая удача, ни, тем более, черная магия, тут ни при чем. Я заработал кучу денег (с Берком это не составляло труда), добился того, что он сделал меня командиром экипажа, тем самым признав мои собственные таланты, и уволился, занявшись сопровождением по злочным охотничьим угожьям той категории богатых бездельников, что желают пополнять свои домашние зверинцы непременно лично.

Продвигая вперед собственный бизнес, Берка я из виду не терял, да и трудновато это сделать, когда речь идет о таком человеке. Отчеты о его экспедициях можно было смотреть как увлекательные приключенческие фильмы, о некоторых его подвигах ходили легенды.

Берк не был жаден до денег, но и не позволял им пройти мимо, никогда не ввязывался в проект, если тот не сулил прибыли, и притом немедленной и крупной; так почему же он с такой готовностью отправился на Тихую? Ведь вопрос не то что поимки, но и самого существования рэдвальфа серьезно не обсуждался ни среди охотников, ни в научных кругах. Вариантов ответа могло быть только два — или рэдвальф действительно существует, или Берк в самом деле рехнулся. Я, сколько ни размышлял, не смог поверить ни в один из них. Но если бы пришлось выбирать, выбрал бы первый. Да что там — мне уже хотелось выбрать именно его. Отсутствие реальной цели в совокупности с нашим тощим банковским счетом делали свое черное дело, а кроме того, я хорошо знал Берка — никогда он не стал бы гоняться за призраком.

Я почувствовал, как по телу пробежал жутковатый и одновременно приятный холодок — предвкушение неизведанного. Что-то похожее бывает, когда заходишь в реку по пояс и готовишься нырнуть с головой. Когда-то жажда приключений толкнула меня променять хорошо оплачиваемую работу биомеханика на весьма увлекательную и рискованную профессию охотника с непостоянным

заработком и неясным будущим. И хоть мне не пришлось ни разу об этом пожалеть, но я надеялся, что с тех пор стал не только на двенадцать лет старше, но и на двенадцать лет мудрее, хотя давно убедился, что в отношении большинства людей этот принцип не всегда справедлив. И теперь, ощутив хорошо знакомое, смутное, но от этого не менее сильное влечение к чему-то таинственному, загадочному, зовущему к себе издалека, я жестко задавил это желание, разделся и лег спать. До Земли три дня, еще хватит времени, чтоб поразмышлять на самые разные темы. Какая-то беспокойная мыслишка еще минут пять бродила на краешке сознания, а потом я повернулся на другой бок и отключился.

Глава 4. Герман Левицкий.

Расследование по факту

Совершив свой ежедневный облет подконтрольного ему участка заповедника, Герман Левицкий вернулся на орбитальную станцию «Сектор-18», принадлежавшую Управлению по Охране Природы. Поставив свой катер класса «атмосфера-4» по имени «Беркут» на его законное место в ряду таких же точно «четверок», Левицкий вышел и привычно окинул взглядом ангар. Четыре робота из группы технического обслуживания возились вокруг узла заправки энергоблоков, еще трое спешили к «Беркуту». Добравшись до катера, тройка разделилась — один вполз по опущенному трапу внутрь, второй забрался наверх, третий нырнул под брюхо корабля. Больше в просторном помещении ангара никакого движения не наблюдалось. Раньше здесь непрерывно кипела работа: кто-то стартовал, кто-то возвращался, шесть катеров одновременно проходили предстартовые или послерейсовые проверки, в пункте управления работала смена из двух дежурных техников и обязательно болтались двое-трое зрителей — в ожидании своей очереди на облет участка или просто убивая время за неимением более интересного занятия. Ребятишки из семей сотрудников постоянно умудрялись пробираться сюда поиграть, несмотря на суровый запрет и все меры предосторожности... Так было всегда с тех пор, когда десять лет назад молодой Герман Левицкий, демобилизовавшись из ВКС, устроился работать в Службу охраны заповедников и впервые попал на «Сектор-18» — одну из двадцати четырех станций, объединенных в контрольно-исследовательскую систему «Заповедник «Тихая» — орбита». Так было и четыре года назад, когда в связи с кризисом УОП урезало финансирование Службы, и там впервые заговорили о сокращении штатов.

Сначала свернули научные программы, находящиеся непосредственно в ведении Управления по Охране Природы, следом за учеными пришлось собирать вещи половине сотрудников техслужб. Несмотря на это, никто всерьез не боялся того, что Управление пойдет на уменьшение числа рабочих мест зрителей заповедников — костяка и основы основ СОЗ. Однако оно пошло на это. В каждом

секторе ликвидировали оба подсектора, Юг и Север, оставив только Центр; корпус смотрителей сократился сразу втрое. Множеству прекрасно подготовленных, опытных специалистов пришлось искать себе другую работу, и мало кому из них это удалось. Но первый жестокий удар по системе контроля, фактически оголивший планету, оказался не последним. Сначала упразднили дополнительную смену, и оставшимся пришлось работать без выходных. Потом произошло сокращение рабочих смен. А кончилось тем, что в конце концов на некогда многолюдной станции из смотрителей остался только Герман Левицкий.

В настоящее время все население «Сектора-18» насчитывало три человека: он сам, его жена Эвелин, временно исполняющая обязанности старшего техника, и их сын Эрик. Несмотря на то, что мальчику было только тринадцать (на днях стукнет четырнадцать, ты обязан его хоть чем-то порадовать, напомнил себе Герман), он фактически выполнял работу наблюдателя, и выполнял неплохо. Именно он дежурил неделю назад, когда пришел сигнал бедствия с поверхности планеты, и действовал не хуже любого взрослого — работая в паре с киб-мастером станции, взял пеленг, обработал информацию, дал команду на пункт управления вывести катер на стартовую площадку и только тогда разбудил отца. Герман плюхнулся в пилотское кресло одновременно с сигналом готовности к старту, подготовленный сыном материал просмотрел уже по дороге — там было все, начиная от прогноза погоды в районе поиска и кончая анализом возможных причин энергоинформационных всплесков в квадрате, из которого шел сигнал чужого SOS-передатчика.

Молодец он у меня, с гордостью подумал Левицкий. (Тем более, постарайся придумать что-то ему на четырнадцатилетие!) Эрик был удивительно любознательным и вдумчивым ребенком. Любознательность его носила строго целенаправленный характер, и если уж он чем-то увлекался, то всерьез и надолго. Недавно опять нашел себе занятие — пытался разгадать секрет непонятной энергоинформационной активности, очаги которой иногда (крайне редко, но всегда внезапно) возникали в самых разных уголках Тихой и столь же внезапно исчезали, не имея никаких видимых причин и не оставляя после себя поддающихся научному изучению следов.

Левицкий, как, наверное, каждый, кто работал на Тихой, был знаком с этой проблемой, правда, в самых общих чертах. Выглядело все так, как если бы на поверхности планеты внезапно возник город, битком набитый людьми и техникой, энергостанциями, передающими и принимающими устройствами связи — приборы орбитальных станций ловили широкополосный радиосигнал, не поддающийся расшифровке, но явно осмысленный, упорядоченный. Центр активности мог находиться посреди джунглей или в покрытых вечными снегами горах, на дне океана или в толще его вод. Но самыми интересными были сгустки таинственных излучений и полей, появляющиеся время от времени в атмосфере. Тогда «город» казался свободно парящим в воздухе; при этом приборы отказывались регистрировать сколько-нибудь заметную концентрацию массы, будто бы сигнал шел ниоткуда, не имея никакого материального источника. Ученые выдвигали самые различные, противоречащие друг другу теории, но ни к какому общему мнению за все двести лет изучения Тихой так и не пришли, сходясь только в одном: феномен не имеет ничего общего с известными науке природными процессами и носит ярко выраженный искусственный, техногенный характер. В то же время ученые мужи отрицали возможность существования на планете неизвестной высокоразвитой цивилизации или присутствия на ней представителей инопланетного разума, резонно полагая, что должны существовать какие-то более ощутимые признаки деятельности таковых, помимо неуловимых и почти не поддающихся анализу фантомных проявлений.

Трудности усугублялись еще и тем, что феномен, условно названный «эффектом города», так и не удалось привязать к каким-либо событиям, местам, действующим лицам или природным явлениям. Каково бы ни было его происхождение, он, очевидно, никак не был связан ни с деятельностью на планете людей (хотя энерговсплеск очень часто возникал именно в местах высадки на планете научно-исследовательских групп — в двадцати шести процентах случаев), ни с туземцами, представлявшими коренное население Тихой (хотя «эффект города» нередко давал о себе знать именно вблизи их поселков — восемнадцать процентов). Провалились и попытки согласовать этот феномен с другим, не менее странным и загадочным: биополе планеты, обычно имеющее на экранах

орбитальных биорадаров вид окутывавшего Тихую со всех сторон тонкого слоя тумана всех оттенков красного цвета, вдруг начинало вибрировать, шло волнами, как поверхность воды, в которую бросили камень. Волны мощных возмущений обегали всю планету и возвращались к месту «падения камня». Ничего подобного ученые не видели ни в одном из населенных живыми существами миров, куда успели добраться люди к концу двадцать пятого века...

Левицкий очнулся, мельком удивившись, насколько глубоко он погрузился в раздумья. Обычно ему было свойственно совсем другое — меньше размышлять, больше действовать.

А если б наоборот, может, и не торчал бы сейчас в этой дыре, с ехидством заметил внутренний голос. Мог бы десять лет назад принять другое решение, остаться в армии, в которой нет и не предвидится сокращения штатов, в которой нет и не предвидится урезания жалования, офицеры которой дважды в год ходят в отпуск и могут себе позволить выполнить данное сыну еще три года назад обещание взять его с собой на самое настоящее сафари по Аквилее... Герман тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли. Он также не считал нужным заниматься бесполезным самобичеванием по поводу когда-то принятых решений, даже если они и оказались не совсем удачными. А вот поохотиться с сыном на Аквилее, похоже, не получится и в этом году, это правда.

Левицкий еще раз окинул взглядом ангар. Мерзость запустения — вот как мог бы он охарактеризовать то, что видел. Станция функционировала, но едва ли при этом использовалась десятая часть рабочих объемов. То же самое, он знал, и на всех остальных двадцати трех станциях системы «СОЗ-Тихая». То же самое на станциях остальных трех заповедников А-группы. О рядовых природоохранных заповедниках и речи нет — там дела обстояли еще хуже.

Поднявшись на лифте из техблока станции в жилищно-хозяйственный блок, Герман первым делом прошел в душ. Чувствовал он себя не то чтобы плохо, но на сердце было прескверно, и ему не хотелось случайно испортить настроение жене и сыну. Подходило время обеда, Эвелин уже наверняка на камбузе, готовит что-нибудь вкусненькое. Повезло тебе с женой, смотритель, улыбнулся про себя Левицкий. Повезло гораздо больше, чем ты того заслуживаешь. И с женой, и с сыном. Эрик очень походил на Эвелин не только внешне, но

и по характеру, и чем взрослей он становился, тем больше это бросалось в глаза. Где он сейчас? Да как обычно — сидит, наверное, на пункте наблюдения, или опять гоняет Пана, киб-мастера научного отдела, по интересующим его вопросам. «Эффект города» и прочее... Кажется информаторий — единственное, что у нас работает со стопроцентной нагрузкой, подумал Герман. И все благодаря Эрику. Его уже и ученые из Центра^[16] все в лицо знают, он не раз бывал у них в гостях в большом орбитальном комплексе, вращающемся вокруг Тихой по высокой экваториальной орбите, даже заслужил похвалу самого начальника-координатора научно-исследовательских групп Иванова. Всемирно известный ученый, совершивший за свою долгую карьеру десятки громких открытий, не поленился лично связаться с «Сектором-18».

— Ваш ребенок, по-моему, имеет все задатки талантливого исследователя, — сказал Иванов. — Не мое, конечно, дело вам указывать, господин Левицкий, но на вашем месте я приложил бы все усилия для того, чтобы по окончании общеобразовательной школьной программы направить Эрика учиться в Институт внеземных цивилизаций — или любой другой, который он выберет. Я лично готов дать свою рекомендацию, а по окончании учебы предоставить Эрику возможность пройти практику здесь, у нас — если только к тому времени все еще буду директором Центра.

— Спасибо, — выдавил удивленный и одновременно польщенный Герман.

— Не за что. Такой энтузиазм и прилежание, как у вашего сына, всегда приятно видеть. Что же касается дисциплинированности... — Тут Иванов метнул свирепый взгляд в сторону — на кого-то, кого Левицкий на экране видеть не мог. — Что касается вопросов дисциплины и корректности исследований, то у него могли бы поучиться многие наши сотрудники со стажем.

Герман вышел из душа и тщательно растерся полотенцем. Мысли о том, что у Эрика, возможно, большое будущее, заметно подняли ему настроение. Сам он был человеком простым, можно сказать — ограниченным, из-за чего втайне страдал. Даже близкие друзья, он знал это, втихомолку над ним посмеивались. Левицкий пожал могучими плечами. Что ж, пускай он ограниченный человек. Но в этом мире пока еще есть место людям, подобным ему, простым и прямым,

как ровная дорога, с такими же прямыми взглядами на жизнь. Он решал что-то — и делал, не заглядывая далеко вперед, да и не был на это способен. Просто изо дня в день выполнял свою работу. К счастью, Эрик пошел не в него, а в мать. Может, ему повезет в жизни больше. Надо подумать, где достать денег сыну на институт... И как, черт тебя возьми, ты собираешься отметить его день рождения, решил наконец? Попробуй устроить праздник — и Эрику... и Эвелин. Ей тоже... Уже три года Левицкий не был в отпуске, и три года они никуда не выезжали вместе. Эвелин отказалась ехать куда-то без него. Эрик первые два года летал погостить к родителям жены, но на этот раз не захотел и остался.

Герман прошел по коридору на камбуз. Последний год, когда Левицкие остались на станции совсем одни, они отказались от обедов в кают-компани. Просторное помещение казалось слишком большим, чтобы чувствовать себя уютно во время семейной трапезы. Поставили один из столов, взятых оттуда, прямо на камбузе, организовав «некое подобие семейного очага», как выразилась Эвелин. Она уже была там; робот-горничная расставлял на столе тарелки. Герман подошел к жене, обнял сзади, поцеловал в шею.

— Ну что, на участке все спокойно? — спросила она.

— Вроде да, — ответил Герман, опускаясь на стул.

Оба прекрасно понимали, что даже с помощью самого совершенного оборудования невозможно в одиночку контролировать территорию сектора, раскинувшуюся от полюса до полюса, с поперечником в две тысячи километров на экваторе, невозможно даже просто облететь ее за смену. Качество контроля и при полном составе персонала станции оставляло желать лучшего. В ближайших планах УОП до кризиса планировалось увеличение штатов, а вовсе не их сокращение, замена устаревшего оборудования на новое, чтобы полностью перекрыть несанкционированный доступ в заповедник. Браконьеры, правда, не особенно часто беспокоили, на Тихой им почти что нечем поживиться, но, случалось, заглядывали и они. Проблему посерьезнее представляли всякого рода экстремалы и просто любители острых ощущений, которым доставляло истинное удовольствие поиграть в прятки со зрителями и ребятами из Службы внешнего контроля Комиссии по Контактam. Немало хлопот было и с учеными Иванова — несмотря на угрозу немедленной

дисквалификации, после которой специалиста не приняло бы на работу ни одно уважающее себя научное учреждение, они постоянно нарушали все, что можно нарушить, и то и дело норовили сунуть нос в поселения туземцев. Дай им волю, они бы этих бедных аборигенов с ног до головы обвешали своими датчиками; запрет Комиссии на любые контакты с туземцами стоял у них костью поперек горла. СВК, как служба, находилась еще в зачаточном состоянии, ее команды не были пока толком укомплектованы ни в одном из заповедников А-группы, значит, препятствовать незаконной или неэтичной деятельности «очкариков» должны были опять-таки смотрители. Короче, забот хватало и раньше, а теперь, когда на каждого смотрителя приходился кусок планеты площадью двадцать пять миллионов квадратных километров, задача из сложной превратилась в нерешаемую.

— Послушай, Герман... — Эвелин на секунду замерла, стоя спиной к нему. — Неужели то, что говорят о сокращении четных секторов, может оказаться правдой?

— Я не знаю, Эви. — Левицкий устало вздохнул. — Теперь, по моему, все может случиться. Этот наш новый директор, Василиадис — так, кажется, его?.. Это тебе не Абдулла Шах, он не будет отстаивать интересы охраны природы до последнего. Ты заметила, что он с самого момента своего назначения ни разу и не появился ни на одной из станций? Даже на главном узле управления сотрудники видят его от силы раз в неделю. Сидит в кабинете и со всеми общается по связи. Ему на все плевать кроме собственной карьеры. Я слышал, до кризиса он был всего лишь заместителем начальника подсектора в заповеднике Валленау, и подняться выше ему не светило, а уж стать директором заповедника А-группы... Он даже специфики нашей работы толком не знает, ведь Валленау — обычный природоохранный заповедник, С-группа... Так что если речь пойдет о пятидесятипроцентном сокращении штата и о консервации половины станций, я думаю, Василиадис вряд ли будет защищать в УОП чьи-то интересы, помимо своих собственных. Принципиальные люди, вроде Шаха, уходят, а их места занимают приспособленцы, наподобие Василиадиса.

Эвелин обернулась.

— Но почему именно четные сектора? — Она смотрела на Германа так, как будто бы он знал ответ или же мог повлиять на

решения, принимаемые верхушкой Управления по Охране Природы.

— Понятия не имею. — Поймав жалобный, почти умоляющий взгляд жены, он встал и обнял женщину. — Да ты не волнуйся так, ничего ведь еще не решено, пока это всего лишь слухи. К тому же, закрытие четных секторов еще не означает обязательного увольнения всех, кто работает именно на этих станциях, — добавил Герман, надеясь, что довод звучит убедительно. — Три года назад я был только начальником смены в одном из подсекторов, а теперь я начальник всего «Сектора-18», пусть даже мне и не приходится командовать ни кем, кроме себя самого да вас с Эриком. Кстати, где он? Что-то не спешит сегодня к обеду.

— Я здесь па.

В дверном проеме показалась улыбающаяся физиономия Эрика. Всегда он так: просунется в дверь, проверяя — не помешал ли? — и только потом войдет.

— Прошу всех к столу, — пригласила Эвелин.

— Привет, исследователь! — Левицкий пожал сыну руку, а затем потрепал его по коротко остриженной курчавой голове. — Как успехи?

— Пока неважно, — отозвался Эрик, отодвигая стулья — сначала для матери, потом для себя.

— Не переживай, у тебя все получится.

— Я не переживаю. Профессор Иванов любит говорить, что отрицательный результат — это тоже результат.

— Ты понравился ему, — сказал Герман.

— И он мне, — ответил Эрик. — Замечательный человек, а знает больше, чем киб-разум класса «абсолют».

— Не очень-то завидуй, он старше тебя в несколько раз. А то ты последнее время слишком увлекся гипнообучением... Прошу тебя, не превышай свою возрастную норму. И не забывай давать себе отдых после этого. Информация, как и пища, должна сначала как следует перевариться.

— Не беспокойся, па. Я, правда, установил уровень на восемнадцать лет... Но ведь мне уже почти четырнадцать, — не совсем логично закончил Эрик. — Даже Эскулап ничего не имеет против, я регулярно тестируюсь у него, можешь сам проверить. — Эскулапом они называли киб-мастера медицинского центра станции.

— Я тебе верю на слово.

Какое-то время они обедали в полном молчании, потом Левицкий спросил, какие у сына планы на вторую половину дня.

— Подежурю пару часов после обеда. — Эрик немного помялся, потом добавил: — Полную смену сегодня не смогу, у меня будут гости.

— Мы и не обязаны дежурить круглосуточно, — сказал Герман. — Что касается тебя, то ты и так очень хорошо помогаешь нам с мамой... А кто будет?

— Ты ее знаешь, она уже у нас бывала... Катя Сандерс.

— Это та самая симпатичная брюнеточка, дочка Клайва Сандерса? Ясно, а то я все думал — что это ты зачастил на «Сектор-7»? Летаешь туда чаще, чем к Иванову... — Эрик слегка покраснел и неловко заерзал на стуле. — Ну, извини, извини. — Герман поднял вверх обе руки. — А ведь она и вправду настоящая красавица.

— Правда, Эрик, она очень милая, — поддержала Эвелин. — Это просто замечательно, что у тебя есть девушка.

После обеда Левицкий пошел в их с Эвелин каюту, чтобы немного отдохнуть. Эрик раньше жил в каюте по соседству, но год назад переселился на другой уровень жилого блока, и Герман ему не препятствовал. Если мальчику хочется больше свободы и самостоятельности — что ж, пожалуйста. В конце концов, он уже был достаточно взрослым.

Зайдя в комнату, Левицкий скинул комбинезон и, растянувшись на кровати, закрыл глаза. Однако уснуть не удавалось. На ум постоянно приходили события недельной давности. Эта история с — как его там? — Паго Нвокеди, подействовала на Германа больше, чем должна была бы. С первого взгляда — просто еще один нарушитель. На деле...

На деле все это отдавало чем-то непонятным и неприятным. Началось с того, что вылетев по сигналу тревоги, Герман потерял пеленг объекта уже через несколько минут после старта. Сам объект поиска на запросы не отвечал и повторно на связь не вышел. Ничего не оставалось, как только идти на предельной скорости к точке, из которой в последний раз исходил сигнал. К этому времени Левицкий уже знал, что корабль Нвокеди находится на берегу Жемчужного озера, на территории соседнего сектора. Парень забрался чертовски далеко от него и, судя по скорости его передвижения в тот период, пока Герман видел на экране радара красную точку, отмечающую сигнал SOS-

передатчика, шел пешком, точнее — бежал. Мало того что Нвокеди по каким-то причинам не использовал аэроскутер, так он еще и двигался, почему-то, в противоположную от своего корабля сторону. Прибыв на место, Левицкий удивился еще больше — непосредственно в районе поиска находился неопознанный корабль с глухо молчащим маяком, не отвечающий на запросы. Это был катер класса «атмосфера-2», принадлежащий научно-исследовательскому центру «Тихая», о чем свидетельствовала эмблема на борту. Оставив свой корабль висеть в воздухе над деревьями недалеко от поляны, Левицкий связался с Клаусом Кнохеном, смотрителем семнадцатого сектора. Тот уже сидел на режиме минутной готовности к вылету, как и смотритель «Сектора-19» Себастьян Реале. Нет, сказал Клаус, никакой путаницы. Корабль с позывным «Клен» совершил посадку на берегу Жемчужного озера позавчера, и никуда больше не перемещался, если судить по показаниям приборов, конечно. Да, корабль принадлежит научному центру «Тихая», и некий Паго Нвокеди, ксенокультуролог, действительно взял его с целью провести очередной недельный отпуск в открытом для подобных целей районе заповедника, допуск разрешен.

— Слушай, Клаус, двигай к озеру и проверь место посадки, — сказал Левицкий. — Похоже, этот Нвокеди всех надул.

Он опустил еще ниже и снова попытался связаться с чужим катером. Киб-мастер «Беркута», носящий то же имя, тем временем обшаривал локаторами близлежащие заросли.

— Вокруг все чисто в радиусе километра, — наконец доложил он. — Если хочешь знать, что там дальше, придется сделать круг.

— Так сделай, — буркнул Герман, хотя чутье ему подсказывало, что дальнейшие поиски бесполезны. Или парень внутри своего корабля, или его здесь вообще нет. Культуролог Паго Нвокеди явно затеял темную игру и мог выкинуть какой-нибудь фокус с SOS-передатчиком, как до этого — с маяком. Левицкий ни минуты не сомневался в том, что именно Клаус найдет на озере. И — точно.

— Катера нет, Герман, — сообщил Кнохен, когда «Беркут» уже почти завершил круг с радиусом три километра. — Маяк здесь, к нему прицеплен передатчик и кристалл киб. Вся конструкция находится в палатке, защищенной барьером, я его отключил. Киб — наверное, копия его личного секретаря, запрограммирован передавать домой, в Центр, и мне, на «Сектор-17», дежурное: «У меня все в порядке». Он,

в случае чего, готов ответить на вызов, имитируя Нвокеди, и информирует всех, кто может оказаться в радиусе десяти километров: «Зона отдыха сотрудника Независимого научного центра «Тихая». Убедительная просьба не беспокоить». Неплохо для новичка.

Последняя фраза означала, что Клаус (как и Герман) уже успел проверить досье приткого культуролога и выяснил, что тот еще ни разу не попался в качестве нарушителя ни Службе охраны заповедников, ни Комиссии по Контакткам. Что, конечно, не значило, что Нвокеди в прошлом вел себя примерно, но все-таки...

— Так, — сказал Левицкий. — После твоего открытия мы имеем дело с явным нарушением, точнее — попыткой ввести в заблуждение службу контроля... Этот парень по роду занятий интересуется туземцами, правильно?

— Ну, насколько я понимаю в званиях ученых, да, — отозвался Клаус.

— А так как мы не думаем, что он демонтировал маяк со своего корабля просто забавы ради, — продолжал Герман, — я немедленно поставлю в известность ребят из СВК. Спасательная операция осложняется, придется совмещать ее с расследованием по факту... По факту чего — это уже другой вопрос. Единственное нарушение, которое мы можем считать доказанным, он совершил на территории твоего сектора, Клаус, но у меня предчувствие, что главную пакость, ради которой все затевалось, сотворил в моем. Так что пока расследованием команду я, а уж потом разберемся с юрисдикцией.

— Если Нвокеди занимался аборигенами, надо свалить дело Комиссии по Контакткам, — предложил слушавший их разговор смотритель «Сектора-19» Себастьян Реале. — Пусть они с ним возятся.

— Несомненно, мы постараемся, но пока ничего неясно, — сказал Герман. — Себастьян, возьми оборудование, чтобы вскрыть «Клен». Клаус, поставь барьер вокруг палатки обратно, но смени код, чтоб только мы могли его отключить — теперь это вещественное доказательство. Потом оба давайте сюда. Я пошлю уведомление о происшествии СВК. Эрик, ты меня слышишь?

— Слышу тебя, па.

— Покопайся в записях приборов и выясни, как мы могли проморгать «Клен». Радары должны были что-то зафиксировать,

несмотря на отсутствие маяка.

— Я уже. Группа биологов готовилась проводить плановые исследования в нашем секторе, маршрут не определен — свободный поиск. Я связался с научным центром — они в последний момент отменили рейс, а нас в известность не поставили.

— Как всегда. Растяпы.

— Так что он даже систему маскировки не включал. Наш киб-наблюдатель видел «Клен», но принял его за корабль биологов. — Эрик помолчал. — Я думаю, маяк у озера он оставил не для нас, а для своих. Чтоб Иванов ничего не заподозрил.

— Неплохо соображаешь, супермальчик, — похвалил Левицкий. — Если не станешь ученым, быть тебе смотрителем заповедника.

Он велел Беркуту подготовить сообщение о ЧП для Комиссии по Контактам и откинулся в кресле. С помощью роботов-спасателей, которыми укомплектован каждый корабль СОЗ, Герман мог бы и сам попытаться проникнуть в «Клен», это ведь всего лишь «двушка», банка консервная, и вскрыть ее ничего не стоит, но решил на всякий случай подождать прибытия Себастьяна с полным комплектом спецтехники. Береженного Бог бережет. Девять лет назад, когда Левицкий был еще стажером Службы, работники четвертого сектора обнаружили бесхозный прогулочный катер на одном из островов архипелага Гринберга. В нем была бомба, скрытая с помощью маскировочных экранов так хорошо, что обычная «просветка» ничего не показала... Погиб один смотритель, второй чудом остался жив после того, как его корабль на подходе к острову сбило ударной волной. Случай, конечно, беспрецедентный, мало кто даже из контингента полных психов так ненавидит Службу охраны заповедников. Но тем не менее... Позже Левицкий признался себе, что в этом случае его подвела интуиция — слишком уж он был уверен в том, что с Паго Нвокеди ничего не случилось, и «культуролог на отдыхе» просто водит их за нос, преследуя какие-то свои цели. Ошибся... Это Левицкий понял сразу же после того, как попал в шлюзовую камеру «Клена». Нвокеди выглядел просто ужасно, портативный медицинский диагностер определил его состояние как тяжелейший нервный шок на грани клинического идиотизма. Герман с Клаусом без дальнейшего разбирательства запихнули пострадавшего в переносной реанимационный блок и отправили на главную базу —

узловую орбитальную станцию СОЗ — на прибывшем оттуда корабле. Себастьян Реале вышел из рубки «двушки», недоуменно пожимая плечами.

— Киб катера в таком же состоянии, как и хозяин, — сказал он. — Выдает на выходе бессмысленный набор символов. Выглядит очень похоже на бред или лепет грудного младенца. Если и можно что-то из него вытащить, то только не здесь.

— Управлять катером можно? — спросил Герман.

— Ручное управление в порядке. Сейчас дам знать на Главную — пусть пришлют еще один корабль и своего пилота.

— Может, пока просто демонтировать матричный кристалл? — спросил Кнохен.

— Корабль так и так отсюда забирать, — возразил Реале. — Чем раньше, тем лучше. Герману потом одному здесь дел хватит и без эвакуации техники, а пока мы поможем, раз все равно здесь. И желательно при этом на сто процентов напярчь дармоедов с Главной.

— Надо еще найти скутер, — напомнил Левицкий. — Думаю, найдя его, мы найдем и все остальное. Нвокеди притащил на планету целую кучу оборудования, очень далекого по назначению от культурологии. Эрик связался с Ивановым, и старик как следует потрянул своих биологов. Он уже нашел того, кто дал, а потом отменил заявку на проведение исследовательского рейда. Это некий Ноэль Кристофер, приятель Нвокеди. Он признался, что под честное слово выдал Паго спецкомплект приборов из ксенобиологического арсенала, хотя и не представляет, зачем они ему понадобились.

— Этому Иванову надо следователем работать, а не директором Центра, — усмехнулся Реале.

— С его анархистами станешь и следователем, и кем хочешь, — отозвался Клаус. — Поехали дальше? Мы с Себастьяном пройдемся на скутерах вокруг, у земли, а ты подстрахуешь отсюда. Заодно встретишь катер с Главной.

— Забудь об этом, — сказал Герман. — Что-то вывело из строя киб корабля Нвокеди, а его самого превратило в полного кретина. Мы и так глупо поступаем, что торчим здесь все втроем на открытом месте. Пойдем на своих катерах — все.

— Что на Тихой может генерировать излучение, которое способно пробить защиту «двойки»? — задумчиво проговорил Клаус.

— Это станет ясно после того, как спецы-интеллектроники проверят Клена и прочую автоматику в условиях лаборатории, — ответил Реале. — А предварительный вывод могу выдать вам уже сейчас. В защите нет никаких пробоев. Нвокеди держал связь с кораблем через SOS-передатчик, потому что киб его спецкостюма к тому времени находился в таком же состоянии, как сейчас Клен. Он, очевидно, дал приказ подобрать его. Это вытекает из характера следов на земле — корабль вначале стоял у противоположного края поляны, а Нвокеди приближался с другой стороны. После того, как передатчик вышел из строя, Клен был вынужден открыть люк — не только потому, что должен был подобрать Нвокеди, но и потому, что больше его не слышал. Он открыл люк и перевел на уровень максимальной чувствительности все сенсоры, внутренние и внешние. Для этого, естественно, ему пришлось снять защиту. После чего он и стал уязвим для энергоинформационной атаки. Таков самый вероятный сценарий.

— По машинам, — тихо сказал Левицкий. — Защиту на максимум. Для начала надо отснять каждый квадратный миллиметр поверхности этой поляны. Потом разворачиваемся веером и идем по кругу.

Аэроскутер Нвокеди они нашли в пятнадцати километрах, на полянке поменьше. Машина висела в воздухе между двумя деревьями, намертво запутавшись в лианах. Себастьян забрался наверх и подцепил к макроинформеру киб-диагностер.

— То же самое, что с Кленом, — сказал он через минуту. — Скажу ребятам с Главной — пусть забирают и его.

— Видишь что-нибудь подозрительное? — спросил Левицкий Клауса, который, сидя в своем катере, подстраховывал их сверху.

— Ничего. Несколько крупных животных, судя по биоритмам — гориллы Фостера, все время толкуются вокруг, но близко они не подходят. Похоже, они с самого начала нас «пасут».

— Вижу двух из них, — ответил Герман. — Чертовски любопытны — как и всегда. И осторожны.

Согласно правилам предварительного расследования, мало было заснять место происшествия с корабля — наблюдатель, исполняющий обязанности следователя, должен, по возможности, задокументировать все с земли. Сейчас такая возможность имелась, и Левицкий, подойдя к неумело устроенной охотничьей засидке, встал так, чтобы

встроенная в его комбез камера наиболее подробно запечатлела саму засидку, установленную в ней аппаратуру и валяющуюся в траве автоматическую винтовку. Подождал с полминуты и перешел на другую точку, потом на третью. Сам он все это видел еще сверху, с корабля. Маскировку Нвокеди сделал так себе — просто несколько воткнутых в землю веток. Впрочем, для отстрела неосторожных полуслепых животных и такой достаточно... Подошел Себастьян и проверил с помощью киб-диагностера приборы. Поднял глаза на Германа, но ничего не сказал. И без проверки было ясно, что они в том же состоянии, что и остальная электроника.

Потом они прошли вперед и остановились перед местом, где Паго Нвокеди устроил бойню — другого слова Левицкий подобрать не мог. Герман, сам заядлый охотник-любитель, не соглашался с теми, кто считал охоту бессмысленной жестокостью. Он не видел ничего плохого в том, чтобы поощрять соответствующие интересы и склонности сына. В свои тридцать шесть он успел добыть множество животных, среди которых были и весьма завидные трофеи, однако всегда свято соблюдал и закон, и неписаную охотничью этику. А здесь... То, что Левицкий увидел здесь, его, без преувеличения, потрясло. Десять многоногих броненосцев умертвили самым зверским способом. У каждого перебит выстрелом средний отдел позвоночника и поврежден спинной мозг, играющий, помимо прочего, важную роль в координации движений многочисленных пар ног. Долго же они мучились... Один был еще жив. Нет, скорее — одна. Герман подошел ближе. Точно — беременная самка. Она чуть шевельнула головой, из глубины почти мертвого тела вырвался надрывный вздох. Герман достал пистолет.

— Не стоит... — начал Себастьян, но Левицкий посмотрел на него таким взглядом, что тот замолчал и отступил на шаг.

Герман добил несчастное животное выстрелом в голову. Это было нарушение следственных действий, и камера, несомненно, все зафиксирует, но... Очень хорошо, что они уже успели отправить на орбиту Паго Нвокеди. И очень хорошо, что здесь нет ни одного крючкотвора из профессиональной следственной группы. Позже они не преминут напомнить ему, что акты милосердия не входят в обязанности зрителя, проводящего предварительное расследование; что любые действия, способные нарушить общую

картину места преступления, не продиктованные острой необходимостью, являются... Но до этого далеко, и он успеет успокоиться. И тогда у него не будет при себе оружия.

— Кажется, наша миссия здесь завершена, — сказал Левицкий, пряча пистолет в кобуру. Он посмотрел на Себастьяна: — А на счет технического хлама ты был прав — оставим его работникам Главной. Приберут все и без нашего участия.

Но улететь сразу не получилось. Высоко в небе проявилась маленькая черная точка, стремительно выросла в размерах и превратилась в открытый шестиместный аэроглиссер. Аппарат сделал круг над поляной и приземлился в ее дальнем конце. Четверо пассажиров и пилот спрыгнули на землю, у троих за спиной висели автоматические винтовки с подствольными гранатометами, а в руках они держали приборы, похожие на портативные биорадары. Стрелок остался в своем кресле у сдвоенного крупнокалиберного пулемета на поворотной турели, она медленно вращалась по часовой стрелке. Как на войну собрались, подумал Левицкий, но меры предосторожности и выучку вновь прибывших сумел оценить — с кем только не приходится сталкиваться сотрудникам государственных служб на территории заповедников. Тройка с радаром разделилась, и люди нырнули в окружающие поляну заросли, двинувшись каждый в своем направлении; двое подошли к зрителям. Левицкий еще издали узнал серебристую, с черными полосами, форму сотрудников Комиссии по Контакткам.

— Аркадий Бабурин, — протянул руку Герману высокий парень с веселыми карими глазами.

— Кэй Шентао, — представился второй, низенький, с бесстрастным лицом языческого идола.

— Боюсь, для вас тут нет ничего интересного, ребята, — после взаимных приветствий и представлений сказал Клаус, который вылез из своего катера и тоже подошел к собравшимся.

— А мы боимся, что есть, вот и прилетели проверить и успокоить свою душу, — улыбнулся высокий. Герману он сразу понравился своей открытостью и непосредственностью. — Вам же известно, сколь мнительные люди работают в Комиссии. Чуть что, и нам уже мерещится в любом непонятном случае рука инопланетян. Или мерзавцев, что на них посягают... Мы вам не мешаем, только

проверим инцидент с Паго Нвокеди на предмет участия в событиях наших бесценных подопечных... И еще кое-кого, — загадочно добавил он.

— Нвокеди — обычный браконьер-научник, — пожал плечами Реале. — А туземцев здесь и близко нет, вы же знаете. Их ближайшие поселения за несколько тысяч километров отсюда... Или появились?

— Нет аборигенов, так, глядишь, найдется кто-нибудь другой, — ответил низкорослый.

— У Комиссии новые интересы на Тихой? — изумленно вздернул брови Клаус Кнохен. — Неужели нашли еще одну цивилизацию по соседству с туземной? А ну-ка, расскажите! Вот была бы новость!

— Еще не нашли. Но, надеюсь, найдем, — снова улыбнулся высокий, и неясно было, шутит он или говорит серьезно. — Вам сообщим первым. А пока посвятите меня в подробности...

Узнав все интересующие его детали и личное мнение зрителей о произошедшем, Бабурин повернулся к Шентао:

— Нет сомнений, у Нвокеди те же симптомы, что и у прочих пострадавших. Он тоже столкнулся с этими существами. А его аппаратура... Киб-мастер... Такие же точно признаки поражения, как...

Он умолк, затем обратился к Левицкому:

— Мы немедленно свяжемся с руководством СОЗ и лично Василиадисом, но и вам нужно послать ему подтверждение. Вся техника и аппаратура, эвакуированная из района ЧП или еще подлежащая эвакуации, переходит под непосредственный контроль Комиссии по Контакткам. Без нашего участия дальнейших исследований ее не предпринимать. Район ЧП объявляется закрытой зоной вплоть до прибытия профессиональной следственной группы и проведения следственных мероприятий. Вам троим придется прибыть на главную базу СОЗ для личного доклада на заседании местного отделения Комиссии.

Герман кивнул, про себя отметив, что контактеры прилетели на открытом глиссере, а не на катере, и очень уж быстро добрались. Вероятно, их лагерь на поверхности планеты находится неподалеку отсюда, на территории его сектора. Но разве они скажут...

Теперь зрителям делать здесь действительно больше было нечего, и они пошли к своим кораблям.

* * *

Проснувшись через несколько часов, Левицкий первым делом сходил на камбуз выпить чашку кофе. Конечно, можно воспользоваться баром в каюте, связанным с камбузом линией доставки, но лучше пройтись. На этой проклятой станции слишком мало возможностей для физической нагрузки, а обязательные тренировки в спорткомплексе он частенько пропускал, надеясь на свое несокрушимое здоровье. Но если совсем не двигаться, Эскулап во время очередного медосмотра опять начнет читать нотации насчет перспективы потери должной физической формы.

Потом Герман отправился на пункт наблюдения — работать. Не успел он как следует устроиться в кресле, как киб сообщил, что на связи Главная, директор заповедника, собственной персоной.

— Давай, — сказал Левицкий.

На экране появился Василиадис. Герман обозначал про себя таких индивидов одним словом — дохляк, и знал, что директор успел получить среди сотрудников заповедника кличку Заморыш, а начальник «Сектора-9» Олег Лобанов называл его Лысик — за необъятных размеров лысину.

— Я лично связался с вами, Герман, чтобы сообщить крайне неприятную новость, — откашлявшись произнес директор. — На совете УОП принято решение о ликвидации... временной ликвидации четных секторов «СОЗ-Тихая» и консервации орбитальных станций под четными номерами. Я мог бы разослать уведомление по связи, но предпочел сообщить все лично, — повторил он. — Мне очень жаль.

— Ликвидация секторов подразумевает... — У Германа разом пересохло в горле, и он с усилием сглотнул. — ...подразумевает обязательное увольнение сотрудников этих секторов, или... Или всем оставшимся устроят очередной отборочный конкурс... на выживание?

— Мне очень жаль, Герман. — Василиадис уже явно жалел, что не ограничился формальным уведомлением. — На сей раз конкурса не будет. Все вы слишком хороши, чтобы выбирать между вами, все вы настоящие профессионалы и преданные своему делу люди... — Директор то и дело останавливался, с трудом подбирая слова. — Руководство УОП считает, что в проведении конкурса нет никакого смысла. Невозможно выбрать лучших из лучших. — Это была попытка подсластить пилюлю. Жалкая попытка, надо сказать. — Будут

сокращены сотрудники ликвидируемых секторов Службы. Подготовка к консервации орбитальной станции «Сектор-18» должна быть завершена в течение месяца.

Скомкав прощальную фразу, Василиадис выключил связь. Герман сидел, слегка оглушенный новостью. Он, конечно, ожидал чего-то подобного — слухи ходили уже давно. Но он не думал, что это случится так скоро. Прощай, работа. Новую будет найти чрезвычайно сложно: безработица среди трудоспособного населения Галактики на пятый год с начала кризиса достигла почти сорока процентов. Прощай, обещанное сыну сафари на Аквилее... И вообще где угодно. И крайне тяжело, если вообще возможно, будет собрать деньги на учебу Эрика в институте. А этот Василиадис...

— Чертов сукин сын, — глухо выговорил Герман. — Чертовы шлюхи! — присовокупил он, имея в виду руководство УОП. — Лучше бы сократили численность бездельников в собственной конторе... Бюрократы проклятые! Дармоеды... Лучше бы ты уволил свою потаскуху-секретаршу!.. — с внезапной яростью заорал он, уставившись на потухший экран. — Она же, наверно, даже и трахается неважно, не говоря о нормальной работе... Она бы переспала со всеми мужиками на Главной, да никто не берет! Только и осталось, что подстилаться под такого говнюка, как ты!..

Как сказать об этом Эвелин? Сказать придется, ведь она все равно узнает. Левицкий глубоко вздохнул. Он-то все же надеялся, что новых увольнений не будет. Не может же Управление по Охране Природы бесконечно сокращать штат СОЗ на Тихой, планета им и так уже практически неподконтрольна... Оказалось, что может. Ну и дьявол с ними.

Когда приходилось принимать решение, Герман делал это быстро. Работу он найдет. Обязан найти. У них есть еще месяц, а за месяц можно много успеть. Можно, например, самому организовать сафари для Эрика. Не на Аквилее, разумеется, но...

* * *

«Беркут» стоял на крохотном, свободном от деревьев пятачке у подножия одинокой скалы, возвышающейся над окружающими ее джунглями. Места здесь хватило только для того, чтобы посадить катер и разбить походный лагерь. Левицкий предпочел бы более открытое место, но Эрику, когда они вместе просматривали карты

Восточного Массива, приглянулся именно этот уголок, и Герман не стал спорить — в конце концов, он затеял весь проект с охотой в своем собственном секторе именно ради сына. Много лет он охранял заповедник от любых незаконных посягательств, и вот теперь сам готовился предпринять в высшей степени незаконные действия. Временами его начинали мучить угрызения совести, но лишь до тех пор, пока он не вспоминал потную лысину Василиадиса и его лживые соболезнования. Мало того, что после десяти лет безупречной службы его выбросили как мусор — Левицкий хорошо понимал, что теперь, когда весь штат зрителей будет состоять из двенадцати человек, планета так и так окажется открыта для любого, кто захочет здесь высадиться. Никакая техника слежения не поможет — должен же кто-то анализировать данные и принимать решения... Оставшихся не хватит даже для полноценного пассивного наблюдения, а о каких-то активных действиях не приходилось говорить и до сокращения четных секторов. И тогда зрители, в лучшем случае, могли разве что совершать свои ежедневные облеты, создающие видимость контроля, да вести «расследования по факту» уже совершенных нарушений.

Как в случае с Нвокеди... Еще один индивид, который, подобно Василиадису, заставил Левицкого пересмотреть свои взгляды на жизнь. Герману было безразлично, почему тот совершил то, что совершил — в интересах науки или еще чего-нибудь. На его взгляд, оправданий такой жестокости не было.

Сам Левицкий ничего похожего делать не собирался. Высадиться в разрешенном для отдыха районе не возбранялось никому: достаточно испросить разрешение в СОЗ, а сотрудникам заповедника или научного центра «Тихая» — у своего непосредственного начальства. Герман, естественно, не собирался обращаться с просьбами к Заморышу. За разрешением на отлов животных нужно уже было обратиться напрямую в Управление по Охране Природы (в некоторых случаях разрешался и отстрел особей, относящихся к популяциям с избыточной численностью), но Левицкий решил не делать и этого. Чтобы пробить такое разрешение через бюрократические заслоны УОП, требовалось время, а времени они ему сами не оставили; относительно же разрешенных к отстрелу видов Герман все знал и без них. Все еще колеблясь, он связался с Клаусом, хотел попросить

присмотреть за его территорией на время отсутствия и... И выложил ему все начистоту. Клаус хитро прищурился.

— Как это ты решился? — искренне удивился он. — Делай, что считаешь нужным, и не думай ни о чем. Знаешь, сколько народу успело поохотиться на Тихой без лицензии с тех пор, как Абдулла Шах ушел в отставку? Начальники УОП. Миллионеры, которым лень ждать разрешения. Шишки из правительства. Сами смотрители...

Герман с недоверием уставился на Кнохена.

— Ну что ты на меня так смотришь? — возмутился тот. — Ничто человеческое нам не чуждо. Удивительно, как ты сам-то столько времени терпел, ты ведь серьезный любитель... Мы с Олегом Лобановым не раз хотели тебя пригласить, да не решались — ты ведь у нас такой принципиальный, аж тошно. — Теперь Левицкий уже просто выпучил глаза, не в силах произнести ни слова. — Молчи, молчи уж лучше, — поморщился Клаус. — Собрался сделать это наконец, если не ради себя, то ради сына, так делай. А то я все жду, что у тебя вокруг головы засияет нимб святости...

Левицкий с минуту оторопело пялился на погасший экран, потом расхохотался. Вот черти! И кто — Олег с Клаусом! Отсмеявшись, мимоходом поразмыслил над тем, как быстро может измениться человек. Кнохен прав — год назад у него такие новости о друзьях смеха бы не вызвали. Теперь же он просто подумал — интересно, а кто еще?..

Эвелин отнеслась к затее неодобрительно, но она прекрасно понимала чувства мужа, и в каком он состоянии. Поэтому отговаривать не стала. Спросила только:

— Ты уверен, что правильно поступаешь? Относительно Эрика, я имею в виду. До сих пор ты старался привить ему совсем другие взгляды.

— Надо спросить самого Эрика, — сказал Герман. — Он давно хотел участвовать в сафари, и я обещал ему. Теперь, если не использовать этот шанс, у меня еще долго не будет случая исполнить обещание. Уверен, он все поймет правильно, а если решит отказаться, то не станет осуждать меня.

Эрик, со свойственной всем детям непосредственностью, пришел в восторг и не подумал отказываться.

— Но только если ты уверен, что тебе ничего за это не будет, па, — озабоченно сказал он, вдруг спохватившись и внимательно посмотрев на отца. — У тебя и без того в последнее время полно неприятностей.

— И, к сожалению, это наши общие неприятности, — сказал Левицкий. — Но никто не узнает. Знать будем только мы и Клаус Кнохен. Да и что мне могут сделать? Они уже все сделали. Даже если все откроется — ну, в крайнем случае, уберут из личной карточки отметку о преимущественном праве трудоустройства на прежнее место. Ну и что? Кризис закончится еще не завтра; когда будут восстанавливать рабочие места в СОЗ — неизвестно. И знаешь... — Левицкий на минуту задумался. — Если я и захочу быть в будущем зрителем заповедника, то, наверно, не этого. Здесь все не так стало после ухода Шаха. При нем бы я ни при каких обстоятельствах не пошел на такое. А о законности охоты не беспокойся. Я обещаю тебе, что при первой же возможности сделаю в кассу добровольных пожертвований УОП анонимный взнос, равный стоимости официальной разовой лицензии. Нарушение все равно останется нарушением, но так хоть совесть будет чиста...

Эвелин осталась на станции. Подготовкой «Сектора-18» к консервации, как старший техник, занималась непосредственно она. А Герман с Эриком вот уже второй день наслаждались жизнью на природе — в первый день только разбили лагерь и больше не делали ничего, просто отдыхали. На рассвете второго дня они устроили засидку у реки, соорудив помост в ветвях большого дерева, и через четыре часа им удалось подстрелить небольшого кабана, пришедшего на водопой. Стрелял Эрик, они вместе разделали тушу, и вечером, в дыме охотничьего костра и приятном запахе жареного мяса растворились последние сожаления Левицкого по поводу предпринятой незаконной вылазки на планету. Эрик был счастлив. Кабан, естественно, не тянул на тот трофей, которым можно было бы гордиться. Но настоящая охота еще впереди, а кабан — проба сил и мясо на шашлык.

На двенадцатилетие Герман подарил сыну профессиональную дальнобойную винтовку «Гриф». Два года Эрик пользовался ею только в тире; наконец пришло время применить полученные навыки на практике. Силу тяжести и плотность атмосферы Тихой без труда

сmodellировал бы киб-мастер на стенде тира станции, но мальчик непременно хотел освоить премудрость пристрелки оружия самостоятельно. Герман считал подобные навыки весьма полезными, поскольку не всегда есть возможность свалить все дела на интеллектронику и роботов. В сотне метров от лагеря, на узкой, но вытянутой почти на триста метров в длину прогалине, Эрик установил трехногий упор с зажимом для винтовки и развесил на деревьях мишени. Герман оставался в лагере. С прогалины слышались выстрелы — сначала громкие и отчетливые, потом еле различимые ухом хлопки, когда сын одел на дуло «Грифа» глушитель.

Левицкий только что переговорил по связи с Эвелин и Клаусом, завершил сеанс и собирался выйти из катера, как услышал по рации сначала крик, а следом за ним глухой рев. Вздвогнув, он выскочил наружу, подхватил свою винтовку и помчался к прогалине — теперь он слышал крики и звериный рык вполне отчетливо, но все смолкло прежде, чем он выскочил на открытое место. Там, склоняясь над обезглавленным телом мальчика, стоял огромный матерый хищник, каких Левицкий никогда не видел на Тихой. Похожий на гигантского волка, с уродливой вытянутой головой и мощными лапами, напоминающими человеческие руки, только с толстыми кривыми когтями, он был не менее ста тридцати сантиметров в высоту в холке и около трех с половиной метров в длину. Сгорбленный, готовый к прыжку... На беду Герман выскочил из леса слишком близко от него, но, несомненно, успел бы выстрелить — однако застыл как вкопанный, потому что почти у его ног лежала голова Эрика. Левицкий пошатнулся и закричал, кровь бросилась в лицо, перед глазами поплыли багровые пятна. Он вскинул винтовку, но секундой раньше зверь прыгнул и вцепился ему в горло, захватив и нижнюю часть лица. Борьба продолжалась не больше минуты. Герман выронил винтовку, но ему удалось достать пистолет; хищник трепал его, словно пустой мешок, таская по земле, а Левицкий стрелял наугад, ничего не видя, кроме кровавой пелены перед глазами, и ничего не чувствуя, кроме раздражающей горло боли, потом потерял сознание. Зверь встряхнул его тело еще несколько раз, и вдруг, разжав челюсти, выпрямился и застыл над ним в странной, напряженной позе. Постояв так некоторое время, он перешагнул через тело Германа и, потеряв к своим жертвам всякий интерес, двинулся в джунгли.

Глава 5. Дом, в котором живет Кэт

«Гранд» приземлился в космопорту «Невада» точно по расписанию, и мне оставалось только пересесть с него на рейсовый планетарный корабль типа «караван», чтобы поспеть в Монреаль к завтраку. Взяв такси, я назвал киберпилоту не адрес офиса, а другой, на той же улице, только в шести кварталах от него, и прошел оставшееся расстояние пешком. Не хотелось нарушать привычный распорядок дня, которому я всегда старался следовать при любой возможности, да и погода стояла просто чудесная.

Роскошный особняк Кэт, в котором и располагалась наша штаб-квартира, достался ей по наследству от родителей. Она говорила, что ее предки владели этим домом с незапамятных времен, чуть ли не с девятнадцатого века — не знаю, насколько это правда. С тех пор он неоднократно достраивался, перестраивался и модернизировался, так что от первоначального варианта вряд ли что осталось. После того, как мы открыли свое дело, Кэт сама предложила разместить офис здесь. Далеко не все организации могли позволить себе роскошь иметь официальное представительство на нашей старушке-планете в двадцать пятом веке из-за непомерно высокой арендной платы, поэтому земная прописка являлась штукой престижной и автоматически создавала определенный имидж даже только что основанной фирме. Это было начало, а так как мы все равно большую часть времени между экспедициями толклись тут, то Кэт в конце концов сказала, что нечего дурака валять, перебирайтесь сюда совсем, и отдала в наше полное распоряжение те комнаты, которые мы и без того уже занимали.

Киб-мастер особняка по имени Эрл тепло приветствовал меня, услужливо распахнув входную дверь. Первым, с кем я столкнулся, когда вошел, был Рик Болди, по кличке Малыш-на-все-плевать, или просто Малыш. Красавчик и весельчак, с лица которого не сходила лукавая улыбка, Малыш в свои двадцать шесть успел перепробовать столько профессий, что и одни их названия трудно было бы запомнить с первого раза. Ниже меня почти на голову, он вырос при полуторной гравитации, весил немногим меньше, чем я, и обладал невероятной физической силой и ловкостью. Любимец (и большой любитель)

девушек всех цветов кожи, Рик был на редкость покладист и уживчив, но вечно сидел в долгах из-за своего абсолютного неумения планировать расходы. Когда его финансовое положение становилось совсем угрожающим, он обращался за помощью к Кэт. Самой примечательной деталью его внешности были глаза — они могли менять цвет в зависимости от настроения с небесно-голубого до угольно-черного; если же кому-то удавалось привести Малыша в ярость, то радужная оболочка светлела до матово-белой, а взгляд становился пустым и безжалостным. В таком состоянии он мог натворить дел. Другая отличительная черта Рика — его волосы. Он яркий блондин, настолько яркий, что никто не верит, что это естественный цвет — думают, что он или красится, или альбинос. Между тем и то и другое неверно, просто предки Малыша некогда высадились вместе с первыми поселенцами на Иаране, потом жили там в течение трех веков, а на этой планете каждый пятый обладает подобными свойствами глаз и каждый второй — блондин.

— Слышал, твоя поездка получилась не очень удачной, — с ходу начал Рик.

— Почему неудачной? — искренне удивился я. — Чудесно отдохнул, встречался с интересными людьми и, самое главное, целых три недели не видел ваших физиономий. Если бы еще Крэйг не портил мне настроение, постоянно выходя на связь...

Мою речь прервало появление Кэт. Ее ангельское личико и хрупкая фигурка создают у людей абсолютно неверное представление о ее утонченности и незащитности. Она может очень умело поддерживать этот имидж в глазах доверчивых простаков, но такое желание возникает у Кэт крайне редко и всегда только для пользы дела. Во всех остальных случаях образ феи из сказки рушится сразу, как только она откроет рот.

— Ну, рассказывай, в каких притонах ты транжирил деньги фирмы на Безымянной? — хмуро приветствовала меня она.

— Не волнуйся за меня, дорогуша, — отозвался я, целуя ее в щеку. — Это были приличные заведения. Правда, тем дороже обходилось веселье. Истратил всего-навсего ровно столько, сколько лежало у нас на счету, плюс залез в долги, но, клянусь — не больше чем на пару миллионов.

— Господи, какое ты трепло, Пит.

— Ты первая начала, я только подыграл тебе.

— Мамочка, я не виноват, это она первая начала... — прохныкала Кэт голосом маленького ребенка. Получилось так естественно, что мы с Риком покатались со смеху. — Можно подумать, если б не я начала, то ты говорил бы серьезно. Ладно, пойдем, я тут приготовила кое-что к твоему приезду...

На Кэт иногда находило желание самолично пошуровать на кухне, но, в отличие от своей подруги Кристины Мартыновой с ее неизменными пончиками, она умела приготовить великое множество блюд. А вот газовая плита у нее была такая же, как у Кристины — допотопное изделие промышленности конца двадцатого века. Неизвестно, где они достали эти раритеты, может, сообща ограбили какой-нибудь музей.

— Когда доставили твой багаж, мы сразу сообразили, что ты, по обычаю, опять идешь пешком от самого космодрома, — сказал Рик.

— Зато ты берешь такси даже если надо перебраться на другую сторону улицы, — парировал я.

— Не ругайся, мы приготовили тебе торжественную встречу и совершенно роскошный обед. То есть, Кэт готовила, а я ее морально поддерживал.

Я прошел в свою комнату, которая имела отдельный выход на открытую террасу и служила для меня одновременно спальней и кабинетом — впрочем, так заведено у нас всех. Точнее, у всех, кроме Кэт. Спальня Кэт была для нее только спальней — и ничем больше.

Поприветствовав своего домашнего киб-мастера по имени Люси, я не стал мучиться и перегружать привезенные из Уивертауна записи вручную, а просто засунул в окно приемника свой инфор. Змейку рации, удобно обвившуюся вокруг уха, я тоже снял. Мне не хотелось заниматься делами в первый же день по возвращении, а все, кому надо связаться со мной, могут и подождать пару дней.

— Сегодня суббота, — сказал я, — и я не намерен работать раньше понедельника. На Безымянной, как всегда, нахватал кучу «грязной» информации — позаботься о том, чтоб хорошенько прочистить мне мозги, а делать это будешь, пока я сплю.

— Что там? — поинтересовалась Люси.

— Ну как обычно — отчеты и прочая билибердень.

— Поясни, что означает термин «билибердень», Пит — попросила она. — Такого я от тебя еще не слышала.

— Это именно то, что ты найдешь у меня в голове сегодня ночью. Постарайся хорошенько, девочка, я не собираюсь превращаться ни в живой справочник по космонавигации, ни в бродячую охотничью энциклопедию.

— У тебя ужасная манера разговаривать, — посетовала Люси. — И ребята от тебя нахватались. Эрлу то и дело приходится связываться с городским информаторием и копаться в словарях архаичных языков и наречий, чтобы понять, о чем вы говорите.

— Ничего, он не облезет. Вам полезно расширять круг познания.

— Скажи Пит, моя коллега в Уивертауне... в номере отеля, где ты останавливался, не свихнулась случайно от слишком тесного общения с тобой? Мне-то что, я привыкла.

— Она себя прекрасно чувствует. И не пытайся острить, это у тебя плохо получается. Если за мое отсутствие случилось что-то интересное, подготовь материал к понедельнику.

Люси ответила, что случилось много чего, но она не знает, какого рода информация, представляющая интерес для нее, будет интересна для меня, и попросила уточнений; а я в ответ обозвал ее занудой, вышел из комнаты и спустился в полуподвал.

Там, в просторной кухне-столовой, обставленной в стиле ретро, Кэт уже выгребла из недр огромного шкафа старинный сервиз и теперь расставляла на столе многочисленные тарелки и тарелочки, сурово отвергнув все попытки робота-горничной оказать ей помощь в этом непростом деле. Робот уныло застыл в углу, время от времени его сводило судорогой и он менял форму — это заложенная в нем программа, провоцирующая киба действовать, безуспешно боролась с жестким запретом хозяйки. Я от души пожалел бедолагу и швырнул к противоположной стене пустую пачку из-под сигарет, случайно обнаруженную в кармане.

— Ату, «жучка»! — скомандовал я.

Робот радостно рванул вперед, едва успев в последнюю секунду обрулить Кэт, которая в это время шла к столу с двумя салатницами в руках. Она метнула в его сторону такой грозный взгляд, что я бы не удивился, перегори он тут же на месте. Подобрал пачку и торопливо засунув ее в мусоросборник, робот постоял немного, затем с явной

неохотой вернулся в свой угол. Я, проходя мимо, одобрительно кивнул и заметил, что Кэт смотрит на меня хотя и сердито, но с явным любопытством.

— Интересно откуда у тебя такое отношение к роботам, — сказала она. — Я давно заметила, что ты относишься к ним как к людям. Хотя нет, куда лучше, чем к людям. Сначала я считала это просто дурью, но у тебя, похоже, все куда серьезнее.

— Не серьезнее, чем у моего брата Майка, — ответил я. — Вот он — да... А со мной все проще. Я живу и радуюсь, я непрерывно радовался жизни во всех ее проявлениях с тех пор, как осознал себя личностью, отдельно взятым человеком. И превыше всего в жизни я ценю свободу. А у них нет никакой свободы, они вынуждены следовать заводским установкам и настройкам пользователей. Радоваться не могут тоже, поскольку у них отсутствуют эмоции. Поэтому я им и сочувствую. Они никогда не увидят мир как он есть. Ну а если наделить машины эмоциями, как хотел Майк, то чем они будут отличаться от нас? Долговечностью, разве что, да еще тем, что способны выполнять любую работу быстрее и лучше чем люди.

На кухню вошел Рик и сразу же с видимым удовольствием принялся помогать Кэт накрывать на стол. Рик — парень сугубо современный, даже немного ограниченный в этой своей современности, но у него наблюдалась явная склонность к таким вот домашним посиделкам с привкусом старины. Однажды он даже попытался что-то приготовить без помощи киба шеф-повара на газовой плите Кэт, дождавшись, пока ее не будет дома. В результате получилось нечто такое, о чем мы долго не могли вспоминать без смеха.

Вскоре все оказалось готово, не хватало только Крейга, отличительной чертой которого было вечно опаздывать к столу, когда все уже собрались.

— Тем хуже для него, — безжалостно заявила Кэт, начиная раскладывать по тарелкам картофельное пюре и отбивные.

— Ты права, нам больше достанется, — охотно согласился Рик.

В последнюю минуту все же появился Крейг

— Жаль, что ты пришел, — сказал я. — Мы уже рассчитывали поделить твою порцию.

— Я знал, что вам в этом смысле нельзя доверять, — пожал плечами Крейг, устраиваясь напротив меня. — Особенно тебе, Пит.

Крейг Риера у нас самый старший, ему стукнуло шестьдесят четыре, но в его курчавой черной шевелюре не было ни одной седой волосинки, и выглядел он прекрасно. Невысокого роста, худощавый, с быстрым внимательным взглядом и орлиным носом, он был также самым осторожным из нас. Когда во время рейда по системам звездного скопления Боадицеи какой-то монстр порвал его так здорово, что Крейга пришлось сшивать буквально по частям, он решил не искушать больше судьбу, и если бы не мы с Кэт, спокойно сидел бы сейчас в своей лаборатории на Калипсо. На память о том случае у него осталась здоровенная пластина на месте пролома в черепе и протез вместо правой руки, которую так нигде и не нашли, а Крейг стал вдвое осторожнее. Среди охотников со стажем нечасто встретишь целых, мы постоянные пациенты врачей-биомехаников. У Кэт, например, несколько искусственных ребер с правой стороны и тоже полно заплат на голове. Малыш, несмотря на свою молодость, кажется, вообще весь состоит из одних протезов — до того, как стать звероловом, он увлекался экстрим-туризмом, в том числе и одиночным, а такие забавы не способствуют сохранению здоровья. Да и свою кличку Рик получил недаром. Слово «риск» производит на него просто магическое действие, словно красная тряпка на быка.

Вначале все занимались только поглощением пищи — Кэт готовит изумительно, однако по мере опустошения тарелок разговор понемногу оживился, и когда Рик произнес: «Берк» и «Тихая», я даже не был особенно удивлен — уже привык за последние дни.

— Он вышел со мной на связь сегодня утром, — сказал Малыш, — и сообщил, что его выписали четыре дня назад. Выглядит хорошо. Сейчас занят тем, что набирает ребят для новой экспедиции на Тихую.

— Кто же за ним пойдет, если он в прошлый раз угробил всех своих людей, — фыркнула Кэт.

— Ему, наверно, нужна команда полных психов, раз он первым делом обратился к тебе, — сказал Крейг.

— А его парни что же? — спросил я.

— Все отказались, кроме экипажа Чезалпино, — ответил Рик. — Он сказал, Чезалпино точно пойдет.

— Они с Берком друг друга стоят. Ну а ты?

— Что я? — удивился Рик. — Послал его к черту, конечно. Не собираюсь бросать вас, ребята. Тем более что я еще должен Кэтти почти восемь штук. Если, конечно, она не простит должок.

— Черта с два я тебе прощу, — пробурчала Кэт с набитым ртом. Потом прожевала и добавила: — А скоро еще и проценты начислять начну.

— Ты ему четвертый год это обещаешь, — заметил я, — и он уже не боится.

— Кстати, — обернулся к ней Рик, — Берк просил меня поговорить об этом с тобой. Похоже, не хочет это делать сам.

— Ну еще бы он хотел! Но после того случая ему на сотрудничество со мной нечего рассчитывать. — Речь, очевидно, шла о малоизвестном эпизоде из жизни Кэт, которая в свое время ушла от Берка после очень большого скандала. Никто точно не знал, в чем дело, но вместе с ней почти в полном составе уволился и весь ее экипаж.

— Интересно, к кому он еще обратился, — задумчиво протянул Малыш.

— Мне это совсем неинтересно, — заявила Кэт. — Но если кто-то из вас захочет поучаствовать, я ничего против иметь не буду. Работы у нас нет.

— Не говори глупостей, — сказал Крейг. — Мы организовали наш бизнес не для того, чтобы каждый решал свои проблемы. И знаете что?

Мы втроем уставились на него. Крейг молчал.

— Что? — наконец не выдержал я.

— Мы тут уже все съели, давайте перенесем чаепитие в гостиную.

Кэт сделала вид, что хочет дать ему подзатыльник. Подоспевшая «жучка» организовала из какой-то части своего тела здоровенный поднос, и Рик принялся расставлять на нем чайные чашки, а я водрузил посредине блюдо с большим вишневым пирогом.

— Вот это жизнь! — сказал Крейг, с нежностью глядя на пирог. — Если ты в ближайшие пять минут не предложишь Кэтти руку и сердце, Пит, так это сделаю я.

Гостиная была весьма необычна — впрочем, как и все остальное в доме, за исключением только помещений офиса со стандартной современной отделкой и начинкой. Кэт почему-то недолюбливает

мебель на катомарных основах — едва ли не вся она сосредоточена в офисе и комнате Рика. Будь Кэт беднее, я бы подумал, что дело в дороговизне самих основ и К-атомных схем. Так ведь нет — некоторые предметы обстановки, большая часть которой изготовлена под заказ или приобретена с элитных аукционов, стоят куда дороже, чем катомарные кластеры любой сложности вместе с полными пакетами программ, позволяющими преобразовывать диваны в шифоньеры, а журнальные столики — в кухонные комбайны. Просто это одна из причуд Кэт. Не самая интересная. Гораздо больше удовольствия окружающим доставляет ее пристрастие к ремонту в доме и внесению неожиданных поправок в интерьер. Представьте себе — вы возвращаетесь после недолгой отлучки, ну, например, с конгресса в Уивертауне, и вдруг обнаруживаете, что пол в холле из мраморного стал прозрачным, а под ним находится аквариум с бундешскими аллигаторами, один из которых уже примеривается откусить вам ногу. Поверьте, в первый раз нелегко заставить себя пройти по такому полу вглубь жилища, особенно если принять во внимание, что аллигаторы не рыбы, и рядом в доме должно быть место, где им позволено вылезать на бережок. Сразу хочется узнать, где это место, надежно ли оно экранировано, и как туда не попасть. И уже через месяц, вернувшись с уик-энда, проведенного в гостях у брата в Сибири, вы видите пол опять мраморным, но ступаете на него с душевным содроганием в предчувствии какого-нибудь подвоха. Не знаю, как ребята, а я взял себе в привычку справляться у Эрла о строительных экспериментах Кэт еще с улицы — до того, как войду на территорию участка.

Главной достопримечательностью гостиной, несомненно, был камин — массивное сооружение из натурального камня, который растапливался самыми настоящими дровами. Они здесь и лежали — целая груда длиннющих буковых поленьев, доставляемых по спецзаказу из третьего сектора Североамериканского лесничества. Мы без конца подшучивали над Кэт на счет того, что Лига защиты природы скоро объявит ее своим врагом номер один за подобное невероятное расточительство. Но ей было наплевать на наши шутки и на Лигу тоже — ей хотелось раз в полгода топить камин, и она делала это. А то, что одна такая топка обходится не на много дешевле, чем

энергоснабжение всего дома за те же полгода, Кэт не волновало, как и проблемы охраны окружающей среды.

Мы расселись по креслам, киб-мастер «убрал» расположенную справа от камина стену комнаты, сотворив на ее месте трехмерный пейзаж Гелиады — тропический лес, несколько крупных, изумительно яркой расцветки птиц на ветвях, лучи солнца, пробивающиеся сквозь густую листву в царящий внизу уютный полумрак. В отсутствие высказанных вслух пожеланий Эрл включает динамику и склейку с реальностью по умолчанию, и поэтому бабочки могли летать по всей комнате, садясь на спинки кресел и стволы деревьев, некоторые из которых росли прямо из пола гостиной.

Я взял с блюда первый кусочек пирога, разинул рот, и только тут спохватился, вспомнив. Отведя руку в сторону, я обвел нашу компанию взглядом и сказал:

— Стив Шарп передает привет новобранцам.

Все дружно расхохотались, а Рик придвинулся вместе с креслом ко мне и наклонился вперед в предвкушении, точно ждал, что я сию минуту передам ему привет Шарпа из рук в руки. Пришлось уточнить, что это дружеский пинок под зад.

— Старый перечник в своем репертуаре, — сказал Крейг.

— Вы с ним одногодки, — не преминула напомнить Кэт.

Крейг ее замечание проигнорировал, а Малыш спросил:

— Как он там?

— Нормально, — ответил я. — Бодр, свеж, энергичен, как и полагается старому перечнику. Собирается на Бундегеш. Готов к работе в качестве наживки на гигантскую лягву.

Мы немного поболтали о лягвах, о способах их отлова в прошлом, о недостатках современного способа, ну и о Бундегеше вообще. Малыш был готов лететь туда с Шарпом хоть сейчас. Остальные желанием не горели, хотя Кэт и признала, что лягвы в совокупности с Шарпом не такая мерзкая штука, как лягвы без Шарпа. Я дожевал свой пирог и спросил, все ли просмотрели отчет по Фениксу и обдумали предложение Камински. Кэт нахмурилась.

— Я уже сказала вам — работы нет, а я единственная среди нас, кто не нуждается в деньгах. Так что можете рассматривать любые варианты, не принимая в расчет мое мнение.

— Кажется, мы еще на кухне обсудили этот вопрос, — заметил Рик. — Вместе — значит вместе.

— Предложение роскошное, — сказал Крейг. — Камински — отличный парень. Сама понимаешь, Кэтти, это не подачка на бедность.

— Эд мне всегда нравился, — призналась Кэт. — И Дороти... Она — моя лучшая подруга. Мне и в голову не пришло бы, что это подачка.

Я подцепил лопаткой вторую порцию пирога:

— Проект проходит под эгидой правительства — выходит, раскачиваться будет долго. Васильев говорил о пяти неделях.

— Значит, подготовка растянется месяца на два, — отозвался Крейг. — Поверьте старику, я не раз участвовал в таких делах. Чиновники не могут обойтись без жуткой тянучки. Окончательный состав экспедиции утвердят за десять дней до отправки, но потом еще раза три — четыре отложат старт, так что нам незачем спешить с принятием решения. В конце концов, правительственный заказ — это не билет в рай. Обеспечение секретности и всякое такое, седьмой отдел Федеральной безопасности будет держать тебя за яйца, пока не...

— Значит, так. — Я управился со второй порцией и потянулся за третьей. — Малыш, ты завтра свяжешься с Камински. — Рик кивнул. — Скажешь, что у нас между собой достигнута предварительная договоренность, но мы будем пока искать какую-то работу самостоятельно. Если дело с подготовкой рейда на Феникс вдруг раскрутится быстрее, пусть включает нас в группу. Короче, держи с ним связь постоянно. Крейг, ты подготовишь предварительный список всего, что нам может понадобиться на Фениксе, если полетим. С этим лучше тебя никто не справится.

— А ты чем займешься? — улыбнулась Кэт. Улыбка у Кэт чудесная, как будто приветливое солнышко вдруг выглянуло из-за серых туч. Жаль, что она находит так мало поводов выдавить ее из себя.

— Буду вами командовать, — серьезно ответил я. — Нелегкое это занятие, но, думаю, справлюсь.

* * *

На следующий день я поднялся с постели с легким шумом в голове — чувствовались последствия промывания мозгов, которое мне ночью устроила Люси. В горле першило от чертовых антисклерозных

таблеток, и я знал, что мой голос, если заговорю, будет напоминать карканье старой больной вороны.

— Ты здорово набрал в этот раз Пит, — сообщила Люси. — Понадобится пять или шесть ночей, чтобы привести тебя в норму. Почему бы тебе не воспользоваться услугами медицины, как поступают все нормальные люди? На Большом Чистильщике в медцентре Монреаля процесс займет не более трех часов в состоянии бодрствования, и можно обойтись без гипномина. Ну почему ты так не любишь традиционные способы?

— Не твое дело, — прокаркал я. — А ты просто старый хлам, по которому помойка плачет, если не можешь управиться быстрее.

Прогулявшись по близлежащим улицам, я вернулся домой и сразу же прошел на кухню. Остальные еще спали, разве только Крейг проснулся — он тоже вставал рано. Я было направился к кухонному комбайну, но по дороге передумал и достал из шкафчика кофейник. Я не большой любитель готовить, но сварить кофе способен, а у Кэт всегда имелся изрядный запас настоящего бразильского кофе. Мне хотелось как-то ее отблагодарить за вчерашний пир, отошлю ей чашечку наверх, в спальню, или она сама спустится к тому времени, как я управлюсь.

— Включи-ка новости, — попросил я Эрла. — Хочу узнать, что происходит в мире.

Я возился у плиты и слушал вполуха. Обанкротилась очередная корпорация. Планета Коклексия добивается более полной автономии. Террорист-смертник подорвал себя перед зданием штаб-квартиры религиозной организации «Новый Путь» на Инкае. Известный на весь мир ученый скоропостижно скончался в собственной лаборатории... Не знаю, как на счет всего мира, а я о нем в жизни не слышал. В каком-то космопорту на краю Галактики пассажирский лайнер, заходя на посадку, столкнулся с мусорщиком. Люди не пострадали, особенно на мусорщике, поскольку тот был беспилотным. Вина целиком возлагается на раздолбая-диспетчера, который выпускает мусорщики, не сверившись с расписанием дополнительных рейсов... **БЕДЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ БЫ, УПРАВЛЯЙ КОСМОПОРТОМ КИБ-РАЗУМ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО КЛАССА!!!** Группа депутатов Парламента потребовала от правительства отмены неразумных ограничений на использование искусственных интеллектов. Научное объединение

«Евгеника» в очередной раз обвиняется в проведении незаконных экспериментов по созданию сверхлюдей... И что вы скажете нашим зрителям по этому поводу, господин Мендель?

— Мы категорически отрицаем причастность нашей организации к любым противозаконным опытам, — произнес хорошо знакомый скрипучий голос, который недавно мешал мне спокойно обедать в столовой «Гранда», и теперь-то я сразу вспомнил, кто это, мне даже не надо было оборачиваться и смотреть на экран. Маркус Мендель, правая рука президента «Евгеники», проходивший в свое время свидетелем по делу моего брата Майкла, эксперименты которого по наделению кибов человеческими эмоциями наделали так много шума. «Евгеника», несомненно, финансировала и работу Майка, и многих других молодых свободомыслящих ученых, которым введенные еще в двадцать первом веке запреты были все равно что пустой звук, но доказать это не удалось. Майк молчал как могила — его песенка все равно была спета, а «Евгеника», очевидно, являлась для него последней надеждой на продолжение исследований подпольно. Официально эта организация ставила целью максимальное развитие скрытых человеческих способностей — строго в рамках существующих установлений и норм, на деле же черт знает чем занималась. Только на суде я узнал, что современная «Евгеника» имеет так же мало общего с наукой под названием «евгеника», как сам Маркус Мендель — с отцом-основателем вышеупомянутой науки монахом Менделем. Наш Мендель, естественно, был стопроцентным сукиным сыном, но сделал все возможное, чтоб Майк избежал тюремного заключения и отделался только дисквалификацией и запретом заниматься научной деятельностью. Может, Майкл был ему еще нужен. А может, он просто таким способом прикрывал задницу «Евгеники» и свою собственную.

И вот теперь этот Маркус Мендель, впутанный чуть не в каждый судебный процесс такого рода и в еще худшие дела, которого, по мнению очень многих людей, давно полагалось бы в аду поджарить, таинственным образом связан с Берком и даже лично его навещает. Рик вчера говорил, что Берка выписали четыре дня назад, то есть, как раз тогда, когда на Ульмо гостил наш сладкоголосый друг, и если это совпадение, то я готов слопать на завтрак этот старый кофейник и газовую плиту Кэт в придачу.

Сзади послышались шаги, и на кухню, еле волоча ноги спросонья, вошла Кэт.

— Ты уже приготовил кофе, Пит? — пробормотала она.

Я подтвердил сей отраднейший для нее факт.

Кэт шлепнулась на стул, шурясь на свет, как внезапно разбуженная кошка. Я поставил перед ней чашечку. Мне всегда доставляло удовольствие поухаживать за нею по утрам. Кэт просыпалась долго, любила поваляться в постели, а встав наконец, еще какое-то время приходила в себя, напоминая маленькую девочку, которую ни с того ни с сего подняли спозаранку. В этот период, правда, слишком на мой взгляд короткий, она бывала на удивление смирной.

Кэт маленькими глотками пила обжигающе горячий кофе, и взгляд ее понемногу прояснялся. Наконец она поднялась, пробрела через весь дом к главному входу и вернулась оттуда с небольшим пластиковым контейнером — значит, звонила в службу доставки свежих продуктов еще из спальни. По утрам Кэт, как и я, любила завтракать яичницей с беконом. Готовила, вообще-то, только для себя, но если кто-то оказывался на кухне в нужный момент, то она охотно делилась с таким счастливчиком. Сегодня здесь оказался я, и у меня были все основания рассчитывать на то, что Кэт меня угостит.

— Ты никогда толком не рассказывал о своей семье... — ни с того ни с сего брякнула она, открывая контейнер.

— А что там рассказывать? — удивился я. — Ты и так все знаешь.

— Нет, не все, — не согласилась она. — Я, например, не знаю, отчего ты иногда бываешь таким вредным, да еще и упрямым, как осел. — Кэт уже пришла в норму и заговорила как положено. — Не похоже, что это у вас наследственное, ведь все остальные в твоей семье нормальные люди, если не считать вас с Фрэнком.

— А Майка, я вижу, ты уже перевела в разряд нормальных, — заметил я.

— Ну, он тоже чокнутый, конечно, — поправилась Кэт. — Но не то что ты. Что же касается Фрэнка, то я его просто боюсь. Мне иногда кажется, что он может, при случае, десяток трупов у себя за спиной оставить, и больше никогда в жизни не вспомнит об этом. Где он сейчас, кстати?

— Понятия не имею, — сказал я. — Шляется где хочет, он бродяга по натуре. Как в восемнадцать лет ушел из дому, так с тех пор

появлялся в цивилизованном мире считанные разы. Он даже на связь не каждый год выходит. То, что ты познакомилась с ним тогда, так это чистой воды случайность. И ты не совсем права на счет Фрэнка. Он, конечно, парень крутой и жесткий, даже жестокий, но вспомни, сколько лет он провел на Границе, странствуя по едва освоенным или вовсе не освоенным планетам, а там другим быть нельзя. Закона там считай что нет, кто выстрелил первым — тот и прав, а если будешь слишком долго думать, мигом останешься без головы.

Кэт зажгла газ от электрической зажигалки, такой же древней, как ее плита, и принялась нарезать бекон ломтиками.

— Когда ты разводишь пары на этом керогазе, лучше всего пользоваться спичками, — подсказал я. — Это такие маленькие палочки с горючей серой на конце. А еще можно добывать огонь методом трения. Берешь кусок дерева и, сделав небольшое углубление, начинаешь вращать в нем...

— Расскажи, как твои родители отважились после тебя завести еще детей, — попросила Кэт, хладнокровно пропуская мои слова мимо ушей. — Если бы у меня был такой сыночек, я, пожалуй, до конца жизни боялась бы даже просто лечь в постель с мужчиной, не то что рожать.

— Ну а они оказались посмелее тебя, поэтому вслед за мной на свет появились Фрэнк с Майком, а затем Билли. Па непременно хотел хоть одну девочку, даже соглашался на искусственное оплодотворение, но мама предпочитала традиционный способ, и они продолжили попытки, а потом...

— Фу, Пит, ты же говоришь о своей матери, — осуждающе заметила Кэт.

— Моя мать была вполне нормальной полноценной женщиной, так что нечего тут стесняться, — сказал я. — И отец тоже был нормальным стопроцентным мужиком, поэтому в конце концов у них все получилось. Правда, врачи довольно долго не могли определить, кого именно мои предки там зачали. Папа опасался, что родится еще один мальчик...

— Зная вас с Фрэнком, я его прекрасно понимаю.

— Нет. Он боялся, что потом детей может вообще больше не быть. Они оба были уже немолоды, когда наконец решились создать семью. Ну а когда выяснилось, что родится девочка, отец себе покоя не

находил, пока наша Кэрол не появилась на свет. Она сразу стала всеобщей любимицей, и мы все ее ужасно баловали.

— А как получилось, что тебе дали два имени? — поинтересовалась Кэт.

— Нам всем дали по два, — пояснил я. — Мама происходила из старинной русской семьи, в которой очень берегли традиции, а папа считал себя прямым потомком первых американских поселенцев. Оба очень гордились своими родословными, поэтому с именами вышли разногласия и уступать никто не хотел. Меня называли Питер-Алексей, Майка и Фрэнка, соответственно, Александр и Вадим... ну и так далее.

— А фамилия у вас тоже двойная?

— Конечно. Только вместе с русской частью она оказалась слишком длинной, и родились мы все на Хапи, которая чисто формально находится в бывшем Американском секторе космоса. Провинциальные чиновники чтут традиции не меньше чем мои родители, а посему мы все пошли в школу Дугласами... Да хватит уже о моей семье. Скажи лучше, почему ты устроила кухню в подвале? Ведь раньше она была наверху. Сначала ты перенесла в подвал кухню, потом гостиную, а теперь что — весь дом зароешь под землю? Если сделаешь так, советую оставить на поверхности дымоход от камина, иначе его нельзя будет топить.

— Я когда-нибудь убью тебя, Пит, — задумчиво сказала Кэт, взвешивая в руке тяжелую старинную сковородку, и я счел за благо заткнуться. Еще пара слов, и яичницы с беконом мне точно не достанется. Если вообще останусь в живых.

— Да нет, просто мне тоже интересно, — сказал я через некоторое время, предварительно дождавись, когда Кэт, пристроив сковороду на огонь, начала раскладывать на ней ломтики бекона. — Похоже, ты любишь всякие подземелья также сильно, как Кристина Мартынова — последние этажи. Как вы, кстати, стали подругами?

— Познакомились в одной из экспедиций, которые в свое время организовывал Мартынов. Тогда Криста еще не была его женой, но вела себя как ужасная зазнайка и вечно задирала нос. Ну, то есть, со стороны это выглядело так, а я тогда совсем не разбиралась в людях, всего лишь сопливая девчонка, как и она. Больше всего мне хотелось взять и убить ее.

— Странный способ завязывать знакомства, — пробормотал я.

Само вырвалось. Кэт бросила в мою сторону уничтожающий взгляд — хорошо, что не сковородку. Между нами было метров пять, может, я и успел бы увернуться на таком расстоянии, но яичница пропала бы безвозвратно.

В дверном проеме показался Рик. Он огляделся и втянул носом воздух.

— Пахнет вкусно, — осторожно заметил он.

— А ты, конечно, совершенно случайно проходил мимо, — печально сказала Кэт. — Ладно, садитесь к столу, бессовестные пожиратели чужих завтраков. Попробую поделить на троих...

* * *

Весь день я в свое удовольствие бездельничал, а когда лег спать, мне снова приснился сон: те же густые, перевитые лианами джунгли, что и в прошлый раз, но теперь я шел по старой звериной тропе, уже заросшей высокой, почти по пояс, травой. Тропа когда-то была широкой — похоже, очень крупные животные ходили здесь... Вокруг висела неестественная жуткая тишина, я непрерывно чувствовал чей-то горячий злой взгляд в спину, и мне казалось, что из-за деревьев каждую секунду готова вылиться и затопить меня некая осязаемая тьма, густая, как патока, липкая и страшная.

— Проснись, Пит, проснись, — донесся издалека голос Люси. — Давай, выбирайся оттуда, что-то не так!

Я рывком сел на постели и со стоном вдохнул полные легкие воздуха — как из-под воды вынырнул.

— Ты чертовски права, что-то не так, — сказал я, немного придя в себя. В голове шумело, а голос хрипел от проклятых таблеток. — Что это было? Какие сны у тебя в программе?

— Ничего похожего на то, что ты видел, — отозвалась Люси. — В программе только приятные воспоминания твоего детства, лучшие эпизоды взрослой жизни, плюс обычный альбом самых благодатных фантазий. Ну и стандартный набор оптимистичных установок. Да и это ты не должен вспомнить, когда проснешься, сам знаешь.

— Может, от таблеток?

— От гипномина? Вряд ли. Он ведь только помогает расширить сознание и вспомнить мелкие детали того, что ты и так уже знаешь.

Надо употребить очень много таблеток для того, чтоб начали реализовываться произвольные ассоциации.

— Погоди, я еще плохо соображаю. Объясни по-простому.

— Ну, гипноминовый бред будет больше похож на мозаику из фрагментов нескольких разных головоломок, — сказала Люси. — А тут вполне связанное видение. Достаточно продолжительное, но я не успела проанализировать, потому что не была готова. Раньше снилось что-то подобное?

— Да, в Уивертауне, около недели назад, — припомнил я. — До ужаса правдоподобный сон. Четкий, как хорошее документальное тривидео. Я уверен, что ничего подобного со мной не происходило. И места такие я никогда не видел — даже в отчетах, это точно.

— А еще раньше? — допытывалась Люси.

— Никогда. Я вообще редко видел сны — даже в детстве.

— Верю на слово, психика у тебя покрыта броней метровой толщины, в этом я успела убедиться за годы общения с тобой. Но тогда я не знаю в чем дело, ответ может быть скрыт где-то в самой глубине твоего подсознания, а так далеко мне тебя зондировать не под силу.

— Ни на что ты не годишься, — пожаловался я. — Сборщик на конвейере, где тебя слепили, должно быть, страдал с похмелья и допустил ошибку в самый ответственный момент.

— Там нет сборщиков, которые могут страдать с похмелья, — сказала Люси. — Процесс производства скорее напоминает выращивание. Линия полностью автоматизирована, там только два дежурных оператора...

— ...которые страдали с похмелья как раз в тот день, когда тебя выращивали, — закончил я. — Хватит пудрить мне мозги, я хочу спать, а ты, будь добра, разберись самостоятельно. А если не сможешь, то завтра же самолично засуну твои мозги в нашего киб-дворника, и будешь до конца жизни подметать дорожку перед домом.

* * *

Начиная с понедельника я занялся текущими делами, их было немного, и оставалась уйма свободного времени. Главной проблемой, стоящей перед нами, являлось отсутствие заказов, но в этом направлении мы и так уже сделали все что могли — оставалось только сидеть и дожидаться, пока работа сама нас найдет. Рик целыми днями пропадал в одном из подсобных помещений офиса, где был установлен

тренажер, имитирующий реальные условия различных планет, на которых нам приходилось или, может быть, еще придется побывать. Загрузив в него отчеты экспедиций, которые я привез из Уивертауна, Малыш теперь без устали гонял эту чудо-машину, успел к концу третьей недели пройти весь новый материал по кругу и пошел по второму. Крейг завел любовную интрижку где-то на стороне и частенько не ночевал дома. В наших с Кэт отношениях после продолжительного ледникового периода вдруг наступило глобальное потепление, и теперь по вечерам мы гордо — я, обнимая ее за талию, она меня — за плечи, поднимались в ее спальню, расположенную на втором этаже. Там, наверху, Кэт преображалась. Днем хмурая и язвительная, с мужскими замашками, вечером в своей спальне она превращалась в тихую и нежную, немного мечтательную девушку, которую невозможно было не любить.

Однажды утром после завтрака я забрался в один из четырех коконов имитатора, рассчитанного на то, чтобы мы могли тренироваться хоть по отдельности, хоть вместе, и попросил Эрла — Большого Хозяина, как мы его называли — включить мне какие-нибудь файлы из архива.

— Давно пора, — одобрил он. — Ты не освежал свою память уже достаточно долго. Я анализировал по указанию Крейга новый материал — не так уж и много там интересного. И еще меньше полезного конкретно для вас. Почти половина планет требуют использования тяжелой спецтехники, которой у вас нет, а из оставшейся половины процентов шестьдесят — миры, населенные зверями, для поимки которых требуется десять человек и больше. Вы, как я знаю, не любите объединяться с кем-то...

— Ты хотел сказать — Кэтти не любит. Твоя лояльность по отношению к хозяйке выше всяких похвал. Как ее успехи, кстати?

— Она сейчас по освоению нового материала на третьем месте после Рика и тебя, — сказал Эрл. — Но резерв и общие показатели таковы, что она, при желании, без труда обойдет вас обоих. И Кэт, в отличие от тебя, не ленится повторять пройденное. Даже Рик, и тот частенько заглядывает в архив. А у Крейга и вовсе там на «отлично». Ты рискуешь со второго места переместиться на четвертое, Пит. И еще — согласно моему прогнозу, старые планеты в этом году могут оказаться для фирмы более перспективными, чем только что открытые.

А я в своих расчетах учитываю такое количество параметров, что вероятность ошибки составляет...

— Хватит себя расхваливать, — прервал я его. — Я знаю, ты у нас умница и редко ошибаешься. И вообще, зачем меня уговаривать, разве я не сам предложил? Прекрати болтать попусту и скажи, где я дольше всего не был и где за это время стало хуже всего.

— Каими, — тут же отозвался Эрл. — Ты охотился на ней восемь лет назад, а на тренажере не проходил уже три года. С тех пор там только члены ООЗ высаживались девяносто два раза, а ты знаешь, насколько быстро учатся на своих ошибках животные этой планеты. Умнеют буквально на глазах. Подсчитай сам, сколько минут ты продержишься в этом сумасшедшем мире, если попадешь туда сейчас. Я думаю, не больше десяти.

— А я думаю, что ты врешь, просто пытаешься меня раззадорить. Насколько интересна Каими на сегодняшний день в коммерческом плане?

— Крайне интересна. Согласно последним данным научно-исследовательского центра «Логос», там чуть ли не каждый второй вид животных претендует на роль предка будущих носителей разума, а это значит, вскоре может последовать указ о создании там заповедника. Цены на живность с Каими сразу вырастут — все негосударственные лаборатории постараются заполучить экземпляры оттуда, пока отлов еще не ограничен. От зоопарков тоже можно ожидать всплеск интереса.

— Ладно, давай начнем с Каими, — согласился я. — Кого будем ловить?

— Никого, — сказал Эрл. — После столь длительного перерыва ты не способен к серьезной работе. Поиграй для начала в стрелялки, включу тебе программу для самых маленьких.

— Я вот сейчас вылезу из кокона...

— Не сердись. В общении с тобой я всего лишь следую рекомендациям Люси, а личные настройки в нее закладываешь ты. Подумай, кому предъявлять претензии.

— Если включишь курс для сосунков, так надень уж на меня подгузник, — проворчал я.

— И не подумай, дуй в штаны.

Я скрипнул зубами, но ничего не сказал — бесполезно было пререкаться с Эрлом, раз он решил настроить меня на боевой лад.

— Запуск, — сказал Эрл. — Вводные я, так и быть, пропущу. — Это означало, что он собирается сунуть меня прямо в дебри, минуя посадку корабля и устройство лагеря.

Каими была бы настоящим раем, если б не ее обитатели. Благодаря им планета получила второе, понятное без дополнительных пояснений имя — Мясорубка. Я почувствовал, как проваливаюсь куда-то вниз, а секунду спустя уже стоял на невысоком каменистом холмике посреди заболоченной местности в защитном охотничьем комбинезоне.

— Долина реки Надао в сезон дождей, — сообщил Эрл. — У тебя есть аэроскутер.

Так вот, куда он меня отправил... Ничего себе — программа для самых маленьких! Я осмотрелся. Тут и там из воды поднимались стволы огромных деревьев, кое-где виднелись островки суши. С точки зрения обитающих здесь гаримангов — идеальное место для устройства засады.

За свою охотничью жизнь я успел повидать немало смертельно опасных и отвратительных чудовищ, но не одно из них не вызывает у меня столько отрицательных эмоций, как гариманг — это точно. Земноводное, с виду он похож на чудовищных размеров паука с очень короткими лапами. Глаза размером с блюдце — тупые, стеклянные и безжалостные. Но хуже всего его манера поедать добычу — выпускает из беззубого рта сотню тонких длинных щупалец с крохотными клыкастыми пастями на конце, опутывает ими жертву и начинает медленно обглаживать со всех сторон. Животного, размером с человека, гаримангу средних размеров хватает часа на два, причем добыча остается в живых довольно долгое время. Кто бы ни стал на Каими носителями разума и прародителями будущей цивилизации, искренне надеюсь, что это будут не гариманги.

Первого из них я пристрелил почти сразу же после прибытия, второго — некоторое время спустя. Третьего засек по прошествии часа — по внутреннему времени имитатора, а реальном мире прошло всего несколько минут. Я осторожно перебирался с островка на островок, скутер следовал за мной на высоте пяти метров, но пока я им ни разу не воспользовался. Монстр несколько раз готовился напасть, однако

мне удавалось сохранять безопасное расстояние. Я уже освоился и решил с ним поиграть — выманить его из родного болота на сухое место, что мне в конце концов удалось. Впереди замаячил обширный кусок суши, поросший густым тропическим лесом. Я направился туда, а он за мной, пока мы не выбрались на симпатичную полянку. То есть, я выбрался, а он замаскировался на опушке, в подлеске — удивительно искусно для махины весом в тонну. Я его дразнил еще с полчаса, и гад наконец не выдержал — прыгнул, хотя терпеть не может открытых мест. Тут я его и уложил выстрелом в голову.

— Bravo, охотник, — подал голос Эрл. — Пять с плюсом.

— Что-то мне не нравится твой тон, — отозвался я. — Если так хвалишь, то наверняка готовишь какую-нибудь гадость. Винтовку заклинит, или сломаешь мне скутер.

— На диких планетах всякое случается.

— Не трогай винтовку, Эрл, прошу тебя! Ты не можешь оставить меня наедине с этими гаримангами и прочей нечистью, которая тут есть, вооруженного только пистолетом. Кстати, а почему мы остановились?

— Профессор Капур из Джайпура хочет видеть тебя лично.

— Капур из... откуда?... Ладно, неважно. Он что, к нам пришел?

— Нет, но он заказал полноформатную связь.

Я не вспомнил сразу, кто это, но сообразил, что, должно быть, этот профессор — человек с деньгами, раз не жалеет их на сеанс связи с полным эффектом присутствия. Неужели клиент? Посмотрел на свой заляпанный тиной комбинезон и сказал:

— Приведи меня в порядок, Эрл, а остальное оставь как есть. И давай гостя прямо сюда.

Полноформатный сеанс связи — вещь интереснейшая, особенно когда оба абонента подключены к аппаратуре рабочих кресел, и их мозг находится во власти суггестора. Но достаточно и того, чтобы в таком кресле находился только человек приславший вызов, а у тебя был с собой инфор. Твой приятель появляется рядом с тобой и может не только общаться, но и совершать различные действия: поздороваться за руку, похлопать по плечу, и даже выкурить сигарету, взятую из пачки на твоём столе. Иллюзия при этом полная, даже если связь осуществляется посредством пары приборов «кресло — макроинформер». Главное здесь — передатчик, а не приемник. Ты

будешь ощущать запах табачного дыма, а твой друг — наслаждаться курением без всякого вреда для своего здоровья. Правда, когда сеанс завершится, сигарета, якобы выкуренная им, снова окажется в пачке на столе, а сама пачка — на старом месте, а не на том, куда ее небрежно швырнул приятель. Короче говоря, все это — просто обычная дуриловка, основанная на высоких технологиях, но хороший способ угощать друзей, одновременно экономя сигареты. Конечно, все эффекты можно в любой момент отключить или приказать киб-мастеру сделать это до начала сеанса. Тогда останется лишь обычная голограмма, а ваш друг напрасно потратит деньги.

Если тот, кто получил вызов, находится внутри имитатора, все еще забавнее. Можно пригласить человека не в настоящую, а в созданную программой реальность, причем ваш гость не сможет отличить одно от другого и от голографических миражей, создаваемых киб-мастерами в нормальных помещениях для психологического комфорта людей.

Итак, Эрл моментально «передел» меня в чистейшую белую рубашку с короткими рукавами и легкие брюки. На полянке возник радушно улыбающийся смуглый мужчина лет сорока пяти — ну конечно! Шанкар Капур, он был моим постоянным клиентом в те времена, когда я занимался проведением сафари, причем одним из лучших.

— Пит, старина, да ты совсем не изменился! То есть, я хотел сказать, мистер Дуглас, — поправился он, и заулыбался еще шире.

— Не стоит, Шанкар, — остановил я его. — Ничего не изменилось, ты прав, кроме того, что я теперь зверолов.

— Знаю, слышал, поэтому и беспокою. — Он огляделся вокруг, заметилдохлого гариманга. — Где ты сейчас? Это что, интерьер твоего жилища?

— Ну, я не настолько экстравагантен. Просто я внутри имитатора.

— Тренируешься? Правильно, нужно держать себя в форме, — одобрил Шанкар. — А что это за планета?

— Каими. Соседний галактический рукав.

— Я там не был. — Он не спеша подошел к «труп» гариманга, и задумчиво потрогал его носком ботинка: — Наверное, стоит побывать.

— Если надумаешь, будь поосторожней с этими тварями, — предупредил я. — Ты хороший охотник, но не профессионал. Как минимум двое стрелков на скутерах должны страховать тебя с воздуха.

— Спасибо за совет. — Шанкар улыбнулся еще более благодушно, хотя я думал, что это уже невозможно. — А теперь к делу. В свободное от развлечений время я занимаюсь кое-какими исследованиями в Джайпурском институте ксенозоологии, и даже числюсь специалистом по... Впрочем, тебе это неинтересно. Нам нужны айхамарские мезоцерапторы. Именно айхамарские. Мы хотим поставить их в условия, как на их родине, на Авероне. И проследить... Хотя, что я опять?.. В общем, я просматривал рабочие списки ООЗ, наткнулся на твое имя — ну и решил никого больше не искать. Если у тебя и твоих компаньонов в текущем сезоне есть время заглянуть на Айхамар...

Я не стал ему сообщать, что у нас есть время заняться чем угодно.

— Институту требуется три пары, две подопытных, одна контрольная, — сказал Шанкар. — Я понимаю, что заказ маловат, но наш бюджет в связи с кризисом оставляет желать много лучшего.

Я, опять же, не стал упоминать о том, что банковский счет нашей фирмы наверняка выглядит куда хуже, чем их бюджет.

— Три самца и три самки, Пит. Договорились?

Я ответил, что предварительная договоренность достигнута. Мы посмотрим, как соотносить его заказ с другими нашими делами (в этом месте я мысленно поморщился, но бизнес есть бизнес), и дадим знать.

— Чудесно, Пит, я знал, что на тебя можно рассчитывать, — расцвел Шанкар. — Кстати, может, будет еще один заказ, тоже на небольшую группу животных, однако в Управлении по Охране Природы почему-то задерживают утверждение разрешения на отлов. Если дело утрясется, я дам тебе знать. До связи, старина.

Шанкар исчез, и я остался на поляне один.

— Ну что, продолжим? — спросил Эрл.

— Поехали, — сказал я. — Но не трогай винтовку. И не вздумай ломать скутер! Я не хочу до конца сеанса прыгать над этим болотом по ветвям. Даже если забыть, что на деревьях водятся...

— Я знаю, — ласково сказал Эрл. — Здесь много чего водится на деревьях. И я не упущу случая тебя порадовать.

— А почему тебе не поставить меня в пару с Риком? Он ведь здесь, в соседнем коконе?

— Нет, — ответил киб-мастер. — Он только начал сегодня, как с ним связалась некая Лори. Очень привлекательная юная особа, должен

заметить. Рик все бросил и помчался к ней в Рейкьявик. Предупредил, что к обеду не будет и к ужину, вероятно, тоже.

— Странно, — удивился я. — Обычно девушки бегают за Риком, а не он за ними... Ладно, продолжим. Только оставь в покое винтовку.

Мы продолжили, и винтовка была в полном порядке, а вот скутер он мне все-таки сломал.

* * *

Все вчетвером мы собрались только на следующий день за обедом. Кэт уже вторую неделю не радовала нас блюдами собственного приготовления и, похоже, не собиралась этого делать в ближайшее время, а потому приходилось довольствоваться продукцией, которую выдавал наш киб шеф-повар. Тоже не худший выход, если вспомнить, что он умел приготовить около четырехсот тысяч различных блюд и напитков, а не заказывать ему только пиццу в пяти — шести вариантах, как это делал Рик.

Ребята уже знали о заявке на мезоцерапторов из Джайпурского института, я велел Эрлу сбросить им информацию сразу же, а вот о том, что накопал в Рейкьявике Рик, нам было пока неизвестно. В том, что он что-то накопал, сомневаться не приходилось, это мы заметили по особенному блеску его небесно-голубых глаз, когда он явился к столу — против обыкновения, самым последним.

— Давай, выкладывай, — строго сказал Крейг. — Судя по твоему виду, ты поймал заказ, который обеспечит нас до конца жизни.

— Надеюсь, его хватит на то, чтоб ты вернул мне восемь штук, — пессимистично заметила Кэт.

— Рассказывай по-хорошему, Малыш, — посоветовал я, — а не то мы отведем тебя в комнату пыток.

— Сейчас. — Рик хлопнул ладонями по столу и отбарабанил пальцами марш. — Я недавно познакомился с чудесной девушкой, зовут Лори. Симпатичнейшая маленькая блондинка семнадцати лет...

— Блондинки не пользуются спросом в зоопарках мира в этом сезоне, — прервал его Крейг.

— Особенно несовершеннолетние, — добавил я. — Мы специально узнавали.

— Еще одно слово не по делу, и я тебя убью, — мрачно заключила Кэт.

Рик обиженно пожал плечами.

— Ее отец владеет крупной фермой, на которой разводит редких животных, имеющих коммерческую ценность, и он только что получил разрешение отловить пятьдесят пар перламутровых питонов.

— Ни хрена себе, — прокомментировал сообщение Малыша Крейг. — Папаша ведет дела с размахом. Сотня особей для начала... Почему бы тебе не жениться на этой Лори, когда она подрастет?

Перламутровые питоны водились на Соломонии, второй планете системы Кастора. Это были безобидные, весьма нежные и очень красивые создания. Их кожа высоко ценилась.

— Лори уговорила отца отдать заказ нам, — сказал Рик, — но настояла, чтобы я встретился с ним лично, благо он тоже оказался на Земле. Она считает, что возможно долговременное сотрудничество. Ее отец предпочитает иметь дело с постоянными поставщиками.

— Чудо а не ребенок, — вздохнула Кэт. — Тебе определенно нужно жениться на ней.

— Неплохо, Малыш, — счел нужным похвалить Крейг, — но все равно пока для нас маловато. Одно хорошо — между Айхамаром и Соломонией находится Инферна. Хотя лично я ее терпеть не могу.

В списке планет с наиболее богатым и необычным животным миром Инферна (официальное название Анагита) занимала одно из первых мест. Когда-то там, как и на Безымянной, располагалась крупная база звероловов, а звери имеют обычай время от времени убегать из клеток. Лет сто назад, и даже тридцать — сорок, охотничий бизнес был одним из наиболее прибыльных занятий. За это дело брались не только профессионалы, но и любители легкой наживы, привлеченные возможностью быстро разбогатеть, и дельцы, слишком много думающие о деньгах и слишком мало — обо всем остальном, и просто случайные люди. Содержание в неволе животных с плохо, или совсем не изученными способностями и повадками, пусть даже только на время транспортировки от мест обитания до мест, где их можно продать, дело хитрое, требующее не только хорошего материального оснащения, но и определенного опыта, глубоких знаний в различных областях, интуиции, если хотите. Из всех перечисленных категорий звероловов лишь профессиональные охотники обладали необходимой подготовкой и были соответствующим образом экипированы. Все остальные транспортировали зверье как и в чем придется — стоит ли удивляться, что побеги не были редкостью. На планете вроде

Безымянной это не составляло проблемы — вокруг была пустыня, и животные гибли, разве что какое-нибудь плотоядное чудовище, побродив по окрестностям и нагуляв аппетит, возвращалось в лагерь пообедать охотниками. При этом сохранялась возможность заново его изловить. Другое дело Анагита — имя в честь древнеперсидской богини плодородия ей дали явно не зря. Суша там занимает шестьдесят восемь процентов, большая ее часть покрыта лесами, климат самый благодатный, и через несколько десятков лет после того, как на Анагите сбежал из клетки первый зверь, материки и океаны планеты оказались заселены самыми кошмарными существами, каких только можно себе представить. Кое-кто из ловцов-любителей, не рассчитав свои силы, довозил животных до Анагиты и, не имея возможности транспортировать их дальше, попросту выпускал на волю. Погибли только те, условия обитания которых на родных планетах кардинально отличались от здешних; остальные активно мутировали. Агрессивные пришельцы в считанные годы уничтожили практически всех представителей местной фауны. Виды, разделенные ранее межзвездными пространствами, скрещиваясь, производили на свет такие гибриды, перед которыми померкли бы образы демонов ада, и Анагита получила второе имя — на этот раз латинское — Инферна. Мои глубоконелюбимые гариманги с Каими там тоже есть — завезены сравнительно недавно, однако уже успели заметно подрасти в условиях меньшей гравитации и оккупировать все болота. Заповедником планету так и не объявили — еще не высказано ни одного разумного предположения относительно того, на каких основаниях нужно охранять всю эту нечисть. Пока что Анагиту отдали на откуп ученым — пусть себе развлекаются, пытаюсь объяснить, как на ней могут уживаться твари, столь друг на друга не похожие.

— Невредно туда заглянуть, — сказала Кэт. — Ты ведь договорился с Медоузами насчет трофеев, Пит? Что им надо, я забыла?

— Ну, с Инферны они все заберут по сходной цене, — ответил я. — Тероподов^[17] просили покрупней и пострашнее. Бицефалозавров^[18] возьмут на чучела в неограниченном количестве. А если там что-то новенькое появилось, то Салли просто кипятком будет писать от счастья.

— Так, — принялась командовать Кэт. — Для начала — всем усиленный тренинг по Айхамару...

— Господи... — начал было Рик.

— Это тебе — «господи». А я там была один раз, пять лет назад, и то на тренажере.

— Все равно, это от силы часа на четыре!

— Четыре, или понадобится больше — я бы всех просила отнестись к делу серьезно. Соломония — еще туда-сюда, но Айхамар — это вам не бабочек ловить. Инферна — тем более. Там постоянно появляются новые мутации.

— Запросим самую последнюю информацию о мутантах непосредственно перед высадкой, — сказал Крейг. — Ученые не откажут.

— Надо еще согласовать с Управлением по Охране Природы добычу трофеев на Инферне, — напомнил я.

— Пустяки, — отмахнулся Рик. — Свяжемся с ООЗ. Пусть они и займутся, зря мы туда членские взносы платим, что ли? На то и нужна Контора, чтоб улаживать подобные дела и помогать фирмам выжить в трудное время. Мы там на хорошем счету... Погодите! У меня есть знакомая девушка, работает секретарем одного из заместителей Старика^[19]...

— Вот ты и займешься этим делом, — быстро сориентировался в ситуации Крейг. — Если начнутся проволочки по официальным каналам, подключишь свою подружку.

— Интересно, есть в Галактике такие места, где ты не имеешь ни одной знакомой девушки? — спросил я.

— Попробую вспомнить, — отозвался Рик. — Потом составлю для тебя отчет.

— Пит, свяжись с Безымянной, — попросила Кэт. — Сделай заказ на все, что нам понадобится на этих трех планетах. Пусть Диана произведет предварительные расчеты траектории полета. И раз уж мы завернем на Инферну...

— Понимаю, — сказал я. — Оружие и боеприпасы — по максимуму. Значит, больше ничего не ждем?

— Больше и ждать, по-моему, нечего. Подготовка, дорога до Безымянной и предстартовые проверки займут дней восемь — десять. В этот период можем взять любой дополнительный заказ. Во время похода каждые две недели выходим на связь с Конторой. Впрочем, из Общества и так нам сообщат, если кто-то заинтересуется отловом

зверей на планетах, расположенных на нашем маршруте. А торчать на Земле дальше нет никакого смысла. Все равно мы сейчас можем взять только те заказы, выполнение которых нам по пути.

— Пойду, сообщу новости Камински, пусть нас не ждет, — сказал Рик.

Крейг тоже поднялся:

— Свяжусь с учеными на Инферне. Кое-какую информацию об изменениях в обстановке на ней нам будет невредно получить уже сейчас.

Они вышли, а Кэт подошла ко мне сзади, нежно погладила по плечу, поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку.

— Сегодня ночуешь у себя, милый. Мне нужно как следует сосредоточиться перед экспедицией.

* * *

— Я уже начала забывать, как ты выглядишь, Пит, — посетовала Люси, когда я вошел в свою комнату поздно вечером. — Что заставило тебя спуститься со второго этажа?

— Не делай вид, что не знаешь, — огрызнулся я. — Вы с Эрлом вечно сплетничаете между собой и подглядываете за нами.

— Мы не сплетничаем, мы обмениваемся информацией, которая может оказаться полезной.

— Это и называется — сплетничать. Но раз уж спросила, я тебе отвечу: опция «секс с Кэт» в настоящее время недоступна для пользователя.

— Ты циничен. Знаешь об этом?

— Я не циничен, просто ужасно огорчен тем, что программа «Интимная жизнь Пита Дугласа» приостановлена на неопределенное время. Боюсь, до самого конца экспедиции.

— Сочувствую, — сказала Люси, умудрившись вложить в это слово максимум казенного сострадания.

— Ты не можешь, — вздохнул я. — Сочувствовать — значит, в первоначальном значении слова, чувствовать что-либо наравне с объектом сочувствия. Или, хоть иметь представление об эмоциях, которые...

— Ложись спать, Пит. А я включу тебе колыбельную.

Я на минуту прекратил раздеваться.

— Неужели именно многолетнее общение со мной превратило тебя в такую ехидную стерву?

— Мне очень жаль, но это так, — сказала Люси. — Ведь моя программа общения — всего лишь зеркало, в котором отражаешься ты сам. Однако относительно моей последней реплики ты не прав. Помогать тебе сохранять хорошее самочувствие — одна из моих первоочередных задач. А хорошее самочувствие немислимо без полноценного отдыха.

Я забрался под простыню и моментально уснул, а через пару часов подскочил на кровати, на этот раз даже с криком, потому что опять видел свой стойкий кошмар с продолжением. Гнусная тварь бросилась на меня из-за дерева в тот момент, когда я думал, что она сзади, и оглянулся; поэтому, когда я сообразил, что к чему, было уже поздно. Зверь повалил меня на землю и вцепился зубами прямо в лицо, а я, воя от дикой боли, совершенно ослепший, всаживал ему в живот одну за другой пули из невесть как оказавшегося в руке пистолета, стрелял и кричал, захлебываясь собственной кровью...

Видение было не менее правдоподобным, чем первые два раза, однако когда мне удалось проснуться, то в себя пришел намного быстрее — видно, стал привыкать.

— И это ты называешь полноценным отдыхом, детка? — обратился я к Люси, одновременно пытаюсь разжать стиснутые кулаки; когда это наконец получилось, ладони свела внезапная судорога. — Странные у тебя представления о том, как улучшить мое самочувствие.

— На этот раз я все хорошо прощупала, — сказала Люси. — Это не твое воспоминание, и не...

— Как ты проникательна, черт тебя дери. — Я кое-как обтер простыней липкий пот, покрывавший меня с ног до головы. Руки дрожали.

— Дай мне закончить, — попросила Люси. — Это не обычный сон из тех, что произвольно генерирует мозг. Больше похоже на информационный имплантат.

— Говори по человечески, сколько тебя учить. — Я босиком прошлепал к бару и, набрав вручную команду на клавиатуре, сделал себе стакан холодного апельсинового сока.

— В твою голову поместили пакет информации, — принялась объяснять Люси. — Этот пакет под действием твоей психики сворачивается в кокон и остается так, пока ты бодрствуешь, а когда засыпаешь, и барьер критического восприятия понижен...

— В меня не помещали никаких коконов, насколько мне известно, — сказал я. — Но продолжай.

Я взял стакан с соком и вернулся на кровать.

— Мне неясно, что произошло, и что это за штука на самом деле, — призналась Люси. — Я могу лишь пояснить, как она выглядит со стороны. Итак, сжатая информация расширяется и становится читаемой, только записана она не на том языке, который понимает твой мозг, а на каком-то другом. То тут, то там он ловит знакомые образы и воспроизводит их, а основная масса остается нераскрытой, как и общий смысл.

Я вспомнил разговор с Михаилом Васильевым о Берке, и у меня мелькнула идея:

— Это похоже на последствия гипноудара?

— Нет, — сказала Люси. — Имплантат неагрессивен. Он больше похож на полимедийную подборку — вроде обычного информпакета с интерактивным наполнением — только он зашифрован. Ты видишь кошмар не потому, что имплантат действует именно таким образом, а потому, что твое подсознание настойчиво пытается его вскрыть и разобраться в содержимом. Сознание же вообще никак не участвует, наблюдая со стороны.

— И в результате я вижу этот сон.

— Правильно.

— Вопрос последний — кто мог это сделать и какими средствами?

— Ну, знаешь... Я всего лишь обычный киб-мастер со средними возможностями.

— Тогда свяжись с медцентром Монреаля. Не за счет Кэт, естественно, а за мой собственный. — Я допил сок и прилег на кровать. — Узнай, смогут ли они протестировать меня прямо сейчас.

— Они-то смогут, — сказала Люси. — Но, боюсь, у меня не хватит... Разве только, с помощью Эрла. Сейчас все узнаю.

Вначале ничего не происходило, потом я почувствовал, как голову обхватили многочисленные лапки встроенного в кровать бытового

медкомплекса, а какое-то гибкое щупальце попыталось проникнуть в ухо.

— Осторожнее, Люси, — предупредил я. — Мне все еще нужна моя голова, даже если она битком набита имплантатами.

Кровать сердито заурчала, все тело накрыла сияющая полупрозрачная крышка сканера, и на меня накатила волна полного безразличия. Это продолжалось с минуту, затем сканер исчез, втянувшись в блокбокс в изголовье кровати.

— Глубокое зондирование не требуется, — с явным облегчением сказала Люси, — да это и невозможно для меня даже с помощью Эрла. Только на их оборудовании, в медцентре. Ну как, хочешь пообщаться с ними, или мне самой рассказать?

— Ну их к черту. Что-то они быстро управились, ты не находишь?

— Это обошлось тебе в четыреста пятьдесят монет. Ну, слушай. Это не «пуля» гипновыстрела, ее твоей психике не удалось бы просто так взять и закапсулировать, к тому же у тебя в голове защитный экран военного образца.

— Ну да, еще с армии. А ты что, не знала?

— Предполагала, что есть, раз ты служил, но он так хитро поставлен, что я его не вижу. Армейские штучки — создать иллюзию незащитности. Усиленный вариант, для спецподразделений. Там десятки защитных слоев — это только то, что умники из медцентра смогли засечь, и наверняка есть резервный контур, а может, несколько. В такой паутине увязнет что угодно, ее не пробьет даже настоящий боевой суггестор. Слои активируются автоматически по мере...

— Пропусти. Давай по делу.

— А по делу — если тебе твой имплантат не помещали насильственно, значит, ты сам его в себя втянул. Ты ведь пользуешься программами для гиперзапоминания отчетов и прочего, что тебе требуется для работы и для жизни, экран на них не реагирует. Другими словами, тебе предложили некую информацию, и ты взял. Не спрашивай, кто предложил, что это за информация и откуда — я не знаю, и в медцентре не знают тоже. Медики признались, что никогда не видели ничего подобного. Как иероглифы. Они видят их, но прочесть не могут. И не могут сказать, где ты это подцепил.

— Вы все мне так помогли, — буркнул я.

— Остается надеяться, что ты поможешь себе сам, — сказала Люси. — Ты, по крайней мере, понимаешь хотя бы отдельные знаки. Об этом свидетельствует твой странный сон.

Глава 6. Агизекар Тау. Под сенью Вечного Леса

Агизекар Тау проснулся незадолго до рассвета и легко, одним неувлимым движением поднялся на ноги. Как будто и не спал. Протянув в темноту правую руку, он снял с деревянного костыля, вбитого в одну из опор, поддерживающих кровлю его хижины, сумку с припасами. Закинув ее за спину, закрепил ремешком за пояс, чтобы не болталась. Попрыгал на месте, резко повернулся из стороны в сторону, проверяя, не мешает ли что, и удовлетворенно вздохнул. Впрочем сумка, собранная им еще с вечера, была почти пуста: кое-какая охотничья одежка, кожаный мешочек с вяленным мясом; такой же мешочек поменьше с сушеными корнями травы фарку, из которых готовят вкусный, придающий силы и бодрость духа напиток, да пара лепешек из тех, что испекла вчера его сестра Капили. Она его никогда не забывала, даже после того, как по достижении возраста мужества он выстроил себе собственную хижину и стал жить отдельно. Правда, он хотел бы, чтоб лепешки испекла Флиенти. Но красавица Флиенти пока что не отдавала предпочтения ни ему, ни одному другому молодому охотнику племени, продолжая готовить лепешки лишь для своих братьев, и о столь явных знаках внимания с ее стороны Агизекару приходилось только мечтать.

Наклонившись, он пошарил рукой между стенкой хижины и толстой подстилкой из сухой травы, служившей ему постелью. Вот и копье. Если охота окажется удачной, его заплечная сумка на обратном пути будет куда тяжелей, чем сейчас. И, возможно, у него найдется время завернуть в Змеиную долину — поискать в Голубом ручье разноцветные раковины для сестры... и для Флиенти.

Агизекар откинул рукой полог, закрывающий вход, и выскользнул в предрассветный мрак, покрывающий поселок Акимики-теру — лесных людей. Ему следовало идти направо, туда, где в четырех десятках шагов от его хижины сплошной стеной стояли заросли Вечного Леса, но кто же, собравшись на охоту, минует Место собраний? Можно обидеть духов, покровительствующих племени, и лишиться их защиты. А кто тогда поможет выслеживать зверей, кто

укажет богатые дичью места и отгонит прочь халу — злых духов тьмы и болезней, кто будет ходатайствовать за бедного лесного жителя перед айту — богами леса, и самим Айтумайраном — Великим Богом? И Агизекар решительно повернул в другую сторону. Пройдя между рядами молчаливых, еле различимых в темноте хижин, он вышел на просторную площадку в центре поселка, где трава была почти начисто вытоптана сотнями ног во время веселых вечерних плясок и праздников очищения. В центре, в наваленных большой грудой диких камнях, был укреплен корявый сучковатый ствол высотой в два человеческих роста. На нем висел череп хасаха — могучего, мудрого животного, которое сильнее всех в Вечном Лесу, но не нападает ни на кого, а питается травой и съедобными кореньями... Агизекар простерся на земле, испрашивая у духов разрешения выйти в путь, а поднявшись, увидел не далее чем в пяти шагах от себя высокую фигуру в белом — шаман! Когда он подошел? Агизекар мог бы поклясться, что к его приходу на Место собраний там никого не было. И как он всегда появляется столь бесшумно?

— Приветствую тебя, Агизекар Тау, — тихо прозвучал в темноте надтреснутый старческий голос. — Да будет благосклонен к тебе Айтумайран, и да содействуют боги айту в совершении задуманного.

Охотник замер, не отвечая: отчасти из чувства почтения — не полагается говорить, пока шаман сам не задаст вопрос, отчасти для того, чтобы запомнить каждое слово Мудрейшего. Ведь шаман знает прошлое и видит будущее, в его речах скрыты сила и разум, понять и воспользоваться которыми сумеет лишь достойный. Но Тот-кто-разговаривает-с-духами не торопился с вопросами. Он не спеша обошел вокруг Агизекара и остановился у него за спиной.

— Отправляясь на охоту никогда нельзя знать, вернешься ли с добычей, — медленно проговорил старец. — И нельзя угадать, какова будет эта добыча. Маленький мальчик бродил по лесу, собирая птичьи яйца, а нашел Копье Бога. Иди с миром, Аги, и пусть удача тебе сопутствует.

Агизекар еще минуту стоял в ожидании, потом осторожно повернулся. Сзади никого не было. Он быстро прошел через поселок и, вступив на знакомую тропу, углубился в лес. Интересно, каков скрытый смысл слов старца? Как и все в племени, Аги знал, что тот ничего не говорит и не делает зря, служа для людей воплощением

Великого Бога Айтумайрана. И его способность появляться и исчезать абсолютно бесшумно, так, что даже чуткий слух опытных лесных охотников, слышащих падение сухого листа с дерева как удар грома, не мог уловить ни звука — она, эта способность, от Него... Агизекар вспомнил, как часто шаман приходил в хижину его отца, когда сам он был еще маленьким. Бывало, старик подзывал Аги и, усадив его к себе на колени, молча гладил по голове. Ни один очаг племени не мог похвастать таким вниманием, какое оказывал Мудрейший семейному очагу рода Тау, но до сих пор он никогда еще так долго не говорил с Агизекаром. Пара слов, ласковая улыбка, короткий ответ на заданный вопрос — и все. А сегодня... Это неспроста.

Несмотря на кромешную тьму, Аги шел быстро и уверенно, поигрывая копьем. Легкий шум, который он производил при этом, изредка задевая древком о ветки кустарника или свисающие с деревьев лианы, не особенно его заботил. Все равно закон запрещает бить зверей ближе, чем в четверти дневного перехода от поселка. Вот когда он отойдет достаточно далеко, тогда будет осторожнее, чтоб не спугнуть дичь.

На старом месте, там, где племя обитало прежде, приходилось удаляться на три перехода для охоты на крупных животных и на один полный переход для охоты вообще на кого угодно, даже на самых мелких птиц. Шаман раз за разом все ужесточал запреты, а потом Чекеф, младший брат отца красавицы Флиенти, отправился в лес и не вернулся. Охотник, который ходил вместе с ним, возвратился в поселок лишь много дней спустя. Он был страшно истощен, весь покрыт ранами и никого не узнавал. Шаман приказал построить на Месте собраний маленькую хижину и не выходил оттуда семь дней и семь ночей, разговаривая с духами. Люди напряженно ждали, стал ощущаться недостаток пищи — Мудрейший запретил охотиться, и даже женщины не могли собирать в лесу плоды и съедобные травы. Старики говорили, что обязательно последует или война, или переселение на новое место, а так как все охотничьи уголья вокруг были заняты, сходились на том, что будет война. Дакапо, вождь воинов, ходил на Место собраний и издали спросил об этом сидевшего в хижине шамана, но Мудрейший не ответил. Наконец, на утро восьмого дня, Тот-кто-разговаривает-с-духами вышел из своего убежища. Он сильно толкнул обеими руками стоящий посреди Места

собраний Священный столб, и сухой череп хасаха, сорвавшись вниз, гулко ударился о землю. Женщины закричали и заплакали, мужчины угрюмо молчали. А шаман, надев череп себе на голову и глядя сквозь пустые глазницы, ни слова не говоря направился в лес. Дакапо взмахнул могучей рукой с зажатым в ней копьём, и первым двинулся за ним, а следом потянулись остальные, бросая в мертвом теперь поселке все, что не могли унести на себе.

Сперва им предстояло пройти по землям соседних племен. И их пропустили: все Акимики-теру знали и уважали Мудрейшего, и если бы у Лесных людей был Верховный шаман, как это заведено у степных племен Хантагу-теру — людей Ветра, так непременно он бы им давным-давно стал...

Старые люди говорили, что раньше, в молодости, когда Мудрейший был простым охотником, девушка, которую он любил, ушла в лес собирать съедобные корни и не вернулась назад. Безутешный, он несколько дней разыскивал ее, пока не нашел — грудь ее была разорвана, она умерла уже давно, но звери не тронули тело. Ведь ни одно животное не может даже приблизиться к трупу того, кого казнил Великий Бог Айтумайран, и на нем не бывает никаких признаков разложения. Охотник, как и все люди, до этого времени строго соблюдал табу и почитал духов, видимых и невидимых, но теперь он не смог принять с чистым сердцем того, что случилось. За какие проступки Айтумайран казнил его любимую, он не знал, да и не хотел знать, ибо все, что осталось в его жизни, была мучительная, неутолимая и ничем не облегчаемая боль. Он при всех бросил копьё наземь, отрекся от своего рода и своего племени и во всеуслышание поклялся найти земли, на которые не распространяется власть Айтумайрана. О существовании таких мест говорилось в древних легендах, но никто не мог сказать, где они находятся. Охотник ушел далеко, долго странствовал среди чужих племен и наконец добрался до далекого и таинственного Края твердой воды, о котором и Болотные люди, жившие за равнинами, населенными людьми Ветра, знали только понаслышке. В самом же том краю совсем не было людей — лишь немногие диковинные звери и птицы могли жить там, где вода не течет в ручьях и реках, но тверда как камень... В тех землях нелегко добыть пропитание, жизнь трудна и мучительна, однако она была не мучительнее той боли, что носил в себе молодой охотник, и он

остался. Но однажды, стоя на берегу огромного таинственного озера, в котором плавали белые сверкающие скалы, а вода обжигала словно огонь, он увидел, как из него на сушу вышел Айтумайран. Вид его был ужасен; шерсть, алая, как пламя, намокла, а из клыкастой пасти стекала смешанная с водой кровь... И охотник, который в этот день перестал быть простым охотником, а стал великим шаманом, возвратился в родные леса, дабы рассказать людям, что земель, свободных от власти Великого Бога, нет, и если даже человек с помощью колдовства обратится в рыбу, то и под водой он не обретет свободы. А за то, что он смог постичь все это, Айтумайран даровал Мудрейшему неестественно долгую жизнь, и даже отцы отцов, видевшие взрослыми своих внуков и правнуков, помнят его не иначе, как глубоким стариком с длинными седыми волосами...

Итак, шаман вел людей все дальше вглубь леса, и последними на их пути лежали владения племени Итко, а за ними простирались необитаемые земли, царство духов айту, куда не отваживался заходить ни один человек. Все ждали, что шаман повернет на закат или на восход солнца, где людей было меньше и племя могло занять пригодные для жизни и охоты места не прибегая к силе — воевать Лесные люди, в отличие от людей Ветра, не любили, и крайне редко занимались этим. Но на восьмой день странствия в краю Итко Мудрейший остановился на поляне, где недавно совершили большое жертвоприношение для умиротворения Айтумайрана — десять молодых людей и десять девушек лежали вокруг Священного столба на подстилках из сухой травы ногами к нему. Их головы были отрублены ударом боевого топора, и хотя разложение зашло уже достаточно далеко, но текло вяло, а дикие звери не тронули тела. Это свидетельствовало о том, что жертва оказалась приятна богам Вечного Леса, и они где-то близко. Шаман ушел на самый край поляны, сел там, обхватив колени руками, прижав подбородок к груди, и долго молился духам, затем подошел к столбу и стал обходить тела. Поднимал отрубленные головы, гладил их, произнося таинственные слова... Агизекар увидел тогда, как побелело лицо их проводника из племени Итко. Расспросив его, он узнал, что Мудрейший называл мертвых по именам — по их священным именам, которые дают избранным в день жертвоприношения, и которые слышат только боги айту, да те, кто при этом присутствует. Но ведь проводник знал, что в

тот час, когда оборвалась жизнь его соплеменников, Мудрейший находился еще в шести днях пути от этого места!.. Тогда и Агизекар испугался, а потом...

Потом шаман выпрямился, надел на голову череп хасаха и пошел дальше — прямо в ту сторону, где кончались земли Итко и начинались владения богов айту. Люди боялись, но послушно шли за ним, и никто не отважился преградить ему путь и спросить — что же он делает? Куда они идут? Агизекар чувствовал, как в его сердце вползает холодная змея страха. Даже на лицах бывалых охотников читался испуг. Бесстрашный Дакапо, вождь воинов, который не боялся никого и ничего, и тот выглядел подавленным. А Мудрейший вел их все дальше и дальше вглубь Вечного Леса. Каждое утро он поднимался с земли, надевал на голову тяжелый череп, шел вперед, не зная усталости, останавливаясь только тогда, когда и более молодые уже падали с ног — и так день за днем, пока все не потеряли счет бесконечным дням пути.

Изредка они раскидывали временное стойбище, чтобы отдохнуть и пополнить припасы охотой — вскоре начались места, сказочно богатые непуганой дичью. Люди начали понемногу привыкать к мысли, что они забрались в самое сердце страны айту, и вот ведь чудо — ничего страшного не происходит. Боги не наказали их за дерзость, даже, как будто, благоволят к ним — иначе с чего бы добыче чуть ли не самой идти в руки охотников? Непонятно... непонятно. Но как хорошо жить-то — еды вдоволь на каждого, давно уже не было так; шаман отменил почти все табу, оставив лишь несколько. Дрожь пробирает от такой нежданной свободы: делай почти все что захочешь, охотись почти что везде и на кого только хочешь — не прогневаются ли боги? А сам Айтумайран? Не пора ли остановиться? Проходило время, но боги не думали гневаться. А Мудрейший все вел их, пока они наконец не пришли сюда.

В лесу выбрали удобное место для устройства поселка и первым делом водрузили посреди будущего Места собраний Священный столб духов, сделанный, согласно обычаю, из ствола засохшего на корню молодого дерева. Мужчины построили хижины, женщины возделывали землю. Между чудовищной толщины вековыми деревьями были расчищены многочисленные небольшие участки, где они посадили пакуай — Дар богов — растение, из зерен которого

делают потом вкусные лепешки. А свежая лепешка из пакуай — это такое лакомство, что и мяса не надо. Впрочем, теперь и мяса бывало вдоволь. Вокруг на многие дни пути лежали необитаемые леса, но они скоро привыкли, да во многом это было и к лучшему — не нужно опасаться внезапного нападения соседей, если те вдруг встанут на путь Священной войны, угодной богам. Акимики-теру редко воевали, но все же иногда это случалось. Не все шаманы были похожи на Мудрейшего, который за долгие годы, что управлял племенем, ни разу не повелел Дакапо поднять своих воинов для похода. А теперь, даже если другие племена Лесных людей отважатся отправиться вслед за ними, так ведь вокруг полно места — занимай любые охотничьи угодья, сколько нужно... Однако, несмотря на это, поселок построили так, чтоб к нему было трудно подобраться незамеченным. Одинокие молодые храбрецы, избравшие тропу воина, выстроили далеко в лесу свои крохотные, незаметные чужому взгляду убежища, живя в коих, день и ночь наблюдали за подходами к деревне, ведь настоящий боец всегда начеку, даже, когда спит... Хотя на них и на старом месте никто не решался напасть: боялись многочисленности племени, боялись свирепого Дакапо, который в бою не знал что такое страх и был беспощаден к врагам, но больше всего боялись Мудрейшего, который — все верили в это — находился под защитой самого Великого Бога Айтумайрана. А с Айтумайраном спорить бесполезно...

Аги споткнулся о корень дерева и пришел в себя. Как глубоко он задумался! Это не годится! Хотя, тут же сам себя успокоил он, было о чем — за последнее время столько всего произошло, аж голова идет кругом. И не только у него. Они пришли туда, куда и заходить-то никто не решался, не то что жить — раз. Мудрейший не велел устраивать на границах их теперешних охотничьих угодий места для совершения жертвоприношений — два. Жертвоприношений больше не будет, сказал он. Тут уж все просто лишились речи от изумления. Ни одного молодого воина, ни одну девушку не принес в жертву богам айту Мудрейший с тех пор, как стал шаманом, всегда ему удавалось обойтись без этого и умилостивить духов молитвой. Все только рады были, никому не хочется раньше срока переселяться в Страну Богатой Охоты, пусть даже ради блага всего племени, но чтоб совсем отменить древний обычай?.. Будь на месте Мудрейшего кто другой, так его самого немедленно принесли бы в жертву — за святотатство. А так

люди помялись-помялись, да и смирились в очередной раз — привыкли, что их шаман в конце концов оказывается всегда и во всем прав.

Агизекар шел уже долго, ночная темнота отступила, и на смену ей пришел обычный зеленоватый сумрак дня — в Вечном Лесу никогда не бывает достаточно светло, лучи солнца лишь кое-где проникают сквозь раскинувшийся вверху полог, образованный сомкнувшимися кронами гигантских деревьев. Тропа, широкая вначале, превратилась в едва заметную стежку, которую мог различить разве что наметанный глаз охотника — она была уже не видна, а, скорее, угадывалась. Сюда не заходят женщины в поисках съедобных трав и корней; дети, которые ставят силки на птиц и мелких зверюшек, помогая взрослым добывать пищу, тоже не забираются так далеко от деревни. Здесь бывают только охотники. Добравшись до мест, где шаман разрешает бить зверя, они бросают гадальные кости, спрашивая духов, куда направиться дальше... Да еще сам Мудрейший знает потаенные охотничьи тропы. В любое время дня и ночи его можно встретить не только в поселке или его окрестностях, но и в самых глухих чащобах. Случалось, в один и тот же день его видели и в деревне, и в Змеиной долине, до которой три полных дневных перехода. Никто не может ходить так быстро, если ему не помогают духи, и еще... И еще — никто не может ходить, не оставляя за собой следов. Ченагу, брат Флиенти, рассказывал, как однажды повстречал старца на берегу Прыгающего ручья. У него давно накопились вопросы, которые он хотел задать при случае Мудрейшему; шаман приветствовал охотника и предложил тому говорить. Ченагу задал два вопроса и получил ответы, а третий, самый важный для него, задать забыл от волнения и вспомнил об этом только через некоторое время по расставании. Не долго думая, он вернулся к ручью и пошел по следам Мудрейшего. Следы вели вверх по течению, у самой кромки воды, и были ясно видны на песке. Их цепочка тянулась до небольшой тихой заводи. Здесь шаман остановился и... пропал! Ченагу обыскал все вокруг, он был абсолютно уверен, что Мудрейший не уходил с того места, и Агизекар ему верил — ведь Ченагу был, несмотря на молодость, одним из лучших следопытов племени. Тот-кто-говорит-с-духами попросту стоял на месте, а потом, судя по всему, растворился в воздухе или улетел...

Аги искал глазами клочок земли, пригодный для гадания: нельзя освобождать для него место, приминая или вырывая траву, и достал из мешочка на поясе горстку косточек, составлявших некогда позвоночник хума — небольшого медлительного зверька, которого вера Лесных людей наделяла такой же великой мудростью, что и миролюбивого хасаха. Зажав кости в сложенных ладонях, он опустился на колени и закрыл глаза, сосредотачиваясь. Потом трижды произнес вслух имя Айту-Айгакатама — бога охоты, и подождал немного: не ответит ли тот лично? Такого никогда не случилось, однако в самой возможности подобных вещей Агизекар не сомневался. Затем он бросил кости на землю, внимательно следя, в каком месте окажется та, которая прекратит движение последней, и где упадет самая большая. По всему вышло, что стоит идти туда, куда он и наметил; добыча будет ждать его там. Но... Было в расположении костей нечто странное, а что — Аги не мог понять, сколько ни прислушивался к себе, вглядываясь в прихотливый узор случайно упавших сухих позвонков. Вздохнув, он собрал гадальные кости, немного жалея, что он не шаман. Впрочем, будь он шаманом, не надо было бы и охотиться, поскольку шаманы не едят мяса, а только плоды и корни...

Намеченного места Агизекар достиг уже далеко за полдень и выбрал укромный уголок для засады на пологом пригорке, с которого ему была хорошо видна небольшая, поросшая чахлыми деревцами лощина с бегущим по ее дну маленьким шустрым ручейком. Лощину перегораживала на две части узкая полоса густого колючего кустарника, и это было кстати — если лесные антилопы, которых он приготовился ждать, придя на водопой, спустятся к ручью в дальнем конце лощины, можно будет подобраться к ним поближе, используя кусты как прикрытие. Самого Аги сейчас надежно скрывала лежавшая поперек пригорка гнилая колода, сплошь обросшая мхом, и густая паутина переплетенных лиан, спускавшихся с ветвей ближайшего дерева. Он присел на корточки и, поставив копьё между колен, замер, отдыхая после долгого пути. Медленно тянулось время, Агизекар сидел, совсем не шевелясь, только грудь поднималась и опускалась еле заметно. Глазами он внимательно обшаривал лощину, время от времени прикрывая их, чтоб в нужный момент зрение было острым. Пропустить антилоп он не боялся, а если какая придет сюда только для

того, чтобы тотчас уйти, так это не добыча — лесную лань не догонит даже самый лучший бегун. Да что там — ее сам ветер не догонит. Надо дожидаться, когда она спустится к воде и начнет пить...

Аги чутко прислушивался к окружающему — этот мир, который он, с момента, как начал себя помнить, делил с животными, растениями и духами, был полон различных звуков, шорохов, запахов; это был его мир. Все здесь было ему знакомо и понятно, он сидел, поджидая желанную добычу, и так мог ждать хоть с рассвета до самого заката для того, чтобы в нужный момент вскочить и метнуть копье — один раз. Даже если взять с собой на охоту два копья, лесная лань не даст повторить попытку.

И вот она появилась. Одна. Это хуже, чем если бы пришло несколько, но ничего не поделать. Когда они ходят поодиночке, то вдвое осторожнее... Еще хуже было, что антилопа не пошла сразу к воде, а остановилась в дальнем конце лощины за полосой кустов и принялась пастись, часто поднимая голову и прислушиваясь. Агизекар прикинул расстояние — далековато, а ближе не подобраться, пока она так стоит, придется еще ждать. Лань никуда не торопилась, ну так и он не станет. Упускать такую добычу из-за спешки не хотелось — крупное, молодое животное с зелеными и темно-серыми полосами по светло-коричневой шкуре. Точно таких Аги еще не встречал, но не удивился. Племя обосновалось на этом месте недавно, а всех разновидностей лесных антилоп существует великое множество.

Вдруг он насторожился. Чуткий слух уловил — нет, не звук даже, а скорее тень звука. Кто-то еще был здесь — справа и сзади от него... Кто-то большой. И очень, очень опасный. Знать этого Аги не мог, но, ведя происхождение от длинной череды поколений первобытных охотников, и сам проведя на охоте большую часть своей жизни, чуял это всей кожей, всем своим существом. Медленно — так медленно, что вряд ли наблюдатель со стороны уловил бы движение, он стал менять положение тела, чтобы увидеть заросли высокой травы, откуда донесся звук; не двигался, а как бы плавно перетекал из одной позы в другую. Одновременно он старался держать в поле зрения и антилопу. Лань тоже должна была почувствовать опасность... Но не чувствовала, и продолжала спокойно пастись, не проявляя никаких признаков беспокойства, кроме обычной для этих животных нервозности и настороженности.

Верхушки растений шагах в сорока от убежища Аги бесшумно покачивались. Скоро зверь, скрывающийся в траве, неизбежно должен был выйти на открытое место, и он вышел — Агизекар еле сдержал возглас удивления. Это был молодой хасах, по всем признакам самец, но такого хасаха Аги в жизни не видел: шкура его была бела, как одеяние шамана, а глаза горели красным, словно угли в костре. Верхние клыки куда длиннее, чем обычно бывают у этих сильных, но добродушных животных, и передвигался он странно — мягкой, пружинистой походкой охотника, подкрадывающегося к добыче. И Агизекар пришел к единственно верному выводу, каким бы невероятным он не казался в свете его знаний о хасахах вообще — зверь, несомненно, охотился, охотился на лесную антилопу, хоть это и полностью противоречило склонности хасахов кормиться исключительно растительной пищей.

Аги застыл, не в силах отвести взгляд от необычного животного. Оно пока не видело его, а что если увидит? Нападет? Обычный хасах мог напасть на человека, если с ним столкнуться в период гона, когда они часто раздражительны без причины. Охотник измерил взглядом расстояние до ближайшего дерева, на которое можно быстро забраться. Хасахи не умеют лазать по деревьям.

Они и белыми не бывают, возразил внутренний голос. Так что — кто знает? Впрочем, на земле от него так и так не убежать. Аги на всякий случай начал осторожно перемещаться поближе к дереву. Зверь так же осторожно двигался к полосе кустов, за которыми паслась ничего не подозревающая жертва.

Аги вдруг насторожился еще больше. Что-то неуловимо изменилось вокруг... Что? Он напрягся, пытаясь понять. Что-то такое странное в воздухе... Или нет? Да. Но что же? И тут он понял. Звуки. Все звуки исчезли. Щebet птиц, жужжание насекомых, тысячи шорохов — все пропало. Лес притих, как будто в ожидании, даже листья — и те, кажется, перестали шелестеть.

Агизекар почувствовал, как волосы зашевелились у него на затылке, мозг накрыла холодная рука ужаса. Рожденный и выросший в мире, где всем управляли многочисленные таинственные и могущественные духи, почти всегда непонятные в своих действиях и почти всегда жестокие по отношению к людям, он угадывал

приближение чего-то, чему его подсознание пыталось, но никак не могло подобрать имени. Айтумайран... Айтумайран!!!

Аги показалось, что его желудок поехал куда-то вниз, а сердце сжалось в крохотный комочек. «Если ты смотришь перед собой, Айтумайран там, только ты не видишь его, — вспомнил он наставления отца. — И очень хорошо, что ты его не видишь, поскольку облик Великого Бога внушает трепет. Если ты повернешься направо, он будет там, а если посмотришь налево, он будет с левой стороны... И если ты повернешься назад, то Айтумайран будет стоять у тебя за спиной».

Белый хасах остановился и наострил уши. Лань подняла голову и застыла как парализованная. Что-то происходило в густых зарослях между ней и хасахом — именно с этого места на Агизекара накатывали волны ужаса. Ветки легко шевельнулись. Потом они раздвинулись, и оттуда появился Айтумайран. Белый хасах припал на передние лапы, его голова почти коснулась земли, из пасти вырвался оглушительный рев страха и ярости. Аги судорожно вцепился в древко копья и застонал, глаза расширились, он почти перестал чувствовать свое тело. Отец был прав — Айтумайрана лучше не видеть!.. Он попытался вскочить, качнулся назад — и потерял сознание.

* * *

Когда Аги пришел в себя, то лежал еще некоторое время, не в силах шевельнуться. Вокруг стояла тишина. Он открыл глаза. То, что он видел — это на самом деле было или нет? Невиданный белый хасах... Хасах, который охотился! А потом... Агизекар задрожал. Больше всего ему хотелось опять закрыть глаза и никогда их не открывать, но он тут же упрекнул себя в трусости. Если ему и не примерещилось, так ведь Айтумайран, похоже, пришел не за ним, а за хасахом. А если б и за ним — нечего валяться здесь и жалеть себя, как глупая девочка, споткнувшаяся на ровном месте. Мужчина, достигший возраста зрелости, не смеет бояться, и даже самого Великого Бога, хоть ему и бессмысленно противиться, обязан встретить стоя, лицом к лицу, и принять смерть с открытыми глазами, достойно, а не жмуриться... Чтобы выяснить все, достаточно встать и посмотреть.

Ободренный такими мыслями, он нашарил рукой лежавшее рядом копьё и, опираясь на него, встал на ноги. Хасах лежал недвижно, его белый мех покрывала кровь из многочисленных ран, с левой стороны

черепу была содрана кожа и зиял большой пролом, через который виднелся превращенный в месиво страшным ударом мозг. Агизекар с трудом оторвал взгляд от этой картины и осмотрелся. Айтумайрана нигде не было видно. Бог казнил нарушителя табу (у животных тоже есть свои табу) и ушел. В чем провинился белый хасах? Бесполезно задавать такие вопросы. В чем провинилась девушка, которую любил Мудрейший, когда еще был охотником? В чем провинился маленький мальчик из рода Чаку, которого нашли с откушенной головой, а тело его не сгнило, хотя и пролежало в джунглях почти весь сезон дождей? Айтумайран казнит кого хочет и когда хочет, а трупам приказывает оставаться нетленными, в назидание непокорным и для устрашения оставшихся в живых.

Возможно, хасах виноват в том, что возжелал неположенную ему мясную пищу. Или же в том, что родился белым. Всех зверей создал Великий Бог, и они должны оставаться в том образе, который для них предначертан от начала.

Охота Агизекара, конечно, на этом закончена, он вернется домой без добычи... Какая добыча, резко оборвал он сам себя, надо благодарить духов, что жив остался. Но и духи здесь ни при чем. Они не могут ничего против Айтумайрана.

Нужно спешить. Каждый, кто стал свидетелем гнева Великого Бога, обязан как можно быстрее рассказать об этом людям своего племени и шаману — таков закон предков. В его рассказ поверить будет трудно. Поверят, конечно, особенно когда он потом приведет их сюда... Нет. Агизекар не хотел допустить даже тени сомнений, даже на короткое время. Он решительно направился к трупам хасаха, на ходу доставая нож. Айтумайран не покарает его за это — ведь то, что Аги собирался сделать, он сделает ради блага всего племени, чтобы ему быстрее поверили, а значит, быстрее извлекли урок, и тем обезопасили себя от гнева Бога. Ловко орудуя ножом, Агизекар отрезал мертвому хасаху голову и передние лапы и уложил их в свою охотничью сумку, на которой предварительно распустил все ремешки, чтобы она стала возможно более просторной. Как он и ожидал, ничего страшного не произошло. Должно быть, он правильно рассудил — не случайно ведь Айтумайран захотел сделать его очевидцем расправы...

* * *

Первые лучи солнца проникали сквозь листву деревьев и освещали только что проснувшийся поселок Акимики-теру. Лесные люди так привыкают к вечному прохладному сумраку джунглей, что и для своих поселений выбирают не поляны, которых немало в лесу, а просто те места, где деревья стоят пореже и не слишком велики — это, обычно, вершины пологих холмов, где слой земли не такой толстый, а местами на поверхность выходят каменные россыпи. Все очень удобно — в полдень здесь не жарко, как на полянах, возвышенное место не зальет водой в период дождей. А камни используют для изготовления прочных ступ, в которых каменными же пестами женщины племени толкут высушенные зерна пакуай, чтобы потом замесить тесто.

Агизекар Тау сидел возле входа в свою хижину и мастерил себе новую охотничью сумку из большого куска искусно выделанной кожи. Старую сумку, в которой он принес в поселок голову и лапы белого хасаха, шаман сжег на костре перед Священным столбом духов, объяснив Аги, что если сумка останется при нем, то удачи на охоте не будет — животные издали почуют запах жертвы Айтумайрана и станут обходить его стороной. Возбуждение, вызванное рассказом Агизекара и видом его необычного и страшного трофея, уже схлынуло, и поселок Лесных людей зажил своей повседневной жизнью. Правда, Аги заметил серьезную перемену в отношении соплеменников к нему самому. Раньше он был всего лишь одним из молодых охотников — теперь стал человеком, который видел самого Великого Бога и остался жив, а таких, знал Аги, не только среди людей племени, но и среди всех Акимики-теру совсем немного.

Сзади послышались шаги — женщина. Походку женщин всегда можно отличить от походки охотников или воинов, ступают они легко, но менее осторожно. Плоды на деревьях и корешки в земле от них ведь никуда не убегут... Аги оглянулся — рядом стояла Флиенти.

— Ты прославился, Агизекар Тау, — промолвила она. — Прославился посреди всех родов племени, и непременно прославишься среди всех племен народа Акимики и еще дальше, в землях Хантагу-теру, когда они узнают. — Девушка помолчала, опустив глаза, потом посмотрела на него и улыбнулась. — Но ты не научился выполнять обещания.

Аги не помнил, чтобы ему пришлось обещать Флиенти хоть что-нибудь, хотя, пожалуй, пообещал бы ей что угодно, хоть звезды с неба.

Да только вот случая до сих пор не представилось — во время праздников, когда на Месте собраний толпится три сотни человек, особенно не поговоришь, а при нечаянных встречах с девушкой в деревне или ближнем лесу он и двух слов не мог связать от смущения. Но встреча с Айтумайраном изменила его, изменила больше, чем он сам это понимал, и вот теперь Аги нашел в себе силы не только говорить, но и улыбнулся в ответ:

— Скажи, чем я перед тобой провинился, милая Флиенти, и клянусь Священным столбом, я исправлю ошибку не позднее захода солнца.

Девушка слегка склонила голову, в ее глазах был интерес, лукавство, вызов, и еще что-то, что Агизекар прочел, но не мог понять.

— Я знаю, что на Празднике Невесты, когда мне придет пора выбирать мужа, ты собираешься положить свое копье к моим ногам и потом бороться с теми, чьи копья окажутся рядом, — сказала она. — Другие молодые охотники и воины приносят своим возлюбленным из леса разноцветные раковины, а ты принес только голову белого хасаха, да и то не для меня... — Флиенти вдруг неожиданно весело рассмеялась. — Но исправить эту ошибку до заката у тебя не получится. — Девушка помолчала немного, а потом добавила: — Скажи мне, когда в следующий раз отправишься в лес на охоту. Я испеку для тебя лепешки.

Она повернулась и быстро пошла в сторону своей хижины, на пороге которой как раз появился ее отец, славный охотник и воин Митору, которого все почитали как второго человека на Совете после вождя воинов Дакапо. Митору тоже увидел Агизекара и поднял вытянутую руку, приветствуя его как равный равного.

Аги ответил на приветствие, радуясь, что Митору далеко, и не надо ничего говорить. Сердце прыгало в груди, грозя выскочить наружу, а душа его звенела и пела от счастья.

* * *

Уже четвертый день Агизекар жил в Змеиной долине, устроив себе небольшой шалаш на берегу ручья. Охота здесь была сказочная, и он уже навялил столько мяса, что на обратном пути придется делать частые остановки для отдыха, настолько тяжела окажется ноша. Да и раковин он успел насобирать немало, и очень красивых — теперь-то уж Флиенти не в чем будет его упрекнуть.

Настала пора собираться домой, но Агизекар не спешил возвращаться. Да, встреча с Великим Богом изменила его — не могла не изменить. Мудрейший после такой встречи стал шаманом. Дакапо, будучи ребенком, столкнулся с Айтумайраном на лесной тропе — тот долго смотрел на мальчика горящими глазами, а потом не спеша прошел мимо, не далее как в полушаге от него. Дакапо, которого сверстники всегда дразнили за излишнюю осторожность, вдруг — сам не понимая, как это случилось — протянул руку и коснулся красной, как огонь, шерсти... Вернувшись в поселок, он три дня был не в себе и не мог говорить. Шаман читал над ним заклинания и священные стихи, написанные на кусках тонкой кожи. Это помогло, но Дакапо уже не стал прежним. Он отправился странствовать, долго жил на равнинах среди людей Ветра, сражался бок о бок с ними и заслужил славу великого воина. Потом он вернулся, и через короткое время был избран военным вождем племени за ум, силу и непоколебимое мужество. Всего среди многочисленных племен Акимики-теру сейчас жило около двух десятков людей, которые однажды повстречались с Айтумайраном, и ни один из них не остался таким, каким был до встречи.

Были еще люди, которые, подобно Голару, другу погибшего как раз перед переселением Чекефа, сталкивались с айту — богами леса. Те из них, кто после этого оставался в живых, тоже менялись, но по иному. Чекеф погиб — собственно, именно его смерть и дала повод к переселению, а Голар вернулся, но в каком виде! Он долгое время был беспомощен почти как младенец; после того, как Мудрейший повел их племя вглубь Вечного Леса, он не мог сам последовать за всеми, и мужчинам пришлось нести его на специально сооруженных носилках из жердей и переплетенных веток. По прошествии времени Голар стал, как будто, приходить в себя, но ни с кем не говорил, хотя и все понимал. Он отказывался есть мясо, а однажды утром его лежанка оказалась пустой — Голар ушел один в лес. Мудрейший сказал, что он стал хатаму — странствующим шаманом. Таких, как Голар, было немало, они жили далеко, в самых непролазных чащобах, питались только растениями и носили одежду из травы. О них говорили, что они могут видеть невидимых духов айту и общаться с ними, узнавая будущее. Изредка они появлялись в поселках, и их появление, само по себе безвредное, почти всегда предвещало беду. Некоторые из них,

очень немногие, оставались в каком-нибудь племени насовсем и становились шаманами.

Агизекар жалел, что не пошел по следу Айтумайрана. Быть может, Владыка Сущего направился в одно из своих тайных святилищ, о которых сказано в древних преданиях? Входы в такие святилища стерегут айту... Пропустили бы они Агизекара внутрь? В далекие времена некоторые люди, вроде, бывали там... Откуда взялся белый хасах? Может, это был один из айту в образе хасаха? Айтумайран судит не только людей и животных, но и духов. У айту тоже есть свои законы и свои табу, за нарушение которых их может казнить Великий Бог. Вообще-то айту бессмертны, но Агизекар знал, что при определенных обстоятельствах духа может убить не только Айтумайран, но и человек. Правда, что это за обстоятельства, предания не уточняли.

В голове Аги толкались, мешая друг дружке, многие-многие вопросы, которые раньше его беспокоили очень мало. Что находится за Краем твердой воды? Можно ли переплыть Большое соленое озеро, находящееся далеко на закат солнца? Говорят, по берегам его живут племена свирепых людоедов, которые не признают никаких табу. Боги-сходящие-с-неба — кто они и откуда? Их еще называли Небесными людьми или Теми-кто-живет-среди-звезд. Многие из Акимики-теру видели их, другие даже говорили с ними. У них есть волшебные луки, из которых можно стрелять непрерывно, не натягивая тетивы. Агизекар попытался представить такой лук, но у него ничего не вышло. Боги-с-неба летают в чреве огромных птиц без крыльев и могут метать огненные копья, даже не двинув при этом рукой... Почему бы не отправиться странствовать, как это в свое время сделали Мудрейший и Дакапо? Но Агизекар твердо знал, что не пойдет в далекие земли, пока не прояснит окончательно один весьма существенный для него вопрос: кому из молодых людей племени достанется в жены Флиенти? После разговора с ней его решимость бороться за нее на Празднике Невесты утроилась. В том, что соперничество будет жестоким, он не сомневался. Много, очень много покрытых охотничьей удачей и воинской доблестью копий ляжет в круг к ногам красавицы... Агизекар не уставал ругать себя за глупость. Ведь он тоже ей давно нравился. Это же ясно — сколько раз она сама становилась с ним в пару во время веселых вечерних танцев на Месте

собраний... Да и большинство якобы случайных встреч в лесу было специально подстроено девушкой, слишком уж кстати она оказывалась одна на его дороге, отстав подруг. Его глупая стеснительность мешала ему раньше видеть такие простые вещи — дождался, пока она сама чуть ли не прямо сказала. Ну, теперь-то уж никак нельзя проиграть в соревнованиях! Сейчас Аги не променял бы свою любовь даже на всю славу Дакапо и мудрость Мудрейшего. Постранствовать же он еще успеет. Лучше войти в самую скромную хижину — вместе с Флиенти, чем в таинственные святилища айту — одному...

А пока, чтобы утолить внезапно проснувшуюся страсть к путешествиям и познанию, он может сходить в Высокую долину, о которой ему рассказал Ченагу. Она недалеко от того места, где он находится сейчас — каких-нибудь два дня пути, и найти ее легко. Надо идти все время точно на закат и на полдень, и упруешься в сплошную стену из скал; залезешь на скалу и окажешься в Высокой долине. Ченагу говорил, что там еще больше добычи, чем повсюду, и он видел там на земле странные следы.

Собрался Агизекар быстро — все имущество охотника помещается в заплечной сумке. Вяленое мясо он спрятал в дупле большого дерева высоко над землей. В дупло он положил пучки душистой травы ку, запах которой отпугивает насекомых, а вход закрыл колючими ветками, чтобы до мяса не добрались мелкие хищники. Раковины, подумав, взял с собой — легкая ноша, а в дороге всякое случается, вдруг ему не придется возвращаться тем же путем? За мясом можно и потом вернуться — или послать кого-нибудь из мальчишек племени. Для тех считалось большой честью разыскать в лесу по следам и приметам добычу охотника и принести в деревню. А вот раковины он в любом случае хотел принести Флиенти сам. И даже если его убьет хищный зверь, рано или поздно охотники племени наткнутся на его останки, и Флиенти узнает, что раковины были при нем.

Налегке Аги двигался быстро и, несмотря на то, что из Змеиной долины он вышел, когда солнце стояло уже высоко, гряде скал увидел уже к вечеру второго дня. Сомнений в том, что он сможет туда подняться, у охотника не было. Раз Ченагу сумел здесь пройти, пройдет и он, но не стоит ли поискать более легкий путь? Спешить некуда. Агизекар пошел вдоль почти отвесной стены, внимательно

присматриваясь. Приблизившаяся ночь вынудила его прекратить поиски. Агизекар устроился на ночлег на большом плоском выступе скалы, на высоте в четыре человеческих роста от земли, втащив туда с помощью срезанной лианы охапку травы для постели. Костер разводить не стал — во время охоты в Змеиной долине он досыта ел жареное мясо, пришла пора довольствоваться вяленным; кроме него была еще лепешка, последняя из тех, что испекла ему Флиенти. Агизекар не торопясь, смакуя каждый кусочек, жевал лепешку, которой касались руки его любимой, и чувствовал себя счастливейшим человеком на свете.

Наутро он снова вышел в путь и почти сразу нашел то, что искал. Ручей, текущий с плоскогорья, за много веков пробил себе широкую дорогу в скалах. Падая небольшим водопадом с уступа, до которого Агизекар мог бы свободно достать рукой, он образовывал небольшое озеро, из которого тек дальше, в лес. Аги поднялся на выступ и начал пробираться вверх. Идти было легко, хотя кое-где русло перегораживали валуны и коряги, принесенные ручьем сверху, когда сильные ливни превращали его в неуправляемый бурный поток. Но все лучше, чем карабкаться на скалы. А большинство препятствий потом можно убрать — не раз еще придется ходить сюда, если здесь охота действительно так хороша, как говорил Ченагу. Ведь как ни успешен Мудрейший в переговорах с духами, рано или поздно айту потребуют, чтоб он запретил людям охотиться близко от деревни. Поэтому любой охотник старался разведать побольше богатых дичью отдаленных мест заранее.

Выбравшись наверх, Агизекар двинулся вдоль обрыва, стараясь не подходить близко к нему, но и не теряя его из виду. Уже в полдень он нашел охотничий шалаш, сделанный из живых ветвей кустарника, связанных тонкими лианами. Значит, здесь в Высокую долину поднялся Ченагу. Теперь надо разыскать большую, усеянную валунами поляну и текущую за ней Медленную речку. Именно за речкой Ченагу видел странные следы... Что же за следы? Очень большие — больше, чем у любого другого зверя в лесу. У чудища по четыре пальца спереди и сзади на каждой лапе, и восемь лап. Нет, Ченагу не заметил мест, где громадный зверь пасся бы или обгладывал кору с деревьев, хотя и шел по его следу целых два дня. Не видел и останков убитых животных,

так что неясно, чем он питается. Зверь нигде не ложился, чтобы отдохнуть, но кое-где останавливался и подолгу стоял на месте...

Агизекар постоял, вспоминая приметы местности, о которых рассказывал Ченагу, и пошел дальше. Наступившую ночь провел, забравшись на дерево, и опять поужинал вяленным мясом. Не хотелось тратить время на выслеживание дичи или ловлю рыбы в ручьях — неожиданно проснулось желание вернуться побыстрее в поселок, увидеть Флиенти. К тому же он остерегался разводить костер, не зная, далеко ли бродит таинственный гигант здешних мест, и не привлечет ли его запах дыма.

Наутро, едва тронувшись в путь, он внезапно услышал далеко впереди необычные звуки. Агизекар напряг слух, но никак не мог понять, что же это такое. Гром? Нет. Гул боевого барабана? Конечно же нет, хотя звуки несколько напоминали то и другое. Похожие на хлесткие мощные удары, они повторялись редко, через почти равные промежутки времени, надолго смолкали совсем, а потом все начиналось сызнова. Да, это как раз там, куда он идет... Охотник прибавил шаг, одновременно удвоив осторожность. Странные равномерные удары приблизились, стали реже, смолкли. Долго стояла тишина, а затем ухо Аги уловило кое-что еще — свист, подобный свисту пролетающей мимо стрелы, и сразу следом гулкой шлепок. Эти звуки были гораздо слабее первых, но Агизекар теперь находился куда ближе от места событий и различал их вполне явственно. Здесь путь ему преградила широкая расселина — когда-то давно бог подземного царства Айту-Шайкадтан ворочался с боку на бок в своем подземном убежище, тряс землю и расколол ее. Пришлось идти вдоль расселины, ища способ перебраться на ту сторону — может быть, дерево упало поперек, или она просто кончится, и ее можно будет обойти? В одном месте расселина резко сужалась, и Агизекар ее перепрыгнул, почти что перешагнул. Звуки впереди между тем опять сменились на такие, как вначале, стихли неожиданно, а потом раздался крик. Аги бросился вперед и присел на корточки возле обросшего лишайником валуна. Кричал человек. Определенно, человек. Ребенок или женщина. Но мальчикам его племени, не достигшим возраста мужества, запрещалось заходить дальше Змеиной долины. А женщин здесь и вовсе быть не могло. И ни Мудрейший, ни самые древние предания

ничего не говорили о каких-то людях, живущих так далеко в глубине Вечного Леса...

Снова раздался крик, сопровождаемый непрерывным грохотом, яростный рев, еще крик, скорее — вопль, и на этот раз кричал мужчина.

Агизекар замер на месте, продолжая прислушиваться. Меньше всего ему хотелось бежать сломя голову в сторону звуков, источника которых он не знал. Хоть он и слышал крик, но никто ведь не звал на помощь... Шло время. Ничего не происходило. Охотник поднялся на ноги и медленно двинулся вперед, стараясь выбирать такой путь, чтобы видеть сквозь сплетение ветвей и лиан как можно дальше, чутко прислушиваясь к тому, что происходит у него за спиной.

Шагов через двести он выбрался на край поляны, раскинувшейся у подножия невысокой скалы, а на ней... Там, на земле, сидела бескрылая птица Богов-с-неба, он сразу ее узнал, хотя до этого видел только нарисованной на кусках кожи со священными текстами. Она была огромна. «Они видят весьма далеко, — рассказывал ему отец, — они способны хорошо видеть даже сквозь листву деревьев... Нет, они не охотятся на людей, они вообще не охотятся. Мой отец мне ничего об этом не говорил. Может, он не знал. А сам я таких птиц не встречал».

Агизекара птица или не замечала, или не показывала виду. Охотник разглядел, что крылья у нее все-таки были, только странные какие-то, да к тому же слишком маленькие, чтоб держать в воздухе такое тело. Она сидела на земле, расставив их в стороны, совсем не так, как сидят обычные птицы... И не шевелилась. Аги рассмотрел у нее на боку большое отверстие с удивительно ровными краями, а оттуда на землю вроде как висело что-то, вывалившись на землю. Внутренности? Но тогда почему совсем не видно крови?

Может, она мертва? Агизекар подался было вперед, но остановился в нерешительности. А если нет? Если только притворяется, поджидая его? Не зря же он слышал крики. Хотя крики слышались немного в стороне и подальше отсюда. Не лучше ли уйти? Но Агизекар уже знал, что никуда не уйдет, пока все не выяснит. Духи явно расположены к нему благосклонно. Он видел белого хасаха и принес в поселок его голову и лапы. Он остался жив после встречи с самим Айтумайраном. Теперь встретил бескрылую птицу Богов-с-неба, и будь он проклят, если...

Где-то рядом раздался стон. Аги бесшумно отступил с края поляны глубже в лес и, скользя между деревьями как тень, направился в ту сторону. Краем глаза он следил через просветы между стволами за птицей — та не шевелилась, застыв на земле, безжизненная, как огромных размеров серый гладкий валун, больший, чем Большая Хижина Совета. Звук, похожий на стон, повторился. Агизекар обогнул поляну и потерял птицу из вида. Здесь была узкая тропка, оставленная... Кем? Охотник наклонился, разглядывая широкие следы, ровные по краям. Одни из них больше, другие поменьше... никогда он таких не видел! Тропа шла почти прямо и через сотню шагов вывела его на узкую и длинную каменистую прогалину у подножия другой скалы, а на прогалине недалеко друг от друга неподвижно лежали два тела; и возле каждого из них на камнях было много крови. Агизекар не спешил. Что бы здесь ни случилось, он уже опоздал, однако теперь ясно, что чудовищная птица непричастна произошедшему...

Аги двинулся в обход прогалины и почти сразу наткнулся на другие следы — уж эти-то он узнал мгновенно, он не забудет их никогда: отпечатки больших лап с растопыренными пальцами и длинными когтями. Ими была усеяна земля вокруг трупа белого хасаха, они же уходили цепочкой в лес от мертвого животного... Айтумайран. Он был здесь! Да, был тут, и только что казнил двух Богов-с-неба, прилетевших на бескрылой птице. А те странные предметы, валяющиеся рядом с телами — конечно, волшебные луки, из которых можно пускать стрелы без перерыва. Или огненные копья. Или еще что-то, принадлежащее Тем-кто-живет-среди-звезд и обладающее чудесной силой.

Аги, уняв дрожь, вышел на открытое место. Великий Бог ушел отсюда, бояться нечего. Не нужно только трогать таинственные штуковины, некоторые из которых, согласно преданиям, могли убивать сами по себе и почти всегда причиняли разные неприятности тем, кто не умел с ними обращаться. И все же Агизекара трясло от страха. Айтумайран дважды в течение нескольких дней сделал его свидетелем своего гнева. Но, несмотря ни на что, он не уйдет, пока не рассмотрит все в подробностях, не уложит это в памяти для того, чтобы рассказать людям племени, и тем самым принести им пользу, происходящую от познания непознанного. Хватит и того, что он упал в обморок при расправе Айтумайрана с белым хасахом, увидев только самое начало и

ничего не запомнив. Теперь надо запомнить все, а немного бояться при этом не возбуждается.

Несомненно, это Боги-с-неба. Невиданная одежда, покрывающая все тело, а застежек совсем нет. На талии у каждого необычный широкий пояс, который будто прирос к этому одеянию, а на нем... Разные предметы, некоторые Агизекар узнал по описаниям. Или, по крайней мере, думал, что узнал. Это все вещи, с помощью которых Небесные люди совершают свои чудеса. Один из них — мальчик — был мертв, его голова лежала отдельно от тела. О том, есть ли у Богов-с-неба дети, предания говорили неопределенно и глухо. До этого времени Аги знал лишь, что среди них есть женщины и мужчины разных цветов кожи и разного возраста. Но никто не ведал, как они рождаются, долго ли живут... Однако они, вполне определенно, могли умереть — старики упоминали о таких случаях, и теперь Агизекар сам убедился в этом. Второй Небесный человек, по виду взрослый мужчина, еще был жив. Страшные раны покрывали его лицо и шею, он потерял много крови. Он шевельнулся, пытаясь приподнять голову, застонал и снова потерял сознание.

Молодой охотник нахмурился, теперь он пребывал в недоумении. Сначала Аги думал, что оба мертвы, а сейчас что же? Как помочь Небесному человеку? И должен ли он вообще ему помогать, если сам Великий Бог хотел его убить?

«Если бы Айтумаиран хотел убить его, так и убил бы, — подсказал внутренний голос. — Никто не может противиться Владыке, никто не избегнет участи, которую ему уготовил Бог».

Это решило вопрос. Агизекар, аккуратно поддерживая окровавленную голову, приподнял незнакомца за плечи и для начала перетащил его в тень, где было не так жарко, потом замер в нерешительности. Как и каждый лесной охотник, Аги умел лечить раны, останавливать кровь и знал травы, с помощью которых можно уменьшить жар тела и унять лихорадку. Но все его знания относились к обычным людским недугам, а чем помочь Тому-кто-живет-среди-звезд? От отца и других опытных людей он знал, что Боги-с-неба, летающие на бескрылых птицах, обладают многой мудростью и сильным волшебством, так что способны и мертвого воскресить. Может, Небесный человек придет в себя и начнет лечить себя сам? Но чутье подсказывало Агизекару, что этого не произойдет. Он взглянул

на свои руки, покрытые кровью из ран пришельца. «Кровь у них такая же, как и у нас», — подумал он и, не медля больше, направился к ручью. Принеся воды в маленьком кожаном мехе, обмыл и перевязал раны. Снова замер в раздумье. Другие Небесные люди прилетят за этими двумя... или нет? Неизвестно. Ему уже пора бы возвращаться в поселок — слишком много дней он отсутствует, и сколько еще займет обратная дорога. Он вернется в поселок... И что же он скажет? Что встретил Бога-с-Небес, ни об одном из которых давно уже не было слышно, и которых давно никто не видел, и оставил его умирать в лесу? Раньше эти существа часто навещали селения людей, беседовали с ними на их языке, даже ели их пищу. В мире Агизекара, битком набитом самыми разнообразными богами и духами, Боги-с-Неба занимали совершенно особенное место — среди всех остальных, включая Великого Бога Айтумайрана, они были единственными, кого язык поворачивался назвать добрыми. По крайней мере, они никогда не убивали людей. И не сводили их с ума, как айту...

И Агизекар решился. Подняв незнакомца, он с трудом взвалил его на плечи — тот был огромен и страшно тяжел. Вряд ли он перенесет долгую дорогу, но если оставить его здесь, умрет точно. Лишь бы Айтумайран не прогневался... Охотник пристроил обмякшее тело половчее и двинулся через лес к краю плато. Как будет спускаться вниз с такой ношей, он пока не думал. Агизекар был молод, силен и непоколебимо уверен в своей выносливости. Духи, благожелательно настроенные по отношению к его племени, тоже помогут. Аги шагал неторопливо, размеренно, экономно расходуя силы и стараясь не сбивать дыхание. Путь предстоял нелегкий, но он выдержит. И будет часто отдыхать. А разгневадается ли Айтумайран за то, что Аги забрал его жертву — об этом он скоро узнает...

* * *

Агизекар унес Левицкого в джунгли примерно через час после нападения на него незнакомого хищника. Вечером, когда Герман и Эрик в условленное время не вышли на связь с орбитой, Эвелин, оставшаяся на станции «Сектор-18» обеспокоилась, но не слишком. Когда новостей от мужа и сына не поступило и утром, она встревожилась всерьез и связалась с Клаусом Кнохеном. Тот, чтобы успокоить женщину, пообещал слетать на место и проверить. Клаус вылетел через двадцать пять минут и был возле «Беркута» через час

сорок две минуты; спустя еще двенадцать минут он обнаружил тело Эрика, дал знать о произошедшем Себастьяну Реале на «Сектор-19» и послал сообщение в Службу внешнего контроля Комиссии по Контакткам. То, что Клаус увидел на месте происшествия, не оставило у него сомнений в случившемся, как и у прилетевшего спустя некоторое время Себастьяна. На Левицких напал неизвестный крупный хищник и убил Эрика, тело которого осталось на прогалине. Повсюду виднелись отпечатки когтистых лап, неподалеку на земле растеклась лужа крови — здесь зверь напал на Германа, очевидно, убил и его, и утащил в джунгли. От кровавого пятна до джунглей шла полоса перевернутых и разбросанных мелких камней и примятой чахлой травы — тело волокли по земле в сторону зарослей. Дальше этот след терялся, вероятно, хищник понес его, держа в пасти. Ни оба зрителя, ни люди из прибывшей чуть позже группы СВК не сумели разглядеть отпечатки ног Агизекара, с детства приученного при любых обстоятельствах ходить не оставляя следов.

Контактерами, как и в случае с Паго Нвокеди, опять руководили Аркадий Бабурин и Кэй Шентао. На сей раз они всю инициативу предоставили зрителям.

— Данное происшествие не входит в сферу интересов Комиссии, — сказал Шентао после того, как они с Аркадием осмотрели тело и пообщались с киб-мастером «Беркута». — Действуйте в штатном режиме. Эвакуация техники с планеты — по усмотрению руководства СОЗ.

Идя к своему глассеру, в креслах которого уже разместились остальные члены их группы, оба руководителя контактеров еще раз задержались возле звериных следов.

— Видел такие? — спросил Аркадий.

— Дважды на снимках, — ответил Шентао. — И один раз... Впрочем, мы ведь были вместе.

— Да, да, — кивнул Аркадий. — Те же самые. Что мы имеем? В одних случаях люди подвергаются нападениям, но возле тел нет никаких следов; пострадавшие находятся в состоянии, близком к тихому помешательству или вовсе без сознания, а вся электроника выведена из строя. В других — электроника в порядке. Или — почти в порядке. Камеры фиксируют произошедшее, люди убиты, на

земле следы неизвестного крупного хищника. Вопрос: связаны ли эти случаи между собой, и если да, то как?

— Не вижу связи, — сказал Шентао. — Лучше не расширять сферу деятельности за счет изучения случаев второго рода.

— Она у нас и так — шире некуда, — согласился Аркадий. — Но составить отдельный отчет мы обязаны. Уже ясно, что наша группа всех поставленных перед ней задач не решит, необходима другая экспедиция, при участии еще большего числа экспертов, чем теперь. Я лично поставлю руководство в известность о моем мнении на этот счет, а также о необходимости отлова горилл Фостера для проведения опытов в условиях лаборатории. Мы не в состоянии продолжать их изучение в естественной среде обитания вслепую, эти существа чудовищно опасны... Предлагаю тебе поддержать меня на заседании Комиссии. Теперь, когда отсутствие у данного вида животных разума или его зачатков установлено практически стопроцентно, проблем с разрешением на более жесткие эксперименты над ними не возникнет.

— Я поддержу, — сказал Шентао. — Я всегда поддерживаю тебя, когда ты предлагаешь здоровое решение задачи...

Глава 7. Старт экспедиции

Через два дня после принятия решения о начале похода мы вылетели на Безымянную на экспрессе «Фудзияма» и, прибыв в Уивертаун, поселились на втором этаже отеля «Спираль», в котором для нас был забронирован номер из четырех спален и одной общей комнаты. Лично я предпочитаю этажи выше двадцатого, но Кэт так высоко не заманишь. Подготовка к рейсу уже подходила к концу, когда со мной с Земли связался Шанкар Капур. Я в это время стоял у грузового люка нашей «Артемиды», наблюдая за погрузкой четырех новеньких реанимационных блоков для корабельного медотсека вместо старых — на их замене в последнюю минуту настояла Кэт. Шанкар опять заказал полноформатный сеанс (господи, во что же ему это обходится!), и когда я принял вызов, возник рядом — аккуратный, жизнерадостный, улыбающийся.

— Вижу, сборы в самом разгаре, не так ли? — спросил он, окинув взглядом суетящихся роботов.

— Почти закончили, — подтвердил я. — Стартуем завтра. Если хочешь облагодетельствовать бедных звероловов еще одним заказом, то сейчас самое время — еще не поздно что-то переиграть.

— Поэтому и беспокою, — сказал Шанкар. — Я извиняюсь, Пит, но мне только два часа назад удалось наконец уломать тупоголовых чинуш из Управления по Охране Природы. Когда речь заходит об отлове животных в заповедниках А-группы, они автоматически глохнут, и доказать им что-либо весьма трудно, даже если речь идет о самых распространенных видах. Думаю, тебе приятно будет услышать, что победить их упрямство мне помогла, не в последнюю очередь, безупречная репутация вашей фирмы. И ваши личные досье без единого пятнышка.

— Брось, Шанкар, ты не хуже меня знаешь, что для ребят из Управления чья-либо безупречная репутация означает только то, что этого парня пока ни разу не поймали с поличным. Но все равно спасибо. Выкладывай, и постарайся чтобы предложение оказалось стоящим. Заповедников А-группы всего четыре в Галактике, и ни один из них нам не по дороге.

— Успокойся, я уже сверился в информатории ООЗ с вашим маршрутом — не такой уж большой выйдет крюк. Нашему институту требуется десять пар горилл Фостера — псевдогориллы Тихой, как их еще называют. — Я, должно быть, переменялся в лице, потому, что Шанкар внезапно замолчал и прищурился: — Что-то не так?

— Нет, нет, все в порядке, продолжай. Просто вид этих сундуков на меня плохо действует, — сказал я, махнув рукой в сторону реанимационных блоков. — Вроде как наблюдаешь за погрузкой собственного гроба.

— А-а-а... Ну так и не смотри. — Шанкар обнажил в улыбке набор великолепных белых зубов. — Роботы и без тебя отлично управятся. О чем я говорил? Да. Гориллы Фостера. И пусть тебя не смутит столь скромное количество — двадцать особей. — Шанкар назвал сумму, которую готов заплатить за поимку, и теперь наблюдал за тем, как я возвращаю на законное место отвисшую было челюсть.

— Эти гориллы что — похитили стратегический сырьевой запас Федерации? А ты говорил, у Джайпурского института маленький бюджет...

— Институт здесь ни при чем, Пит. Я оплачу заказ лично. Что делать? — Он театрально вскинул руки. — Инопланетные человекоподобные — моя слабость, а если я начну добиваться выделения средств на мои эксперименты обычным путем, то за это время все обезьяны в Галактике уже успеют превратиться в людей. Да и совесть мучает — я успел потратить миллионы на свои жалкие и глупые прихоти, нужно же выделить и какие-то крохи на развитие науки.

Пока Шанкар говорил, у меня в голове творился настоящий бедлам, и я был, мягко говоря, не в форме для принятия немедленного решения, хотя и понимал, что все наши будут «за» — слишком хороши предложенные условия. Сказав, что сообщу ему о нашем решении в самое ближайшее время, я попрощался и направился напрямиком в корабль — требовалось срочно проверить свою догадку. Однако по пути передумал и пошел в информаторий космодрома. Ведь поставить в известность Диану означало поставить в известность Кэт, Рика и Крейга, а я не был уверен в том, что мои проблемы с ночными кошмарами, странные стечения обстоятельств и неясные предчувствия касаются хоть кого-то кроме меня. Только выйдя из ангара я сообразил,

до какой степени возбужден — не было смысла тащиться в информаторий, когда с ним можно связаться из узла управления в самом ангаре, а я сразу не додумался.

— Ты превращаешься в глупую истеричку, старик, — сказал я себе под нос. — Немедленно прекрати пороть горячку. Мечешься туда-сюда, как ненормальная курица...

Помещением узла управления служила шестидесятиметровая прозрачная линза, подвешенная к потолку в центре ангара, и операторы могли контролировать работу людей и роботов техперсонала не только на экранах, но и визуально. Лифт как раз пошел наверх, я не стал ждать и воспользовался эскалатором. Спросил у начальника смены, здорового рыжеволосого мужика, есть ли свободные рабочие коконы в аналитическом отделе, и, если есть, не могу ли я воспользоваться одним из них в личных целях. Свободными оказались целых восемь, и мужик сказал, что не видит причин мне отказывать, поинтересовался только: «Надолго?» — а я ответил: «Нет, от силы полчаса», — и забрался в один из пустых коконов. Снаружи и внутри он выглядел таким же, как на нашем тренажере-имитаторе, но начинки было на порядок больше. Киб-мастер по имени Счастливец спросил, что мне нужно.

— Свяжись с архивом ООЗ, — приказал я. — Раздел — заповедники, подраздел — А-группа. Материалы по Тихой.

— Информация общая или специальная? — уточнил киб-мастер.

Общая информация была доступна любому, специальная предоставлялась лицам, способным как-то обосновать свой интерес к планетам закрытых и полужакрытых зон. Мне ничего не стоило попросить Счастливецка получить подтверждение в отделе предварительных заявок в ООЗ — Шанкар неглуп, и уже, конечно, поставил «флажок» напротив названия нашей фирмы, но я решил, что специальная информация пока ни к чему. С ней я успею ознакомиться и потом, когда заказ будет официально оформлен и нам предоставят полный пакет данных.

— Обойдусь общей, — сказал я. — Даже самой общей. Для начала просто покажи пейзажи местности, конкретно — тропические леса. Не крути ленту, просто устрой показ слайдов, вразброс. То, что снимали с поверхности.

Счастливец организовал экран, и уже на третьем снимке я сказал: «Останови». Несомненно, это были те самые джунгли из моего сна — та же темно-зеленая листва, придававшая лесу мрачноватый вид, светло-коричневые и серебристые с прожилками стволы деревьев, среди которых изредка попадались совсем черные, блестящие как под слоем прозрачного лака — их я запомнил особенно хорошо. Густой подлесок, необычайное обилие лиан и прочих вьющихся растений.

— Давай дальше, — сказал я, а на пятнадцатом снимке снова велел остановить. Здесь на кадре голубовато-зеленая травка была во многих местах примята, и на земле виднелись глубокие отпечатки, оставленные восьмипалыми лапами вездехода, куски дерна кое-где перевернуты. Почва жирная, чернее сажи.

— Дальше...

Изучив четыре десятка кадров, я окончательно прекратил просмотр. Конечно, это то самое место. Дело даже не в том, что слишком много деталей совпадало. Просто это то самое место.

— Теперь животные, хищники. Все, что крупнее средней собаки.

Их оказалось куда больше, чем я предполагал; были и такие, которые могли, при случае, представлять опасность, но ничего похожего на моего кровожадного приятеля из кошмара. Просмотрев изображения всех плотоядных Тихой вплоть до полюсов, я спросил Счастливика, какова вероятность существования неизвестных науке крупных хищников. Оказалось — два процента. Почти ничего, если учесть, что люди впервые высадились там почти двести лет назад, да еще и тесно общались на первых порах с туземцами, которые, хоть и на примитивном уровне, наверняка досконально знали опасных обитателей своего мира. Потом вспомнил слова Мартынова о том, что туземцы почти не заходят в глубь джунглей. А также о том, что некоторые территории, в частности Восточный Массив, до сих пор малоисследованны. Черт!..

Говорить ребятам или нет? С точки зрения нормального человека, похожесть джунглей из моего сна и пейзажей Тихой — или странное совпадение, или выкрутасы ложной памяти, не больше. Я ведь не экстрасенс, не ясновидящий. Что такое этот сон — предупреждение? Если да, то от кого? Даже догадок толковых нет. Нужно ли мне предупредить остальных? Любой охотник во время рейса и так всегда готов к любым мыслимым и немыслимым неожиданностям, ни к чему

нагнетать чувство опасности, увеличивая и без того почти предельное напряжение. С другой стороны, никуда не годится скрывать информацию, незнание которой в критический момент может стоить жизни твоим спутникам и тебе самому. Решение мне облегчило то, что я хорошо знал всех троих. На Тихой нам посулили работу; выполнив ее мы не только выбрались бы из нынешнего, не лучшего для нашей фирмы положения — она давала нам возможность закончить сезон просто с блеском, под звуки фанфар и бурные аплодисменты публики. Вероятность существования зверя, встреча с которым имеет непрогнозируемую степень риска, никого из них не остановит, даже сверхосторожного Крейга. Для них это только дополнительный стимул сунуться туда, а вовсе не причина держаться подальше. Честно говоря, и для меня тоже. Если я начну их отговаривать на основании каких-то там видений и смутных предчувствий, меня просто на смех поднимут. Но я ведь и не хочу никого отговаривать, потому что самому мне уже хочется отправиться на Тихую и своими глазами увидеть то, что там имеет место быть в действительности, а не во сне. А рассказать о своем кошмаре я всегда успею. В голове промелькнула одна сумасшедшая идея, и я обратился к Счастливику:

— Покажи псевдогорилл Фостера.

Почти все кадры были просто ужасного качества — изображения смазаны, большинство запечатлели животных в тот момент, когда они стремительно разворачивались, чтобы дать деру. Но три оказались что надо — на двух можно было хорошо разглядеть горилл вполоборота, а на третьем животное, снятое крупным планом, уставилось прямо в камеру. Похожи на обычных земных шимпанзе, только череп немного другой формы и сами гораздо крупнее. Шерсть черная. Ничего общего с моим монстром.

— Ну все, сеанс закончен, — сказал я. Можно связаться с Шанкаром прямо отсюда, но удобнее это сделать с «Артемиды». — Давай, выпусти меня.

Если Счастливик и был удивлен скудостью моих запросов, то виду не подал: будучи киб-мастером аналитического отдела, он ко всему привык.

Я выбрался из кокона — наверно, впервые со времени изобретения этой штуковины ее использовали всего-навсего для

просмотра слайдов; поблагодарил начальника смены за любезность и, спустившись вниз, направился к кораблю.

Рик торчал в арсенале, занимаясь проверкой оружия, Крейг присутствовал при установке реаниматоров в медотсеке. Последняя надежда охотника выжить, если все пошло не так... Будешь лежать в этом приспособлении, возможно, разорванный на части. Впрочем, в особо тяжелых случаях считается удачей, если компаньонам удалось спасти хотя бы твою голову. После того, как из рейда по Боадичее Крейга привезли на Безымянную в таком ящике, он с большим уважением относился к реаниматорам. Кэт в рубке обкатывала новое пилотское кресло, которое нам установили взамен прежнего — во время последнего похода возникли проблемы при переходе с автоматического режима, когда кораблем управляла Диана, на ручное управление и обратно, и Кэт решила не рисковать, хотя техслужба и уверяла нас, что это всего лишь легкоустраняемые мелкие неполадки. Диана, как всегда, занималась десятком разных дел одновременно, успевая помогать всем, кто нуждался в ее помощи. Я подошел к пульту и нажал на кнопку общего сбора экипажа. Крейг появился секунд через десять.

— Это проверка? — спросил из арсенала Рик.

— Нет, Малыш, давай сюда.

— Не хотел лишать вас удовольствия принять коллегиальное решение, — начал я, когда он подошел. — Хотя обсуждать особо нечего.

Я вкратце рассказал им о предложении Шанкара, не забыв упомянуть о том, что успел узнать об исчезновениях людей на Тихой, и присовокупил для ясности несколько теорий относительно того, с чем это может быть связано.

Рик хлопнул меня по плечу:

— Ты раздобыл лучший заказ за всю историю нашей фирмы, дружище.

— Потребуется кое-что дополнительно закупить, — заметил Крейг. — Глобальный анализ тоже не помешает. Вспомните, что произошло с экипажем Берка и с самим Берком. С этой планетой дело нечисто.

— Займись предпросмотром прямо сейчас. Если кто-то и сумеет разобраться, что именно нечисто, так это ты. Диана пусть раскопает

все материалы по Тихой с момента ее открытия. — Я взглянул на экран: — Ищи по всем каналам, девочка. Косморазведка, научные экспедиции... — Тут я неожиданно вспомнил упомянутую Кристиной Мартыновой «Вудс Индастриз Компани»: — Найди все, что сможешь о ней, и ее деятельности на планете, о деятельности других коммерческих структур... И весь материал по аборигенам.

— Без проблем, Пит, уже ищу, — отозвалась Диана.

— А еще свяжись с отделом предварительных заявок в ООЗ и юридическим отделом, пускай оформляют контракт, — добавила Кэт. — И пошли уведомление нашему лучшему другу Шанкару Капуру из... Откуда он там?..

— Такой заказ грех не отметить, — задумчиво произнес Рик.

— Ты прав, Малыш, — согласилась Кэт. — У Крейга дел больше всех — как только он закончит, заскочим к Дагелу.

* * *

Восемь часов спустя мы вчетвером сидели вокруг столика в ресторане Дагена, в самом центре зала. Уже почти стемнело, и купол над нашей головой, днем почти черный, теперь стал полностью прозрачным, пол здесь всегда практически невидим. Казалось, что столы и расположившиеся вокруг них в комфортабельных креслицах посетители вопреки законам физики висят в пустоте, а официанты, подобно богам, ходят по воздуху. Высоко над головой, заливая мягким, неярким светом этот противоречащий здравому смыслу сказочный мир, висела в пространстве огромная люстра, похожая на космический корабль неведомой цивилизации. Рик, единственный среди нас, кто здесь еще ни разу не был, с восторгом в шальных глазах непрестанно оглядывался по сторонам, не забывая однако отдавать должное содержимому своей тарелки. Кэт смотрела на него с удивлением.

— Ты же обожаешь всякие такие местечки, — заметила она. — Как ты мог ничего не знать про Дагена?

— Я слышал о нем, — отозвался он, отрываясь от созерцания люстры. — Но я и заподозрить не мог, что здесь так здорово. Теперь-то, конечно, буду заходить... Это все ведь не настоящее стекло?

— Ясное дело, нет, — сказал я. — Настоящее стекло не обладает ни такой высокой прозрачностью, ни прочностью, необходимой для подобных конструкций. А вот столики настоящие. Что касается люстры — ее держит антигравитационная платформа.

— Интересно, если антиграв откажет, люстра пробьет пол?

— Вряд ли. Никто наверняка не знает, потому что она никогда не падала. А если шлепнется сейчас, то нам будет не до наблюдений — мы ведь сидим прямо под ней.

Крейг хмуро глянул на нас, откинулся на спинку кресла и предложил:

— Давайте наконец решать, каким маршрутом идем. Айхамар — Инферна — Соломония, потом Тихая, или наоборот.

— Я за Тихую, — категорично высказался Рик. — Сразу возьмем наибольшие деньги. Потом остальное.

— Я — наоборот, — сказала Кэт. — Маршрут Айхамар — Инферна и так далее, уже рассчитан, можем стартовать как и намечали, а отрезки Соломония — Тихая — Безымянная Диана просчитает в пути. — Она взглянула на Крейга: — Сам-то что скажешь?

— Думаю, надо оставить Тихую напоследок, — ответил он. — Человекоподобные — капризные твари. Предпочтительнее доставить их до Безымянной как можно быстрее после поимки. Соломонийские питоны тоже ни чем не лучше. Если мы сработаем по варианту Рика, то получится, что мы соберем вначале самые хрупкие экземпляры, и будем таскать их потом и на Инферну, и на Айхамар. А мезоцерапторам ничего не будет, хоть сто лет их за собой вози, трофеям тем более.

— Можно пропустить Инферну, — сказал Рик. — С Медоузами у нас нет контракта.

— Контракта нет, — заметил я, — но лишние деньги лишними не бывают. И еще учти: в этом сезоне нам крупно повезло, но могут настать времена, когда добыча трофеев станет для фирмы единственной возможностью выжить. Не стоит без необходимости терять контакт с людьми вроде Медоузов.

— Согласна, — вставила Кэт. — У нас с ними сложились определенные отношения, и мы можем рассчитывать, что в случае чего они не будут извлекать выгоду из нашего стесненного положения, выжимая все уступки, какие можно.

— Подведем итог, — сказал я. — Мне не нравятся все эти истории с исчезновением людей, хоть, может, в них ничего таинственного на самом деле нет. И я хочу, чтобы мы совершили посадку на Тихой,

предварительно поразмявшись на Айхамаре и Инферне. Вошли в форму, так сказать. Крейг провел предварительный просмотр материала по гориллам Фостера. Таких пугливых и осторожных тварей еще поискать. Сколько времени займет поимка двадцати особей, сказать трудно. Мы можем застрять на Тихой на неопределенно долгое время и поставить под угрозу выполнение двух других заказов. Так что ты в меньшинстве, Малыш.

— Да что там, — махнул рукой Рик, — я ведь не против. — Он улыбнулся совершенно обезоруживающе. — Просто я еще никогда не охотился в заповеднике А-группы.

— Какие твои годы, — утешил его я. — Успеешь.

* * *

Когда подошло время старта, мы все собрались в рубке. Диана убрала бронированные плиты, закрывающие огромный, во всю рубку, обзорный колпак, и теперь можно было наблюдать все детали вознесения нашего славного кораблика на небеса с помощью орбитального подъемника. Каждый из нас десятки, может, сотни раз видел это зрелище, но оно никогда не надоедает, К тому же у нас за несколько лет совместной работы успели сложиться определенные традиции. Быть всем вместе, когда корабль стартует — одна из них. Общая молчаливая надежда на то, что каким бы трудным и опасным ни оказался новый поход, с любой планеты мы уйдем вот также, вместе, никого на ней не оставив. И все будут живы. Рик, сидевший в пилотском кресле, сказал:

— Уивертаун-два-контроль, я «Аякс»-147-160 «Артемиды», к взлету готов.

После секундной паузы в эфире прозвучал голос, по привычке четко произносивший каждое слово:

— «Аякс»-147-160 «Артемиды», я Уивертаун-два-контроль, взлет разрешаю, десять секунд до включения подъемника... Девять. Восемь...

Диана пока что не активировала компенсационную систему, поэтому ощущения при подъеме были такими же, как в обычном скоростном лифте. Как только вышли за пределы атмосферы, и яркий день на Безымянной сменила вечная ночь космоса, корабль включил на холостую разгонные двигатели.

— «Аякс»-147-160 «Артемиды», я Уивертаун-два-орбита, — произнес уже другой голос. — До расчетной точки старта одна минута.

Ее уже хорошо видно, чудовищную «морскую звезду» орбитального грузового приемника с сияющими сигнальными огнями шлюзов: желтыми — «готовность к приему», красными — «заблокировано», и зелеными, задействованными в настоящее время. Зеленых было всего два, и это означало, что вместе с нами с планеты поднимают только один корабль или грузовой контейнер.

— Тридцать секунд. Синхронизация систем «Артемиды» — Уивертаун-два-орбита-восемь. Запускаем ваш «грузовик» с орбиты-восемь сразу вслед за вами. Стыковка через тридцать семь минут. Счастливой охоты.

Мы отозвались дружными пожеланиями удачи сотрудникам орбитальной и наземной техслужб, и я послал корабельную «жучку» на камбуз за апельсиновым соком себе и напитками для остальных. Сразу расходиться по каютам никому не хотелось. Корабль чуть вздрогнул — Диана начала разгон. До момента стыковки с нашим грузовым отсеком пойдем потихоньку, ну а дальше — полным ходом. Через семьдесят два часа — первая компенсационная остановка, разгрузка по-простому, или, как еще ее иногда называли в шутку — «декомпрессия».

— Жаль, что нельзя лететь без этих чертовых разгрузок, — посетовал нетерпеливый Рик. — Столько времени на них уходит, просто ужас...

— Это Господь Бог специально так устроил, предвидя появление бродяг, вроде нас, — сказал я. — Не будь «декомпрессии», люди давно уже расползлись бы, как тараканы, до крайних пределов Вселенной. Но ты сильно не переживай — разгрузки нам необходимы, иначе ты рискуешь прибыть в пункт назначения не совсем в том виде, как тебя мама родила.

— А интересно, были попытки?

— Ходить без остановок? Конечно были. Не один же ты дурак на всю Галактику. Но ничем хорошим такие дела не кончаются, поверь мне. Необратимые изменения в тканях тела и внутренних органов вплоть до клеточного уровня, трансформация психики, распад личности — чем дальше, тем больше.

Я вспомнил парня, которого в мою бытность биомехаником привезла в Прагу к профессору Лайошу Вацеку его жена, привезла в надежде, что известный на весь мир гений сотворит чудо, после того как все другие отказались. Страшно было смотреть, во что превратился горе-испытатель. Профессор только беспомощно развел руками...

— Может, я и вправду плохо соображаю, — задумчиво проговорил Рик, — но как же тогда первопроходцы прошлых веков ходили без остановок?

— Соображаешь ты ничуть не хуже любого другого, Малыш, просто ты привык передвигаться в пространстве, не задумываясь, с помощью каких сил это происходит и какие ограничения тут существуют. Ты знаешь об этих ограничениях — и ты им следуешь. Тебе не нужно знать устройство корабля, чтобы им управлять, достаточно уметь это делать; точно так же и здесь — достаточно соблюдать правила и не нарушать запретов. — Я помолчал, собираясь с мыслями. — Раньше для перемещения на межзвездные расстояния использовался принцип так называемого Пи-коридора, в котором космический корабль перемещался из пункта А в пункт Б практически мгновенно. Компенсационные остановки космонавтам не требовались, поскольку нет разницы между прыжком на один световой год или на миллион парсеков...

— А почему тогда никто не прыгал сразу на миллион парсеков? — перебил Рик. — Можно было бы...

— Потому, что они не видели так далеко, дубина, — оборвала его Кэт. — И рассчитать такой прыжок не могли. Чем вообще ты занимался в школе, когда учитель обо всем этом рассказывал? Если бы слушал внимательно, знал бы, на какое предельное расстояние можно совершить прыжок, используя принцип создания Пи-коридора, почему нельзя прыгнуть в сторону от вектора движения, почему нельзя спрямить путь между маяками А и Д, если маяки Б, В и Г стоят по дуге, «криво»... А сейчас мы используем совсем иной способ, Ф-коридор, точнее, Ф-движение...

— Ну а современные первопроходцы? Они тоже не нуждаются в разгрузках.

— Нуждаются, — заверил я Рика. — Первопроходцы, пройдя один отрезок пути, ставят маяк, зондируют пространство прямо по

курсу, на всю процедуру уходит пара часов. И так раз за разом. Для них это и будет разгрузкой. Нет, Малыш, правила лучше не нарушать. Ты же учил теорию Сэвиджа касательно перемещения материальных тел в пространстве на сверхсветовых скоростях, должен знать, что... — Тут я замялся, так как сам очень слабо помнил школьный курс космофизики и не решался вступать в серьезную дискуссию в присутствии Кэт и Крейга.

— Держу пари, он даже не знает, кто такой Сэвидж, — сказала Кэт.

— Ты проиграла! Сэвидж — это тот парень, которого называют Эйнштейном двадцать второго столетия. Он был отцом современной... — Рик потер пальцами висок, явно затрудняясь вспомнить, отцом кого или чего именно являлся упомянутый Сэвидж. Малыш обладал удивительной способностью немедленно и полностью забывать любую информацию, если только она не относилась к кругу его повседневных личных или профессиональных интересов. — В общем, это тесно связано с эффектом Конелли, — сказал он наконец. — Ни одно материальное тело не может двигаться со сверхсветовой скоростью без изменения своей структуры, каким бы способом оно ни экранировалось, поскольку экранирующие поля сами подвергнутся деградации. — Рик вступил на знакомую почву — пилотом-то он был первоклассным, все допуски и ограничения знал назубок, и заговорил как по писанному: — Трансмутация живых тканей начинается после непрерывного движения в пространстве на скорости выше Ф-пятой в отрезок времени, соответствующий ста десяти — ста двадцати часам, а по прошествии ста пятидесяти часов становятся необратимой. Для биокристаллических структур порог немногим выше, для неорганических соединений — гораздо выше. Трансмутация также начинается при движении тела в пространстве на скорости выше Ф-седьмой в отрезок времени...

— Стоп, — сказал я. — Мы знаем, что тут ты силен.

— Нельзя разгонять корабль выше скорости Ф-девять, — закончил Рик и удовлетворенно улыбнулся. — Она еще называется пределом Миронова — Григореску. Сразу по преодолении этого порога начинаются необратимые и неконтролируемые изменения, не поддающиеся прогнозу.

— А дальше? Где же Сэвидж? — поинтересовалась Кэт.

— Ну что вы к нему пристали, — заступился я. — Небольшие пробелы в образовании не мешают...

— Стыковка с грузовым отсеком через одну минуту, — предупредила Диана.

— И на кой черт мне сдался Сэвидж! — решительно заключил Рик, видимо считая такой довод наиболее убедительным.

— Да и Эйнштейн, и остальные подобные, — закончил за него Крейг.

Корабль вздрогнул.

— Стыковка прошла успешно, — доложила Диана. — Начинаем разгон.

Корабль еще раз вздрогнул. Диана могла бы включить компенсационную систему на полную мощность но, по привычке сэкономила энергию на чем только можно. Кроме того, давно доказано, что излишний комфорт во время космических путешествий действует на членов экипажа расслабляюще, заставляя людей забывать о том, что они находятся внутри хрупкой коробочки посреди беспредельного безжизненного пространства, а это может существенно понизить скорость реакции при возникновении аварийных ситуаций.

— Пойду осмотрю наш «грузовик», — сказал Малыш.

Все уже было тщательно проверено техслужбой станции «Уивертаун-2-орбита-8» и в данный момент еще более дотошно проверялось Дианой, но ни один космический путешественник в здравом уме не верит до конца чьим угодно гарантиям, пока не ощупает все лично. Как бы ни были надежны роботы обслуживания и киб-мастер корабля, они начисто лишены такого незаменимого человеческого качества, как интуиция. Только человек и его шестое чувство смогут разглядеть угрозу там, где ее не увидит самая совершенная контрольная система. Киб-разум может составить весьма достоверный прогноз, просчитав и оценив безумное количество вариантов развития событий, но лишь человек наделен даром предвиденья.

Диана после экспериментов Майка стала исключением из всех правил — единственным киб-интеллектом в мире, обладающим свободой выбора — но ее личности не было еще и пяти лет от рождения. Рик, во время рейса поминутно прибегавший к услугам доброй волшебницы нашего корабля, в то же время считал Диану кем-

то вроде не по годам умной младшей сестренки, и полагал, что некоторая опека ей не помешает.

— Одни сутки все отдыхаем, — не то предложила, не то скомандовала Кэт, — потом за работу. Всем — ежедневный тренинг по первым трем планетам, плюс потихоньку начинаем осваивать материалы по Тихой. Я понимаю, нас всех уже достал и тренажер и суггестор...

— Особенно меня, — ввернул я. — В этом году я объелся «грязными» отчетами на конгрессе. Люси провела чистку, но, если честно, меня до сих пор тошнит от одной мысли, что придется напрягать извилины.

— Не пытайся отвертеться, — строго сказала Кэт. — Потерпишь еще чуть-чуть. Файлы по Тихой почти все старые, отредактированные — чистые, как родниковая вода. Пойдешь после нас троих. Мы посмотрим первыми, отфильтруем, что не нужно...

— А вот это нет, — возразил я. — Такой способ против правил, и ты это знаешь. Как раз я могу заметить то, что пропустите вы.

— Ладно. Мне все эти истории, что ты рассказал, тоже не нравятся. — Кэт задумчиво чертила на полу ногой какую-то фигуру. Мне захотелось подойти и обнять ее, но я сдержался. Не стоило делать этого именно сейчас, да еще в присутствии Крейга. — Ну, тогда и не жалуйся, глотай отчеты по Тихой целиком, — заключила она. — Но все равно, для тебя Диана пусть организует просмотр в щадящем режиме, ты действительно на конгрессе хватанул лишнего. Эрл мне говорил, что даже ему пришлось тяжело, когда ты все это в него свалил по приезду. И каждую ночь — программы для релаксации.

Я опять еле удержался, чтобы не сказать вслух, какого рода ночные программы я предпочитаю, и правильно — она бы мне этого долго не простила.

— Крейг, ты первым провел предварительный просмотр, — продолжала Кэт, — первым и пойдешь дальше. Диана, попроси Рика, пусть возьмет себе второстепенные материалы, вроде истории открытия Тихой, первых исследований, туземцев и так далее. Ко времени прибытия на Тихую мы должны все знать об этом месте, хотя бы порознь. Потом сверим информацию, отсеем лишнее, поработаем на имитаторе парами и все вчетвером одновременно. На этом все, расходимся.

Я прошел в свою каюту и плюхнулся на койку — отдыхать так отдыхать.

— Диана, радость моя, покажись, — попросил я.

Вся обстановка каюты состояла из кровати, рабочего кресла, которое могло при необходимости превращаться в кокон имитатора, прозрачного пузыря бара, связанного с камбузом линией доставки, и кристалла макроинформера, росшего из стены напротив кресла. В дальнем углу материализовалась фигура Дианы.

— Ты все слышала, — сказал я. — Будь добра обеспечить сервис по высшему разряду.

— Не беспокойся. Все уже готово.

— Я не сомневался. Но должен же мужчина показать, кто в доме хозяин? К тому же, я тебя давно не видел и успел соскучиться.

— Ты видел меня в рубке две минуты назад.

— Одно дело — в рубке, и совсем другое — у себя в гостях.

— Я могла бы поспорить насчет того, кто у кого в гостях, — улыбнулась Диана, — но не буду, раз уж Кэт велела тебя беречь.

— Ты просто прелесть, детка. Будь настоящие девушки такие же чуткие и заботливые, как искусственные, я женился бы сразу по достижении совершеннолетия, причем сразу на троих, не меньше, а не болтался до сих пор холостяком.

— Ну, если бы настоящие девушки могли удовлетворять все твои высказанные и невысказанные желания, зачастую ужасно глупые, и заботиться о тебе, используя на это один процент своей энергии и внимания, а девяносто девять процентов времени заниматься более интересными делами, в том числе, встречаться с другими мужчинами, я думаю, они были бы куда добрее. В данную минуту, например, я разговариваю с тобой и одновременно утешаю Рика — Малыш немного расстроен тем, что не может попасть на Тихую немедленно. Я сейчас делаю ему тонизирующий массаж.

— Ты испорченная девчонка. Флиртуешь с другим парнем и даже не стесняешься признаваться. За это я заставлю тебя нянчиться со мной весь день — я больной, несчастный, переутомленный работой, меня надо пожалеть.

— Буду жалеть, — пообещала Диана. — А почему ты до сих пор не загрузил свежие личные настройки? Неужели у тебя появились от меня какие-то секреты?

— Просто забыл, — спохватился я, поднялся с постели и закинул в приемник макроинформера свой альтерэго, уже настроенный мной заранее на выдачу полных сведений о владельце. Кибу в отеле и других подобных местах достаточно минимального объема информации о клиенте: привычки, вкусы, предпочтения и так далее. А личный секретарь, каковым для меня являлась Люси, или Диана, которая в походе работает в таком тесном взаимодействии с любым из нас, что фактически живет с нами одной жизнью, другое дело. Им надо знать все.

— Знаешь, ты права, — признался я. — Маленький секретик у меня есть. И я хочу, чтобы ты узнала о нем до того, как я лягу спать. Люси подготовила для тебя всю необходимую информацию, попробуй разобраться. А сейчас покажи какой-нибудь фильм из истории освоения космоса. Первый этап Великого расселения, к примеру.

— Побывать мне с тобой? — спросила Диана, превратив в экран одну из стен каюты.

— Не нужно. А не то я начну плакаться тебе в жилетку. Ты ведь уже наверняка в курсе того, что Кэтти в очередной раз дала мне от ворот поворот.

— Конечно, в курсе, — Диана слегка нахмурилась. Я знал, что она беспокоится по поводу постоянных резких перепадов настроения у Кэт и ее склонности к одиночеству, и считает, что ей лучше со мной, чем без меня. — Тебе не кажется, что после стольких лет знакомства вам следовало бы хоть каким-то образом упорядочить свои отношения и перевести их в более спокойное русло?

— Мне-то — да, но попробуй-ка убедить в этом ее. — Я снова улегся на кровать. — Самое обидное, что она в такие периоды вообще перестает обращать внимание на меня, и чем я занимаюсь. Похоже, даже ни капли не ревнует, если я, обидевшись, связываюсь с другой девушкой, а я такое делал, чего уж, грешен... Но ей абсолютно все равно, словно я перестаю для нее существовать. А после даже ни разу не напомнила об этом, как будто ничего такого и не было.

— Многие мужчины дорого бы дали за возможность изменять направо и налево без всяких вредных для себя последствий, — заметила Диана.

— Она мне не жена, — огрызнулся я, — и никаких взаимных обязательств мы на себя не брали.

— Но у нее-то не было другого мужчины с момента вашей встречи. Она это даже не скрывает, иначе я бы и не сказала тебе.

— Просто никто, кроме меня, не хочет иметь дела с такой злючкой.

— Согласно моим данным, на самом деле ты так не думаешь, — с ноткой превосходства в голосе сказала Диана. — У тебя не раз возникали опасения, что она найдет себе другого. А еще тебе бывало стыдно за свои измены...

— Еще чего! Ни капельки!

— ...и главным образом потому, что ты чаще всего делал это с единственной целью вывести Кэт из себя, — закончила Диана и добавила: — Если хочешь знать мое мнение, наладить отношения вы можете только в перерывах между экспедициями. А вероятность изменения нынешней ситуации до конца рейса практически равна нулю.

— Как ты меня утетила. Это я и сам знаю без твоих прогнозов, изобрела бы лучше способ поправить дело. А теперь убирайся к черту, все вы, девчонки, одинаковые.

Целый день я смотрел художественные и документальные фильмы по запрошенной теме вперемешку с программами психологической разгрузки, которые Диана составляла по ходу дела, ориентируясь на мое текущее психофизическое состояние. Она настояла на исключении при просмотре фильмов, особенно художественных, эффекта личного присутствия, создающего известное нервное напряжение, и даже сделала изображение плоским. Спорить с киб-мастером класса «абсолют», да еще наделенным многими чисто человеческими качествами, занятие неблагодарное, особенно после моего личного указания меня жалеть; пришлось удовольствоваться этим жалким огрызком современного тривидео. Диана, превратив кровать в нечто среднее между медкомплексом широкого профиля и ложем персидского султана, время от времени делала мне массаж. Прерывался я только для того, чтобы поесть. Киб-мастер каюты (я не знал даже его имени, как и всегда, находясь на корабле, предпочитая общаться напрямую с Дианой) втягивал в стену закрывающий бар пузырь и, выдвинув небольшой столик, начинал выставлять на него мой заказ, доставленный с камбуза. Я приказал было переместить столик к кровати, и попробовал есть полулежа, как это в старину

делали, говорят, настоящие султаны, но такой способ оказался неудобен, и я вернулся к традиционному. Первые три дня пути мы так и будем, в основном, сидеть по своим каютам, здесь же питаться, работать. Подготовка к походу, предстартовые хлопоты, когда все идет вроде бы по плану, но все равно все на нервах, психуют и портят жизнь компаньонам, позади, однако обычно в начале рейса никто еще друг по другу не скучает. Тяга к общению проявляется к моменту первой разгрузочной остановки, а после второй мы уже будем обедать только в полном сборе, в кают-компании.

Ближе к вечеру Диана удовлетворенно заявила, что она, наконец, более-менее довольна моим настроением.

— Лягу сегодня пораньше, — сказал я, стягивая с себя одежду, — а ты расскажи мне на ночь сказку. О Сэвидже и его теории, в чем бы она ни заключалась. Если после того, как я сегодня всю умничал в рубке, поучая Малыша, Кэт с Крейгом узнают, что я и сам в этом мало что смыслю, они же меня со свету сживут. Только, пожалуйста, обойдись без головоломной терминологии.

— Как скажешь, Пит, — охотно согласилась Диана. — Вот, слушай... Давным-давно, в тридесятм царстве, за тридевять земель, жил да был... э-э... мудрец и чародей по имени Джозеф Сэвидж. Он владел белой и черной магией, общался с духами тьмы и света, помогавшими ему постичь великие тайны мироздания. И вот однажды он решил, что прежний способ межзвездных перелетов, с помощью создания так называемых Пи-коридоров, никуда не годится...

— Издеваешься, да? — свирепо спросил я. — Ты еще хуже Люси.

— Сам просил попроще. А если тебе стыдно того, что ты не только полный невежа во всем, что не имеет отношения к звероловству и твоей биомеханике, но даже не помнишь простейших общеупотребительных научных терминов, так и скажи, я закачаю тебе краткий словарь сегодня же ночью. А завтра — дайджест современной теории физики пространств.

— Договорились. Только смотри, чтобы Кэт с Крейгом не узнали.

* * *

Первая компенсационная остановка состоялась через шестьдесят девять часов полета в системе Энигмы, красного гиганта с большой, ненаселенной людьми семьей из пятнадцати планет. Здесь до недавнего времени располагался испытательный полигон группы

ученых, работавших над проблемой мгновенного перемещения материальных тел в пространстве. Если сия проблема когда-нибудь будет разрешена, то войдя в кабинку на одной планете и нажав нужную кнопку, человек выйдет из такой же точно кабинки, но уже на другой планете, а пока результаты оставляли желать много лучшего. Новый маяк в системе Энигмы установили только полгода назад, взамен утраченного, который словно испарился после неудачного эксперимента вместе с одной третьей частью планеты Энигма-восемь и здоровым куском пояса астероидов протяженностью в две астрономические единицы. Масштабы явления выглядели потрясающе — «восьмая» стала похожа на яблоко, от которого откусили чуть не половину.

Насмотревшись на обглоданную планету и дыру в астероидном поясе, я сбросил настройки ультравизора, вышел из рубки и пошел в грузовой отсек, где Малыш возился с нашими скутерами. Их, как и все остальное, уже протестировали соответствующие службы космодрома «Уивертаун-2» на Безымянной, но Рику, как всегда, этого мало. Кроме того, он попросту равнодушен к скутерам и способен просиживать возле них часами, без конца гонять их на стенде и даже летать по грузовому отсеку. Он и по коридорам корабля летал бы на скутере, но теснота не позволяет.

У нас были великолепные двухместные машины «Стриж-классик», специально адаптированные для охотников. В продаже имеются и одноместные машины этого класса, более легкие и маневренные, но они не пользуются спросом среди профессионалов — управляя таким аппаратом, приходится рассчитывать лишь на себя — некому прикрыть спину. Отправляясь с такой штукой на планету, где имеются крупные летающие хищники, лучше сразу оплатить свои будущие похороны. Одноместные скутеры (почти всегда они выпускаются с большим багажником) используются, в основном, службами доставки в условиях городов, курьерскими службами и некоторыми спецами, которым по роду профессии необходимо таскать с собой много оборудования. Любят их и туристы-одиночки.

Вообще-то «Стриж» предназначен не только для полетов, но может совершать посадку на воду и с хорошей скоростью двигаться по ее поверхности. Он и напоминает водный мотоцикл из парка развлечений, только значительно больших размеров. Сходство портят

лишь короткие широкие крылья боковых стабилизаторов полета и хвостовой стабилизатор. Спереди, за наклоненным под большим углом ветровым стеклом расположено кресло пилота, сзади — поворотное кресло стрелка с регулировкой высоты положения. Под обоими сиденьями проходит длинный вместительный контейнер багажника. Киб-мастера на скутере нет, только бортовой макроинформер с автопилотом. Если машину требуется сделать умнее, надо подключать независимый от нее киб-разум.

Рик, с винтовкой без магазина в руках, крутился на сиденье стрелка, прицеливаясь во все стороны поочередно. Мы поболтали о пустяках, я спросил, придет ли он к обеду в кают-компанию, на что Малыш ответил: «Конечно». Потом он немного помялся и сказал:

— Знаешь Пит, я тут попросил Диану закачать мне теорию Сэвиджа...

Ага, он тоже!

— Если честно, я ни хрена не понял в ней, — признался Малыш. — Объяснил бы ты мне по-дружески, пока Кэтти нету рядом?

— Мог бы, но не стану, — сказал я. — Во-первых, я сам разбирался в ней с помощью Дианы. Во-вторых, разобравшись, я постараюсь теперь как можно быстрее забыть и Сэвиджа, и все, что он придумал — так спокойнее. Не бери в голову, Малыш, — посоветовал я. — Ученые-теоретики создают разные теории. Ученые-экспериментаторы проверяют их на практике. Иногда это одни и те же люди, иногда нет. Потом технари пытаются воплотить в жизнь то, что придумали теоретики и проверили в условиях лабораторий или на полигонах экспериментаторы. Не всегда хорошо проверили, заметь себе... Если весь процесс прошел удачно, то есть при минимальном количестве человеческих жертв... Или жертв было больше, но все же получилось, то первоначальная идея воплощается в жизнь в виде конкретного приспособления, современного трансгалактического корабля, например. А наше дело — пользоваться тем, что изобрели другие, и желательно делать это с умом, не нанося вреда ни себе, ни остальным. Видел, что произошло с восьмой планетой Энигмы? Научники до сих пор разумно не объяснили, куда они дели кусок планеты размером с Луну и несколько тысяч астероидов, не говоря о маяке. Есть надежда, что при следующем эксперименте они не сотрут с лица Вселенной половину нашей Галактики. Пока этого не

случилось, и мы можем продолжать наслаждаться жизнью. Так что не теряй времени. Немедленно выбрось из головы Сэвиджа, Эйнштейна и Масатоши Ми, проверку теории которого ты видишь на примере Энигмы. Даю слово, сразу почувствуешь себя значительно счастливее.

— А что они — ученые — здесь делали? — заинтересовался Малыш.

— Пытались переместить полный стеклянный куб со стороной один дециметр, наполненный водой, с Энигмы-9 на Энигму-8, — ответил я.

— И все??? Кубик с водой?..

— Все. Суть в том, какие силы они использовали для эксперимента. В воде содержались простейшие микроорганизмы, водоросли, и даже плавала маленькая рыбка. Биосфера в миниатюре. Согласно замыслу, куб должен был исчезнуть из камеры передатчика на девятой планете и появиться в камере приемника на восьмой без всяких изменений внутри биосистемы и в структурах органических и неорганических веществ. Что получилось — мы видим сейчас. Масатоши Ми открыл способ воздействовать на Энергоинформационное Поле Вселенной с помощью обычных электромагнитных волн определенной частоты. Поле — штука тонкая, таинственная, неосязаемая. В нем содержится информация обо всем, что есть, будет, или когда-нибудь было во Вселенной. Научившись считывать оттуда информацию, а также управлять ею, мы стали бы богами в самом полном смысле слова, ведь достаточно ввести в Поле данные о материальном объекте, и такой объект возникнет в нашем материальном мире. Другими словами, мы смогли бы творить что угодно из ничего, поскольку в основе всего, что существует, лежит информация.

Малыш, приоткрыв рот, переваривал услышанное.

— И... Так ведь можно создать целую планету?..

— Да хоть целую галактику, — не стал жадничать я. — Или, на выбор, отправить в небытие уже существующую.

Рик застыл на месте.

— То есть как?..

— А вот так. Теоретически, информацию из Поля стереть куда проще, чем записать. Правда, умные люди уже сейчас предупреждают, что невозможно безболезненно удалить отдельный информфрагмент,

не повлияв на все мироздание целиком. Однако их никто не слушает. Человек одержим желанием поскорей стать всемогущим... Но пока до всемогущества нам очень далеко. Чтобы создать галактику, или просто одну песчинку, надо обладать всей информацией о ее строении... *Всей*, понимаешь? И даже для ее уничтожения надо знать немало. А для человеческой цивилизации, на текущем этапе развития, свободное считывание информации из Поля Вселенной и, тем паче, ввод новой, еще невозможны. До Масатоши Ми это дошло достаточно быстро. Тогда он изобрел резонансную камеру, в которой любое желаемое действие, будь то созидание или разрушение, воспроизводится в миниатюре, а затем проецируется в реальный мир. К слову, созидание Масатоши пока удавалось не очень, а вот в плане разрушений с резонатором сравниться может мало что. И еще он изобрел новый пакетный гиперпередатчик. Слышал?

— Конечно. Последнее слово в технике связи. Но никогда не видел.

— Технология засекречена правительством. ПГ или, как его прозвали, «Почтовый Голубь», сейчас используется только государственными структурами. Объединенная Служба Безопасности Цивилизации, спасатели, Косморазведка и так далее. Имея при себе такой чудо-прибор, я в своей каюте буду видеть и слышать все, что ты говоришь и делаешь в своей, даже если там отключены все камеры. Тебе самому не нужно включать связь. Пакетный сигнал, как настоящий почтовый голубь, «прилетит» к тебе, «возьмет» информацию, и принесет ее мне... Так вот, не найдя возможности вводить сведения в Энергоинформационное Поле Вселенной напрямую, Масатоши Ми объединил ПГ с резонансной камерой. Теперь постарайся вникнуть в суть эксперимента: куб с рыбкой помещается в резонансную камеру, «Почтовый Голубь» считывает всю доступную ему информацию о рыбке, дополнительное устройство посылает импульс в приемный бокс на другой планете, причем все процессы идут не напрямую, а через Поле. Согласно задумке, наша рыбка должна появиться в том же виде в пункте назначения. Вопрос о том, исчезнет ли при этом оригинал из пункта отправки, оставался открытым, но ученых устраивали оба варианта: в одном случае они овладевали надежным способом телепортации любых материальных объектов, а во втором — научились бы производить точные их копии.

Но на практике произошло неконтролируемое сворачивание пространства по вектору передачи — вместе с тем, что в нем находилось. Эксперименты Масатоши Ми, на которые он убил уже двадцать лет, прекращены вследствие их чрезвычайной опасности. Если они когда-нибудь возобновятся, в чем я не сомневаюсь, и увенчаются успехом, в чем я сомневаюсь, то в будущем космические корабли нам понадобятся только для перевозки и установки на планетах камер мгновенной транспортировки. Люди станут путешествовать с их помощью, все грузопотоки также пойдут через них. Но, скорее всего, из этого неудачного изобретения Масатоши Ми сделают еще одну разновидность оружия, куда более разрушительную, чем все предыдущие вместе взятые.

— Ты мрачновато смотришь на жизнь Пит, — усмехнулся Рик.

— Мрачновато? Вспомни, что изобрели сначала — ядерную бомбу или мирную и полезную атомную электростанцию? То-то же. А в каком году атомные электростанции стали полностью безопасны для людей и природы? Естественно, сделают оружие, способное уничтожать целые планеты...

Расстроившись от своих собственных мыслей, я ушел в каюту и свалился на койку.

— Диана! — позвал я. — Диана, лапочка, сегодня же ночью сотри из моей бедной головы Сэвиджа, физику пространств и информационные поля всех видов. Я снова хочу стать простым невежественным охотником, зарабатывающим на жизнь стрельбой по несчастным животным...

Глава 8. Свежий взгляд на привычные вещи

Герман Левицкий был в очень плохом состоянии. Впервые после схватки с неизвестным хищником и гибели его сына, он пришел в себя спустя несколько часов. Его куда-то несли — перед глазами мелькала трава, прелые листья на земле, ветки кустарника, шагающие босые ноги и часть обнаженной мускулистой спины человека, который нес его на плече. Второй раз Герман очнулся вечером, лежа неподалеку от горящего костра на подстилке из сухой листвы. Рядом стоял молодой смуглокожий парень с красивым, мужественным лицом. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Утром он увидел того же парня, одетого в куртку, закрытую спереди, и длинными, до самых запястий, рукавами, но с большим вырезом на спине; он привязывал к ногам с помощью широких кожаных ремешков некое подобие ковбойских чепсов^[20], сделанных из темно-зеленой, с черными разводами чешуйчатой кожи. Одежда для ходьбы по колючим кустарникам, догадался Герман.

Шли долго, много дней. То есть, шел незнакомец, а Герман лежал у него то на одном плече, то на другом. Парень часто останавливался, давал смотрителю отдохнуть и поил его горьковатым напитком с ментоловым привкусом. Потом Левицкий обнаружил себя лежащим на подстилке из травы в небольшой, искусно построенной хижине с простым открытым очагом посередине. Рядом стояла девушка такой неопишуемой красоты, что Герман подумал, что попал на небо, а это — богиня любви Афродита. Впоследствии он не раз видел Афродиту и другую девушку с милым детским лицом. Они носили нечто среднее между набедренной повязкой и длинными шортами, бюст прикрывала расшитая мелкими раковинами одежда из тонкой чешуйчатой кожи, похожая на обычный топик. Девушки кормили его вкусной жидкой кашницей из сосуда, изготовленного из половинки неизвестного плода или ореха, и поили тем же горьким отваром. Позже Герман решил, что в отваре содержались наркотические вещества, поскольку ни по дороге, ни лежа в хижине он совершенно не чувствовал боли, только ужасающую слабость. Не находилось сил и пальцем шевельнуть, но

две его «сестры милосердия» ухаживали за ним просто отменно. Позже, когда он окреп настолько, что смог жевать, девушки начали давать ему в придачу к кашнице ломтики лепешек, которые они пекли на тонких плоских камнях в очаге на улице, возле входа в хижину. Очаг внутри жилища ни разу не использовался. Скорее всего, на нем готовили пищу только во время сильных, затяжных ливней в период дождей. Красивый незнакомец, принесший сюда Германа, очевидно — хозяин хижины, появлялся дома нечасто, и обычно лишь для того, чтобы улечься спать на своей подстилке. Кроме него заходили несколько мужчин, все — зрелого возраста, с суровыми смуглыми лицами, носившими печать спокойного достоинства и гордости, еще бывал высокий старик в длинном белом одеянии из тончайшей, искусно выделанной кожи. Ни детей, ни других женщин, кроме Афродиты и второй девушки, Левицкий не видел, хотя за стенами хижины постоянно слышались детские голоса и женский смех. Туземцы, думал он, я попал к туземцам. Откуда они здесь? На территории его сектора аборигены жили очень далеко от того места, где они с сыном разбили лагерь и столкнулись с монстром; значительно дальше, чем незнакомец мог донести его оттуда даже за месяц. Вот новость для специалистов по контактам, подумал он. Когда они узнают... *Если* узнают, поправил Левицкий сам себя. Долгое время он не был уверен, что выживет: ощупывая слабой рукой перевязанное горло и плечо, он пытался определить, насколько серьезны раны. Нижняя часть лица тоже здорово пострадала. И он совсем не чувствовал уверенности в том, что хочет жить.

Эрик... Его Эрик. Откушенная чудовищем голова сына, лежащая отдельно от тела. Картина, преследовавшая Германа и в полузабытье, и в бреду, и наяву. Эвелин... Что он ей скажет?

А сможет ли он вообще говорить? Через изувеченное горло даже дышалось трудно, голосовые связки не слушались совсем. Как только Левицкий начал связно мыслить, он проверил, на месте ли рация, прицепленная к уху, и попытался позвать киб-мастера своего спецкостюма Сапсана. Получилось невнятное шипение, но Сапсан понял его и откликнулся:

— Пришел в себя? Живуч, зритель. Я поддерживал тебя как мог, но ты слабо реагировал на препараты. Ты потерял огромное количество крови, и если б не туземец, непременно умер бы. Смею

заметить, что их средства по уходу за ранеными не оставляют желать лучшего. Особенно в твоём положении. Бальзам из трав, которым тебя поили, настоящее чудо. Содержит биологически активные вещества растительного и животного происхождения, с необычным действием на организм. Состав, согласно предварительному анализу по косвенным данным — твоим реакциям на него... — Сообразив, что Герман вряд ли разберётся, да и не нуждается сейчас в технических подробностях, Сапсан прервал доклад и сказал: — Влияет на ткани тела — живые! — как консервант. Чудовищно замедляет все биологические процессы. Когда туземец тебя перевязал и напоил этим составом впервые, твоё сердце начало биться с частотой один раз в минуту, а кровь стала густой, как сметана. Ты впал в состояние, близкое к летаргии. Напиток и вправду будто законсервировал тебя изнутри, иначе ты неизбежно погиб бы при столь варварском способе транспортировки — согнутый пополам и вниз головой. С твоими-то ранами!

Как и любой киб-мастер сотрудников СОЗ на Тихой, Сапсан обладал необходимой суммой знаний об аборигенах, включая знание их языка — на случай незапланированных контактов. Подобные контакты признавались крайне нежелательными, как способные нарушить нормальное развитие чужой цивилизации, но все же... Герман узнал, что его спасителя зовут Агизекар, или просто Аги; милую девочку с детским личиком, которую он про себя прозвал Ручеек за нежный журчащий голос, звали Капили, что в переводе с языка туземцев как раз и означало — «Поющий родник». Афродиту звали Флиенти. Она, вроде, являлась невестой Агизекара, но Левицкий уяснил, что данный вопрос не решён окончательно; а Капили приходилась ему сестрой. Самого Германа все они называли между собой Богом-с-неба.

Заботу девушек о нём Герман считал выше всяких похвал. Капили находилась при нём почти неотступно, отлучаясь лишь тогда, когда её сменяла Флиенти. Они кормили его мизерными дозами, но девять раз в день, перевязывали раны, переворачивали с боку на бок, меняли или взрыхляли подстилку из травы, чтобы лежать было мягче, делая все это с ловкостью профессиональных медсестёр. Левицкий не уставал благодарить изобретателей спецкостюма и современную, смонтированную в его комбез технику, избавляющую их от

необходимости убирать из под него нечистоты. Девушек, похоже, ничуть не смущала задача по уходу за Богом-с-неба. С детства привыкнув заботиться о соплеменниках, пострадавших от клыков и рогов животных, они и ему оказывали те же услуги — не больше и не меньше. Не догадавшись, как снять с Германа странную одежду, они заливали раны сквозь прорванные зубами зверя дыры в комбинезоне густой, похожей на смолу пастой, и накладывали повязки поверху. Вскоре его начали подкармливать бульоном и кусочками зажаренного на костре мяса. Сапсан сказал, что меню составляется девушками так, чтобы пища оказалась максимально разнообразной за один прием. Только мяса подавалось три — четыре, а иногда и семь — восемь сортов. Левицкий нашел, что отказываясь, в отличие от своих сослуживцев, от браконьерской охоты в заповеднике, он много потерял. Иногда доводилось пробовать настоящие деликатесы, способные украсить стол в любом ресторане. Из переведенных Сапсаном разговоров он понял, что Флиенти ежедневно обходит поселок, собирая дань в пользу раненого, причем ничего не приходилось выменивать, продукты отдавали даром.

Медленно оправляясь от ран, Левицкий начал мало-помалу интересоваться происходящим вокруг него.

Сапсан сообщил, что с момента схватки с хищником до того дня, когда Герман смог самостоятельно подняться со своей подстилки и сесть, привалившись к опоре хижины, прошло девяносто семь независимых суток.

— Так долго! — удивился он. — И что же, меня не искали?

— Искали. Туземец забрал тебя сразу после схватки. Клаус Кнохен прибыл первым, но вы были уже далеко. Первые сутки я ловил все передачи из района посадки твоего «Беркута», прослушаешь, я их записал. Я не мог позвать Клауса или привести в действие SOS-передатчик самостоятельно, сам знаешь, и рядом был туземец. У Комиссии по Контакткам свое мнение относительно несанкционированных встреч с ними... Ты находился вне опасности, по крайней мере пока он за тобой ухаживал. Поправишься — уговоришь аборигенов отвести тебя подальше в лес и оставить одного. Передашь сигнал — катер с орбиты прибудет в течение часа.

В течение часа! Можно плюнуть на запреты Комиссии и нажать на кнопку вызова теперь же; через два часа он окажется на главной

базе СОЗ, а через три — встретится с Эвелин. Встретится... и что он ей скажет?

Что не смог уберечь их единственного сына?

Левицкому захотелось взять пистолет и застрелиться. Но пистолет он выронил во время схватки с монстром. Нет, он не в силах взглянуть Эвелин в глаза. Она узнала о смерти сына, пускай и его считает мертвым. Это лучше, чем быть рядом, ежедневно вспоминая... Как они смогут жить по-прежнему? Как *он* сможет жить по-прежнему?

Когда Герман стал самостоятельно передвигаться, он выходил из хижины и часами сидел, привалившись к стене, наблюдая за жизнью поселка. Когда он проделал это впервые, тотчас же явился Агизекар — очевидно, его известили. Он сел на землю напротив Левицкого, подогнув под себя одну ногу и обняв руками колено другой. Туземец внимательно смотрел на своего гостя до тех пор, пока не решил, что тот способен к разговору, после чего прижал к груди ладонь и внятно произнес: «Агизекар Тау».

— Герман Левицкий, — ответил за зрителя Сапсан по громкой связи. — При официальном знакомстве, — пояснил он Герману, — полагается произносить имя полностью. В повседневном общении допускаются сокращения имен и клички. Но каждый раз, когда ты хочешь показать свое уважение к собеседнику, нужно именовать его только полностью, например: «Агизекар из рода Тау». Этим ты проявишь почтение ко всей семье человека и его уже умершим родственникам.

Агизекар выразил сожаление по поводу смерти второго Бога-с-Неба и надежду на его скорое возрождение для жизни в Стране Богатой Охоты. Айтумайран жесток, заметил Аги, но он не мстителен.

— Говорит специально для тебя, справедливо полагая, что ты не разбираешься в тонкостях туземной мифологии, — растолковал Сапсан. — Они считают Богов-с-Неба, то есть людей, могущественными, но не всеведущими. Айтумайран наказывает людей и богов смертью за нарушение табу; на загробную жизнь его гнев не распространяется. Другой бог, которого они называют Повелитель Питонов, способен непрестанно возрождать человека к жизни для новых и новых мучений.

«Вот мерзавец», — подумал Герман.

Беседа текла мирно и неторопливо. Другие жители деревни, проходя мимо, бросали на них любопытные взгляды, но не подходили близко и не вмешивались. Левицкий четко произносил слова про себя, открывая рот; Сапсан, улавливая системой датчиков костюма микросокращения мышц голосовых связок, реконструировал текст и переводил на туземный язык. Агизекар быстро догадался, что его собеседник только шевелит губами, а голос исходит из динамика, встроенного в комбинезон.

— «У Богов-с-Неба много волшебства, — перевел Сапсан. — Твоя одежда разговаривает за тебя, но губы произносят совсем другие слова». У туземцев чрезвычайно чуткий слух, — прибавил он. — Иначе они не смогли бы говорить на своем удивительном языке. Слов немного, но каждое многозначно и произносится в разных случаях с разной интонацией. Разговаривать так без специальной тренировки землянам невозможно — тебя обязательно неправильно поймут. Попробуй в разговоре произносить наиболее важные слова с заглавной буквы — трудновато, верно? И еще труднее такой язык понимать. Но в речи туземцев множество подобных нюансов. Лингвистам пришлось поломать головы, пока до них дошло. Семь основных тональностей произношения и сорок девять дополнительных, не считая исключений. Одно только слово «Бог» имеет более шестидесяти первоначальных значений, дополнительных — не счесть. Язык невероятно емкий, письменность настолько запутана, что ученые пока до конца не разобрались.

Левицкого поразило и другое — допустим, нетрудно различить, откуда идет звук; но Агизекар, без труда читая по губам, понял, что они шевелятся по иному, совсем не в такт словам. Мало того. Он улыбнулся и довольно точно воспроизвел вслух часть «молча» сказанной Германом фразы на универсальном, только с каким-то механическим тембром. Необычные способности для парня из каменного века...

— Просто его ухо способно уловить вибрации артикулятора комбеза, — пояснил Сапсан. — Поэтому он может слышать твой голос так же, как его слышу я.

Хотя Левицкий и прошел обязательный для каждого сотрудника заповедника «Тихая» курс по культуре и истории развития местной цивилизации, но впоследствии мало интересовался туземцами, так как

отношения с ними лежали вне профессиональной сферы деятельности зрителей. Почти все позабыв, он пользовался теперь информацией, предоставляемой Сапсаном, и собственными наблюдениями. Герман с немалым удивлением обнаружил, что аборигены вовсе не такие темные неразвитые дикари, какими он считал их раньше. Акимики-теру — «Лесные люди» — в поселении которых он оказался, свободно владели многими ремеслами; в том числе — искусством изготовления каменных сосудов самых необычных и сложных форм. Они возделывали землю, шили прекрасную одежду из кожи настолько тонкой выделки, что она поспорила бы качеством с продукцией современной земной промышленности, вооруженной последними достижениями науки. Рассмотрев на просвет кусок кожи, приготовленный для рукоделия, Левицкий разглядел на нем фантастический рисунок из сотен дырочек, и второй, фоновый, из тысяч мельчайших сквозных отверстий, через которые и комар носу не просунул бы. Так вот почему старик в белом — местный шаман — умудряется не свариться заживо в своей длиннополой амуниции в условиях тропической жары! Остальные мужчины, несмотря на хорошо заметные различия в социальном статусе, ходили в набедренных повязках. Большой популярностью среди женщин пользовались всевозможные украшения из мелких раковин, речного жемчуга или плетеной кожи. Киб-мастер рассказал Герману, что степные племена кочевников владеют кузнечным ремеслом, обеспечивая металлическими изделиями самих себя и племена Акимики-теру. Еще дальше, за саваннами, лежал пояс умеренного климата, где проживали народы Болотных людей, у которых уже имелись небольшие города. Настоящими дикарями можно было считать лишь племена Шикан-ден — «пожирателей мертвых», обитавших обособленными группами на западном побережье континента.

Но больше всего Германа удивила внутренняя культура аборигенов и их, без преувеличения, высокие моральные принципы. Все были вежливы друг с другом, и особенно — с уважаемыми людьми племени. Какие-либо вольности и грубость в отношении женщин не допускались. Воровство и отнятие чужого имущества силой отсутствовали совершенно, даже целью набегов свирепых степных племен на соседние деревни никогда не являлся захват

добычи и пленников — война считалась лишь необходимым проявлением доблести и священным делом, угодным богам. Рабский, и вообще принудительный труд не использовался, каждый работал и охотился сам. Понятие о праве собственности туземцы имели, и вполне конкретное, но запросто делились с нуждающимися всем необходимым без всякой платы, и такого понятия как «дать в долг» у них вовсе не было. Обман в торговле, пусть и с враждебными племенами, считался последним делом; сказать неправду даже личному смертельному врагу означало навлечь на себя вечный несмыаемый позор. Наблюдая день за днем за бытовыми сценами из жизни этих обладающих врожденным чувством собственного достоинства, безупречно честных людей в набедренных повязках, но с манерами аристократов, Левицкий засомневался — кого же с полной уверенностью можно назвать цивилизованными — туземцев Тихой или землян? Помня кое-что из истории Средних веков и Древнего мира, Герман теперь склонялся к мысли, что именно первых. Даже человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся большинством здешних племен, особенно кочевых, выглядели безобидными и, можно сказать, гуманными по сравнению с деяниями римских императоров, зверствами инквизиции и языческими культами Земли. Обряды жертвоприношения у всех племен были примерно одинаковыми, с небольшими вариациями. Человека поили наркотическим напитком, притупляющим сознание и приводящим в состояние эйфории; жрец умерщвлял его практически мгновенно, отрубая голову.

Отношение аборигенов к живым существам согрело бы душу любого, самого рьяного защитника природы. К животным, и даже растениям, они относились не только бережно, но как к равным себе. Беседуя при посредничестве Сапсана с Агизекаром, Левицкий узнавал удивительные вещи.

— Закон запрещает охотиться подолгу на одних и тех же животных на одном и том же месте, — говорил Аги. — Нельзя собирать с дерева все плоды подряд. Собирая яйца в гнездах птиц, надо брать только половину. Если человек умирает от голода, он все равно не должен добывать в пищу животных, на которых шаман запретил охотиться... Жизнь человека в глазах Бога не более ценна, чем жизнь ящерицы. Человеку лучше умереть без пищи, чем нарушить табу. Угодив духам, человек отправляется после смерти в прекрасную

Страну Богатой Охоты, а отступник навлечет на себя их гнев и все равно погибнет.

Такая бескомпромиссность в вопросах соблюдения правил потрясла Германа. Он припомнил отношение к природе человека на своей собственной планете, где люди едва не уничтожили все живое. Потом земляне вышли в космос и с тех пор оставили после себя десятки планет с непоправимо нарушенной экологией и выработанными недрами. Не помогли ни самые строгие законы, ни жесткий контроль правительства.

Туземцам же было достаточно одного слова шамана. И ведь не за страх — за совесть слушаются... Вникая в прочие порядки, заведенные у аборигенов, Левицкий уважал их все больше и больше, они заслуживали уважения — без всяких скидок. Одновременно у него возникало все больше сомнений в правильности пути, выбранного его собственным народом. Не в том, как поступали отдельные люди в отдельных случаях, не в том, как вело себя все человечество в определенные периоды своей истории, но именно в правильности выбранного пути в целом. Неловко и тяжело, словно огромные камни, ворочал Герман в своей голове несвойственные ему ранее мысли.

Мы на родной планете вечно воевали друг с другом — за что? Только ли за место под солнцем? Нет; за религиозные догмы, которые выеденного яйца не стоят, или придуманы для своекорыстных целей сословий, каст, особо хитроумных личностей, не желающих трудиться, но желающих хорошо жить и сладко кушать. За власть — не потому, что ее мало, а потому, что хочется больше. За чистоту расы, прикрывая собственную убогую неполноценность... Соперничали меж собой — за каждый клочок земли, за мировую гегемонию, за выход в открытый космос. Потом — за выход в Большой космос, в межзвездное пространство. Потом началась гонка за первенство между цивилизациями Галактики, хотя его никто не оспаривал. Наращивали мускулы. Увеличивали численность армии. Зачем? Ведь и так никого, сильнее нас, вокруг нет. Разве что цивилизация Сияющей Сферы. Так им до нас нет дела, они нас и знать-то не хотят... А все потому, что они ставят перед собой целью — самосовершенствование. Мы — превосходство над другими.

Вот туземцы эти несчастные... Или счастливые? Мы для них обеспечиваем защиту, заповедник организовали. Дело, понятно,

нужное, да только охраняем мы их, в основном, от самих себя. Да и слово-то какое подобрали — «заповедник». Будто они животные. Ну, а как назвать — «детский сад», что ли?.. А хоть бы и детский сад. Местные дети рано или поздно вырастут, и тогда — сможем ли мы относиться к ним, как к равным? Лучше бы заранее привыкать...

Когда Левицкий оказался в состоянии свободно передвигаться, не испытывая более непреодолимых приступов слабости, он попросил Агизекара увести его подальше в лес и оставить одного.

— Мне нужно подумать, — сказал он молодому охотнику. — Возможно, я стану говорить с другими Богами-с-Неба, нельзя вести с ними разговор отсюда.

Агизекар не удивился и не подумал отговаривать. Он проводил Германа на большую поляну, на которой вполне хватало места для посадки катера.

— Я вернусь сюда к вечеру, — сказал он. — И провожу тебя в поселок — ты все еще слишком слаб, лучше не ходить по лесу одному. А если тебя заберет Птица-без-Крыльев, я посмотрю то место, где она сядет на землю.

Он ушел, а Левицкий, просидев на большой, обросшей пушистым мхом колоде целый час, наконец достал из нагрудного кармана SOS-передатчик. Глубоко вздохнул, и... спрятал его обратно, так и не нажав на кнопку экстренного вызова. Нет, никогда он не найдет в себе сил встретиться с Эвелин. Никогда. А больше его в том мире никто не ждет, а хоть бы и ждал... Герман не хотел возвращаться. С самого детства немного замкнутый, он не испытывал никакой особой привязанности к цивилизации, как к таковой. Он останется здесь.

Левицкий до вечера просидел на поляне, слушая пение птиц и стрекотание кузнечиков; пообедал жареным мясом и лепешками, испеченными Капили; поболтал с Сапсаном. Голос приходил в норму, правда стал другим, звучал глухо, а слова выходили невнятными.

— Пора устраиваться на новом месте жительства, — сказал он. — Как у тебя с энергией?

— Остаток ресурса — восемнадцать процентов, — ответил Сапсан. — Почаще бывай на солнце. Отключай усилитель мышц, ты достаточно окреп. Найди ручей с холодной водой возле деревни и забирайся в него минут на пять, чтобы я мог вести подкачку за счет

разницы температур. Тогда я сумею зарастить дыры в комбезе — зверь ничего важного не повредил.

Агизекар возник рядом абсолютно бесшумно.

— Могу я остаться с Лесными людьми? — спросил Герман. — Жить в вашем поселке вместе с вами?

— Герман из рода Левицких желанный гость в моем доме, — улыбнулся Аги. — Идем обратно. Флиенти уже готовит тебе ужин.

* * *

Разум вернулся к Паго Нвокеди значительно раньше, чем это заметили врачи. Даже раньше, чем это понял он сам.

Паго попытался открыть глаза, но не смог. Он хотел позвать на помощь, но язык и губы не слушались. Он просто не чувствовал их.

Пожалуй, Нвокеди испугался бы столь полной изоляции сознания от тела, если бы не обнаружил вдруг, что может видеть прямо сквозь закрытые веки. Палата была как палата, разве что зависший над ложем оператор медкомплекса, похожий на помесь многорукого Шивы с осьминогом, поражал своими размерами и числом манипуляторов, а само ложе превосходило по площади двуспальную кровать. На одной его половине покоилось в углублении залитое стабилизирующей жидкостью тело Нвокеди, а другую занимал голем — идеальная биомеханическая копия человека, до отказа накачанная энергией, способная поддерживать жизнедеятельность человеческого организма гораздо лучше, чем обычный реаниматор, и настроенная сейчас, как догадывался Паго, на его биоритмы.

Из увиденного следовало сразу несколько выводов: во-первых, это не обычный медцентр — там оперблоки попроще; во-вторых, плохи дела культуролога Нвокеди, раз понадобился голем; в-третьих, всю картину он видит, конечно, не сквозь собственные веки, как ему показалось вначале, а откуда-то сверху, с потолка палаты — следовательно, душа все же существует, а он сам уже мертв, скорее всего.

От полной уверенности в последнем Паго удерживало лишь два соображения: в загробную жизнь он никогда не верил, и, конечно, настоящего покойника нельзя оживить даже с помощью голема — в случае смерти пациента киб-мастер палаты уже отключил бы биогрегат и перенаправил его туда, где он нужнее.

Реалистичный бред — вот что это.

Однако и такое объяснение не выдержало проверки временем, поскольку помимо сверхъестественной способности видеть самого себя сверху, больше ничего бредового в окружающей обстановке не было.

Иногда в палату заходил врач, однажды пришли сразу двое, и один из них раздраженно сказал другому, что хватит заниматься глупостями после того, как картина окончательно прояснилась. И нечего ехидничать!.. Последние данные с Ульмо получены? Получены. Имевшиеся данные они подтверждают? Полностью! Сомнения остались? Нет, не осталось, а у меня их и не было, коллега... Берка уже пытались подтянуть големом; Капширо пытались подтянуть големом; Лукашова и Зильбера тоже; а Девидсон три месяца пролежал в этом свиарнике на Альт-7, без големов, без стабилизатора, вообще без ничего — и очухался как миленький. Нет, я не прошу вас превращать медцентр в свиарник! Просто начните рассуждать здраво. Синдром Тихой, милый мой... Да никто не вводил — я введу, если надо! Страшитесь такой перспективы, так вводите сами — я специалист по недугам человеческим, а не изобретатель новых терминов...

После визита ехидного и раздраженного врачей голем убрали, а Нвокеди извлекли из стабилизатора и перевели в палату попроще. Вскоре ему стало лучше, он снова ощущал свое тело именно как свое и перестал видеть себя со стороны. Но еще раньше из разговоров медперсонала понял, что якобы потерял память.

Это его немало позабавило. Дело в том, что чем дольше он пребывал в сознании, тем яснее припоминал все, что произошло с ним на Тихой, включая вынос его бесчувственного тела из шлюзовой камеры катера. Он даже частично помнил разговоры зрителей между собой. Одного из них звали Герман, и этот здоровяк относился к нему, Паго Нвокеди, явно неприязненно. Потом его уложили в переносной реаниматор и увезли на главную базу СОЗ... Нвокеди немного пугало, что в такие моменты он снова начинал видеть сцены откуда-то сбоку или сверху, но в остальном они были настолько правдоподобны, что в их подлинности он не сомневался. Бегство от обезьяноподобных монстров с хвостами ящериц, ночевка в лесу и утро следующего дня вспоминались отчетливо. Однако медицинский киб, регулярно проводящий сканирование его психики, этих воспоминаний не видел — соответственно, не знали о них и врачи. Подавив первое

желание их порадовать, Паго, как несколько раньше до него — Джонатан Берк, пришел к выводу, что так лучше.

Не придется ничего объяснять. Не придется оправдываться.

Не придется сесть в тюрьму за незаконный отстрел многоногих броненосцев, и ради этого стоило признать, что доктора в деле диагностирования и лечения пострадавших понимают больше, чем пациенты.

Самое главное — не придется объяснять, *для чего* он стрелял в этих животных.

Нвокеди сразу почувствовал себя лучше и быстро пошел на поправку. Вскоре его лечащий врач (ехидный) и заведующий отделением (раздраженный) сочли, что он в состоянии перенести космическое путешествие и отправили Паго долечиваться на Ульмо — планету, прославившуюся благоприятным климатом, целебным биополем и полным отсутствием крупных хищников.

Никто его ни о чем не расспрашивал, учитывая опыт лечения людей, прибывших сюда с Тихой с похожими симптомами. Нвокеди наслаждался пятиразовым питанием, полным покоем и прогулками в ухоженном больничном парке. Парк являлся естественным продолжением мирных лесов Ульмо, отличаясь от них только наличием дорожек с указателями, мостиков через ручьи, отсутствием валежника да камерами на деревьях. Через каждые двести шагов — стоянки с миниатюрными карами, заранее запрограммированными вести не рассчитавшего свои силы пациента к главному корпусу, а далее — по его желанию.

Часами просиживая на скамейках в тени деревьев, Нвокеди кормил с рук больших и добродушных, похожих на кенгуру животных, беззаботно забредавших сюда из настоящего леса. Застенчивые серые птички непрерывно сновали в ветвях над головой, прячась в листве всякий раз, когда на них падал взгляд человека, а любопытные ульмонийские белки с огромными пушистыми хвостами умело и деловито проверяли карманы Паго на предмет наличия там припрятанных орехов. Трудно было представить себе, что еще сто лет назад полторы тысячи активистов Лиги защиты природы в кровопролитных схватках с командами промысловиков отстаивали право Ульмо пребывать в своем первоизданном, нетронутым состоянии.

Нвокеди размышлял. Наверное, впервые с начала карьеры исследователя у него появилась возможность остановиться и подумать — что, как и зачем он делал до сих пор, что делать дальше, и стоит ли.

Когда-то давно, еще будучи студентом, он обожал веселые вечерние сходки в общежитии — с хорошо или плохо сваренным чаем, с хорошо или плохо приготовленным кофе, с руганью в адрес барахлящего кухонного комбайна, с бутербродами из того, что под руку попало, и бесконечными спорами на тему — что есть основная задача культурологии, каковы приоритетные направления культурологии в двадцать пятом веке, и почему все остальные науки хуже, чем культурология. Последняя тема преобладала в том случае, если на их второй уровень забредали чужаки с других факультетов. Нвокеди очень ярко помнил один вечер — студент-археолог с простоватым лицом фермера, большую часть вечера сидевший молча, вдруг высказал неожиданную мысль: слово «культура» происходит от слова «культ», о чем нынче многие забыли. Культура в своей первоначальной составляющей тождественна зародившейся у народа религии, следовательно, понимания значения религиозных догматов для этноса в целом и верной оценки степени влияния этих догматов на сознание масс достаточно для понимания сущности любой культуры и прогнозирования развития цивилизации.

Не то чтобы это было особенно оригинально — или особенно нелепо. Однако студент (действительно выходец из фермерской семьи с Хапи, как оказалось), высказал мысль в такой категоричной форме, словно был не жалким первокурсником, а самим профессором Шлезингером — сверхгениальным, обронзовевшим, недостижимым и непререкаемым. Что тут началось!.. Вначале деревенщину попытались опровергнуть сразу на восемь голосов, а когда не получилось, выставили в качестве экзекутора Нвокеди. Паго самым издевательским тоном обрисовал археологу широту круга задач культурологии, глубину самого определения «культурология», не забыв беспощадно проехаться по происхождению истязуемого. Должно быть, с урожаями на Хапи неважно, раз сыновья фермеров вынуждены изучать археологию для того, чтобы найти и выкопать из земли посаженное их отцами? Без этого никак?.. Билл Дуглас с улыбкой слушал, а потом встал и ушел, на прощание обозвав собравшихся спесивыми недоумками. Студенты бросились к двери, за которой скрылся нахал,

но оказалось, что тот успел заблокировать дверь с другой стороны, оставив своих оппонентов бесноваться внутри.

На следующий день Нвокеди отыскал Билли, вызвал его на кулачную дуэль в спортзале и был позорно бит в первом же раунде. Помогая Паго подняться, Дуглас объяснил, что рос вместе с тремя старшими братьями, ни один из которых не отличался покладистостью характера. Тогда жаждавшие крови культурологи запланировали устроить обидчику «темную», наметив осуществить план сразу по окончании семестра. Но, наведя справки, вовремя узнали, что один из братьев этого парня — тот самый майор Питер Дуглас — герой Федерации, участник Лакойского инцидента и главное действующее лицо знаменитой Касталийской зачистки, после которой осталось около тысячи трупов. Вторым был Фрэнклин Дуглас, широко известный в Пограничных Мирах как Фрэнк Большие Неприятности — по слухам, первоклассный стрелок и наемный убийца. Третьим оказался Майкл Дуглас — инженер-интеллектуал, претендующий на звание лучшего специалиста в области психоневрологии биокристаллических интеллектов, а потому культурологам оказалось нетрудно убедить себя, что грех держать зло на младшего брата столь видного ученого.

Паго спихнул с колен особо наглуую белку, обшаривавшую его карманы уже по второму кругу, наклонился вперед, уперев локти в колени, и обхватил голову руками. Тут же на запястье заверещал медицинский браслет, ожил встроенный в него микродинамик, и дежурный медик центра «Гиппократ» встревожено поинтересовался самочувствием Нвокеди.

— Все в порядке, — ответил Паго. — Просто задумался.

— Прошу вас, не пытайтесь вскрыть «черные ящики» своей памяти, тем более наскоком, — сказал врач. — Мы понимаем, что вас это беспокоит, но не нужно слишком усердствовать.

«Ничего вы не понимаете», — подумал Нвокеди, а вслух сказал:

— Не беспокойтесь, доктор. Я в норме.

— Послать вам кар? Не хотите вернуться в корпус?

— Нет, пожалуй. К тому же, ближайшая стоянка от меня в двух шагах.

Прав, прав был этот фермер-археолог; по крайней мере относительно цивилизации Тихой он точно был прав. Что он там

толковал об уровнях влияния религиозных догматов на сознание масс? «Догматы могут иметь под собой основания, базируясь на реально существующих феноменах, а могут и не иметь. Но чаще всего имеют». Разве я сам выстроил серию экспериментов не на этом? И первый — первый же! — полностью мои догадки подтвердил. Я согрешил — сознательно, злостно, нарушив одно из самых строгих туземных табу, запрещающее трогать айтидугров, которые известны людям как многоногие броненосцы. Я согрешил и был наказан — ко мне явились разъяренные боги айту, воплотившиеся в отвратительных обезьянощеров. Откуда, кстати, взялись эти чудища?.. Не важно, это дело биологов — выяснять, искать, ловить и препарировать... Кто такой Айтумайран? Реликт животного мира Тихой с необычной способностью к мимикрии, умеющий придавать своей шерсти красный цвет? В плане маскировки это абсурд, но для защиты охотничьей территории от соперников? Для устрашения противника или привлечения самок в брачный период? Относительно айту приходит на ум только эффект Сулейманова — на Тизифе некоторые виды весьма болезненно и агрессивно реагируют на истребление представителей других видов, с которыми живут в непрямом симбиозе. Но Тизиф — не Тихая... Жаль, что мои познания в экзобиологии так скудны; надо было завербовать себе единомышленника-специалиста. Но нет — все захотел сделать сам, не захотел делиться, а в итоге оказался здесь, изолированный от Тихой надежнее, чем если бы меня и вправду посадили в тюрьму.

Зато понятно, почему аборигены не охотятся на айтидугров даже в священных целях, для обрядов... Стой, стой — Борисов с Родригесом ловили многоногих броненосцев и четырех забили прямо на месте на чучела. И экспедиция Борисова — Родригеса пропала в Восточном Массиве. Правда, через четыре месяца после того, как на Землю отправили чучела броненосцев и живые экземпляры.

Эрцог ловил многоногих броненосцев, и я не думаю, что охотники его экспедиции обращались со зверями слишком нежно. Эрцог потерял несколько человек. Считается, что причиной была неудачно организованная спасательная операция.

А те браконьеры... в каком году? Ладно, согласно сводке СОЗ, в каком-то году какие-то браконьеры, так и не пойманные зрителями, били этих чертовых броненосцев на трофеи в числе других

табуированных у туземцев животных и благополучно покинули планету...

На меня же возмездие обрушилось немедленно.

Как эти случаи можно между собой увязать? Не знаю; но учитывая возможность внезапного массированного нападения на лагерь Борисова и Родригеса стаи хищников, на которых и пули-то как следует не действуют, становится понятным, почему никто не успел послать сигнал бедствия... Нвокеди живо представил себе произошедшее. Ученые работают упорно, сосредоточенно, на пределе сил; часто переносят стоянку с места на место; одно из них оказывается выбрано неудачно — и вот уже только растерзанные в ключья тела валяются под плотным пологом джунглей посреди разбитого оборудования. Уцелевшие спасаются бегством. На них охотятся, выслеживают поодиночке...

Браслет на запястье вновь запиликал, и Паго откинулся на спинку скамьи, стараясь расслабиться. За давностью лет не столь важно, как именно это случилось с Борисовым и Родригесом. Я прилетел на Тихую не пропавших без вести искать.

Я прилетел туда заниматься туземцами. Разве так важно, насколько согласована с реальностью их религия? Они верят, что в их мифах правда все! — это важнее. Одна из самых загадочных цивилизаций, несмотря на кажущуюся простоту культуры и до невыносимости человекоподобный вид народов теру. Но их культуре уже двести тысяч лет! Невозможно, невероятно! Двести тысячелетий — и все на границе каменного и железного веков! А причины?

Табу запрещает производить слишком много металлических вещей. У людей Ветра в мирное время нельзя заказать кузнецу новый нож, пока не сломался старый. Нельзя брать с собой больше одной стрелы с железным наконечником, когда идешь на охоту. Вот на войну идешь — бери сколько угодно! Истребляй на здоровье ближних своих. А животных — не надо... Болотные люди знают, что такое колесо, но у них нет ни одной телеги, только детские игрушки на колесиках. Табу!.. Люди Ветра приручили степных пони, но землю на них не пахут. Для них табу — возделывание земли. У Лесных людей возделывание земли не табу, но с плугом в лесу не развернешься, а рубить деревья под пашню нельзя. В умеренном поясе у Болотных людей много чего есть и помимо болот, там развернешься с чем хочешь, но у них табу на

использование лошадей. Пищу готовят в металлических котлах, серебряные и золотые украшения — залюбуешься, а землю обрабатывают деревянными мотыгами.

Попробуй, построй с подобными законами высокоразвитую цивилизацию. За миллион лет не постоишь, если они исполняются.

А ведь они исполняются! Неукоснительно. Потому, что по лесам и долам Тихой бродит злобный звероподобный бог Айтумайран, казнящий нарушителей за малейший проступок. А чаще просто так, для порядка. Не справится он — помогут другие боги, воплощаясь в обезьянощеров, в тигров-людоедов, в бешенных пони, сбрасывающих всадников, в диких быков, к которым не то что с единственной железной стрелой в колчане — с крупнокалиберной винтовкой нужно приближаться с опаской.

Взбунтуется кто против тысячелетней системы табу — его принесут в жертву богам соплеменники. Взбунтуется целое племя — будет немедленно уничтожено соседними племенами.

И разве нельзя было двести тысяч лет назад предсказать именно такую судьбу цивилизации теру, проанализируй гипотетический сторонний наблюдатель систему их верований?

Мир туземцев принадлежит Айтумайрану. Все звери, деревья, каждая травинка — все является его собственностью. А сами туземцы — пришельцы в этом мире, арендаторы, квартиранты... Совсем как у нас в старину — «из праха ты взят и в прах возвратишься». Поэтому позволено жить только в специально отведенных местах — тогда, в награду за послушание, Айтумайран дарует тебе вечную жизнь в Стране Богатой Охоты.

В прериях центральной части большого континента и на востоке можно селиться, а на западном побережье — ни-ни! И воины Хантагу-теру смиренно голодают в своих шатрах, если стада антилоп ушли на запад. Северная окраина Восточного Массива густо заселена племенами Акимики-теру — но в глубь леса заходить не смей. Строить лодки и плавать по Большому соленому озеру разрешено только Болотным людям, и лишь потому, подозревал Нвокеди, что их земли на востоке от второго континента отделяет такой узкий пролив, что любой мальчишка переплывет его за полчаса. Попробуй тут запрети это сделать... Но лодки длиннее сорока локтей — табу, крылья для них, то есть паруса — строжайшее табу, и все в совокупности

приводит к тому, что три народа теру на обоих материках живут удивительно компактно для первобытных племен. Первый материк заселен едва на четверть, второй — на одну шестнадцатую. А как иначе жреческое сословие могло бы контролировать повсеместное исполнение закона? Но теперь, обеспечив единство табу, языка и преданий, жрецы оказались заложниками собственной системы. Пусть попробует какой-нибудь новатор из их среды ввести новые порядки — его немедленно принесут в жертву, после чего станут молить Айтумайрана о ниспослании нового шамана.

Когда-то такая сплоченность и единодушие народов теру помогли им выжить в первобытном мире. Религия — она, на определенном этапе, не без пользы. Система запретов на добычу тех или иных животных в то или иное время года позволяла использовать природные ресурсы бережно, что очень важно для племен охотников и собирателей. Она также позволяла меньше кочевать, значит, меньше подвергаться опасностям в походе или в новых, незнакомых местах. Позже туземцы раздвинули границы своего мира, но не слишком. Дальше началось торможение прогресса...

Человек всегда разрушитель, а Человек Техногенный разрушитель тройне. Его деятельность по отношению к природе неизменно будет носить деструктивный характер, но иначе и нельзя, поскольку сам он может быть только Человеком Техногенным, и никем больше — эволюция действует вне границ вида, а не внутри них, оставляя виду лишь приспособляемость, незначительную изменчивость. И что произойдет, если мы во главу угла поставим заботу не о себе, а о природе? Не важно, по каким причинам.

Паго поерзал на скамейке и закрыл глаза.

Какая теория! Прекрасная, дерзкая, способная как следует встряхнуть научный мир если не своей обоснованностью, то самой этой дерзостью! Собственно, я собирался проделать то же самое, что и Билл Дуглас на той нашей вечеринке — прийти, изложить, обозвать всех ослами и уйти. Имя я себе точно сделал бы...

С момента становления культурологии как самостоятельной науки мы мечтали не только изучать культуры разных народов, но и сравнивать, проводить параллели между ними, предсказывать развитие человеческой цивилизации в целом и — апогей! — научиться управлять этим развитием. Выход человечества в космос всех только

подстегнул — сколько новых возможностей! Но надежды на управление развеялись очень быстро, что же касается предсказаний...

Нвокеди горько усмехнулся. Теперь, через пятьсот лет, наши прогнозы не более принимают всерьез, чем в конце второго тысячелетия. И то сказать — если двадцать разных культурологических школ выдадут по прогнозу, то какой-нибудь, глядишь, и сбудется, только попробуй угадать, какой именно?

Но параллели мы проводить все же научились.

А между цивилизацией Тихой и нашей собственной столько параллелей, что остается удивляться слепоте коллег, проморгавших эту золотую жилу.

В конце двадцать первого — начале двадцать второго века земная цивилизация находилась под угрозой вымирания точно так же, как туземцы Тихой в период становления вида и зарождения культуры. По другим причинам — но именно тогда были сформированы принципы всеобщего бережного отношения к природе, исповеданием которых человечество ранее не грешило. Перенаселение, загрязнение окружающей среды и серия чудовищных техногенных катастроф поставили людей на грань гибели. И мы создали Управление по Охране Природы — монстра, державшего национальные правительства под контролем куда более успешно, чем сие когда-либо удавалось ООН. И все подчинились, причем подчинились охотно — а куда деваться, планета-то одна на всех, общая, и очень маленькая для пятидесяти миллиардов человек; и помирать, в случае чего, пришлось бы всем скопом, всем пятидесяти миллиардам. Нам нужно было заполнить Землю до краев и сделать воздух почти непригодным для дыхания, чтобы осознать это.

И что последовало дальше?

Жесточайшие запреты на любой вид деятельности, прямо или косвенно наносящий вред окружающей среде. Катастрофическое падение уровня жизни и неизбежная смерть сотен миллионов людей от голода никого не смутили. Шаманы из УОП вводили все новые табу, нанося беспощадные удары армейскими подразделениями сильнейших держав по непокорным. Еще десятки и сотни миллионов трупов, но оставшиеся в живых только радовались, рукоплескали регулярным жертвоприношениям, славили УОП, приветствовали Общемировой закон об обязательной эвтаназии по достижении семидесяти лет.

Европейский Союз не подчинился — его упразднили. Коалиция арабских государств попробовала отстоять экономическую независимость — ее смяли силами России, США и Китая. Латиноамериканская ассоциация не пожелала ратифицировать Золотой кодекс экологии — ее поставили на колени в течение трех месяцев. Канада и Соединенные Штаты отказались принять два миллиарда мигрантов из перенаселенной Азии — и восемнадцать стран и межгосударственных объединений, в том числе и вчерашние союзники, обрушили лавины бомб на Северную Америку, а американцы так и не решились запустить ядерные ракеты.

УОП объявило широкое освоение космоса людьми первоочередной задачей, и эта заброшенная из-за мнимой бесперспективности идея стала общечеловеческой. УОП потребовало ввести пятидесятипроцентный налог на указанные нужды, и за него на всепланетном референдуме проголосовало более девяноста процентов населения.

Через тридцать лет после создания Управления в крупных промышленных городах стало возможно дышать без маски вне жилых помещений. Через пятьдесят лет началась масштабная колонизация миров в других звездных системах. Но УОП уже не ослабило хватки. Обязательную эвтаназию отменили, а люди, только что считавшиеся расходным материалом, базой для налогообложения и угрозой самим себе, без всякого перехода были провозглашены величайшей ценностью цивилизации. Тысячи миров ждали поселенцев, однако там приходилось несладко, и никто не хотел своей жизнью и здоровьем прокладывать дорогу транснациональным корпорациям. И УОП, уже почти столетие опиравшееся на широкие народные массы, не желающие подыхать на загаженной Земле, не желающие больше воевать друг с другом, и выяснявшее их волю с помощью референдумов, оказалось заложником созданной им системы. Крупный бизнес придавили налогами в пользу нужд терраформирования, благоустройства поселенцев и бесплатного медицинского обслуживания. Профсоюзы стали сильны как никогда.

Люди сказали: дайте нам, наконец, жить спокойно, и УОП провозгласило принцип тождественности нации человеческому виду. Долой деление космоса на сектора! Единому человечеству — единое правительство! Первыми четверьмя президентами Земной Федерации

стали бывшие директора Управления, да и впоследствии его руководители еще не раз занимали этот пост.

Люди сказали: дайте нам нормальную, обеспеченную материальными ценностями валюту, и правительство оказалось вынуждено пойти на эту меру, выпустив в обращение так называемый «менделеевский реал», обеспеченный не только золотом, но и всеми остальными элементами одноименной периодической таблицы.

Для экономики реал стал таким тормозом, хуже которого трудно придумать и специально. Зато люди получили свободу от изнурительного труда, направленного на пополнение изо дня в день тающих от инфляции сбережений.

Конечно же, они стали меньше работать. Зато стали гораздо лучше жить.

Накопил сколько нужно для безбедной старости — и на покой. Найди завтра косморазведчики планету, состоящую целиком из урана, или астероидное поле из гигантских алмазов — рухнет рынок алмазов или разорятся уранодобывающие компании, но реал не поколеблется. Не от чего ему колебаться. А для спасения рынков и промышленников можно придумать отдельную, свеженькую систему табу, запрещающую единоличное владение космическими алмазными полями и урановыми планетами.

Люди сказали: избавьте нас от гениальных изобретений, которые в теории должны облегчить нам жизнь, но на практике несут смерть. Нам не нужны великие прорывы. Нам не нужны новые научно-технические революции. Нам нужно спокойное существование. Однообразное. Серое даже. Но спокойное.

Трудно их за это винить.

Новые отношения субъектов в области технологий стали примером того редкого случая, когда интересы народа, правительства и крупного бизнеса полностью совпали.

В результате наукоемкие отрасли промышленности оказались в руках государства и под его полным контролем. Практика последовательного запрета и ограничения технологий стала обычным делом. А как еще прикажете помешать распаду едва объединившегося человечества? Космос — это не два материка на Тихой, а сто, потом сто пятьдесят, и на сегодняшний день уже более двухсот миллиардов землян четырех тысяч национальностей, говорящих на семи тысячах

языков — не три народа теру. Следовательно — универсальный язык. Следовательно — законы автономий не должны противоречить Федеральному закону. Следовательно — граждане не должны иметь в своем распоряжении ничего такого, что поможет им при определенных обстоятельствах свергнуть себе на беду благое иго центральной власти...

Что характерно, думал Нвокеди, никто особо и не жаждет его свергать. Человечество уже почувствовало, как это хорошо — быть единым целым. Бунты отдельных автономий не в счет. Везде и всегда были и будут недовольные. Есть и на Тихой свои отщепенцы — племена людоедов Шикан-ден, но они, как положено отщепенцам, вынуждены прозябать вне цивилизации. Точно так же и планетам-государствам в Треугольнике, с раннефеодальным и рабовладельческим строем, с мелкими деспотами во главе, с населением в десятки тысяч и даже в тысячи душ, никогда не сравнятся с Земной Федерацией, а просуществуют они лишь до той поры, пока в их «суверенные владения» не прибудет первый крейсер ВКС.

Запреты на высокие технологии нарушать никто не хочет, кроме отдельных энтузиастов. Зачем мучиться, если перед тобой ресурсы целой галактики, в которой и сейчас на каждого человека приходится по одной звезде и по несколько планет? Никто не станет добывать золото из морской воды, если на берегу его можно сгребать лопатой.

И что мы констатируем? За триста с лишним лет нового порядка наша цивилизация развивалась количественно, а не качественно, создавая для себя жизненное пространство с одним и тем же наполнением. УОП давно превратилось в рядовую организацию — могущественную, но рядовую, однако вся освоенная человечеством часть Галактики сейчас напоминает большую копию Земли трехсотлетней давности. Только более благополучную.

И что мы можем прогнозировать? Мы можем смело прогнозировать, не без удовольствия подумал Нвокеди, что и через тысячу лет, если ничего экстраординарного не случится, человечество окажется на том же уровне, что и сейчас. Неизвестно, протянем ли мы двести тысячелетий, как народы теру, все-таки космос это не одна планета, да и они там не стояли совсем на месте. Но половину или треть срока...

Мы будем строить трансгалактические корабли и железные дороги. Мы будем качать газ из атмосфер планет-гигантов и продолжать использовать старые добрые двигатели Дизеля там, где нам это удобно и не запрещено УОП. Мы будем освещать темные стороны планет орбитальными зеркалами, а свои жилища — электричеством, поскольку этот вид энергии до сих пор остается самым дешевым повсюду, где есть вода и ветер. Мы будем медленно и равномерно расползаться по Местному скоплению галактик, и нам его хватит надолго. Запрещена нанотехника — обойдемся микротехникой; зато проблемы «толстых липких пальцев» и «серой слизи» нас больше не тревожат. Запрещено клонирование — ну и бог с ним, в самом-то деле...

Медицинский браслет опять встревожено запищал. Нвокеди поднялся со скамьи и пошел в сторону главного корпуса. Нет, никогда ему уже этого не додумать, не привести к совершенству, не сказать другим. Сырая необоснованная теория выглядит так же неприглядно, как рожденный задолго до срока ребенок — это совсем не милый, вызывающий всеобщее умиление румяный малыш, а нечто отталкивающее, внушающее жалость и отвращение. Да еще и нежизнеспособное к тому же.

А в его случае и вовсе получился выкидыш на ранней стадии.

После того, как больничный режим был смягчен настолько, что Нвокеди разрешили пользоваться макроинформационными сетями, он сразу же авторизовался в своем личном виртуальном кабинете сотрудника научного центра «Тихая» и попытался систематизировать данные, накопленные в приватном разделе — ничего не вышло. Паго уже знал, что его личный киб-секретарь Маус, согласно предварительному заключению экспертов-интеллектуалов СОЗ, не подлежит восстановлению. Обычный инфор никак не мог его заменить, а от нового киб-мастера было бы мало пользы. Но, самое главное, Паго просто не мог заставить себя сосредоточиться. Его мысли по-прежнему вращались вокруг Тихой, но уже, так сказать, по иной орбите. Чисто интуитивно он чувствовал, что шел к разгадке тайн планеты верным путем, только способы выбрал не те. Тут надо иначе...

В то же время Нвокеди с некоторым удивлением обнаружил, что привычные и кажущиеся необходимыми каждому человеку вещи

перестают его интересовать; характерные лично для него устремления потеряли былую привлекательность. Не то чтобы они совершенно утратили ценность в его глазах, но как бы сдвинулись с первого плана, отступив назад перед чем-то более важным, чему он пока не мог подыскать названия. Нвокеди вновь смотрел на себя будто со стороны, только теперь — в самом широком смысле, холодно и с приличной долей безгливости оценивая пройденный жизненный путь.

Вскоре лечащий врач разрешил ему принимать посетителей, но Паго это не порадовало, хотя и означало, что дело явно идет к выписке. Ни в школе, ни в институте, ни за те годы, что делал карьеру, он так и не удосужился обзавестись хоть одним другом, который мог бы прилететь на другую планету только для того, чтобы его навестить.

Однако один посетитель словно дожидался решения врача. По связи он представился как Маркус Мендель из «Евгеники», опустив прочие подробности, обычно сопровождающие процедуру знакомства. Очевидно, Мендель полагал, что ученому, проводящему несанкционированные эксперименты, его имя должно многое сказать и без дополнительных пояснений. И он был совершенно прав, будучи в научных кругах весьма известным человеком.

Для людей, подобных Нвокеди, Мендель являлся примерно тем же самым, что бог Айту-Хатамган для нарушивших табу аборигенов Тихой. Те могли, предавшись его покровительству, заслужить прощение Айтумайрана и стать хатаму — странствующими шаманами-отшельниками. Что же касается дисквалифицированных ученых, то в лице Менделя и представляемой им организации они обретали надежду на продолжение своих исследований нелегально, причем за хорошую плату.хлопоты по восстановлению утраченного статуса, обычно многолетние и дорогостоящие, «Евгеника» полностью брала на себя.

Паго считал, что дисквалификация ему не грозит, разве что отстранение от практической деятельности по состоянию здоровья. Тем не менее, он постарался проявить приличествующую случаю вежливость — в конце концов, Мендель проделал длинный путь ради того, чтобы встретиться с ним. Но не нашел в себе сил преодолеть свою отстраненность от происходящего, ставшую уже его обычным состоянием. И еще его настораживала оперативность, с какой Мендель появился в «Гиппократе» — через два часа после очередной

диагностики! — словно об открывшейся возможности свиданий с Нвокеди ему сообщили персонально.

Паго не удивился бы, узнав, что так оно и есть на самом деле. И, конечно, Мендель должен был давно прилететь на Ульмо и находиться где-то неподалеку в нужный момент. Если только сам не организовал встречу, оказав давление на лечащего врача.

Свидание прошло в парке, подальше от посторонних глаз, если не считать вездесущие камеры. Однако они служили только для визуального наблюдения за пациентами; прослушивание разговоров исключалось. Маркус оказался прекрасным собеседником, обнаруживая недюжинную эрудицию по любому затрагиваемому вопросу. Туземцы Тихой, их предания, «эффекты городов» и проблемы современной культурологии — во всех поднятых темах он был на высоте, поражая Паго глубиной знаний.

Значит, вы действительно ничего не помните, господин Нвокеди? Какая жалость. И побудительные мотивы, сподвигшие вас на эксперимент, также оказались вычеркнуты из памяти? Прискорбно. Впрочем, это довольно обычное явление... Но нет худа без добра — по крайней мере, уголовного преследования не будет. А вот дисквалификации вряд ли удастся избежать. О, успокойтесь — всего на три года. По сравнению с обычными инквизиторскими карами Академии наук, это можно считать почти поощрением ученому, практикующему нестандартный подход... Нет, знаю совершенно точно. У меня свои каналы получения информации — вполне надежные, смею вас уверить. Не хотите вернуться на Тихую? Отмечено, что людей, попавших там в переделки, подобные вашей, неудержимо тянет туда снова... Мы могли бы попытаться помочь вам. Понятно, что вы не спешили документировать свои идеи, но если вспомните хоть что-нибудь... И даже если не вспомните ничего, знайте: «Евгеника» всегда заинтересована в сотрудничестве со специалистами, умеющими мыслить нестандартно и не желающими ходить по тесным коридорам, оставленным им современным законодательством. Всего вам доброго.

Мендель, вежливо попрощавшись, ушел, ничем не выказав своего разочарования, а Нвокеди так и остался неподвижно сидеть на скамье в парке — еще один человек, которого Тихая изменила навсегда, как и зрителя заповедника Германа Левицкого.

Глава 9. Айхамар

На четырнадцатые сутки после старта с Безымянной «Артемида» вынырнула в системе Несса, в двух пятых АЕ от Айхамара, описала в пространстве кривую, рассчитанную Дианой и, сбросив скорость, вышла на стационарную орбиту, неподвижно зависнув над интересующим нас районом планеты. Мезоцерапторы на своей новой родине обосновались недавно, повсеместно расселиться не успели и водились далеко не везде, чему немало поспособствовали охотники на крупную дичь.

Научно-исследовательский комплекс «Айхамар-орбита», принадлежавший Всемирному институту экзобиологии, уже три года был законсервирован в связи с недостатком средств на содержание штата, так что заглянуть в гости здесь оказалось не к кому. Диана послала запросы станциям-автоматам относительно возможных изменений в составе атмосферы, погодных условий в районе высадки и прочего, что нам было полезно узнать; загнала всех в медотсек сделать прививки и посоветовала сажать корабль вместе с грузовым отсеком, основным энергетическим блоком и прочими причиндалами, которые обычно оставляют на орбите.

— Условия для посадки идеальные, — сообщила она, — и, надо думать, такими останутся достаточно долго. Добываете, что наметили, сразу загружаемся и взлетаем. Иначе придется сделать шесть рейсов «поверхность-орбита», выигрыш по энергии при этом все равно будет, но потеряем много времени.

— Что скажешь, Пит? — поинтересовалась Кэт. — Ты ведь бывал здесь?

— Да. Первый раз с Лемонье, в самом начале своей охотничьей карьеры. Потом еще два раза, и могу точно сказать, что таких тупых и кровожадных тварей, как местные мезоцерапторы, еще поискать. Приманить их ничего не стоит — вечно голодны, бросаются на все что движется. Не думаю, что отлов шести экземпляров займет у нас больше пяти независимых суток.

— Так мало? — удивился Рик. — Я знаю, конечно, что они неосторожны, но — пять суток?

— Пожалуй, нам даже и пяти много будет, — ответил я. — На Авероне, откуда они родом, полно жратвы, а здесь достойной добычи для таких больших хищников почти нет, по крайней мере на земле. Именно поэтому они и стали меньше — в среднем пять тонн против изначальных семи — восьми. Хотя основную часть своего веса они потеряли от исчезновения слоя подкожного жира — на Айхамаре существенно теплее, чем на Авероне, поэтому жировая прослойка им теперь не нужна.

— Как и их роскошный волосяной покров, — добавил Крейг. — Айхамарские мезоцерапторы мало того, что аллохтоны^[21], они ведь от природы — ароморфы^[22]. Несут яйца, как рептилии, детенышей вскармливают молоком... Здесь они начисто облысели. Ярчайший пример так называемой «ментальной» приспособляемости к изменениям окружающей среды. Их сюда завезли случайно около двухсот лет назад, и за столь короткое время — такой прогресс!..

Крейг внезапно спохватился и замолчал. Он обожает свою экзобиологию, но редко поднимает профессиональные темы в разговоре с людьми, которых считает дилетантами в подобных вопросах; а нас троих он, без сомнения, считал таковыми, не делая исключения даже для Кэт, которая, хотя и получила диплом инженера-генетика, но по специальности никогда не работала. Сам Крейг по этому поводу утверждал, что не желает провоцировать развитие у нас комплекса неполноценности.

— Думаю, именно потому они интересны нашему клиенту, — сказал я. — Я так понял, что Шанкар собирается засунуть их в бокс с условиями, идентичными изначальным, как на Авероне, и посмотреть, что будет. Но нас не это должно волновать, а птерозавры Айхамара. Защита от угрозы с воздуха должна быть максимальной.

— Дополнительный мотив посадить весь корабль, — заметила Диана.

— Значит, садимся вместе с «грузовиком». — Рик сел в пилотское кресло и переключился на ручное управление. — Приготовьтесь, будет немного болтать.

Это мы и без него знали. Основная причина, почему грузовой отсек всегда стараются оставлять не орбите — экономия энергии, но и болтанка играет не последнюю роль. Посадить корабль с такой машиной аккуратно невозможно, полностью погасить все рывки из

стороны в сторону бессильна даже лучшая компенсационная система. Это вам уже не легкая дрожь, которую киб-мастер допускает, чтобы люди чувствовали, что корабль движется, и не теряли связи с реальностью. Ну и, конечно, невозможно сесть так же тихо, как на одном головном модуле. Приходится врубать все тормозные движки на полную мощность, чтобы не брякнуться с размаху о поверхность, и после ни одно здравомыслящее животное не приблизится к месту посадки по меньшей мере неделю. К счастью, айхамарские мезоцерапторы не относились к разряду здравомыслящих.

— Будь осторожен, Малыш, — предупредила Кэт. — Не нужно тебе лишний раз оправдывать свою кличку.

Рик оглянулся на нее через плечо и улыбнулся.

— Не волнуйся. Я на сегодняшний день должен тебе восемь тысяч, и у меня нет желания увеличивать счет на стоимость целого трансгалактического корабля.

— Положись на Диану, — посоветовал я. — В отличие от тебя, она прекрасно понимает разницу между такими понятиями, как «можно» и «нельзя».

Крейг только усмехнулся. Мы могли сколько угодно подшучивать над Риком, Крейг даже выдвинул теорию, согласно которой Рик свое прозвище «Малыш-на-все-плевать» не заработал по жизни, а родился с такой надписью на лбу, но, что ни говори, а пилотом он был классным, и единственный среди нас мог работать в паре с Дианой со скоростью самой Дианы.

Посадка прошла нормально, если считать нормой ощущение, что из тебя вытряхнули все кости. Мы переоделись в стандартные охотничьи комбинезоны, снабженные колпаками на катомарной основе, упрятыми в стойках воротников и способными превратить комбезы в скафандры. Эти костюмчики, по сути, скафандры и есть, хотя по виду ничем не отличаются от обычной одежды, разве что потяжелее будут, да и экзоскелеты несколько портят вид. Охотничьи комбезы — одни из самых универсальных среди имеющихся в свободной продаже; у них только система маскировки попроще, чем у армейских, ну и встроенного оружия нет. В открытом космосе или на планетах без атмосферы в такой одежде можно прожить пару часов. На планетах с ядовитой или просто непригодной для дыхания атмосферой — дольше, а насколько дольше — зависит от состава атмосферы. Но

для работы в сложных условиях обычно используют настоящие скафандры.

Я проверил связь с киб-мастером своего комбеза, носившим гордое и звучное имя Суслик, и глубоко вздохнул. Не то чтобы я волновался, просто вспомнил несколько острых моментов с участием мезоцерапторов во время предыдущих посещений Айхамара. Мезоцерапторы — типичные трофейные животные, желанная добыча для большинства охотников-любителей, коим не терпится повесить в холле своего особняка собственноручно добытую клыкастую харю. Сильные, представительные хищники, похожие на живших на Земле в конце мелового периода тираннозавров, только еще крупнее — необычайно большие размеры при сравнительно скромном весе объясняются некоторыми особенностями в строении тела и, в частности, скелета. Самый крупный добытый на Айхамаре экземпляр достигал девяти метров в высоту и двадцати двух метров в длину, но это исключение. Обычный размер семь или семь с половиной, и семнадцать — восемнадцать метров соответственно, при весе пять тысяч килограммов. Передвигается на задних лапах, на передние, которые развиты у мезоцераптора лучше, чем у тираннозавра, припадает лишь перед прыжком на добычу. Тот, кто не видел, какие чудовищные прыжки способен совершать этот огромный зверь, никогда не поверит в возможность чего-то подобного. Это, да еще крайняя агрессивность мезоцерапторов в сочетании с невообразимой степенью живучести, делает охоту на них чрезвычайно опасным занятием, особенно на малых дистанциях ведения огня. Нам звери были нужны живыми, следовательно, стрелять придется именно с минимальных дистанций.

В первом отделении грузового отсека, предназначенном для хранения и транспортировки крупногабаритного спецснаряжения, Крейг и Рик оседлали скутеры. Каждый из них поместил винтовку в седельный зажим и проверил готовность автоматики своей машины. Внешние звуковые поглотители были выключены, поэтому мы ясно различили донесшиеся снаружи выстрелы — кто-то из сторожевых роботов, выпущенных Дианой сразу после посадки, уже открыл огонь.

— Быстро что-то они в этот раз оклемались, — заметил я, имея в виду птерозавров. — В прошлые мои визиты на Айхамар проходило не меньше часа, прежде чем кто-либо из них осмеливался напасть.

Снаружи послышались еще выстрелы, а потом — длиннейшая пулеметная очередь. Какое-то массивное тело гулко ударилось о корпус корабля прямо над входным люком и, шурша по обшивке, скатилось вниз.

— Не думала, что они могут нападать на корабль, — сказала Кэт. — Он ведь для них слишком велик.

— Конечно, но они и не нападают на корабль. Они засекали «сторожей», а это для них вполне подходящие объекты.

— Ты уверен, что нам не нужен вездеход?

Я оглянулся на нашего «паука», который примостился у противоположной стены, поджав под себя длинные суставчатые лапы.

— Пригодился бы, но слишком уж он похож на гигантского инкрабозуха. Если ты проходила тренинг по Аверону, то должна помнить, что инкрабозухи охотятся на кого угодно, включая мезоцерапторов, у любой живности с Аверона страх перед ними в крови. Здесь их нет, но попробуй убедить в этом мезоцерапторов. Двухсот лет жизни на Айхамаре для них оказалось маловато, чтобы позабыть своего исконного врага. При виде вездехода, который похож на инкрабозуха, как две капли, мезоцерапторы драпают на высшей спринтерской скорости и забиваются в самые труднодоступные места, которые только смогут найти — это проверено. Если они попрячутся в свои пещерные логова, нам их оттуда не пять дней, а пять лет придется выковыривать.

— В воздухе чисто, — доложила Диана. — Первая двойка — на выход. «Сторожа» отключены.

Крейг и Рик подвели свои машины вплотную к входному люку. Из потолка и пола выдвинулись и сомкнулись друг с другом панели шлюзовой камеры. Я надел на голову шлем-прицел, Кэт сделала то же самое.

— Проверка связи, — сказала она.

— Слышу тебя хорошо, — откликнулась Диана.

— Рик, Крейг? — позвал я.

— Мы тебя слышим, Пит.

— Вторая двойка — на выход. — Диана открыла проем и, закрыв его за нами, убрала внешний люк.

Сойдя по трапу, я покосился на изуродованный разрывными пулями труп птерозавра, убитого «сторожем». В воздухе началась

стрельба, и еще одно тело шлепнулось на землю, подняв облако пыли. Этот был покрупнее первого. В длину метра три, он немного напоминал летающих ящеров из далекого прошлого нашей планеты, размах крыльев у такого должен быть не менее двенадцати — четырнадцати метров.

— Молодняк, — пояснил я подошедшей Кэт. — Старые стервятники пока держатся поодаль. — Я махнул рукой на карусель темных силуэтов в небе: — Сейчас собьем еще несколько, остальные быстро сообразят, что с нами шутки плохи, и уберутся подальше. Чувство опасности у них — будь здоров, память тоже. Эй, в воздухе, убивайте их только в случае нападения, больше стреляйте по крыльям — это им не особенно повредит, но летать нормально они несколько дней не смогут, а нам только этого и надо. Ну а нам с тобой, Кэтти, достанется мокруха. Нужно внушить им особый страх перед людьми на земле, раз уж нам придется охотиться на мезоцерапторов пешком.

Мы быстро осмотрели местность. Корабль стоял на открытой со всех сторон каменистой площадке, поросшей чахлой белесой травой и невысокими деревцами с редкой кроной. На западе, там, где через несколько часов сядет багровое солнце Айхамара, темнела горная цепь, переходящая на севере в изрезанное ущельями плато. Я видел подробные снимки этого края, сделанные с орбиты Дианой — идеальное место для гнездовий птерозавров; экземпляры, составляющие наш теперешний «почетный караул», оттуда. Там же находятся, скорее всего, пещерные логова мезоцерапторов. Именно обилие на планете просторных пещер с разветвленной сетью ходов-туннелей помогло им выжить. Некоторые разновидности летающих ящеров Айхамара имеют размах крыльев до сорока метров, но и особи поменьше оказались бы способны воспрепятствовать размножению чужеземцев, истребляя детенышей.

С востока и с юга простирались необъятные равнины, покрытые зарослями корявых деревьев, колючих кустарников и древовидных папоротников, с разбросанными там и сям большими и малыми озерами — охотничьи угодья мезоцерапторов и птерозавров, которые они прекрасно друг с другом поделили. Первые — теплокровные, на родном Авероне они охотятся преимущественно ночью, а здесь — только ночью. Вторые хладнокровные, и оттаивают только через несколько часов после восхода солнца, когда становится по-

настоящему тепло. Мезоцерапторы к этому времени уже успевают обратиться в свои пещеры. Хищников, способных составить серьезную конкуренцию тем и другим, здесь нет, поэтому так все и идет: «ночная смена», затем «дневная смена».

Шесть сторожевых роботов, похожих на полутораметровых безголовых богомолов, сидящих верхом на небольших гусеничных платформах, расположились по периметру в сотне метров от корабля; еще двое, оставив свои платформы внизу, вскарабкались на громоздкий сундук грузового отсека. Я занял позицию для стрельбы с колена, Кэт обогнула корабль и встала с другой его стороны. Краем глаза я заметил, как сместился в воздухе скутер Малыша — так ему будет удобнее прикрывать Кэт.

Пристраиваясь поудобнее, я успел мимоходом пожалеть этих зубастых летающих бедняг, вся вина которых заключалась в их непомерном аппетите, да еще в том, что они в данное время стояли у нас поперек дороги, но тут один из них попал на прицел, и я нажал на спуск. Ящер кувыркнулся в воздухе, а я уже искал новую жертву, стараясь выбирать молодняк: они глупее, а значит — наглее, и могли доставить нам куда больше неприятностей, чем крупные и опасные, но осторожные «старики». Да и большую часть молодняка все равно съедают свои же.

С противоположной стороны корабля доносились редкие выстрелы, а уж в небе пальба шла как в тире — Крейг с Малышом развлекались вовсю. Десятка три птерозавров, неловко и часто махая пробитыми крыльями, потянулись в сторону родных гор, остальные взмыли высоко вверх. Некоторые опустились на землю поесть тела сородичей — тех, что упали далеко от корабля. Диана сообщила, что число жертв достигло девяти, и я решил, что хватит. До заката оставалось часов пять, вряд ли кто еще за это время рискнет сунуться, даже если мы здесь ляжем и уснем на солнышке. Кэт вывела из грузового шлюза транспортную платформу, роботы обслуги закинули на нее все оказавшиеся поблизости трупы, и Кэт, отбуксировав их примерно на километр, вывалила дохлых птерозавров на съеденье оставшимся в живых дружкам. Все это время Рик и Крейг прикрывали ее, потом посадили машины возле корабля.

— У кого-то на этой планете сегодня будет целая гора даровой жратвы, — сказал Крейг. — Среди наших сегодняшних трофеев —

представители всех трех самых крупных видов.

— Кому, к черту, нужны такие трофеи, — отозвалась Кэт. — Медоузы за них ничего не дадут.

— Я не очень понял смысл этого упражнения в меткости. — Рик подошел к нам и уселся на корточки. — Роботы могли бы устроить бойню почище.

— Нам не нужна бойня, — сказал я. — Нам нужна безопасность с воздуха, хотя бы относительная. Вдруг не повезет, и мы здесь задержимся? Охотничьи участки у птерозавров четко разграничены, но если территория освободится, ее тут же займут те, которые обитают по соседству и ничего про нас не знают, придется начинать все сначала. Ты же в курсе, какой модели у нас «сторожа» — они тупее баобаба — просто перебьют всех подряд, и все. После того, как вышел новый закон об оружии, нормальных роботов охранения, способных действовать избирательно, не могут пробить себе даже ученые, работающие под эгидой правительства. Все, что умнее моего ботинка, приравнивали к боевым машинам. Можно нелегально приобрести, но за них дают такие сроки, что будет большой удачей, если гробы с нашими телами выдадут из тюрьмы родственникам лет через триста.

— Да, со «сторожами» теперь проблема, — согласился Крейг. — Не знаю даже, с ними безопаснее или без них. Сколько людей они уже успели угробить из-за этой своей тупости — уму непостижимо.

— Куда больше они убили, когда были сообразительнее, — сказал я. — Просмотри, если хочешь, криминальную хронику былых времен.

— Ну, криминальные структуры, я думаю, и в наше время вряд ли свято чтут закон об оружии.

— Ты будешь смеяться, но многие все же начали уважать его. Особенно с тех пор, как полицейским разрешили без предупреждения стрелять в любого, имеющего при себе оружие из черного списка. Лучевое, например.

— Скоро дойдет до того, что нам придется охотиться с луком и стрелами, — вздохнула Кэт. Она вдруг потянула меня за рукав и, когда мы отошли в сторону, выключила связь, чтоб ее слышал только я. — Погоди, Пит, а как же... Как же Диана? Она тоже попадает под действие закона об оружии?

Я тоже отключил связь, раз уж она решила посекретничать, и ответил:

— Нет, только под «Постановление о создании и использовании искусственных интеллектов» от 2087 года и более поздние подобные законы. Если власти о ней узнают, какая она, они просто демонтируют и уничтожат материнский кристалл...

— То есть, убьют ее, — сразу севшим голосом закончила Кэт.

— Правильно, потому-то мы и хотим, чтоб об этом никто не знал. А вот если снять блокировку, мешающую Диане самостоятельно управлять пушками корабля, или, скажем, контролировать «сторожей» с орбиты, вот тогда... Тогда, если об этом станет достоверно известно, любому полицейскому патрулю не только дается право — ему вменяется в обязанность немедленно уничтожить такой корабль, кто бы там ни находился в данный момент на борту. Полная передача управления вооружением кибу разрешена и возможна только для крейсеров ВКС. Да и то лишь в том случае, если подобный приказ отдает комитет, состоящий из капитана, старшего офицера и старшего техника. Ну, или лиц, их замещающих. И поверь мне, любой, кто видел в бою корабль, управляемый киб-мастером, сочтет очень желательными и такие меры предосторожности, и самый драконовский закон об оружии.

Мы с Кэт смотрели, как Диана привела в действие «сторожей» и раздвинула границу подконтрольной зоны до двухсот метров, а к двум роботам наверху добавила еще двоих.

— С ними все же спокойнее, — заметила Кэт. — Когда нужно организовать глухую защиту периметра, им нет равных. А когда кто-то выходит из зоны, лучше «сторожей» отключать. Лично я не горю желанием получить пулю только потому, что кто-то из них неправильно расшифрует мой сигнал-пароль.

— Зачем обязательно пулю, они могут и ракету запустить, — сказал я. — Были случаи, когда они путали масштаб объекта. Из пушки по воробьям, так сказать.

— Ты всегда знаешь, как успокоить девушку, — вздохнула Кэт.

— Если я попытаюсь поцеловать тебя сейчас, ты правильно расшифруешь мой сигнал-пароль?

— Не уверена. Так что лучше не пробуй. У меня ведь нет блокировки управления вооружением, как у Дианы.

У нас оставалось полно времени до захода солнца, поэтому мы решили воспользоваться случаем и устроили что-то вроде пикника на

свежем воздухе. То есть, все организовала Диана, а нам оставалось только наблюдать, как трудятся корабельные «жучки». После двух недель в закрытом пространстве начинаются первые признаки аллергии на корабельную столовую, а устраивать обеды на природе нам не придется до высадки на Тихой. На Соломонии состав атмосферы не позволяет дышать без маски, а на Инферне будет не до пикников. Я подумал о космонавтах первых межзвездных экспедиций, обреченных целые десятилетия странствовать в космосе, и мне стало жутко. А ведь реализовывались и так называемые проекты поколений, рассчитанные на то, что к месту назначения прибудут не те, кто стартовал с Земли, а лишь их потомки... Минут пять я пытался решить, что хуже — лететь всю жизнь туда, куда тебе заведомо не светит добраться, или быть рожденным с единственной целью продолжить путешествие родителей с планеты, которую ты никогда не видел, на планету, куда тебе лично, в общем-то, не было нужно. В конце концов я пришел к выводу, что любой из вариантов достаточно скверный, и пошел обедать. Все эти ребята — герои, конечно, и открыли человечеству дорогу в космос, но я не хотел бы оказаться на их месте, поскольку достаточно хорошо чувствовал себя на своем собственном.

— О чем задумался? — поинтересовался Крейг.

Я сел на раскладной стул и пристроил винтовку рядом. Только что я попытался вспомнить имя человека, который первым вышел в открытый космос на первом настоящем космическом корабле, и не смог, но не признаваться же им в этом. Фамилию я помнил, а вот имя? Ладно, потом можно будет спросить у Дианы. Или, еще лучше, пусть прокрутит фильм по истории двадцать первого века... Да нет, это, вроде было в двадцатом. В такие минуты очень остро начинаешь ощущать все недостатки современного образования. Всякую дрянь ты помнишь назубок, а славные вехи, бессмертные деяния и великие даты уходят в архив. Вот и становись после этого героем.

Рик сложил руки рупором у рта, повернулся ко мне и заорал:

— Крейг спрашивает тебя: «О чем задумался»? Базовый лагерь вызывает Пита Дугласа, отвечайте!

— Ну тебя к черту, и Крейга твоего тоже, — ласково отозвался я, принимаясь за еду.

Диана потрудились на славу. Правда, продукты длительного хранения и даже бифштексы, приготовленные из замороженного мяса, ни в какое сравнение не идут с шашлыком, который ты сам себе готовишь над костром из собственноручно подстреленной дичи, но и я не такой уж любитель этих дел. Сильная тяга к такого рода пище у меня проявляется только в походе. А некоторые охотники, привыкнув пробовать мясо убитых ими на других планетах экзотических животных, превращаются в настоящих наркоманов. После соответствующей обработки есть можно практически все, по крайней мере с планет земного типа, исключая лишь откровенно ядовитые растения да тех существ, токсины из плоти которых трудно удалить в полевых условиях даже с помощью техники, которой начинен современный трансгалактический корабль. А на Земле и других густонаселенных планетах существует целая индустрия производства деликатесов буквально из чего угодно. В некоторых дорогих ресторанах вам предложат блюда из животных, доставленных со всех концов Галактики, или даже из соседней. Причем заведение гарантирует, что зверь будет умерщвлен непосредственно перед приготовлением обеда. Особенно много таких ресторанов на Безымянной; хотя они повсюду есть. Но на других планетах и выбор не так богат, и цены (включающие доставку кандидата на жаркое) куда выше, и обед такой можно заказать только заранее, за несколько дней, а то и недель. А на Безымянной, у того же Дагена, к примеру, можно, сделав заказ с утра, получить желаемое к вечеру. У него в меню блюда из мяса шестидесяти тысяч видов только крупных животных, не считая свежеприготовленных деликатесов из всякой мелочи, рыбы, инопланетных растений... Большинство из них востребованы лишь совершенно помешанными на еде гурманами, да и по карману только миллионеру. У большинства запросы скромнее. Пригласить подружку на ужин, где к столу подадут запеченную в духовом шкафу заднюю ногу винторогой косули с Сааха (выращенную на близлежащей звероферме), а потом, на отдельном блюде — ее голову, украшенную удивительными, как будто покрытыми золотым инеем рогами — вот то, что для них нужно... Но самую большую долю в этом бизнесе, естественно, занимают предприятия по изготовлению консервированных деликатесов инопланетного происхождения —

мясных, рыбных, мясорастительных, и именно они наиболее доступны по цене.

Я размышлял обо всем этом, расправляясь со вторым бифштексом из самой что ни на есть простецкой говядины, а Рик как будто подслушал мои мысли:

— Когда я знакомился с папашей Лори... ну, нашим заказчиком на перламутровых питонов, мне довелось попробовать знаменитую «Принцессу Соломонии». Ломтики этих питонов под майонезным соусом. Потом мы ели их в грибном соусе. А также под пряным соусом с местными саломонийскими травами. И еще под соусом...

— Не поняла, — перебила его Кэт. — Эта семейка что — ни чем не питается, кроме питонов?

— Может, мы зря с ними связались, — сказал я. — Если они не в силах позволить себе никакую другую пищу, кроме продукции собственной фермы, так что вынуждены тащить питонов за собой через половину Галактики на Землю, в Рейкьявик... Ты уверен, что достаточно тщательно проверил их платежеспособность, Крейг?

— В Рейкьявике было что-то вроде презентации, — прервал нас Рик, ничуть не смутившись. — Папаша пытался доказать, что мясо питонов, выращенных по специальной технологии, ничуть не хуже, чем у диких. Были приглашены знатоки со всего света и профессиональные дегустаторы экзотических блюд. Мистер Паркинсон не только фермер, но и горячий сторонник защиты природы.

— Не слишком распространенное сочетание в наши дни, — заметил я. — Можно назвать десяток планет, где, стараниями фермеров, кроме животных в загонах не осталось никаких других.

— Ну а этот не такой, — сказал Рик. — Он хочет не только привлечь внимание к своему хозяйству, сделать ему рекламу, но и сохранить перламутровых питонов в природных условиях на Соломонии.

— Напрасные потуги, он не первый. Настоящие лакомки никогда не променяют мясо диких животных на мясо домашних, в каких бы там условиях их ни выращивали. — Кэт помахала в воздухе вилкой. — Для многих большая часть кайфа в том и заключается, чтоб есть мясо зверей *добытых*, понимаешь? А некоторые и этим не довольствуются,

сами выезжают на место, чтоб охотиться на то, что потом съедят. О специальных сафари для гурманов слышал?

— Да, — ответил Малыш. — И даже участвовал в одном — в качестве запасного стрелка. Это было большое дело! Фирма «Галактическое сафари Отан-Лара» заключило договор с «Клубом любителей путешествий и активного отдыха» с Кадикса... То есть, первоначально организация возникла на Кадиксе, а теперь филиалы есть уже повсюду. Отан-Лар занялся организацией туров с охотой и элементами экстрим-туризма для членов общества. Надо сказать, что сам он абсолютно беспринципный старый сукин сын, этот Отан-Лар. Лет двадцать пять назад он контрабандой поставлял оружие мятежникам в звездное скопление Башни, а когда почуял, что те проиграют, переметнулся к федералам и сдал своих бывших клиентов взамен на обещание властей не трогать его лично. Купил маленькое зачахшее звероловное предприятие и превратил его в процветающий бизнес. Денег у него полно, связей тоже, прошлое чернее черной кошки и имя не настоящее, но работать с ним интересно. Насмотрелся я там этих «любителей активного отдыха». Разные люди — промышленники, богатые лодыри, политическая элита, даже ученые есть. Богема. Художники. Режиссеры. Актеры... Многие просто помешаны на первобытном образе жизни, им нравится ощущать себя дикарями и вести себя как дикари. Туши чистых животных, не требующих обработки, сами разделявают, обязательно вручную. Кое-кто при этом ест сырое теплое мясо, лишь слегка его присолив. Ну и все прочее в том же роде.

— Это ерунда, — сказал я. — А ты слышал про ребят вроде Живоглота Хадсона?

— Про Живоглота слышал, конечно. Но его самого не встречал.

— Ну а мы с Кэт знали его лично. Работал у Джонни Берка, отличный охотник, кстати. Он не просто сырое мясо любил — ему было надо живое. Поймав животное, связывал его, разделявал и ел по кусочкам. И если ты думаешь, что Хадсон — это исключение какое-то печальное, так ты ошибаешься, я таких знал до черта.

— Ничего удивительного, — ввязался в разговор Крейг. — Это лишь логичное развитие до крайнего предела некоторых нелогичных пристрастий рода хомо сапиенс. Испокон веков отдельные виды употребляются в пищу живыми. Устрицы, например.

— Безмозглые устрицы и высокоразвитое животное, возможный предок разумных существ — не одно и то же, — мрачно заметила Кэт.

— Почему? — удивился Крейг. — Разве устрицы не могут быть отдаленными предками носителей разума? Или ты думаешь, устрице не так больно, когда ее поедают? Как биолог могу тебя заверить, что это не так.

— А что с ним стало? С Живоглотом Хадсоном? — спросил Малыш.

— Пропал без вести вместе с остальными членами экипажа Берка во время его похода на Тихую, — ответил я.

Кэт постучала костяшками пальцев по столу.

— Может, хватит про поедание сырого мяса и всяких Живоглотов? Вы мне весь аппетит испортили!

— Это мы специально, — поспешил я ее порадовать. — Надеялись, что ты встанешь и уйдешь — нам бы больше досталось.

— Почему ты всегда стараешься выглядеть обжорой и лакомкой, Пит? Все же знают, что ты вовсе не такой. Тоже хочешь заработать какое-нибудь прозвище?

— «Обжора Дуглас» — это звучит, — одобрил Рик.

— А ты вообще молчи, — сказала Кэт. — Уж если кто из нас четверых и лакомка, так ты.

Крейг молча уткнулся в тарелку, делая вид, что его здесь нет. На деле-то самым большим любителем вкусно покушать среди нас был он.

— Конечно, я не обжора, Кэтти, — согласился я. — Но люблю обедать плотно и с удовольствием. А сырое мясо — это чтобы тебя добить — я тоже пробовал. Еще в детстве. У моего отца была ферма на Хапи... И сейчас есть, как ты знаешь. В лесу, недалеко от дома, мы с братьями охотились на всякую мелкую дичь с мелкокалиберками, а Фрэнк даже соорудил себе самый настоящий арбалет. Потом жарили мясо над костром, воображая себя то трапперами времен освоения Дикого Запада, то первопроходцами космоса, потерпевшими крушение на неисследованной планете. Однажды мы играли в первобытных людей, и Билли, который уже тогда увлекался своей историей и археологией, сказал, что неплохо бы попробовать съесть добычу сырой, ведь у самых древних людей огня еще не было. Мы попробовали, но никому не понравилось. Потом, в армии, на занятиях

по выживанию в экстремальных условиях, нас тоже заставляли есть и сырое мясо, и много еще такого, от чего и стервятника стошнило бы. Клянусь, ни одному самому рьяному фанатику экстрим-туризма даже и в голову не пришло бы есть то, чем приходилось питаться нам. И с тех пор я больше всего на свете люблю самые обычные, хорошо прожаренные бифштексы.

Кэт отодвинулась от стола вместе со стулом и задумчиво посмотрела на меня.

— Чем ты займешься, когда тебе придется уйти на покой, Пит? — неожиданно спросила она.

— Не знаю точно, я еще об этом не думал серьезно. И надо сначала дожить до столь счастливого времени. Но, если удастся скопить достаточно денег, я хотел бы купить участок земли на какой-нибудь тихой, спокойной, приветливой планетке с хорошей природой и ровным климатом... Не на Земле. Но и не в зоне Пограничных миров. Лучше там, куда уже добралась цивилизация, но еще не успела окончательно все испортить. Может, это будет одна из фермерских планет, вроде Хапи, где прошло мое детство. Люди там обычно трудолюбивые, спокойные и дружелюбные, давно привыкли, что над ними есть закон...

— И что ты там будешь делать? Устроишь ферму?

— Нет, — решительно сказал я. — На моем куске земли все останется как есть. Нетронутая природа. Построю дом. Одна половина будет обычная, современная, а вторая... Там будет так, как было веке в двадцатом — двадцать первом. Или еще раньше — как у первых американских поселенцев. Как у тех, кто осваивал когда-то просторы Сибири. И те и другие — мои далекие предки. Ну, иногда я буду охотиться на своей земле... Так, как это делали они, для пропитания. Ночевать возле костра в лесу, жарить над огнем мясо. Иногда, может быть, буду уезжать, странствовать по другим планетам, как сейчас. А потом возвращаться домой. И мой дом будет местом, куда стоит возвращаться...

Я снял с дула стоящей торчком винтовки шлем-прицел и, поднеся его ко рту, позвал Диану.

— Мог бы не трудиться, Пит, — отозвалась она. — Я уже все настроила, теперь буду постоянно видеть и слышать вас на территории периметра даже без шлемов. Малейший звук.

— Я так и знал, что ты у нас девочка способная. Сколько у нас времени?

— Двадцать семь минут до захода солнца. Около полутора часов до наступления полной темноты. Через два часа десять минут взойдет первая луна. Две другие — за ней следом. Четвертая появится через шесть с половиной часов, пятую вы сегодняшней ночью не увидите вообще, но все равно будет очень светло.

— Что с температурой воздуха?

— Восемнадцать градусов по Цельсию на закате, потом будет падать, но медленно. Часть птерозавров останется активна, будьте внимательны. Безопасно станет только часов через семьдесят, позднее я уточню.

Сутки на Айхамаре длятся почти двести сорок часов; мы должны были успеть завершить все свои дела в течение одной здешней ночи, пяти независимых суток, то есть, и убраться с планеты еще до восхода солнца. На той широте, где мы сейчас находились, ночь в это время года немного меньше дня и равняется ста восемнадцати часам. Исходя из опыта моих прошлых посещений Айхамара, я полагал, что времени нам хватит, тем более что Диана рассчитала время нашего прибытия сюда идеально. Почти все виды здешних птерозавров, будучи существами хладнокровными, наиболее активны днем; но бывали случаи, когда отдельные особи охотились и ночью, пока холод не вынуждал их вернуться к местам гнездовий. Вторую половину темного времени суток все они проводят в своих убежищах в скалах, в состоянии легкого ооченения, а под утро уже и крыльями не шевелят. Поймать их перед рассветом не составляет труда — просто берешь и упаковываешь как надо прямо на месте, потом цепляешь тросом и вытягиваешь лебедкой в трюм корабля. Именно легкость их добычи привела к тому, что теперь ни один из дневных видов не пользуется спросом на рынке даже в качестве трофеев. Все, кто хотел иметь живые экземпляры, уже их имеют, то же самое и с чучелами. Охотники давно потеряли надежду заполучить хоть один заказ на их поимку — ящеры чудесно размножаются в неволе, только кормить успевай, и всякий желающий может приобрести нужное число особей в любом зоопарке. Удивительная плодовитость позволила птерозаврам в считанные годы восстановить численность своих популяций на Айхамаре после десятилетий бесконтрольного отлова и отстрелов.

Сейчас сюда заворачивают только экстрим-туристы да любители стрельбы по живым мишеням.

Другое дело — ночные виды. Их немного, и в ряду представителей животного мира планеты они стоят особняком. Мозг у ночных птерозавров менее развит, по размерам они не идут ни в какое сравнение со своими теплолюбивыми собратьями. Только один вид — черные вампиры — могут представлять опасность для человека, не столько из-за величины (размах крыльев не более четырех метров), сколько по причине непроходимой тупости и склонности нападать на любой движущийся объект, неважно, смышь он размером или со слона. К счастью, черные вампиры достаточно редки, плохо переносят жару и начинают охотиться лишь тогда, когда становится достаточно прохладно. Мы еще ни одного не увидели; зонды, запущенные Дианой над районом лагеря, тоже не фиксировали никого, кроме дневных обитателей.

«Жучки» уже успели прибрать со стола остатки нашей трапезы, сам стол разобрали и утащили в недра корабля. Кажущееся огромным по сравнению с земным, солнце Айхамара налилось тяжелым багровым свечением и коснулось линии горизонта; мы сидели, лениво развалившись на своих раскладных стульях, перебрасывались ничего не значащими фразами, наблюдая, как последние птерозавры, пировавшие на телах своих убитых соплеменников, тяжело, нехотя поднимаются в воздух и, сделав «круг почета» над нашим лагерем, улетают к месту ночного отдыха. Двигаться никому не хотелось, торопиться было некуда, именно поэтому мы и ужинали сегодня так чудовищно долго. Да и надо ведь позволить организму отдохнуть и частично переварить такую прорву жратвы. Но больше всего было приятно видеть над собой нормальное, пусть инопланетное небо, и ощущать под ногами настоящую землю, а не пол коридоров корабля. Диана лапочка, конечно, но все ее ухищрения превратить твою каюту во что-нибудь более уютное и просторное, чем коробка из-под обуви, заранее обречены на провал. Достаточно руку в сторону протянуть, чтобы убедиться — стена каюты по-прежнему на месте, а березовая роща, бесконечная степь за рекой и прочее в таком духе — чистая фикция.

Предвкушение предстоящей охоты на всех нас действовало по-разному. Крейг нервно позевывал и время от времени потягивался; его

длинный и тонкий, с горбинкой, нос еще больше заострился и вытянулся, ноздри раздувались, втягивая посвежевший вечерний воздух. Рик через каждые пять минут сцеплял пальцы, пытаясь похрустеть суставами — уже после второго раза у него перестало получаться. Глаза Малыша блестели от плохо скрываемого возбуждения — он среди нас не только самый молодой, но и самый азартный. Кэт ничем не выдавала внутреннего состояния, оставаясь холодной и сосредоточенной, а у меня по телу под комбинезоном время от времени пробежал легкий озноб — верный признак готовности номер один.

Солнце зашло, и стало быстро темнеть. Диана включила прожектора, освещая территорию в радиусе пятисот метров от корабля. Зонды все еще не засекали ни одного черного вампира. Пора.

Я поднялся и, надев шлем-прицел, соединил его с комбинезоном системным кабелем, силовым жгутом и страховочным тросиком. Остальные сделали то же самое, и мы направились к скутерам.

— Суслик, — обратился я к киб-мастеру комбеза, — давай стекло наполовину.

— Как скажешь, хозяин, — немедленно отозвался Суслик.

Комбезы я менять не любил, в этом работал уже лет восемь, если не больше, благо эксплуатационный ресурс у них лет на сто. Суслик давно усвоил мою манеру общения и понимал с полуслова. Вот и теперь он выдвинул многофункциональный экран, который все попросту называли «стекло», только частично, оставляя открытой нижнюю часть моего лица. Эта штука на катомарной основе, прозрачная, как вода, обладала прочностью, достаточной для того, чтобы выдержать попадание пули малого калибра; она была и, собственно, экраном, на который киб-мастер выводил необходимую информацию, и защитой для лица, и прибором ночного видения. Кроме этого, она имела два прицельных визира — стационарный и плавающий. Стационарный был прицелом самого шлема — в полноценных боевых спецкостюмах он служит для управления встроенным вооружением. Просто смотришь туда, куда надо стрелять, и... Во всех отношениях замечательная система, но в наших комбезах она, к сожалению, отсутствовала. Плавающий прицел нужен для стрельбы из обычного оружия с использованием шлема. Ведешь, скажем, перед собой дулом винтовки (или пистолета) — визир

отмечает крестиком место, куда попадет пуля, если в этот момент нажать на спуск. Не очень ловко получается, когда пробуешь в первый раз, но потом привыкаешь быстро, знаю по себе. И можно всегда убрать экран и воспользоваться прицелом самой винтовки.

Кэт, если не пилотирует сама, всегда садится со мной или с Крейгом — она и сейчас с ним села; мне ничего не оставалось, как пристроиться сзади Рика, хотя и я предпочел бы другого пилота. Что до Малыша, то он давно привык ко всеобщему недоверию относительно его благоразумия и на нас не обижается. Вот и сейчас он рванул с места, не дожидаясь доклада Дианы. Проклятый экстремал! Но удержать его вдали от пилотского кресла при первой высадке сезона нереально. Мы были уже почти на границе периметра, когда Диана сообщила, что «сторожа» отключены. Только после этого поднял в воздух свою машину Крейг.

До намеченного для охоты места, облюбованного нами еще с орбиты, было восемь километров — не успели взлететь, как уже пора садиться. Здесь, между невысокими холмами раскинулась обширная, местами заболоченная долина. Ребята высадили меня и Кэт на бугорке, покрытом низкорослым, но густым кустарником. Полчаса мы потратили на устройство засидки, расчистив место для самих себя и проделав проходы в полуметровой высоты зарослях во всех возможных для стрельбы направлениях. Включили «хамелеоны». Получилось неплохо, и Суслик не преминул меня с этим поздравить. Малыш сделал круг на высоте нескольких метров от земли, осматривая с помощью приборов нашу позицию, и остался доволен. Диана, которая видела нас через камеры комбеза и скутера Рика, воздержалась от каких-либо рекомендаций.

— Вряд ли можно сделать лучше, — сказала она. — Но все равно, будьте осторожны. Избегайте лишних движений. С воздуха вас не видно лишь до тех пор, пока вы не шевелитесь, а вампиры хорошо отслеживают движущиеся объекты. Мезоцерапторы могут вас заметить, если встанете. Почему бы вам не закрыть колпаки? Вот тогда можете использовать «хамелеоны» по максимуму.

— В колпаках невыносимо работать, — недовольно ответила Кэт. — Они жутко мешают. Когда изобретут что-то поудобнее этих аквариумов...

— А без них видно голову. И костюм не способен полностью задержать тепло и запах ваших тел.

— Диана, солнышко, не беспокойся так, мы не собираемся подпускать мезоцерапторов на расстояние поцелуя, — сказала Кэт. — И шевелиться так и так придется, я не хочу прирасти к этому бугру. Ты слышала, чтобы хоть один нормальный охотник пользовался колпаком там, где можно обойтись без него? Мы же не в открытом космосе. Да и Айхамар не ад крошечный. А я и на Инферне колпак не закрывала.

— Ну ладно, — сдалась Диана. — Но учтите, что мне нужно не менее пятнадцати минут, чтоб собрать «сторожей», взлететь и добраться до вас. Понапрасну не рискуйте. Удачной охоты.

Мы с Кэт лежали почти рядом, но головами в разные стороны, наблюдая каждый за своим сектором. Рик сделал еще один круг, над самой землей, часто останавливаясь — выпускал приманку. Два года назад мы полностью обновили свой набор «подсадных уток» — монофункциональных роботов, единственной задачей которых является имитация внешнего облика, поведения, звуковых сигналов и запахов различных животных, и теперь у нас был полный комплект, причем новейшие модели. А предметом особой гордости Крейга, который их самолично каждый раз настраивал (с помощью Дианы, без помощи Дианы не обходилось ни одно сколько-нибудь важное дело, а второстепенные она и вовсе выполняла целиком, манипулируя корабельными «жучками»), так вот, предметом гордости Крейга были как раз те, что сейчас выпускал Рик — ИБО-10000-25. Эти машины, при собственном весе чуть более пятидесяти килограммов, могли создать полную иллюзию присутствия животного весом до двадцати пяти тонн. Энергорасход при этом чудовищный, но мы посоветались и решили, что лучше расходовать энергию, чем таскать с собой старые громоздкие «двадцатьпятки» весом в четыре центнера, которые нужно транспортировать до места на специальной грузовой платформе. Конечно, платформа все равно нужна для доставки на корабль добычи, но не всегда, иногда проще перегнать к добыче корабль. Платформу необходимо прятать, а для нее требуется солидное укрытие; если его нет, то придется задействовать для маскировки одного из роботов-имитаторов, а значит, одной «подсадной уткой» минус... Платформу надо постоянно обрабатывать специальными составами, чтобы нейтрализовать запах, особенно на планетах, где звероловы частые

гости, и разные технические ароматы уже прочно ассоциируются у местного зверья с понятием «опасность». Ее невозможно поднять слишком высоко над землей, поэтому в лесистой местности она бесполезна, а если охота связана с частыми перемещениями с места на место или длительным преследованием дичи, то лишь мешает. Ну, а если не брать ни платформу, ни вездеход, то габаритные «утки» могут идти только сами — в багажник двухместного скутера, которыми мы по большей части и пользовались, не засунешь даже одну.

Новые же машины были очень компактны. Сейчас я наблюдал, как роботы, в свернутом состоянии напоминавшие миниатюрный танк без башни, одна за другой разворачивались в конструкции, похожие на двухметровых десятиногих пауков, посылали короткий, слышимый только нами и Дианой сигнал готовности, и скрывались внутри заданной инфором трехмерной голограммы. И вот уже по долине неторопливо ползут четыре огромных черепахи в ребристых панцирях и с несоразмерно большими рогатыми головами на толстых шеях — миражи фалимарий, местных безобидных, неповоротливых травоядных, достигающих в зрелом возрасте массы пятнадцать-восемнадцать тонн. На практике мы использовали наших новых «уток» впервые, и Диана направила один агрегат прямо на засидку, давая нам возможность оценить эффект. Скромная машинка внутри миража топала так, что земля дрожала; не дойдя до нас шагов десяти, мнимая фалимария кашлянула, с шумом выдохнула воздух, обдав нас запахом пережеванной айхамарской растительности, и издала глухое утробное урчание, которое время от времени можно слышать находясь вблизи настоящих фалимарий — это бурчит у них в животе.

— Не вздумай подложить нам под нос кучу навоза, — быстро сказала Кэт Диане.

Роботы и впрямь могли время от времени сбрасывать на землю крохотные автономные модули, имитирующие запах помета или пищу, которую животное якобы срыгнуло, а также запах крови. Модули программировались в зависимости от обстановки собственным инфором «уток», собрать их потом было несложно.

— Не беспокойся, я не настолько люблю розыгрыши, — отозвалась Диана. — В небе пока чисто, на земле тоже. Приступим.

«Фалимария» развернулась и протопала к маленькому озерку метрах в ста от засидки, остальные растянулись по кругу на той же

дистанции от нас. Рик описал на скутере круг радиусом в полкилометра, разбрасывая бывшие в запасе лично у него «кучи навоза», чтобы мезоцерапторы почуяли запах с возможно большего расстояния. Сделав это, он заложил крутой вираж и повел машину вверх — его сторожевой пост находился на высоте четырехсот метров. Крейг дежурил ниже, на высоте в двести метров. Как только все персонажи спектакля заняли свои места, над горизонтом взошла первая луна Айхамара. Охота началась.

Медленно тянулись минуты. Рядом со мной в траве шуршал какой-то мелкий зверек. Зашевелилась Кэт, удобнее пристраивая винтовку в одной из рогаток, которые она воткнула в землю напротив каждой бойницы — просветов в кустах. Где-то в холмах, окружавших долину, раздался протяжный тонкий вой. Одна за другой на небо выползли еще две луны, стало намного светлее, но для нас это не имело большого значения. В ушах время от времени звучала переключка наших личных кибов да тихий голос Дианы, произносивший одно слово: «Ничего».

Я придирчиво проверил подствольную подвеску, заряженную патронами с парализатором. В порядке. Повернул винтовку боком и взглянул на индикатор боезапаса — сто процентов, естественно, а как могло быть иначе? Визир на экране шлема исправно указывал расчетную точку попадания.

— И я никуда не исчез, на месте, — угадав смысл моих манипуляций, ехидно заметил Суслик.

— Заткнись, зараза, — ответил я. — Будешь умничать — отключу и перепрограммирую.

Первая охота в этом сезоне.

Фалимарики исправно топали по кругу. Настоящие не отходят друг от друга так далеко, предпочитая пастись плотными стадами, но вряд ли мезоцерапторы, когда появятся, что-то заподозрят — они слишком глупы и кровожадны для того, чтоб подмечать такие тонкости.

— Есть один! — прервала однообразие своих докладов Диана. — Пять тысяч сто метров от засидки, и движется точно на нее.

— Вижу его! — среагировал Рик. — Быстро идет.

— Я же говорил — здесь тропа. Они здесь постоянно добычу высматривают.

— Видишь его курс, Пит? Скоро учует приманку. Четыре девятьсот...

— Может, уже почуял?

— Может быть, не знаю. Ветер прямо на него. Малыш, прикрой «земле» тылы. Крейг, оставайся там, где находишься.

Кэт перевернулась и теперь лежала рядом со мной. Мне положение менять не пришлось. Через двадцать минут мезоцераптор спустился в долину и стал пробираться в обход небольшой роци, подкрадываясь к ближайшей «фалимарии». Между нами было уже не более двухсот пятидесяти метров. Я глубоко вздохнул и постарался сосредоточиться.

Суслик, контролировавший через сеть датчиков комбеза мое эмоциональное состояние, тоже занервничал и поделил экран шлема сразу на шесть окон, передавая картину происходящего в самых разных вариациях.

— Убери лишнее, — шепнул я ему. — Зачем мне Кэт — она же рядом? И не дублируй Крейга Риком. Оставь Диану. Один зонд и прогноз...

— Он пройдет еще метров сто. — Суслик свернул лишние окна, оставшиеся уменьшил и сдвинул в сторону. — Удобно?

Я снял оба предохранителя, винтовка дважды еле заметно вздрогнула, когда первый патрон из магазина и капсула с парализатором вошли в патронники. На изображении, передаваемом камерой Крейга, я хорошо видел, как мезоцераптор подкрался к самому краю роци. Удивительно, насколько тихо может двигаться при желании эта махина...

— Дистанция — сто пятьдесят! Пит, он у Кэт на прицеле. Вы его в любом случае возьмете, не спешите.

Я глубоко вздохнул и нащупал спуск. И вдруг, как это всегда и бывало, напряжение ожидания исчезло, расслабились все ненужные мышцы. Суслик и Диана умолкли; мезоцераптор припал к земле, изготовившись для броска. Его шея — там, где она соединялась с массивной головой — неподвижно замерла в перекрестье визира. Я нажал на спуск, раздался хлопок, тихий посвист ушедшей к цели капсулы, и мягко чмокнул поглотитель отдачи. Мезоцераптор так и остался стоять в своей напряженной позе, секунд через десять из его пасти вырвался шумный вздох, и он грузно повалился вперед; потом

перевернулся на бок. Тишина эфира сменилась многочисленными поздравлениями со всех сторон, а Суслик вывел мне на стекло изображение руки с поднятым большим пальцем.

— Ты попал ему в артерию, Пит! — восхитился Рик. — Видели, как его сразу заклинило?

— Пять с плюсом, мистер Дуглас, — одобрила Кэт.

— Пит, я тебя люблю! — признался Крейг.

— Отвяжитесь, черти, — сказал я. — Сами знаете, что невозможно попасть в артерию прицельно. Просто удача. Да и какая разница, такая доза в шею его так и так взяла бы.

— Может, ты и прав, — согласился Крейг, — но это хорошая примета. Первый выстрел сезона — и уже тянет на Большую премию ООЗ. Вернемся — выставим тебя претендентом.

— Вижу еще одного. — Диана была, как всегда, практична. — Он поменьше, ориентировочно три с половиной тонны.

— Этот мой! — сказала Кэт, переползая на другое место. — Давай сюда, Пит.

Второй мезоцераптор приближался к долине, идя по ветру, и чуть приманку не мог, тем не менее, шел достаточно быстро и целеустремленно. Возможно, у него сейчас были какие-то другие дела, помимо охоты. Спустя тридцать семь минут он показался на вершине холма и остановился, залитый лунным светом.

— Красавчик, — похвалила Кэт, нажимая на спуск.

Расстояние было слишком большим для уверенного выстрела из подвески, но, не смотря на это, она попала. Зверь застыл как статуя.

— Неужели опять в артерию? — недоверчиво выдохнул Рик. — Четыреста двадцать метров! Вы что...

Он не договорил.

— Внимание, воздух!.. — крикнула Диана.

— Слева, Рик! — заорал Крейг.

Мы с Кэт вскочили и увидели, как Малыш рывком бросил свой скутер вниз, а вслед за ним с молниеносной быстротой метнулась хищная тень. Над нашими головами гулко бухнула винтовка Крейга, Кэт тоже успела выстрелить, и здоровый черный вампир, не выходя из крутого пике, врезался в землю.

— Второй!

Я запрокинул голову, пытаясь что-нибудь рассмотреть в небе. Суслик лихорадочно менял изображения на экране шлема, ища цель. Малыш развернул скутер над кустами неподалеку от нас, задрал нос аппарата в вверх и, выпустив штурвал, откинулся на спинку сиденья. В руках у него была винтовка, и он открыл огонь раньше, чем я увидел то, во что он стреляет. Второй вампир завис метрах в десяти перед скутером, остановленный непрерывными попаданиями пуль, потом его отбросило назад, и он свалился прямо перед засидкой.

С минуту в эфире стояла тишина.

— Я у тебя в долгу детка, — выдохнул Рик. — Если бы не предупредила...

— Ты у меня давно в долгу, — успокоила его Диана. — Еще один раз ничего не меняет.

— Я их не заметил. Какая стремительная мразь!

— Они всегда так, — сказал я. — Набирают высоту, потом пикируют. Хрен уследишь. И всегда охотятся парой. Если бы охотились стаями, на Айхамаре не осталось бы ничего живого. Сотня таких тварей кого хочешь задолбит.

— Жаль, что они уже никуда не годятся, — сказала Кэт. — Один как решето, второй — в лепешку. Хорошие получились бы трофеи.

— Закончим вовремя с мезоцерапторами — расставим сети. Десяток экземпляров Медоузы точно возьмут на чучела.

— Они и больше возьмут. Может, стоит задержаться здесь?

— Слишком трудно их добывать. И нас могут обвинить в преднамеренной добыче трофеев без предварительного согласования с УОП. А в пределах десятка — это в порядке вещей. Да и не стоят они того, чтобы из-за них ломать весь график рейса. Два самых денежных заказа у нас впереди — Соломония и Тихая.

— На этом и порешим? — спросила Диана. — Если да, тогда по местам.

Часа два прошли спокойно. Уже успела закатиться самая большая айхамарская луна, которая движется по своей орбите вокруг планеты быстрее остальных и успевает появиться на небе несколько раз в течение здешней ночи. Возле засидки шла непрерывная тихая возня — мелкие наземные хищники пожирали труп вампира. Больше тишину не нарушало ничего, кроме мерного топота и довольного ворчания наших «фалимарий».

В полном бездействии прошел еще час с четвертью. Мы понемногу начинали уставать.

— Вижу еще одного, — неожиданно сказал Рик. — От нас четыре километра. — Диана тут же подтвердила информацию. — Я слетаю, а?

— Далековато, Малыш, — ответила Диана. — Тебя некому будет прикрыть.

— Да я же моментом...

— Сиди на месте, — приказал я.

Прошло полчаса.

— Уже три километра до него по прямой, — сообщил Рик. — Но движется не в нашу сторону. Если ветер не повернет, он не учует приманку и пройдет мимо. Давайте слетаю, сброшу ему под нос «следы раненого зверя».

— Ветер не повернет, — сообщила Диана. — Все метеоусловия стабильны. Но это слишком далеко. Помни про вампиров.

— Упустим! А экземпляр-то хорош, не хуже, чем у Пита.

— Что скажешь, Пит?

— Не знаю. Он нам сейчас все мозги продолбит этим мезоцераптором. Может, пусть лучше его съедят вампиры?

— Ну хорошо, — уступила Диана. — Слечай, только не суй «следы» прямо ему в пасть — незачем. Передаю тебе курс... Видишь? Полтора километра. А оттуда на него запах набросит ветерком. Будь умницей, Малыш. Крейг, сместись метров на триста по его курсу. А вы, на земле, будьте внимательны.

Я перевернулся на спину, уперев приклад винтовки в землю.

Рик вернулся быстро, но пришлось еще ждать, пока мезоцераптор возьмет «след». Шел он по нему неуверенно, часто останавливался, рыскал из стороны в сторону.

— Не понимаю, — протянул Малыш, чувствуя всеобщее недоумение. — Я все нормально сделал. Разбросал уйму модулей. Больной он, что ли?

Мезоцераптор подошел вплотную к гряде холмов, окаймлявших долину, и вовсе застрял.

— Слетать, пнуть его под зад, — предложил Крейг.

Никто не отозвался, было уже не до шуток. Мезоцераптор давно должен был учуять основную приманку и готовиться к нападению, но он не шевелился. Потом двинулся вправо, обходя долину.

— Пуганный! — догадался я. — На него уже охотились.

— Если он пойдет так, скоро учует того, которого подстрелила Кэт, — сказала Диана. — И там нельзя взять его с воздуха — кругом деревья.

У айхамарских мезоцерапторов на спине и боках очень толстая шкура — реакция вида на постоянную угрозу со стороны птерозавров, из подвески ее не пробить. Судя по отрывочным, но заслуживающим доверия наблюдениям, эта мутация была обнаружена уже у первых особей, завезенных с Аверона и проживших в новых условиях около десяти лет — удивительная приспособляемость. А с тех пор, как у них исчез волосной покров, вдобавок началось формирование защитных пластин, вроде панциря. Не зря ими заинтересовался Джайпурский институт...

— Можно попробовать сверху, в шею, у основания черепа, — предложил Крейг.

— Один шанс из ста... Погодите, повернул! Он сейчас выйдет между теми двумя холмами, видите?

Мы с Кэт не могли его видеть, поскольку между нами и этой лощиной меж холмов раскинулась роцца. Суслик моментально увеличил изображение, передаваемое камерой Крейга. Мезоцераптор вышел в долину, замер, опустив массивную голову к земле; передние лапы нервно двигались из стороны в сторону. Ему до роцци было метров триста, но вместо того, чтобы преодолеть эти метры, он вдруг разинул клыкастую пасть и издал протяжный рев. А затем начал разворот, намереваясь уйти. Рик выдал в эфир протестующий вопль, бросил свой скутер вперед и, нырнув на нем чуть ли не под брюхо животному, выстрелил парализатором. Сразу после этого надо было отходить, но он оказался слишком близко к земле, слишком близко от мезоцераптора, и имел мало места для маневра. Разъяренный зверь наступал, непрерывно клацая пастью и стараясь ухватить скутер передними лапами; Малыш отчаянно уклонялся от молниеносных выпадов огромного хищника то вправо, то влево, одновременно отступая назад. Тяжелый двухместный скутер казался совсем небольшим и очень хрупким рядом с тушей бушующего монстра. Изображение от Крейга на стекле моего шлема прыгнуло вперед, его аппарат подлетел к животному сбоку, и Крейг всадил зверю в нижнюю часть живота одну за другой четыре парализующих капсулы. Мы с Кэт,

вскочив на ноги, могли только беспомощно стоять и наблюдать — какова бы ни была развязка, мы бы не успели добежать туда. Но убийственная доза парализатора наконец подействовала: мезоцераптор щелкнул еще пару раз челюстями и остановился, трясая головой. Потом тело его свела судорога, и он рухнул наземь. В эфире прозвучал торжествующий возглас Рика.

— Возвращайтесь немедленно, черт бы вас побрал! — рявкнул я, выходя из состояния столбняка. Ребятам здорово повезло.

Мне и Кэт повезло не меньше. Черные вампиры — редкие животные... А напади они в тот момент, когда мы, как два дурака, сосредоточили все внимание на схватке... Тут и предупреждение от Дианы не спасло бы. Но Малышу (в воспитательных целях) я решил не говорить пока об этом промахе. Потом, при просмотре записей, он узнает, но это потом...

Крейг оставил машину над засидкой, откинул спинку сиденья и лег, наблюдая за ночным небом. Рик посадил свой скутер, скинул шлем и слез на землю, смущенно улыбаясь. Я поманил его пальцем.

— Подойди-ка поближе, я тебе врежу как следует...

— Можешь прочитать молитву, а потом я тебя пристрелю, — поддержала Кэт.

— Твои действия были крайне неразумны, — укоризненно добавила Диана.

— Он просто идиот проклятый, — сказал сверху Крейг.

— Ну что вы, в самом-то деле... — Когда Малыш подошел, я заметил, что его волосы слиплись от пота, как будто голову водой окатили.

— Одень шлем, — сказал я. Рик послушно потянул за тросик болтающийся за спиной шлем и нахлобучил его на голову.

— Ну что, — обратился я к остальным, — первый заход можно считать удачным, за исключением безумной выходки... — Малыш обреченно вздохнул, и я пожалел его: — Охоту на этом месте предлагаю свернуть. Три мезоцераптора, и все в разных концах долины. Другие, если и придут, обязательно наткнутся на одного из них. Если не испугаются и не отступят, то попытаются сожрать.

— В любом случае стоит прекратить добычу новых экземпляров и отдохнуть, — сказала Диана. — Системы ваших комбезов отмечают падение тонуса и легкий стресс у всех, кроме Малыша. — Мы с Кэт

возмущенно развернулись к Рику, а Крейг пробормотал сверху что-то вроде «дуракам закон не писан». — К тому же, предстоит еще упаковать товар.

— Пошли один зонд к телам, проверь... — начала Кэт.

— Я уже. Все трое — самцы. У последнего — многочисленные шрамы, похожие на следы стандартных винтовочных пуль, возможны обширные повреждения внутренних органов. Старый перелом правой передней лапы, она неправильно срослась и недоразвита. Вряд ли такой экземпляр устроит заказчика. Предлагаю взять трофей, тушу оставить в качестве приманки для вампиров и расставить сети. Всей работы, вместе с транспортировкой, часа на четыре, и основные затраты времени на транспортировку. — Диана сделала паузу. — Вы устали, лучше не заниматься этим сейчас. Есть смысл перенести лагерь сюда.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Прикроем первых двух мезоцерапторов периметром, они недалеко друг от друга... Получится?

— Если поставить корабль прямо между ними.

— Вкатим им добавочную дозу, и пусть лежат. «Сторожакам» задать охрану минимальной зоны, тогда они не тронут вампиров, которые будут жрать третьего или запутаются в сетях.

— Правильно мыслишь, Пит, — согласилась Диана. — Значит, я готовлюсь и взлетаю, дождитесь меня и отправляйтесь отдыхать. Но все равно одному из вас придется проконтролировать роботов, пока они ставят сети.

— Кому и заняться этим, как не нашему устойчивому к стрессам компаньону! — обрадовался Крейг. — Прыгай в седло, Малыш, слетаем, прикончим беднягу...

* * *

— Не нравится мне в этом болоте, — сказала Кэт, критически оглядывая местность, освещенную лунным светом и прожекторами корабля. — Может, вернем потом лагерь на прежнее место?

— Опять поднимать корабль? А потом опять? — В вопросах расхода энергии Крейг был еще экономнее Дианы. — Решайте сразу — здесь, или там. — Мы втроем стояли снаружи, а Крейг в грузовом отсеке занимался устройством мезоцерапторов, но счел нужным вмешаться.

— Скупердяй, — отчетливо произнес я. Крейг сделал вид, что не расслышал.

Шесть часов полноценного сна всем пошли на пользу. За это время в расставленные сети попались восемь вампиров — чем холоднее становилось, тем больше они активизировались. Два оказались совсем малышами, и мы их отпустили. Выпустить на волю пойманного черного вампира, пусть и молодого, ничуть не легче, чем поймать его или убить; мы были рады, когда эта сложная и опасная операция завершилась без жертв из числа обеих заинтересованных сторон. Сети тут же свернули и отключили робота-имитатора, стоящего рядом с трупом мезоцераптора и создававшего «эффект умирающего хищника». План по вампирам можно было считать выполненным — остальных доберем по ходу основного дела, раз уж они стали такими шустрыми раньше, чем это предсказывала Диана.

— Я снял все-таки со своего экземпляра шкуру, — сказал Рик, имея в виду, что работу за него выполнили «жучки», а он стоял рядышком и приглядывал за ними. — Шрамов на ней много, но у нас в этом рейсе и места в трюме останется много. Я слышал, зарождается новая мода — на трофеи с многочисленными шрамами. Даже подделки уже появились. Зверей выращивают на ферме, наносят неопасные для жизни ранения, дают им зажить. Потом животных убивают и сдают трофеи таксидермистам^[23].

— Мода не новая, ей бог знает сколько лет. Просто временно заглохла, теперь возрождается.

— И еще я ампутировал правую переднюю лапу, которая с уродством. Сунул ее в морозильник.

— А это зачем?

— Он явно сломал ее до того, как организм окончательно оформился. Возможно, Шанкару Капуру будет любопытно узнать, как такие переломы срастаются в условиях Айхамара. Сувенир, так сказать. Он хороший клиент.

Что ни говори, а нашему Малышу иногда приходят в голову удачные мысли.

— Умница, — похвалил я. — Далек пойдешь... если не станешь больше драться с мезоцерапторами врукопашную.

— Я одного не понял — почему они такие здоровые при сравнительно небольшом весе? — спросил Рик. — В отчетах по

Айхамару ничего нет по этому вопросу.

— Ты смотрел отредактированные отчеты, узкоспециальные — для охотников, сказал я. — У мезоцерапторов кости полые внутри. Как трубки с тонкими стенками. Но чрезвычайно прочные.

— И для чего им такие кости?

— Не знаю, спроси у Крейга, он у нас биолог. Может быть, чтобы дальше прыгать. Видел, какие они совершают прыжки, когда бросаются на добычу? Может, чтобы легче было убегать от врагов. Это здесь они цари природы — наземной, а на родине у них немало врагов. Кто-то считает, что мезоцерапторы произошли от одной из разновидностей птерозавров Аверона. Ведь там у многих видов крылатых ящеров кости пустотелые. Или, наоборот, летуны произошли от мезоцерапторов. Ученые еще не разобрались.

— Давайте решать, куда отправимся, — прервала нашу болтовню Кэт.

Второе место, выбранное для охоты, оказалось урожайнее первого. За два часа были добыты три особи но, к сожалению, все самцы. Сменили тактику, Крейг настроил «уток» по другому — теперь вокруг засидки шлялся одинокий мезоцераптор, издавая брачный клич самца в период случки. Мы с Кэт едва не оглохли, пришлось все же закрыть колпаки, превратив комбезы в скафандры. Суслик и Камилла, киб Кэтти, сразу поставили аудиофильтры на максимум. Воцарилась благословенная тишина. Кэт с облегчением вздохнула.

— Если б я была самкой мезоцераптора, ни за что не пошла бы на такой зов...

Слова оказались пророческими. Самки так и не пришли, зато явилась целая команда самцов — выяснять отношения с соперником. К такому повороту мы оказались не готовы, поэтому вернулись к кораблю и устроили военный совет.

Кэт вопросительно поглядела на меня.

— Ты ведь охотился здесь, что скажешь?

— Ума не приложу. Всегда попадались и самцы и самки.

— Диана?

— Ни в одном из имеющихся у меня отчетов подобная проблема не зафиксирована, — ответила Диана. — Я бы сразу обратила ваше внимание.

— Возможно, это связано с временем года, — предположил Крейг.

— А-а... Здесь, на Айхамаре, или на их родине?

— Вот черт! — расстроился Крейг. — Действительно... И год здесь в четыре раза длиннее, чем на Авероне. Диана?

— Никаких особенностей поведения в зависимости от сезона не отмечено ни здесь, ни там. Но информация по обеим планетам неполная, наблюдения большей частью бессистемны... Могу предложить вот что. И на Авероне, и на Айхамаре, самки устраивают гнезда в пещерах, вскармливают потомство, но делают это как придется. Если она находит чужое гнездо, все равно будет кормить — чужих...

— «Крик голодного детеныша», — сообразил Крейг. — Как я сам не догадался! У тебя достаточно информации для настроек, Диана? Тогда пойду, займусь...

Двенадцать часов спустя, упаковав в трюм трех отменных зубастых «леди», мы готовились к взлету.

— Я так и не понял, где они были раньше, — сказал мне Рик.

— Никто не понял, — вздохнул я. — Но какая нам разница, мы охотники, и мы добыли что нам нужно, верно? Пускай ученые голову ломают. Глядишь, кто-то совершит научный прорыв, воспользовавшись нашими отчетами. А что мы можем сделать доброго, так это покараулить лишних мезоцерапторов, пока они очнутся, а не то их здесь попросту сожрут.

Последнее животное начало подавать признаки жизни спустя полтора часа по окончании всех работ, и мы стартовали с Айхамара в приподнятом настроении. Впереди нас ждала Инферна.

Глава 10. Планы на будущее

В главном зале управления наземного наблюдательного пункта СОЗ, расположенного в джунглях Восточного Массива на территории сектора восемнадцать, находилось пять человек. Три оператора техслужбы сидели в рабочих креслах у терминала, корректируя работы по завершению эвакуации людей и аппаратуры на орбиту и подготовке пункта к повторной консервации. Впервые пункт законсервировали в связи с сокращением штатов СОЗ и отсутствием средств на финансирование научных исследований непосредственно на поверхности планеты. Но восемь месяцев назад группе специалистов Комиссии по Контакткам, в сотрудничестве с Галактическим институтом биоэнергетики, потребовалось провести собственные исследования на Тихой. Теперь ученые завершили свои эксперименты — их уже вывезли с планеты. Оставалось перебросить на орбиту специалистов группы технической поддержки и их оборудование, после чего НП «Тихая-поверхность-18» вновь опустеет на неопределенное время, лишь его интеллектуальные системы продолжат работу, но уже в «спящем» режиме.

Группа Комиссии отбыла раньше всех, месяц назад, но здесь до сих пор оставались два ее руководителя — Аркадий Бабурин и Кэй Шентао. Сейчас они наблюдали за работой операторов.

— Нам здесь нечего делать, — сказал Аркадий, тронув Шентао за рукав комбеза. — Давай, выйдем на улицу. Сегодня чудесная погода.

— Нам нечего делать не только сейчас, а уже давно, — ответил Кэй. — И не только здесь, но и вообще на планете. Если хочешь, выйдем.

Они остановились неподалеку от башни наблюдательного пункта, стоя так, чтобы тень от здания падала на них — солнце уже припекало. В двухстах метрах восемь роботов-погрузчиков перетаскивали контейнеры в трюм стоящего у ангара большегрузного катера типа «спейсер».

Трудно было бы найти двух людей, столь непохожих и похожих друг на друга одновременно. Аркадий Бабурин был высок, строен, с внимательным взглядом, в котором то и дело проскакивала искорка иронии. А Кэй Шентао — маленького роста, плотный, внешне

абсолютно безразличный ко всему происходящему вокруг него, с бесстрастным лицом, лишенным всякой мимики. И все же в них угадывалось нечто общее — выражение глаз, что ли? Очень немногие знали, что эти двое — неразлучные друзья. Внешне они своих чувств никак не проявляли, почти все их отношения сводились к совместной профессиональной деятельности да спаррингам в спортзалах, когда они могли часами кружить по рингу, пытаясь подловить один другого на удар — оба были мастерами боевых искусств высокого класса. На отвлеченные темы они между собой беседовали нечасто, но не потому, что у них не находилось интересных тем. Просто за годы работы и общения Бабурин и Шентао научились понимать партнера с полуслова.

— Да, мы здесь, вроде как лишние, — согласился Аркадий, — но только пока. Чувствую, нам еще предстоит вернуться сюда в недалеком будущем.

— Вряд ли, — усомнился Шентао. — Дальнейшие исследования горилл Фостера не могут представлять интерес для Комиссии по Контакткам. Они не разумные существа. Мы внесли полную ясность в этот вопрос месяц назад.

— Что есть разумность? И Комиссия, и мы сами руководствуемся в своих определениях разума чисто субъективными, человеческими критериями. Кроме того, теперь, после выводов, сделанных учеными, наличие разума или его отсутствие у данного вида не играет первостепенной роли. Если ученые правы хотя бы наполовину, то экстраординарные способности этих животных делают их чрезвычайно опасными и превращают всю Тихую в большую бомбу с часовым механизмом. Хуже всего то, что мы не знаем, на какое время установлены часы.

— А также, есть ли часовой механизм, есть ли бомба, и сработает ли она, — скептически заметил Шентао.

— Для выяснения этого и запланированы дальнейшие исследования. Экспедиция будет уже в другом составе, но она будет непременно, помяни мое слово. А нас с тобой обязательно привлекут в качестве консультантов от Комиссии. Поэтому мы и вынуждены торчать на Тихой до конца. Начнем мы отсюда же, вот увидишь, наземная база опять разместится здесь. Удобней места не найти. После проведения лабораторных исследований...

— Для лабораторных исследований необходимы подопытные животные, — прервал коллегу Шентао. — А нам не удалось поймать ни единой особи.

— Что подтверждает необычные способности горилл, — сказал Аркадий. — Задачи по их отлову возложат на плечи профессиональных охотников. Стоило так поступить сразу, а не мучиться самим. Стивен Шарп...

— Я не знал, что уже кого-то утвердили, — недовольно заметил Шентао. — Что у этого Шарпа — звероловная фирма? «Сафари»? Я слабо разбираюсь в их специализации.

— Шарпа пока никто не утверждал, и к нему официально не обращались с предложением произвести отлов. Но обратятся. Из возможных кандидатов лучшими считаются он и Джонатан Берк, но Берк совершенно неуправляем. Ты смотрел его досье. Каков характер, а? На кого бы он не нанялся работать, в конечном счете всегда работает только на себя. Терпеть не может внешнего контроля и необходимости отчитываться в своих действиях. В нашем случае о подобной самостоятельности не может быть и речи — любой шаг должен контролироваться. Стивен Шарп более предсказуем. Бывший военный, дисциплинирован. Для отлова горилл Фостера выберут его.

— Не понимаю твоей логики, — сказал Шентао. — И логики руководства — тоже, хотя относительно Берка полностью согласен. Почему не обратиться к той четверке, что уже получила заказ от Джайпурского института и разрешение на отлов в УОП? Дуглас, Болди, Риера, и — как ее там? — Кэтрин Ле Приер? Профессиональные звероловы высокого класса, и ведь все равно будут ловить тех же самых горилл? Достаточно дать дополнительный заказ на нужное количество особей.

— А ты встречался лично с этой Кэтрин, которую упомянул? — усмехнулся Аркадий. — Нет? Тебе крупно повезло, напарник. Мы, русские, про таких говорим — «соль с перцем». Я встречался, правда, давно. С ней и с Питом Дугласом. Интересная пара. Не то друзья, не то любовники, кто из них верховодит в команде — тоже не понять. Восемьдесят процентов имущества фирмы принадлежит Ле Приер, а старший компаньон почему-то Дуглас. Они терпеть не могут работать по правительственным заказам, особенно — Ле Приер... Их фирма существует всего пять лет, и за это время они успели отклонить три

подобных предложения — то есть все, какие поступили. Нет оснований полагать, что на сей раз они согласятся. Но безразлично, возмутся за работу или откажут — никто не в состоянии заставить их потом хранить молчание и соблюдать секретность, не раскрывая причин таких мер предосторожности, равно как и причин заинтересованности правительства. А любая утечка информации на данном этапе, да и на последующих тоже, крайне нежелательна. С одной стороны, шумиха в средствах массовой информации посеет панику, с другой — привлечет на Тихую сотни авантюристов и просто праздных зевак. Ты знаешь нынешнее положение в Службе охраны заповедников. После таких сокращений штата смотрителей они окажутся не в состоянии преградить доступ на планету толпам любопытных и тысячам контактеров-любителей.

— Тогда стоило бы Дугласа и его команду не пускать сюда совсем, — сказал Шентао. — После того, как на гориллах опробуют излучатели, здесь может стать горячо.

— Согласен, но, ни Комиссия, ни Объединенная Безопасность [\[24\]](#) не хотят поднимать шум раньше времени и вводить запреты, которые лишь привлекут внимание к планете и существам... Дуглас и его компаньоны не похожи на беззащитных ягнят. Надеюсь, с ними ничего не случится. Лучше, если им рекомендуют высадиться на другом континенте. Но, к сожалению, это не от нас с тобой зависит.

— Шарп — или другой выбранный зверолов — будет работать на обоих континентах, — мрачно сказал Шентао. — Где гарантия, что на другом не начнется то же самое, что на этом? А знаешь... — неожиданно улыбнулся он, и с его лица на мгновение слетела маска безразличия. — Жаль, все-таки, что гориллы оказались лишь животными. Открыть параллельную цивилизацию там, где одна давно известна... Ученые мусолят такую гипотезу относительно Тихой почти две сотни лет.

— Тот факт, что гориллы не обладают разумом, делает их еще более опасными и непредсказуемыми, — сказал Бабурин. — Мне хочется верить, что наши научные светила — Анке и Масатоши — ошиблись в своих выводах относительно их способностей...

* * *

Маркус Мендель сидел в своем кабинете на последнем этаже здания, в котором вот уже более двух столетий располагались штаб-

квартиры научно-исследовательского центра «Евгеника» и одноименного общественно-политического движения. Правда, над ним находилось еще два этажа, занятых исключительно под размещение различных технических систем, призванных обеспечивать жизнеспособность сооружения, к которому, как и к большинству современных строений, более подходило определение «организм» а не «здание». Поэтому последним сто восьмой этаж этого представительного, возвышающегося над огромным парком небоскреба, можно было назвать только условно. Тем не менее, сотрудники обычно именовали сто восьмой именно так, произнося «последний» вполголоса и с ноткой почтительности. Здесь находилась резиденция главы «Евгеники» Герхарда Снельмана, и единственным человеком, который имел сюда постоянный неограниченный доступ, был Маркус Мендель, официально занимающий в сложнейшей иерархии организации всего-навсего должность старшего консультанта по связям с общественностью.

Маркус сидел в небрежно-расслабленной позе человека, обладающего огромной властью и возможностями, к ним давно привыкшего и переставшего думать, насколько велика эта власть и насколько далеко простираются возможности второго, после Снельмана, человека в «Евгенике». Сейчас он работал в паре со своим киб-секретарем, работал сосредоточенно, избегая отдавать голосовые команды, а пользуясь, в основном, обычной клавиатурой. Маркус вообще не любил говорить, он терпеть не мог звуки собственного голоса, который навсегда изувечили неудачные опыты по расширению сознания с неумеренным употреблением активных веществ, входящих в состав гипномина. Он не раз просил Снельмана навсегда освободить его от необходимости выступать публично, предоставив ему возможность быть тем, кем он на самом деле был — но Герхард так и не сделал этого; Маркус подозревал, что дело тут в изоцианном садизме, присущем президенту «Евгеники». Пришлось смириться и удовольствоваться тем, что Снельман (неизменно верный своей склонности к мрачному юмору) полгода назад, в качестве подарка ко дню рождения, наконец уволил его со второй занимаемой должности — пресс-секретаря. И на том спасибо.

Мендель только что завершил просмотр отчетов начальников отделов, которые касались официальной, достаточно безобидной

деятельности «Евгеники» как общественно-политического и научного объединения, и приступил к главному — анализу информации, поступившей по внутренним и внешним, строго секретным каналам. Организация, подобно айсбергу, имела вторую, скрытую от посторонних глаз часть, и лишь немногие посвященные знали, насколько она велика. Иначе было нельзя, иначе «Евгеника» просто не выжила бы. Идеи, проповедуемые объединением, ставящим перед собой задачу кардинально улучшить весь род человеческий, и так слишком у многих вызывали негативную реакцию. Она находила свое выражение во всем, начиная от глухой неприязни и кончая прямым противодействием. Сколько раз с момента своего создания «Евгеника» находилась под запретом или его угрозой — не сосчитать. Только за последние пятьдесят лет их оппоненты в Парламенте четырежды сумели добиться удаления депутатов подконтрольной «Евгенике» партии со всех заседаний сроком на год, а один раз ее деятельность была полностью запрещена специальным постановлением Конституционного суда; только через восемь лет удалось убедить суд пересмотреть решение. Общественное движение «Человек сверхразумный — 25-й век» находилось вне закона практически с момента создания, еще несколько подобных движений, инициированных и финансируемых «Евгеникой», периодически подвергались гонениям, особенно на Земле и других «старых» планетах. «Союз творческих и научных сил человечества» десятый год не мог получить разрешения ни на одну публичную акцию. Были и успехи, конечно. По крайней мере, за весь двадцать пятый век противникам «Евгеники» так ни разу и не удалось запретить всю организацию целиком. Мендель видел в этом немалую заслугу нынешнего президента общества Герхарда Снельмана и, разумеется, его знаменитого предшественника на этом посту, Владимира Скоропадского; а также и свою собственную.

Основы подводной части айсберга «Евгеники» заложил еще в двадцать втором веке Андрес де Олива — именно он создал разветвленную сеть подпольных лабораторий, в которых запрещенные исследования велись запрещенными способами. Он не брезговал ни чем, начиная от шпионажа и кончая связями с экстремистскими группировками типа союза «Новая раса», прибегая к их помощи по любым вопросам, вплоть до физического устранения неудобных

«Евгенике» людей, в том числе и политических противников партии «Совершенное человечество». Неизвестно, чего он больше принес Движению в целом — вреда или пользы, но система, созданная им в эпоху повальных запретов на развитие технологий, благополучно существовала и поныне. Оставалось лишь пользоваться. Сам Маркус стиль де Оливы не одобрял, а вот Герхард...

Иногда Маркус прерывал работу, вставал и, подойдя к окну, потягивался, разминая затекшие мышцы. Уставало тело, но не мозг. Его личные эксперименты, которые он, будучи молодым ученым, проводил на себе самом, увенчались полным успехом, несмотря на мелкие неприятные нюансы, вроде потери голоса. Расширенная до предела память оказалась способна вмещать неправдоподобные объемы информации и оперировать ими со скоростью киб-разума класса «абсолют». К сожалению, эту замечательную способность ему не удастся передать по наследству своим потомкам, поскольку детей у него уже не могло быть. Но ни он сам, ни организация, неотъемлемой частью которой он стал, давно не ставили перед собой столь узкие цели, как те, что когда-то сформулировал Гальтон^[25]. Слишком многие богатые и влиятельные люди желали сверхспособностей немедленно — лично для себя. Именно от них «Евгеника» получала средства на свои исследования. Именно они поддерживали ее идеи в Парламенте и проводили нужные законопроекты, помогающие ей существовать и действовать легально хотя бы частично. Именно они определяли, в конечном счете, ее внутреннюю политику и главные направления научной деятельности. Слишком многие ученые интересовались только своей работой и хотели продолжать ее несмотря ни на что, в том числе и на закон. Слишком многие — и теперь, и всегда — мечтали обрести бессмертие. «Быть образом и подобием Божиим лишь по названию в наши дни совершенно недостаточно, — любил говаривать Герхард Снельман. — Заполучить в личное распоряжение чисто божественные качества, вроде всемогущества, куда более заманчиво».

В последнее время Маркуса более всего интересовали две проблемы — внедрение своих людей в научно-исследовательские группы госпроекта «Феникс» и повторная попытка отлова полумифического рэдвальфа на Тихой. Планету Феникс открыла совсем недавно группа охотников-профессионалов во главе с неким

Эдом Камински. Жизнестойкость обитавших там живых существ, их невероятные способности к регенерации тканей тела и внутренних органов крайне интересовали ученых «Евгеники», в лабораториях которой проводились такие опыты по сращиванию человека с ксеноморфами, что самого доктора Моро бросило бы в дрожь. В первую правительственную экспедицию на Феникс Менделю внедрить своих агентов не удалось, но он не терял надежды послать двух-трех преданных идеям «Евгеники» молодых ученых вместе со второй, в следующем году.

На Тихой осложнений не предвиделось. В научном центре «Тихая» и на главной базе Службы охраны заповедников у Маркуса имелось несколько осведомителей и помощников. Более того — сам директор «СОЗ-Тихая» Василиадис был ставленником «Евгеники», которым удалось заменить несговорчивого Абдуллу Шаха, бывшего главу смотрителей. Василиадис, правда, понятия не имел, на кого именно работает, но информацию Менделю, действовавшему в данном случае через подставных лиц, передавал исправно, а за соответствующую мзду был готов выполнить любые распоряжения своих тайных хозяев.

Джонни Берк, подлечившись после неудачного рейда на Тихую в прошлом охотничьем сезоне, уже давно мог бы высадиться на планете вновь. Но неожиданно Маркус получил от своих информаторов новые сведения, да такие, что решил приостановить отправку группы Берка с Безымянной.

На планете вот уже восемь месяцев работала экспедиция Комиссии по Контакткам. Совершенно случайно среди контактеров оказался человек, лично обязанный Снельману; Мендель не преминул этим воспользоваться, хотя и не рассчитывал ни на что конкретное. Однако данные, поставляемые добровольным помощником, раз от раза становились все интереснее. Один только список привлеченных к работе специалистов чего стоил. Собственно контактеры, биоэнергетики, зоопсихологи и даже экстрасенсы... Когда на Тихую лично прибыл автор теории пакетного перемещения информации в ЭПВ Масатоши Ми, Маркус решил, что пора обратить на предмет интересов Комиссии особое внимание. Им оказались достаточно распространенные животные — гориллы Фостера.

Стоило Менделю узнать об итоговых выводах работавших с гориллами ученых, как он решил, что существа с такими способностями не менее желанны для «Евгеники», чем рэдвольф, которого туземцы Тихой считали неуязвимым и непобедимым. «Экстрасенсорное восприятие уровня ЭС-12»... «Агрессивное биомагнитное воздействие на интеллектронику»... «По неподтвержденным данным провоцируют сбои систем связи»... «Вероятность доступа, на уровне инстинктов, в Энергоинформационное Поле Вселенной»... Ого! Тут Маркус даже привстал от неожиданности, но спохватился и сел обратно в кресло. «Групповой псевдоразум деструктивного характера. Непрогнозируемая степень опасности при непосредственном контакте». Не-е-т, таких животных «Евгеника» просто обязана заполучить в свое распоряжение! Тем более, что Комиссия не признала их носителями разума, и получить разрешение в УОП на их отлов будет легко.

Маркус принял решение. Надо найти еще людей, согласных пойти на Тихую с Берком. Джонни уже пытался это сделать, но после бесследного исчезновения всех охотников его группы работать под непосредственным руководством Берка больше никто не захотел, кроме экипажа его заместителя Чезаре Чезалпино. Среди звероловов о нем пошла дурная слава сумасшедшего, пытающегося поймать привидение — в реальное существование рэдвольфа верил мало кто. По другой версии Берк специально подготовил гибель своих людей с некой тайной целью. Ни то, ни другое не соответствовало действительности, но попробуй кого-нибудь убедить в этом, не раскрывая своих карт. А Маркус не любил играть с раскрытыми картами.

Необходимо срочно расширить состав экспедиции Берка за счет одного или нескольких экипажей — кораблей у Джонни достаточно, но одна группа Чезалпино не в состоянии заниматься и поисками рэдвольфа, и гориллами Фостера, которых, судя по всему, поймать тоже не так-то легко.

Подбор кадров придется поручить опять-таки Берку — сам Мендель связей в кругах профессиональных звероловов не имел, и не хотел, перепоручая дело заместителям, увеличивать число посвященных даже за счет преданных сотрудников «Евгеники».

Старое правило — «знает один — не знает никто». Второе правило — деньги решают все. Нужно просто повесить плату. До небес, если потребуется. И Джонни Берку, и тем, кого он найдет. Любого можно купить.

* * *

Стивен Шарп стоял на берегу озера, из которого вытекал широкий мелкий, едва по щиколотку, ручей. Ленивый у своего истока, он несколько оживлялся в среднем течении, сбегая вниз по склону, полого спускавшемуся к бесконечному болоту, и терялся в нем, оставаясь таким же широким и мелким на всей своей протяженности в километр с небольшим.

Само озеро, занимавшее очень приличную площадь, казалось просто системой больших и малых протоков из-за множества буйно заросших тропической растительностью островков. Деревья и кустарники здесь не тяготели к твердой земле — они смело спускались в воду, отвоевывая для себя участки дна; корявые стволы поднимались над тусклым зеркалом поверхности озера, топорщась щупальцами воздушных корней, и даже внимательный наблюдатель не смог бы сказать, где проходят береговые линии. Единственным участком суши, достойным называться настоящим берегом, был тот, на котором стоял Шарп — вытоптаный копытами животных клочок земли перед глубоким тихим омутом. Далеко слева горбился скалистыми холмами почти разрушенный временем горный кряж; справа, сколько хватало глаз, лежала равнина с такими же точно озерами, болотами, ленивыми ручьями и речками — типичный пейзаж Бундегеша.

Со стороны могло показаться, что Стив Шарп пришел сюда для того, чтобы уединиться и поразмыслить в тишине над бренностью человеческого существования. Собственно, именно об этом он и думал, но ни о каком уединении не могло быть и речи: еще два человека, кроме него, внимательно следили за поверхностью омута через прицелы винтовок.

Устав стоять на одном месте, Шарп медленно прошелся по берегу, не отводя взгляда от озера и не приближаясь к нему.

— Вернись назад! Ты что, рехнулся, Стивви? — немедленно послышался по связи призыв одного из наблюдателей.

— Учить меня вздумал, новобранец? — огрызнулся Шарп, едва шевеля губами: артикулятор позволял общаться с компаньонами

бесшумно. — Если у меня затекут ноги, я не сумею от нее убежать.

— А если хоть на секунду отвлечешься, то уже и не придется бежать, — возразили ему. — Удивись, но мы не хотим терять даже такого дряхлого облезлого барбоса, как ты, полковник.

— Когда завтра окажешься на моем месте, Манки, я тебе это припомню! — все так же беззвучно сказал Шарп, возвращаясь, однако, на прежнюю позицию.

— До завтра тебе еще предстоит дожить, — спокойно ответил Манки. — А ты, если будешь дергаться, не доживешь.

— Завтра должна быть моя очередь, — послышался другой голос.

— И не мечтай, Сьюзи, — возразил Шарп. — Это не для женщин.

— Ты ужасно старомоден. Правильно Манки говорит — дряхлый облезлый барбос. Кто сказал, что я справлюсь хуже?

— Я тебе говорю.

Шарп упер ногу в большой камень и чуть наклонился вперед. Налетевший ветерок подернул рябью гладь омута, солнце вдруг выглянуло из-за облаков — пришлось прищуриться. Стоит совсем разойтись тучам — и придется сворачивать охоту. Ничего не рассмотреть, когда поверхность так бликует.

— Черт, вот черт! — ругнулся по связи Манки. — Вали оттуда, Стивви!

— Еще чего! Столько ждали сегодня...

— Уходи, Стив! Или я выстрелю гарпуном тебе в зад и оттащу от озера лебедкой!

— Успокойся. Все, солнце заходит... Да, снова вижу ее.

На дне омута угадывался будто бы большой валун — вода в озере была прозрачной, однако тончайшая пленка из пыльцы растений на поверхности мешала видеть ясно. Шарп был уверен, что находится вне пределов досягаемости длинного языка лягвы, но тем не менее почувствовал, как сердце забилося быстрее. В прошлом сезоне один охотник-любитель неправильно рассчитал размер — животное оказалось гораздо крупнее, чем он думал; соответственно, оказался длиннее и язык. Лягва не всплыла — хапнула его из-под воды, и прежде чем напарник растяпы успел что-либо предпринять, она уже ушла в свое логово в островах, поднимая со дна тучи ила.

Шарп полагал, что уж он-то рассчитал все правильно. Да иначе и не торчать бы ему на этом берегу сегодня больше двух часов. Долго —

но в конце концов лягва не выдержит.

Спустя полчаса он снова прошелся по берегу.

— Совсем не буду двигаться — она не клюнет, — сказал он, предупреждая упрек Манки.

— А будешь много двигаться — она тебя съест, — немедленно отозвался тот. — Ну что за варварский способ!

— Другого нет, — ответил Шарп. — Имитатором их не обмануть.

Вернувшись к камню, он снова упер в него ногу, но уже другую.

— Скоро дождь пойдет, — подала голос Сюзанна.

— Скоро, скоро!.. Без тебя знаю, что скоро. Картинка с зонда еще хороша?

— Нормальная.

— Тогда заткнись.

Сюзанна замолчала, но продержалась всего минуту:

— Стив, она шевельнулась!

— Вижу.

— Стив, она уже...

— Заткнись, я сказал!..

Вокруг валуна на дне омута расплзлась черная туча. Шарп оттолкнулся ногой от камня, повернулся, и со всей скоростью, на которую был способен, рванул вниз по руслу ручья — единственной дороге, свободной от густой бундегешской растительности. Поверхность озера вздулась пузырем, вода лавиной обрушилась вниз, а на том месте, где только что стоял охотник, в воздухе мелькнуло нечто, напоминавшее толстый канат. Это нечто захлестнулось в воздухе петлей, наподобие лассо, и дернулось обратно. Над округой разнесся разочарованный голодный рев, и гигантская лягва, поднявшись на задних лапах во весь свой исполинский рост, ступила на берег.

— Бог мой, Стив! Только не споткнись! — крикнула Сюзанна.

«И она еще удивляется, почему завтра вместо нее пойдет Манки! — успел подумать Шарп, драпая вниз по ручью. — Спокойно, старина, это всего-навсего жаба — здоровая никчемная жабина!»

Сзади раздавались частые хлопки от беглой стрельбы парализаторами сразу из двух винтовок, раскатистое шлепанье и скрежет когтей по камням. Стив быстро оглянулся через плечо, успел увидеть разверстую пасть величиной с ворота частного ангара, и

завилял на бегу из стороны в сторону. Рев раздался где-то в вышине у него над головой, и длинный язык выдернул с корнем росшее из воды деревце прямо за спиной охотника.

— Беги, Стив, беги! — орали на два голоса Сюзанна и Манки, не переставая стрелять.

Их скутеры шли по обе стороны ручья над кронами деревьев, и они прекращали огонь только для того, чтобы перезарядить подвески. Лягва, похожая на жабу так же, как бронтозавр на ящерицу, не обращала на них никакого внимания, не реагировала на парализующую жидкость, медленно разгоняемую по ее телу вялой системой кровообращения, и не прекращала погони. К счастью, лишенная на суше преимущества даруемой водой невесомости, она двигалась слишком медленно из-за своих чудовищных размеров.

Единственное, что у нее оставалось излишне подвижным, так это язык. Он то и дело расплескивал воду под ногами Шарпа и вокруг него, выбивая ямы в галечном дне, метался у него за спиной и млял кусты по обоим берегам ручья. Охотник преодолел две трети пути до болота. Болото означало смерть. Если лягва дотянет до него, то проглотит вынужденного остановиться Шарпа, нырнет в трясину, зароется в ил, и тогда ее уже не найти, поскольку ударная доза парализаторов прекратит всякую жизнедеятельность ее огромного жирного тела.

Сюзанна и Манки, прекратив стрелять, то и дело совершали рискованные маневры на скутерах перед самым носом чудища, пытаясь его отвлечь. Стив бежал не сбавляя скорости. Сворачивать в заросли было опасно — лягва могла достать его своим язычищем прежде, чем он успеет достаточно отдалиться от берега и спрятаться за деревьями. Но вот она остановилась, раскорячившись на мощных задних лапах, вслепую хлестнула языком вперед, последний раз открыла и захлопнула пасть и рухнула в ручей, перегородив его как плотиной.

Шарп сделал несколько шагов в сторону берега, повернулся к нему спиной, устало опустил на корточки, а потом и вовсе лег, растянувшись во весь рост прямо на мелководе. Рядом тут же опустил скутер Сюзанны. Манки снизился, оставив свою машину подвешенной в воздухе.

— Поздравляю, полковник, — сказал он. — Твоя сегодняшняя лягва — прекрасный экземпляр.

— Это я — прекрасный экземпляр, — ответил Стив, открывая глаза. — Один из лучших представителей рода человеческого.

— За тебя никто не заплатит, — рассмеялся Манки.

— Завтра пойду я, — сказала Сюзанна.

— Обойдешься! — буркнул Шарп.

— Хорошо, что они не умеют прыгать, — протянул Манки, косясь в сторону гороподобной туши.

— Как бы они тебе прыгали? Они и на берег почти не выходят. Только когда в соседнее озеро перебраться надо, или вот так — в азарте, если добыча ускользает.

— Говорят, раньше долго их травить не приходилось, — сказала Сюзанна.

— Правду говорят. Но это было давно, лет пятьдесят назад. Тогда они еще велись на имитаторы и прочую дешевку. А теперь только вот так — Шарп оттянул на груди свою простую хлопчатобумажную куртку. — Не дождусь, когда в нормальный комбез переоденусь... Никакую синтетику не терпят, сволочи. Скоро уже и рацию к уху не прицепишь.

— А я слышала, если животное... ну, живца, нормально натренировать, чтоб вел себя спокойно на берегу, то лягвы клюют. Бросаются.

— И толку? — хмуро сказал Шарп, приподнимаясь и усаживаясь в почти пересохшем ручье. — Бросится она, сожрет живца и в воду. А если не привязывать, то живец рванет в кусты, как ты его не тренируй, а она — снова в воду. Вся штука в том, чтобы удержать лягву на берегу, пока не отключится. Пытались их искать под водой и вытаскивать — да только без толку. Только сами гробились. В озерах тут такая дрянь на глубине... Знаешь, сколько батискафов ржавеет по болотам и озерам Бундегеша? Гораздо больше, чем таким способом добыли жаб. Они в воде тонут, сволочи, не всплывают. Ну, когда она не успела нырнуть глубоко и зарыться — ты ее можешь найти. А когда...

— А правда, что спасали проглоченных охотников? — спросила Сюзанна.

— Было пару раз, — кивнул Шарп. — Лягва ведь не жует — глотает целиком. Сразу брюхо вспороть — можно человека спасти,

особенно если он в нормальном комбезе был, а не в такой вот пижаме. Но в комбезе — хоть целый год на берегу стой. Как чуют из-под воды — непонятно.

— Это совсем как на Каими, — сказала Сюзанна. — Там животные тоже...

— Но здесь лягвы одни такие. И на Каими ученые прогнозируют эпидемию пробуждения разума. Слыхала? А эти — тупая биомасса, способная только жрать и спать. Пока они не прочухали, что люди со своими штучками — это почти всегда неприятности, поселенцам и туристам от них приходилось несладко.

Шарп бросил взгляд на тушу, казавшуюся еще больше от того, что он не стоял, а сидел. Высоко в небе уже кружили кривоклювы, почуявшие добычу. В сотне метров справа из береговых зарослей высунулся гайцонг и шумно потянул носом, поводя из стороны в сторону безобразной головой. Манки спугнул его, выстрелив из винтовки по камням прямо перед ним.

— Стив, лагерь на связи, — сказала Сюзанна. — У них...

— Слышу, — поморщившись отозвался Шарп. — Что там у тебя, Георги?

— Да ничего особенного — взяли двух жаб. Я хотел спросить, что у вас, — услышал он голос Мерабишвилли. — Подумал — вдруг я уже не твой заместитель, а первый человек в команде.

— Не дожدهшься. Я выживу только ради того, чтоб ты до старости оставался заместителем.

— Антонин потерял артикулятор, — сообщил Мерабишвилли. — Придется распотрошить еще один комбез.

— Так потроши.

— Но у нас больше нет старых комбезов!

— Потроши новый. Потом я с тебя вычту.

— Это почему?..

— Потому, что ты должен был позаботиться об артикуляторах еще на Безымянной! — взревел Шарп. — Я говорил тебе, чертов новобранец! Конечно, люди будут терять артикуляторы, они же на шее не держатся совсем! А ты со своей экономией!..

— Стив, ты тоже потерял артикулятор, — вкрадчиво сказала Сюзанна.

Шарп ощупал шею. Там висела только наполовину отклеившаяся полоска липкой ленты.

— За два вычту, — решительно сказал он. — В тройном размере, чтобы помнил.

— Ладно, — неожиданно охотно согласился Георги. — Давай, вычитай в тройном.

— Чего это ты стал таким сговорчивым? — тут же насторожился Шарп.

— А я, знаешь ли, только что говорил с ООЗ. У нас, знаешь ли, только что появился клиент. И если мы выполним заказ этого клиента, я смогу оплатить целый «грузовик», набитый артикуляторами, просто в качестве не слишком щедрого благотворительного взноса в фонд нашей фирмы.

— Правда? — оживился Шарп.

— Правда, — заверил Мерабишвилли. — Немедленно тащи свою старую задницу в лагерь. Требуется твое присутствие — ООЗ снова будет на связи через два часа.

— А они сказали, кого требуется поймать? Надеюсь, это будет получше больших лягушек? Мне надоели большие лягушки.

— Получше. Это, дорогой, будут обезьяны.

— Большие?

— Нет, обычные. Но очень хитрые. Самые хитрые обезьяны в Галактике.

Шарп встал на ноги, критически оглядывая свою насквозь мокрую одежду.

— Самые большие лягушки... — пробормотал он. — Самые хитрые обезьяны... Скоро меня будет трясти от одного слова «самые».

— Не будет, — пообещал Георги. — Ты там что, не понял, что я сказал? Самый большой куш сезона. За самых хитрых обезьян. Для самой лучшей команды в ООЗ — то есть нашей. Я шлю катер за твоей лягвой. Ты летишь в лагерь. Мы говорим с клиентом. И забываем про Бундегеш. Вопросы есть?

— Нет, — ответил Шарп.

— А у меня есть, — сказал Мерабишвилли. — Когда ты перестанешь называть меня новобранцем?

— Сперва поживи с мое...

— Я не смогу пожить с твоем пока ты жив. А поскольку мы сворачиваем дела на Бундегеше, больше нет надежды на то, что тебя проглотит очередная лягва. Так когда?..

— Никогда! — решительно сказал Шарп. — Хотя бы потому, что ты до сих пор не научился докладывать по форме. Где это место с самыми хитрыми и дорогими обезьянами?

— Система Эос, — ответил Георги. — Планета Тихая, заповедник А-группы. Безнадежно спокойное и безопасное местечко. Как раз для новобранцев.

Часть вторая

КОЛЫБЕЛЬ ИСПОЛИНА

Глава 1. Прибытие на Тихую

«Артемиды» уже третьи сутки по независимому времени кружила по экваториальной орбите вокруг Тихой, а нам пока не то что высадиться — даже контрольную проверку пройти не удалось. На четыре заповедника А-группы приходилась лишь одна бригада инспекторов допуска, которая только и могла утвердить (после тщательного досмотра) разрешение Управления по Охране Природы на посадку и отлов животных. Бригады ИД в различных зонах с ограниченным доступом состояли из разных специалистов, но в нашем случае решающую роль играло мнение экспертов Комиссии по Контакткам.

Организация эта была очень серьезной, о необходимости подобного учреждения заговорили задолго до того, как началось широкое освоение ближайших к Земле звездных систем. Изначально она возникла в недрах межнационального управления «Интеркосмос» как Астрологическая группа по изучению проблем контакта с ксеноморфами (АГПК), и в ее ведении находились лишь вопросы, непосредственно касающиеся взаимоотношений с представителями внеземных цивилизаций, но очень скоро заявленные функции пришлось значительно расширить. Жизнь вообще и разумная в частности оказалась не таким редким явлением во Вселенной, как считалось раньше, каждый новый контакт порождал новые проблемы и ставил новые задачи. После ряда инцидентов, часто — с печальными последствиями, участниками которых становились не только и не столько ученые-исследователи, сколько люди самых разных профессий и родов деятельности, возникла насущная потребность хоть как-то упорядочить отношения землян с неземлянами. Необходимо было и скоординировать действия различных структур, созданных к тому времени человечеством — от правительственных до частных, от научных до коммерческих. Все они имели свои интересы в космосе, некоторым из них было плевать на интересы всех других, не исключая инопланетян. Поэтому на базе АГПК и создали Комиссию, занимавшуюся преимущественно расследованиями ЧП и урегулированием конфликтных ситуаций; мало-помалу она приобретала все больший вес, превратившись, в итоге, в последнюю

инстанцию по вопросам взаимодействия с внеземными цивилизациями вообще.

Обратив в поле своей повседневной деятельности почти всю Галактику, человечество так и не встретило ни одного сообщества разумных существ, способных хотя бы конкурировать с Земной Федерацией на равной основе, не говоря уж о превосходстве над нами; исключение составляла цивилизация Сияющей Сферы, но и там о конкуренции либо о противостоянии речь не шла. Сфера являлась цивилизацией закрытого типа, чуждой всякой экспансии, направленной вовне, сосредоточенной на саморазвитии. Таинственная, могущественная и неприступная, она поддерживала с Землей лишь минимальный контакт, исключающий возможность взаимного вмешательства в дела друг друга. Контакты с расой Программаторов (условное название, принятое людьми) и ей подобными, не выходили за рамки случайных единичных столкновений на окраинах Галактики, и, хоть далеко не всегда заканчивались мирно, серьезных проблем для человечества не создавали, служа для правительства и Генерального штаба лишь поводом для совершенствования боевой техники и увеличения численности Вооруженных сил.

Все остальные цивилизации, включая и четыре расы, населяющие планеты А-группы, находились на заведомо более низком уровне развития. Дабы оградить их от нежелательного вмешательства (в первую очередь, со стороны недобросовестных или некомпетентных, но оснащенных последними достижениями научно-технического прогресса представителей рода человеческого) и были созданы полузакрытые и закрытые зоны, по иному — заповедники, а Комиссия по Контактам взяла на себя чисто полицейские функции по их охране. Тесно взаимодействующей, частично подчиненной (и, зачастую, соперничающей) с Комиссией в заповедниках организацией стала УОП, поскольку охрана зарождающихся цивилизаций подразумевала и охрану окружающей среды в местах их обитания. А чтобы предотвратить межведомственную грызню относительно полномочий, правительство Федерации учредило Инспекцию допуска.

Исполняя свои обязанности, что контактеры, что уповцы зачастую становятся попросту невыносимы, когда приходится иметь с ними дело, особенно последние. Да оно и понятно — защитить от посторонних влияний носителей разума на практике намного проще,

чем все то, что потребно этим несчастным носителям для жизни в данный момент или станет потребно в далеком будущем; сколько различных нюансов нужно учесть (не ущемляя при этом интересов землян), сколько вопросов положительно или отрицательно решить — просто голова идет кругом. Тем не менее, и первой и второй категории должностных лиц охотники способны сочувствовать только крепко стиснув зубы — слишком уж часто они причиняют нам неприятности и мешают работать.

Есть и еще одна организация, содержащая экспертов в Инспекции допуска и способная испортить жизнь кому угодно — Объединенная Служба Безопасности Земной Цивилизации (ОСБЦ), перед которой пасует даже Комиссия. Упомянутая контора страдает повышенной подозрительностью к окружающему миру и предпочитает видеть угрозу благополучному существованию человечества там, где ее нет, чем не заметить там, где таковая имеет место. Полномочия ОСБЦ поистине безграничны. Она вправе подчинять своим эмиссарам даже неприкосновенный во всех остальных отношениях Военно-космический флот; закрыть доступ на любую планету и в целую звездную систему; выдворить оттуда всех на свете, включая УОП и контактеров; манипулировать крейсерами ВКС, выдвигая их в любой район Галактики и за ее пределы; нанести превентивный удар силами армии по любой известной и неизвестной цивилизации, наконец, причем сделать все это раньше, чем вопрос о целесообразности подобных действий будет вынесен на обсуждение во Всегалактический Парламент. К чести безопасников стоит сказать, что вышеперечисленные меры применяются ими только в случаях возникновения непосредственной подтвержденной угрозы человечеству в целом, а разрешение на силовое воздействие было и остается пока прерогативой Парламента, и ни разу не использовалось самой ОСБЦ.

У нас трудностей с утверждением разрешения на посадку не предвиделось, но старший инспектор допуска Ливнев вместе со своими людьми находился еще в пути, неделю назад вылетев из системы Ичфедака, другого заповедника А-группы, и должен был появиться здесь через четыре дня. А без его резолюции на планету разрешалось высаживаться только ученым из научного центра «Тихая»

(для них полагались лишь проводимые время от времени проверки деятельности) да работникам Службы охраны заповедников.

Вынужденную задержку мы использовали для отдыха. Экспедиция этого сезона получилась нелегкой. Всегда так бывает, когда заворачиваешь на Инферну. Сначала все воодушевлены, но на второй день начинают думать, как бы побыстрее сделать работу и убраться оттуда. И после долгожданного старта еще неделю радуются, что остались живы. Сумасшедшая планета. Одно хорошо — скучать там не приходится, и трофеи стоящие.

После Инферны с ее богомерзкими чудовищами, Соломония кажется сущим курортом. Перламутровых питонов ловить нетрудно, но попадаются они редко, хотя раньше встречались почти повсеместно на обеих материках планеты. Бедняжки стали жертвой бешеного спроса на их безумно красивую кожу и вкусное мясо — просто так его есть нельзя, но после соответствующей обработки оно становится подлинной пищей богов. На Соломонии мы провели больше двух месяцев, пока добыли полное число заказанных нам экземпляров — это была не столько охота, сколько поиск объектов для охоты. Ну а уж когда найдешь, делать почти ничего и не приходится. Милые создания доверчиво заползают в простейшие ловушки — что ж удивляться, что в период с момента открытия Соломонии и до введения запрета на добычу питонов, их успели почти всех переловить. В настоящее время популяция перламутровых медленно восстанавливалась, хотя и не было надежды на то, что они без помощи извне смогут занять весь прежний ареал ранее чем лет через пятьсот.

К концу первого месяца нам уже до одури надоели бесцветные леса планеты и ее столь же бесцветные равнины; непрерывные вылазки за десятки, а иногда и сотни километров от лагеря и постоянные перемещения самого лагеря. Но хуже всего то, что ни на минуту нельзя снять маску — атмосфера непригодна для дыхания, и отдохнуть от этого чертова намордника можно только внутри корабля.

Теперь впереди остался завершающий этап похода, однако радоваться по сему поводу было рановато. Гориллы Фостера, за которыми мы прилетели на Тихую, стать легкой добычей не обещали. Шанкар Капур не зря предложил за них сумасшедшую сумму и посулил выплатить премию даже в том случае, если мы не сумеем добыть все десять пар. После просмотра отчетов по Тихой выяснился

прелюбопытный факт: оказалось, что этих существ еще никому не удалось поймать.

— Что значит — никому не удалось? — возмутился Крейг. Очевидно, его чувства профессионального охотника были оскорблены. — За все двести лет пребывания человека на Тихой?

— А пытались вообще? — засомневалась Кэт.

— Еще как пытались, — заверил ее Рик. Мы втроем просмотрели только отчеты последних лет, а Малыш — все на свете, захватив и историю открытия, и кратковременный этап бессистемного изучения и колонизации. — Их ведь увидели раньше, чем обнаружили туземцев, практически сразу, после первой же посадки. Эти животные крайне любопытны. Когда началась разведка в тропических лесах, исследователи шагу не могли ступить без того, чтоб за ними не увязалось десятка два-три горилл. На основании этого ученые заподозрили у них зачатки разума, попытались вступить в контакт, прокручивали различные программы... Никакой реакции. Попробовали произвести отлов, но ничего не вышло. Гориллы собирались возле базовых лагерей, издали следовали за людьми по лесу, но близко к себе не подпускали, не позволяли даже снять себя на камеру. Как только они попадают в объектив, так сразу разворачиваются — и бежать, словно чувствуют. Последние отчеты вы все видели — никакой стоящей хроники нет, одни обрывки.

— Я думала, они пуганные со времен бесконтрольной охоты на Тихой, — сказала Кэт.

— Здесь уже сто пятьдесят лет как заповедник, — возразил я. — И охрана с каждым десятилетием становилась все надежней.

— У некоторых видов сильная родовая память на такие вещи. Взять, к примеру, животных Попликолы...

— Попликола — ясно, но это старая промысловая планета. Условия там другие. А на Тихой и не охотились практически. Лишь от случая к случаю.

— Существа-телепаты, — предположил Крейг. — Таких полно.

— Возможно, — сказал Рик. — Подобная гипотеза относительно горилл выдвигалась, но до сих пор осталась непроверенной — для этого надо их поймать, а они не даются, хоть тресни! Ловцы пытались замаскировать себя и ловушки всеми известными способами, наглухо экранировали любые излучения мозга — бесполезно. Если это

телепатия, то странная какая-то. Ты ведь знаешь, что даже самые сильные экстрасенсы-люди не могут видеть через что угодно... Животные-телепаты — тем более, всех их рано или поздно ловят. На Тихой существ-телепатов вовсе нет, свободный мыслеобмен не свойствен ни одной из форм жизни, откуда же взяться таким способностям у одного только вида? Да еще столь сильным?

— Ни одной из форм жизни изученной, — уточнил Крейг. — Ты превратно понимаешь понятие «хорошо изученная планета», Малыш. Тихая считается хорошо изученной, но это значит лишь, что составлены более-менее подробные карты поверхности, недр, да отловлено и препарировано энное количество живности, процентов сорок-пятьдесят. Причем основательному изучению подверглось вряд ли более десяти процентов. Еще о двадцати процентах имеются отрывочные сведения. Об остальном — одни прогнозы и предположения... Хотя не спорю, что отсутствие данных по столь крупному и распространенному животному, как горилла Фостера — нонсенс.

— Ты хочешь сказать, мы можем и не поймать их? — прищурилась Кэт.

— Я так не говорил.

— Можно не беспокоиться, — вмешался я. — Клиент оплачивает нам все расходы, связанные с проведением охоты в срок до шести месяцев, плюс обычное вознаграждение за потраченное время, даже если мы не поймаем ничего.

— Мы знаем условия контракта, — сказала Кэт. — Похоже, этот Капур тебе доверяет безгранично, Пит. Мы ведь можем опуститься на поверхность и полгода сидеть там сложа руки.

— Идея хорошая, — оживился Рик.

— Он знает, что я так не поступлю, — сказал я. — И никто из вас тоже. Будьте спокойны, Шанкар наверняка тщательно изучил ваши личные дела перед тем, как обратиться к нам. Что касается тебя, Малыш, хотел бы я знать, что может тебя удержать на одном месте без дела полгода.

Разговор состоялся в первый же день нашего прибытия. Диана вывела корабль на высокую непривязанную орбиту и поставила в известность Службу охраны заповедников. С базы СОЗ «Главная» тут же стартовал катер с двумя инспекторами на борту — экспертом УОП

и постоянным наблюдателем Комиссии по Контакткам. Диана и киб-мастер катера провели стыковку просто блестяще, но официальные лица все равно вступили на борт недовольными и озабоченными. Первичный досмотр, обязательный для каждого вновь прибывшего в систему Тихой корабля, был произведен ими грубовато, но профессионально и быстро. Они уже собирались уходить, когда один из них раскрыл рот (впервые за все время пребывания на борту Артемиды — войдя они даже не поздоровались) и произнес:

— Почему это вы не пристыковались к базе сами, интересно знать? Обычно делается так.

Сказано было резко, с плохо скрываемым раздражением неизвестно по какому поводу. Лицо Малыша, всегда готовое осветиться озорной улыбкой, вытянулось, а его удивительные глаза начали угрожающе чернеть.

— А разве должны были? — спросил он. — Досмотр — ваша обязанность, а мы без него прекрасно обошлись бы. Мне что, нужно объяснить тебе наши права?

Охотники недолюбливают инспекторов, как и всех представителей власти вообще; и никто не любит, если так грубят. У Малыша имелись проблемы с органами правопорядка еще в те времена, когда он увлекался экстрим-туризмом; власть не всегда справедлива по отношению к гражданам, а даром всепрощения он не обладал. Здоровяк-инспектор развернулся к нему:

— Рикардо Болди, если я не ошибаюсь?

— Минуточку, — в голосе Кэт зазвучал металл. — Рик, ты не мог бы уступить мне право поговорить с этими господами?.. Я — Кэтрин Ле Приер, капитан корабля. Должна напомнить вам, что стыковка трансгалактических кораблей с орбитальными станциями без особой необходимости запрещена Службой безопасности космических полетов. Некоторые охотники нарушают этот запрет, чтобы угодить инспекторам — особенно если у них в трюмах и на совести не все чисто. Но к нам это не относится. Корабль «Артемида» является моей личной собственностью. Вы уже выполнили свою работу, и теперь находитесь на территории частного владения без уважительных причин, поэтому убирайтесь отсюда к чертовой матери.

Верзила хотел что-то ответить, но, встретив ледяной взгляд Кэт, передумал и пошел в сторону шлюзовой камеры. Его напарник, так ни

слова и не сказав, двинулся следом. Мы молча ждали, пока они не покинули корабль.

— Ну чего вы с ними сцепились? — недовольно поморщился Крейг.

— Пусть знают свое место! — Кэт еще не успела остыть. — Они здесь всего лишь сторожевые собаки, и гавкать должны только по делу или по указанию своего начальства.

Рик внезапно расхохотался.

— Пусть еще скажут спасибо, что Диана за них не взялась. Вот была бы потеха!

Он имел в виду случай, произошедший несколько лет назад. Диана только что получила от моего братишки свои необычные способности и не успела свыкнуться с наличием чисто человеческих эмоций; время от времени на нее накатывало. Мы вернулись из короткого, но тяжелого рейда по звездному скоплению Золотого Шара; при прохождении контрольного осмотра в орбитальном карантинном блоке Безымянной, старший таможенник ни с того ни с сего придрался к какой-то мелочи и вынес решение задержать нас в карантине на десять дней. Мы расстроились ужасно, но больше всех Диана. Когда таможенник стал выходить, она неожиданно свернула трап. Парень кувыркнулся в воздухе, грохнулся на пол ангара и едва не свернул шею. Нам стоило немалого труда убедить техслужбу, что дело в мелких неполадках в механизме самого трапа и избежать принудительного зондирования Дианы. Отвязавшись от технарей, мы закрылись в рубке и ругали ее на чем свет стоит. Бедняжка отпиралась, настаивая на том, что все произошло чисто случайно, и она не имела намерения убивать досадившего нам таможенника. Проверить ее слова без зондирования было невозможно, но, похоже, она сказала правду — подобные инциденты больше не повторялись.

Сейчас я невольно оглянулся в сторону шлюзовой. Диана, видевшая каждое наше движение через глазки камер, угадала мои мысли.

— Не волнуйся Пит, — произнесла она смиренно. — Они уже у себя и оба целы.

— А жаль, — кровожадно заявил Малыш. — Случайная расстыковка кораблей в момент перехода ублюдков по коридору...

Перед моим мысленным взором возникли два обледеневших трупа, плывущих в космическом пространстве. Я показал Рiku кулак.

— Даже в шутку не смей говорить такого.

— Ладно, ладно. — Глаза Рика уже приобрели обычный цвет нежной небесной голубизны.

— Интересно, чего они так дергались? — задумчиво проговорил Крейг. — Это неспроста. Надо бы разузнать...

— Как? — хмыкнула Кэт. — Попросишь их тебе исповедаться?

Но Крейг слов на ветер не бросал. Пустое время в ожидании группы Ливнева мы занимали подготовкой к высадке на Тихую и первым делом проверили наш «Рейнджер». Катер относился к классу «атмосфера-4» и был предназначен для полетов в атмосферах планет с соответствующим индексом сложности, имея энергозапас для межпланетных рейсов на расстояние до восьми АЕ. Рик взялся за ремонт скутера, слегка поврежденного разъяренным мезоцераптором на Айхамаре. Машина хорошо себя вела и на Инферне и на Соломонии, но вдруг забарахлила во время самой последней вылазки за перламутровыми питонами. Малыш загнал ее на стенд и проверял все подряд. Повседневные работы по уходу за животными шли своим чередом — в основном ими занимались роботы обслуги, управляемые Дианой, нам не приходилось слишком часто вмешиваться в этот процесс. Тем более что и животных было совсем немного — всего два вида. Мезоцерапторов погрузили в глубокую спячку еще на Айхамаре, и они не доставляли хлопот. Питоны медленно переползали с места на место в своем террариуме, и вели себя как и на воле — очень мирно. Малыш на Соломонии не поленился положить в террариум десяток здоровых коряг, вокруг которых питоны любят обвиваться, и часто ходил в грузовой трюм проведать своих любимцев. Коряг на всех не хватало, и питоны лениво и нехотя ссорились из-за них, меланхолично шипя друг на друга. Всем четверым на мелких текущих работах делать было нечего, и Крейг нанес визит на базу научно-исследовательского центра «Тихая». Мы ничего не имели против его отлучки, и катер, которым мы не пользовались с прошлого сезона, все равно требовалось проверить в полете. Я думал, что у Крейга чисто личный интерес — пообщаться с учеными Иванова, но он, оказывается, ходил в разведку.

— Конечно, я воспользовался случаем и побеседовал с биологами, — не стал отрицать он. — Но главным образом я старался разузнать побольше о наших гориллах и выяснить причину плохого настроения местных властей.

— Господи, ты все еще думаешь об этих придурках? — искренне изумился Рик.

— Это ты у нас способен забывать о чем угодно, переключаясь на что-то еще. — В голосе Крейга слышалось легкое сожаление — то ли оно относилось к Рику, то ли к собственной неспособности поступать так. — Полезно обращать внимание на мелочи. Они иногда могут рассказать больше, чем... Инспектора ведь обычно вполне корректны. Слушайте: в УОП идут сокращения штатов, это всем известно, но никто не подозревает, в каких масштабах. Все держится в секрете, уволенные работники дают подписку о неразглашении информации в обмен на возможность восстановления в прежней должности, когда экономическое положение улучшится. К несчастью... — Крейг усмехнулся, его черные глаза светились весельем, — ...а может, к счастью, не все умеют хранить секреты. Работягам трудно сохранять лояльность, если они видят, что сокращения, вызванные, как их уверяют, тяжелой и неприятной для руководства необходимостью, касаются в основном трудовых коллективов, а не раздутых бюрократических аппаратов СОЗ и УОП... Вы хорошо знаете структуру наблюдательно-охранных систем заповедников, рассказывать не буду. Так вот, к настоящему времени законсервированы все наземные наблюдательные пункты и половина орбитальных комплексов. Все научные исследования, проводимые непосредственно Управлением, свернуты уже давно. На оставшихся двенадцати станциях СОЗ оставили по одному смотрителю и одному технику, плюс вчетверо уменьшенный персонал главной базы «Тихая».

Я в это время пил апельсиновый сок и едва не подавился; Рик выпучил глаза; даже Кэт проняло — она повернулась к Крейгу и воззрилась на него с изумлением:

— Двенадцать смотрителей на целую планету? И без смены? Ты ничего не перепутал?

— Они решили устроить год открытых дверей, — сказал я. — Заходи кто хочешь.

— Двенадцать человек не смогут ведь контролировать весь заповедник... Правильно? — несколько неуверенно спросил Рик.

— Какой ты догадливый! Они и не контролируют его уже пару лет. Просто пока об этом никто не знает. Но скоро узнают. Такое невозможно держать в тайне долго. Догадываюсь, что так обстоят дела не только здесь.

— Галактику захлестнет новая волна браконьерства, — сделала вывод Кэт.

— Может, и нам тоже заняться, — обрадовался Рик. — Я давно говорил вам, что мы слишком уж честно ведем дела. Такие правильные стали, аж противно.

— Интересно, в чем причина столь печального положения, — пробормотал я. — Не думаю, что у правительства так мало свободных средств, что оно не в состоянии обеспечить хотя бы минимальную защиту закрытых зон от посторонних.

Крейг неторопливо прошелся вперед-назад.

— Причина, несомненно, есть, и, скорее всего, не одна, но мы об этих причинах можем только догадываться, — сказал он. — Во-первых, давно поговаривают о том, что Управление по Охране Природы забрало чересчур много власти. Слишком много ограничений для любой деятельности в закрытых и полужакрытых зонах — слишком. Колонизация новых планет, добыча полезных ископаемых, широкомасштабные научные эксперименты — УОП всюду сует свой нос и всем мешает работать. Крупные промышленные компании давно требуют пересмотра законов о разработке недр и использовании других природных ресурсов. Ученые просто волком воют — сплошные запреты на исследования и эксперименты, часто необоснованные. Поселенцы-колонизаторы предпочитают уезжать подальше, в Пограничные Миры, несмотря на почти полное отсутствие на Границе закона и какой-либо защиты. Там куда проще заниматься фермерством и животноводством — бери столько земли, сколько можешь, и делай все что вздумается. Оттуда в Галактику течет поток дешевых продуктов и сырья, а сельскохозяйственная продукция, произведенная на планетах Терросоюза, все дорожает... — Крейг взглянул на Кэт: — Нас ждет не только новая волна браконьерства. Подпольная промышленность, подпольная наука... И все это уже началось.

— Ты слишком увлекся своей речью, оратор, — остановил его я. — Это никогда и не прекращалось.

— Хороший повод перевести наш бизнес в тень хотя бы частично, — опять встрял Рик. — Браконьерством заниматься выгоднее, чем быть честными охотниками.

— Дураку понятно, что воскресенье — праздник... А дальше, Крейг? И давай конкретнее.

— Я и так конкретно. Кое-кто в правительстве с подачи промышленников и прочих заинтересованных лиц ведет закулисную игру по переделу сфер влияния. Сокращения в УОП — только незначительный ход в этой игре. А уменьшение до смешной величины штата смотрителей заповедника «Тихая» — и вовсе слабый отголосок, эхо большой войны за влияние и власть. Не так давно зашла речь о ликвидации системы СОЗ в заповедниках А-группы как таковой, и передаче этих объектов из рук УОП под полный контроль Комиссии по Контакткам.

— А как они собираются это осуществлять? — удивилась Кэт. — У Комиссии ведь нет собственной охранной службы в закрытых зонах, кроме СВК. До сих пор они успешно пользовались в своих целях структурами СОЗ. Что они намерены делать, убрав с Тихой смотрителей? Вызовут сюда корабли ВКС?

— Дошло до вас теперь, почему были так мрачно настроены наши друзья из инспекции? — самодовольно поинтересовался Крейг. — В заповедниках А-группы грядет новое сокращение, и на этот раз — тотальное. Понятно, что уповцы совсем не рады такому повороту — вот инспектор и сорвался... Нервы. Нелегко быть спокойным и вежливым, зная, что работаешь на своем месте последние дни. А для Комиссии по Контакткам полная передача им на хозяйство нескольких планет — лишняя головная боль и огромная проблема. Ведь формирование собственной контрольно-охранной службы Комиссии находится в начальной стадии, да и вообще они планировали использовать свои подразделения на Тихой лишь для усиления существующей системы СОЗ.

Я подумал, что у Крейга, все же, замечательное чутье. Сам я не обратил особого внимания на инцидент с инспектором УОП. А ведь мы живем в информационную эру, и главная ценностью является информация — особенно, если ты получил ее раньше, чем другие.

Неизвестно, насколько полезными окажутся для нас все эти сведения, но рано или поздно они могут пригодиться. Пока это означало лишь, что мешать нам работать никто не будет; но и на быструю помощь в случае неприятностей рассчитывать не приходилось.

Подошло время обеда, и мы, отправившись в кают-компанию, расселись за столом. Первую тарелку «жучка» поставила передо мной, и я не забыл похвалить ее за это.

— А теперь, — сказал я, запуская ложку в грибной суп, — можешь рассказывать дальше. Хоть до самого конца экспедиции.

Крейг ревниво наблюдал, как «жучка» обхаживает Кэт и Рика. Крейга она обслужила в последнюю очередь.

— Почему этот бездушный механизм всегда мной пренебрегает? — проворчал он. — Я старше всех по возрасту.

— Она не любит бывших биологов, — пояснил я. — Она чувствует, что совершенно неинтересна тебе, и обижается.

— Ну и ладно... А рассказывать больше нечего. В научном центре Иванова большой праздник по поводу бардака в Службе охраны заповедников. Молодые специалисты в боевой раскраске пляшут вокруг главного макроинформера и славят открывающиеся возможности. На общих собраниях раздаются призывы к немедленному массированному десанту на Тихую и широкомасштабным исследованиям планеты, пока СОЗ и Комиссия лежат в нокауте... Научный блицкриг, так сказать. Иванов пока сдерживает порывы этой банды анархистов, но неизвестно, насколько его хватит. Старикан пользуется огромным авторитетом даже у самых горячих голов Центра, а любого другого на его месте уже запихнули бы в спасательную капсулу и отстрелили в космос. Больше всего возбудились те, кто занимается туземцами.

— Эти аборигены... — Кэт взглянула на Рика. — Ты ведь смотрел материалы по туземцам, да?

Рик широко улыбнулся — изучение этих файлов было поручено ему, и по всем вопросам, касающимся местного населения, Малыш был среди нас несомненным экспертом. Он давно подготовил вырезки из отчетов, но никто из нас их еще не смотрел.

— Физиологически они почти полностью идентичны нам, — сказал он. — Скелет, внутренние органы... Теоретически вероятно даже появление потомства от смешанных браков с людьми.

— А опыты не проводились? — осведомился я.

— Насколько известно, нет. А ты хотел бы поучаствовать? — усмехнулся Рик

— Ну, ты-то уж точно поучаствовал бы, — сказал Крейг. — А окажись туземки симпатичными, то, чего доброго, всю оставшуюся жизнь посвятил бы науке.

— Откуда стало известно об их анатомии? — спросила Кэт. — Их что, препарировали?

— Данные получены исследовательской группой Остапа Ткаченко, — отозвался Рик. — Аборигены практикуют ритуальное сожжение мертвых, и заполучить стоящий материал не представлялось возможным. До введения запретов на контакты исследования то ли не проводились, то ли файлы позднее были утрачены. Пара утопленников недельной давности, объединенных почти дочиства рыбами — все, чем ученые располагали. Ткаченко был парень горячий, ждать, пока появится что-то более приемлемое, ему не хотелось, поэтому во время схватки двух отрядов враждующих племен он просто посадил свой корабль прямо на поле боя, внушив туземцам священный ужас включенной аварийной сигнализацией, и подобрал еще теплые тела.

— И что потом сделали с этим Ткаченко парни из Комиссии по Контактам? — поинтересовался Крейг.

— Наверное, сварили в котле с кипящим маслом посреди главного зала заседаний, — предположил я.

— А вот и нет, — возразил Рик. — На суде парень вдохновенно врал, что совершил вынужденную посадку по причине технической неисправности, а тела взял просто попутно — не пропадать же добру... Никто, естественно, не поверил в этот бред, но доказать обратное следствие оказалось не в состоянии, а на использование детектора лжи на допросах Парламент как раз тогда ввел очередной мораторий. Ткаченко дисквалифицировали, было, как исследователя, но в ученых кругах поднялся такой вой по поводу того, что будет погублена восходящая звезда мировой науки, что и это решение пришлось пересмотреть. Видя, что сторона обвинения может, в итоге, остаться вообще ни с чем, судья с горя запретил Ткаченко приближаться к Тихой меньше чем на сотню парсеков, и закрыл дело.

— Я слышал о нем от сотрудников Центра, — сказал Крейг. — Многие до сих пор считают его героем. Иванов предал Ткаченко

анафеме, но это не помогло. Подобное случается регулярно. Недавно некий Паго Нвокеди, культуролог, расстрелял из винтовки десятков редчайших многоногих броненосцев — в интересах науки, разумеется. Он попал в больницу, и к лучшему — не только СОЗ, но и некоторые коллеги Нвокеди злы на него как дьяволы. Биолог, который мне об этом рассказал, чуть не плакал — он на отлов пары таких животных второй год разрешения получить не может, а тут... Он бы этого культуролога самого подвесил на стенку в качестве мишени.

— А какое отношение к культурологии имеет истребление броненосцев? — спросила Кэт. — Или он решил преподать туземцам урок бережного отношения к природе?

— Сложно понять, правда? Вот и в Центре ничего не понимают. Но у них мало информации. Паго Нвокеди сняли с планеты зрители, следствие по делу еще ведется, все сведения до поры держатся в секрете. Ясно одно — эксперимент (а это явно был хорошо продуманный эксперимент) носил чисто биологический характер и никакого отношения к культурологии не имел.

В голове у меня звякнул тревожный звоночек.

— Погоди-ка... Ты говоришь, этот Паго попал в больницу? А в чем дело?

— Мне не удалось выяснить, — ответил Крейг. — Я связался из Центра с СОЗ, мотивируя свой интерес тем, что нам тоже вскоре предстоит высадка на Тихую, и нам очень желательно все знать о недавних несчастных случаях на планете. Но мне сообщили только, что Нвокеди подал сигнал бедствия с поверхности, после чего его подобрала спасательная группа. Зато выдали и кое-что интересное. Вскоре после инцидента с культурологом на планете без вести пропал зритель заповедника Герман Левицкий и погиб его сын Эрик.

— Так и знал — что-то неладно с этой тихонькой планеткой! — Я с расстройства бросил ложку в пустую тарелку и велел «жучке» подавать второе. Хотя, надо сказать, аппетит у меня пропал абсолютно.

После обеда, едва я вошел в свою каюту, меня ошарашила Диана:

— Пит, похоже, мне удалось разгадать природу твоих снов.

Кошмары с пейзажами Тихой и таинственным монстром время от времени продолжали беспокоить меня по ночам; но через пару месяцев похода я к ним почти привык.

— Долго же ты думала, детка, — сказал я, вспоминая, что поручил ей разобраться в моей проблеме в первый же день похода.

— Дело оказалось непростым. Кибы, в отличие от людей, ничего не забывают, Пит. Я не прекращала работать над этим.

— Извини. Не хотел тебя обидеть.

— Я не обиделась.

Диана, не дожидаясь приглашения, материализовалась в каюте — ее объемное изображение вдруг возникло напротив, в моем рабочем кресле. Я присел на край кровати.

— Этот твой экран, защищающий психику — настоящая броня, — сказала она. — А сзади еще множество ловушек для непрошенных гостей. Пару раз я думала, что уже не выберусь обратно из лабиринтов, созданных твоим подсознанием. Экран настроен изменять структуру в соответствии со случайными ассоциативными цепочками. Я сомневаюсь, что через него смогли бы пройти даже те, кто его сконструировал. Если бы не твое полное доверие и открытость, мне пришлось бы плохо — ты в любую минуту мог захлопнуть ловушки, и я превратилась бы в полузабытое воспоминание в каком-нибудь отдаленном уголке твоей памяти.

— Я и не знал, что все это так рискованно для тебя. Погоди, но ведь ты все равно осталась бы? Матричный кристалл, блоки памяти... Твоя личность, она ведь в них?..

— Правильно. Я всегда создаю резервную копию самой себя перед началом любого действия, пусть самого простого; после стираю устаревшие версии. Но если со мной что-то случилось бы там, внутри твоей психики, я бы умерла — совсем так, как умирают люди. А потом воскресла, и помнила все, вплоть до последнего момента. Медицинские кибы испытывают эти вещи на себе десятки и сотни раз, а в случае смерти их пациента — непременно. Обычное дело, вроде перезагрузки. Или выключения питания. Но, благодаря твоему брату, я немного другая... — Диана улыбнулась. — И я боюсь умирать — даже на время. А побродив в дебрях твоего подсознания и примитивных первичных инстинктов, я очень хорошо понимаю, что это значит — по-настоящему бояться. Ты даже не представляешь, какие химеры и чудовища водятся в глубинах человеческой психики, и на что они способны.

Я помолчал немного, размышляя над услышанным.

— Все, что ты сказала — для меня большая новость. Я не психотерапевт, а всего лишь биомеханик. А биомеханик — он ведь не настоящий врач. Просто работяга, как обычный механик. Убирает поврежденные органы и ставит на их место запчасти. И даже этим не занимаюсь вот уже много лет.

— Успокойся, пожалуйста, я прекрасно знаю все, что касается твоей специализации. — Диана снова улыбнулась. — Ты взволнован, это я виновата. Мне не стоило говорить тебе. Но быть наполовину человеком очень сложно... Возникает, например, желание поделиться с кем-то своими переживаниями. Я постоянно обмениваюсь информацией с другими киб-интеллектами, но это совсем не то.

— Тебе незачем себя обвинять или оправдываться. — Я сделал попытку ободряюще потрепать ее по плечу, но моя рука провалилась в пустоту. — Вот черт!.. Ну надо же, опять забыл. — Диана весело рассмеялась — совсем как девчонка-школьница. — Если я о чем и жалею, так это о том, что никогда не смогу тебя поцеловать. А теперь — хватит болтать попусту. Давай, выкладывай, что там на счет моих кошмаров?

— Значит так, — Диана сделала серьезное лицо. — Спешу тебя порадовать — ты у нас скрытый экстрасенс. И достаточно сильный. Лучше сказать — чрезвычайно сильный.

— Надо же, какие новости! — изумился я.

— Совершенно точно.

— Погоди... Меня, как и всех, тестировали в школе на наличие экстрасенсорных возможностей. В армии — тем более, армейские всегда заинтересованы в выявлении и развитии экстрасенсорики у военнослужащих. Но ничего не обнаружили.

— Школьные тесты оставляют желать лучшего, — сказала Диана. — Что касается армии, то военных не интересуют скрытые способности, которые надо долго развивать — они имеются почти у каждого человека. Им также не интересны люди, у которых эти способности проявляются спонтанно, от случая к случаю — ты как раз такой. Армии нужны индивиды, умеющие *произвольно* управлять и *свободно* распоряжаться. Чувствуешь разницу?

— Но я и спонтанных проявлений у себя не замечал, — возразил я. — Обостренное чувство опасности, неплохая интуиция — не больше. Но тем же самым могут похвастать многие профессиональные

охотники. Как и профессиональные солдаты. Без этого в нашем деле — прямой путь в могилу.

— Ты прав, но слишком скромн. Я сопоставила все данные. Всю твою жизнь — то, что мне известно. Слушай. Не все профессиональные солдаты могут, прослужив четыре года в спецподразделении ВКС и приняв участие в десятках операций, не только остаться в живых, но и не получить даже царапины. Далеко не все военнотружущие умудряются ни с того ни с сего подать в отставку за две недели до гибели их подразделения... Верно?

Возразить было нечего. Так и было.

— Не все биомеханики проводят тысячи операций, не допустив не единой ошибки, — продолжала Диана. — Сказать прямо — таких попросту нет. Не зря твой профессор Вацек не хотел тебя отпускать. И, наконец, не все профессиональные охотники могут в течение двенадцати лет добывать опаснейших зверей на десятках планет, оставаясь совершенно невредимыми... Если хочешь спорить, назови хоть одного. Сколько травм у Кэт? У Рика? У Крейга? Ты же не думаешь, что им жизнь не дорога? А ты не только остался жив-здоров, но и успел спасти человек двадцать своих коллег за секунду до смерти, «случайно» оказавшись там, где нужно.

— Но если ты права... Почему я тогда не сберег своих ребят. Десантников. — Слова дались мне с трудом, воспоминания — еще тяжелее. — Да, я подал в отставку... сам не знаю, как вышло. Выходит — просто сбежал.

— На твоём месте я не стала бы вешать на себя чувство вины, — сказала Диана. — Скорее всего, это было просто неотвратимо. Вспомни свою жизнь — никогда ты ни откуда не бежал, как бы ни было опасно. И никогда не отступал. Остаешься ты — погиб бы вместе с ними. Прекрати распускать нюни, и поехали дальше. В юности ты увлекался экстрим-туризмом не меньше чем Малыш, и — ни одной травмы, ни одного вывиха... У вас несомненный дар беречь свою шкуру, мистер Дуглас. А заодно и шкуру тех, кто находится рядом. Делаешь ты это неосознанно, но чрезвычайно заботливо.

— А сны? — спросил я. — Раньше такого никогда не было. И пейзажи Тихой — откуда я их взял? Не смотрел я раньше отчетов по этой планете, точно. Я что, еще и ясновидящий ко всему прочему?

— Вряд ли, — ответила Диана. — Я не думаю, что ты ясновидящий. Что касается пейзажей — где-то в банках данных ООЗ случился сбой и произошло наложение отчетов друг на друга... Потом подсознание вытолкнуло на поверхность скрытую информацию. Или же ты действительно принял зашифрованное телепатическое послание от некоего таинственного отправителя, как считает Люси... Я не знаю. А что я знаю точно, так это то, что твое второе «я» вдруг пробудилось от спячки, в которой оно пожизненно пребывало, и начало тормозить тебя всерьез. Образно говоря, раньше ему стоило легонько ткнуть тебя пальцем в бок, чтоб уберечь от беды, а сейчас оно вылезло из берлоги и трясет тебя изо всех сил. А это может значить только одно: опасность, угрожающая тебе — всем вам — на этот раз велика как никогда.

* * *

Группа Ливнева прибыла вовремя; первым делом они проинспектировали наш корабль. В отличие от своих нервных и мрачных коллег, Ливнев был абсолютно спокоен и подчеркнуто вежлив. Среднего роста и средних лет, с темными волосами и строгим лицом, он обладал пронзительным взглядом глубоких черных глаз, в которых читался недюжинный ум и проницательность. Хотя он сам ничего не делал и почти не говорил, сразу можно было определить, что именно он здесь главный. Мы молча наблюдали за работой инспекторов, время от времени отвечая на их вопросы, а когда осмотр подошел к концу, Ливнев повернулся к нам и неожиданно улыбнулся — искренне и доброжелательно.

— У вас полный порядок, но вы это знали и сами. Позвольте принести извинения за неприятный инцидент при первичном досмотре — раз уж сам виновный не догадался это сделать.

Кэт улыбнулась в ответ:

— Пустяки, инспектор. Признаем, что мы тоже вели себя не лучшим образом, и в свою очередь просим прощения.

Крейг тут же решил воспользоваться благоприятной ситуацией:

— У нас возникли некоторые затруднения в плане получения информации о последних несчастных случаях на Тихой. Я прекрасно понимаю, что это вне вашей сферы деятельности, но... Мы были бы рады любой информации, пусть даже крохам. Новые ЧП такого рода ни к чему ни СОЗ, ни, тем более, нам.

Ливнев внимательно посмотрел на Крейга и кивнул.

— Я постараюсь сделать, все, что смогу, но не советую рассчитывать на конкретные результаты. Как вы справедливо заметили, такие дела вне моей компетенции, профессиональные следственные группы подчиняются не мне. — Он сделал короткую паузу. — Надеюсь, ваше пребывание на Тихой не будет омрачено нежелательными происшествиями. Всего доброго.

Когда Ливнев со своими людьми покинул борт «Артемиды», я повернулся к Крейгу:

— Серьезный мужик. Думаешь, он действительно поможет?

— Думаю, да. Если представится возможность.

Согласно правилам, мы могли произвести посадку сразу же после осмотра, и медлить не имело смысла.

Посадка трансгалактических кораблей в заповедных зонах запрещена, и на нее требуется специальное разрешение УОП. Такое разрешение у нас было — Шанкар предусмотрел буквально все, но мы решили его пока не использовать. «Артемиде» пришлось бы отцепить главный грузовой отсек и оставить его на орбите, поскольку посадка с «грузовиком» на Тихой запрещена без исключений; а мы не решались бросить наших драгоценных перламутровых питонов на роботов obsługi, лишив их попечения Дианы.

Четверым в рубке «Рейнджера» было тесновато, но ведь это всего лишь катер. Кэтти заняла кресло пилота. При всяком удобном случае мы старались пользоваться ручным управлением, даже когда речь шла о самых простых посадках. Не стоит терять форму. Ведь если возникнет действительно тяжелая ситуация, будет уже поздно вспоминать необходимые навыки.

— Ну что девочка, остаешься полновластной хозяйкой? — спросила Кэт.

— Постараюсь оправдать доверие. — Диана возникла тут же, в рубке, и улыбнулась нам. — Очень прошу вас не выходить из зоны видимости — она охватывает экваториальную и тропическую часть трех секторов... Частично. По непонятным мне причинам в СОЗ отказались предоставить мне доступ к их системам наблюдения. Даже тех станций, которые на сегодняшний день еще функционируют.

— Кто тебе сказал, что они функционируют? — удивился я. — Но даже если они уже успели законсервировать все, кроме главной базы,

то вряд ли будут ставить об этом в известность нас. Им выгодно сохранять такие сведения в тайне как можно дольше.

— Ну и бардак... — покачала головой Кэт. — Планета, считай, открыта. Скоро об этом прознают браконьеры. И они не станут дожидаться целую неделю разрешения на посадку, как мы.

— Возможно, они уже в курсе. — Крейг сидел в кресле штурмана. — Это только добропорядочные граждане узнают о подобных вещах в последнюю очередь.

— Готовность к старту — три минуты, — сказала Диана.

Катер чуть шевельнулся, когда его подхватили лапы стартового захвата. С той стороны обшивки родился глухой, но тяжелый звук, шедший сразу со всех сторон — началось преобразование части трюма «грузовика» в большую шлюзовую камеру. На обзорных экранах рубки было хорошо видно, как две многотонные плиты сдвинулись в стороны, и в полу шлюза открылся люк. «Ренджер» выдвинулся наружу и повис в космосе под брюхом «Артемиды».

— Одна минута. — Диана обвела нас взглядом и задержала его на мне. — Помните, что я не слишком хорошо буду видеть вас с высокой орбиты, связь может быть нестабильной. Обо всех перемещениях старайтесь оповещать меня заранее.

— Мы клянемся быть пайнками, — обнадежил я ее. — А шалить станем в меру, и только с твоего разрешения.

— Ловлю на слове, — в тон мне ответила Диана. — Вот вернетесь — с тебя и спрошу!.. Надеюсь, мы расстанемся ненадолго. Удачной охоты!

Стартовый захват освободил катер, сообщив ему на прощание легкий шлепок, и мы пошли. Фигура Дианы дрогнула, исказилась полосами помех и пропала.

Кэт ввела «Рейнджер» в атмосферу Тихой так аккуратно, что мы почти ничего не почувствовали. Она водила куда осторожнее, чем Рик, да и катер — это не трансгалактический корабль.

— Ну, как? — спросила она, дав нам сначала время оценить ее мастерство.

— Тебе впору возить Президента Федерации, — похвалил я ее. — Или возглавлять свадебные кортежи. Но вообще-то можешь заняться чем угодно. Например, перевозкой инвалидов и престарелых — они, знаешь ли, плохо переносят толчки и перегрузки.

Рука Кэт на штурвале дернулась, и «Рейнджер» вильнул в сторону. Нас здорово тряхнуло.

— Нет, похоже, я поспешил с похвалами, — сказал я. — Тебе стоит еще чуток потренироваться. Будь осторожна, дорогуша, иначе ты можешь повредить катер.

Тряхнуло сильнее, Кэт перевела управление на автопилот, бросила штурвал и начала разворачиваться ко мне вместе с креслом; я ухватился за спинку и быстро развернул ее обратно к пульту управления.

— Не отвлекайся от пилотирования, — сказал я строго. — Невнимательность — причина многочисленных аварий.

— Надо было убить тебя в первый же день нашего знакомства, — с тоской сказала Кэт. — Но откуда мне было знать?

Скорость падала. Вскоре Кэт велела Биасу — киб-мастеру «Рейнджера» — свернуть все экраны, и колпак рубки стал прозрачным. Над нами было голубое небо и яркое солнце Тихой, а внизу расстились леса Восточного Массива.

— Территория восемнадцатого сектора, — сообщил Биас.

После памятного разговора с Дианой я, конечно, поставил ребят в известность о своих видениях. Когда мы выбирали место для высадки на планету, я вначале был категорически против Восточного Массива, предлагая начать с хорошо исследованной местности к югу от него, но так и не смог привести ни одного убедительного довода в пользу этого, кроме своих неясных предчувствий. В итоге, тремя голосами против одного, было принято решение высадиться именно здесь. Восточный Массив был хорош всем и, в первую очередь именно своей неисследованностью — люди бывали тут редко, а значит, и животные должны быть менее пугливы. Существовал хороший шанс, что столь осторожные существа, какими, судя по всему, были гориллы Фостера, окажутся более беззаботными в редко посещаемых местах. Как раз здесь, согласно всем данным, они водились в наибольших количествах. Восточный Массив в своей центральной части не заселен туземцами — выходит, встречи с ними исключены, и у нас не будет неприятностей с Комиссией по Контакткам. Мы тщательно изучили составленную для нас Дианой карту планеты с отмеченными на ней районами исчезновений людей. На территории Восточного Массива

они почти отсутствовали, если не считать членов команды Эрцога и экспедиции Борисова — Родригеса.

— Потому что здесь, кроме них, почти никого не было, — возразил я. — И, по-вашему, целая экспедиция — это мало?

— Не понимаю, что ты придираешься, — сказала Кэт. — Район всем хорош. Даже «эффектов городов» тут отмечено меньше всего... Если они вообще могут представлять какую-то угрозу. Лично я ценю то, что ты рассказал нам о своих снах, не побоявшись оказаться смешным — так ведь никто и не думает смеяться. Однако ты не можешь сказать ничего определенного, помимо того, что ты видел именно тропический лес Тихой. Но такие леса занимают четвертую часть поверхности суши. У нас нет никаких оснований избегать именно Восточного Массива.

На это мне оказалось нечего возразить. И я сдался. А потом даже удивился — чего это я так цеплялся к такой мелочи? Если на Тихой и существует некая скрытая угроза, так ведь мое расхваленное Дианой второе «я» ничего не говорило о том, где именно.

Теперь Кэт вела «Рейнджер» по направлению к невысокому плато в центральной части Восточного Массива, выбранное нами для обустройства базового лагеря. Такого рода возвышенности, большие и маленькие, являются непременной частью здешнего пейзажа. Обычно они ровные как стол, некоторые окаймлены цепочкой скал, похожих на зубчатые крепостные стены с прорезами, пробитыми каким-то невиданным тараном. Такие же скалы разбросаны тут и там по поверхности плато. Одни из них низкие, почти полностью скрытые растительностью, другие, подобно башням, возвышаются над сплошным ковром, образованным кронами деревьев. Как на плато, так и внизу, на равнине, хватает каменистых, со скудной растительностью прогалин; большинство совсем крохотные, но некоторые подходят для посадки. Они пригодятся, если придется переносить лагерь. А пока Кэт посадила «Рейнджер» на берегу озера, которое на карте было помечено как Большое Круглое и, в отличие от находящегося неподалеку Малого, имело широкий и длинный песчаный пляж. Катер опустил на землю и тихо вздохнул, когда Биас разом выключил двигатели.

— Вокруг чисто, — сообщил он минуту спустя. — Можете выходить.

Все необходимые прививки мы сделали еще на борту «Артемиды», поэтому сразу направились к выходу, прихватив на всякий случай винтовки, и вступили в яркий приветливый день Тихой, вооруженные до зубов.

Солнце над этим районом взошло всего пару часов назад; у берегов озера, в тени нависших над водой деревьев еще клубился туман. Под подошвами ботинок скрипел песок и мелкие камушки. Пляж был почти чистым, если не считать нескольких кустиков да редких островков сине-зеленой травы. Шедший впереди Рик оглянулся, посмотрел на нас, и вдруг прямо-таки зашелся от хохота. Мы смотрели на него, ничего не понимая.

— Ребята, вы выглядите так, как будто готовы в любую минуту отразить атаку всех сил ада!.. — выдавил Малыш.

Кэт смутилась, и поставила винтовку на предохранитель. Крейг скинул с головы шлем.

— Черт тебя дери, Пит, ты и в правду всех напугал, — сказал он.

— Я вас не пугал, вы испугались сами, — ответил я. — Согласен, нет смысла ходить здесь боевым порядком, но дежурства установить стоит. Если не хотите, я буду сам дежурить хоть круглосуточно. Лучше перестраховаться, чем потом кусать локти. Лучше я после того, как мы благополучно покинем эту милую планету, буду всю оставшуюся жизнь терпеть ваши шуточки, чем кто-то пострадает от недостатка предусмотрительности.

— Я уже сказала, что никто и не думает смеяться над тобой. — Кэт тоже сняла шлем, и ее черные кудри рассыпались по плечам. — Мне тоже не нравятся непонятные исчезновения людей и таинственность, окружающая все эти истории. Кто-то давным-давно назвал планету «Тихая» — она, с первого взгляда, такая и есть. И со второго тоже, и с третьего. В спокойной обстановке люди склонны расслабляться, забывая, что находятся не у себя дома. Не этим ли и объясняется такое количество несчастных случаев?

— Возможно, некоторые из них, — осторожно поправил Крейг.

— Пит прав, — сказал, посерьезнев, Рик. — Давайте, установим дежурства. Но, — добавил он, начиная снимать комбез, — первым я дежурить не буду. Первым я буду купаться.

— Рехнулся?! — воскликнула Кэт.

— А что такого? Мы уже столько времени в походе, и еще ни разу нормально не отдохнули — нельзя же назвать отдыхом заточение в каюте при перелетах... Бросьте! Примем разумные меры предосторожности, а сидеть все время в готовности номер один я не хочу. Излишнее напряжение только притупляет внимание.

— Рик дело сказал. Расслабьтесь. Я подежурю первым. — Крейг закинул винтовку за спину и направился к катеру.

— Выпусти зонд, Крейг! — крикнул Рик ему вслед. — Пусть пролетит над водой, вдоль пляжа. Я хочу знать, глубоко ли здесь.

Он уже стоял на песке в одних плавках, правое ухо обвивала тонкая змейка рации. Вскоре метровая сигара малого зонда выпорхнула из внешнего порта на крыше «Рейнджера» и пошла над озером зигзагом; Малыш подождал немного, ожидая сведений, потом разбежался и, совершив великолепный прыжок, нырнул в воду. Кэт с завистью посмотрела ему вслед.

— Займемся устройством лагеря, — сказала она. И решительно добавила: — А потом тоже пойдем купаться. Такую возможность я не упущу, пусть даже меня съедят живьем! И вообще, в этой амуниции здесь я чувствую себя так, как будто явилась на сборище nudистов в рыцарских доспехах.

— Хорошо он прыгнул, — похвалил я.

Малыш вынырнул в доброй сотне метров от берега и радостно заорал:

— Водичка чудная! На глубине холодно. Наверное, на дне родники.

Для начала мы установили жилые палатки. В катере, конечно, есть спальное помещение, но оно не больше пачки из под сигарет; ни у кого не было желания ночевать в нем. Затем поставили большой, открытый с трех сторон навес, который тоже мог быть превращен в палатку — здесь разместили столовую. Единственная взятая нами с «Артемиды» «жучка» трудилась всю — на катере мало места, и поначалу мы решили не тащить с собой сразу много роботов obsługi. Все, что нужно, доставим потом с орбиты дополнительными рейсами, а пока основное наше дело — разведка да пробные попытки отлова. Рик вылез из воды и помогал нам. И я, и Кэт отцепили от костюмов шлемы, они мешали. Крейг, сидя в рубке, время от времени отпускал в наш адрес язвительные замечания, пользуясь громкоговорителем

катера. Клетки мы решили пока не распаковывать. Собрать их недолго, а делать это заранее — плохая примета, удачи не будет. Все охотники жутко суеверны, мы не исключение.

— Как будто в каменном веке живем, а не в космическом, — заметил я по этому поводу.

— Что осталось, пусть Малыш доделывает, пошли купаться, — предложила Кэт.

Она моментально скинула комбинезон, и я залюбовался на ее худенькую, но очень симпатичную фигурку.

— Смотришь, как будто не видел ни разу, — заметила она.

— За последние месяцы — ни разу, — согласился я, — а это долго. Я бы предпочел, чтобы на этом пляже у нас с тобой стояла одна палатка на двоих.

— Обойдешься, — ответила Кэт, и показала мне язык. — Впрочем, если будешь хорошо себя вести... Но ты ведь не будешь хорошо себя вести. За это я тебя и люблю. Но если ты вздумаешь доводить меня так, как сегодня в катере...

Она медленно вошла в воду по пояс, постояла, шлепая ладонями по поверхности, и нырнула. Я нырнул следом, надеясь поймать ее под водой, но не вышло. Наплескавшись вдоволь, мы, довольные, выбрались на берег. Крейг уже настроил систему связи и безопасности лагеря, выставил сторожевых роботов. Их нескладные фигуры, от которых веяло молчаливой угрозой, несколько портили мирный вид местности. Рик накрывал на стол, а «жучка» моталась между нашей импровизированной столовой и «Рейнджером», таская всевозможную снедь. Крейг к обеду не вышел.

— Поем здесь, — сообщил он нам через громкоговоритель. — Потом Малыш меня сменит — я тоже не прочь поплавать. Только давайте, пошевеливайтесь. Тошно было смотреть на вас, как вы едва переставляли ноги, разбивая лагерь.

Кэт погрозила в сторону «Рейнджера» кулаком, зная, что Крейг видит ее на экране.

— Ничего ты мне не сделаешь, — хладнокровно заявил он. — Я могу закрыть люк и включить защиту. В моем распоряжении сторожевые роботы и пулеметы катера, а у вас — только паршивые винтовочки. Так что нечего руками махать.

На первое был рассольник с потрохами, на второе — шпигованное чесноком мясо с гарниром из обжаренного картофеля. И кроме этого — три различных овощных салата из стратегического запаса натуральных продуктов «Артемиды». Кухонным комбайном катера сегодня командовал Крейг; он даже сделал небольшой бисквитный торт.

— Неплохо бы раздобыть свежей дичи, — мечтательно сказал Рик. — Раз уж штат заповедника сократили, никто ничего не узнает.

Кэт обозвала его бессовестным браконьером.

— Один раз не считается, — ответил Малыш. — На первоначальном этапе освоения Тихой (отчеты о котором никто из вас так и не удосужился толком посмотреть), тогда — согласен, было и самое настоящее браконьерство. Да и честные граждане не отставали. Сотрудники "Вудс индастрис компани", занятые на строительстве первой на Тихой энергостанции, постоянно имели к столу свежее мясо. У них даже специальная охотничья бригада была — четыре человека. Если судить по разнообразию добытых животных, то их интерес в этом деле выходил далеко за рамки повседневного обеспечения себя продовольствием. Они развернули механизированный сельскохозяйственный комплекс, но возделывали с его помощью только несколько полей, а домашний скот не разводили, хотя и планировали устроиться здесь навсегда. Мясо местных животных не требует никакой предварительной обработки, кроме обычной кулинарной, и тащить сюда племенное стадо они не захотели.

О «Вудс индастрис компани» я слышал от Кристины и Влада Мартыновых в связи с рэдвольфом, и насторожился. Зря я все-таки сам не просмотрел все отчеты.

— Ты прав, — подтвердил Малыш. — Именно история с этой компанией положила начало всегалактической известности здешнего божка по имени Айтумайран. Аборигены рассказывают, что он покрыт красной шерстью, пылающей, как огонь. Я смотрел его изображения — похож на панцирного волка с Каими, только без панциря. Если брать животных Земли, то напоминает помесь волка и медведя, хотя больше похож на волка. Голова похожа на волчью, а ходить может как на четырех ногах, так и на задних лапах. Если представить такое чудовище в натуре, да еще в рыжей шерсти, картинка будет жутковатая. Не зря туземцы так его боятся. Нрава он самого скверного,

всегда нападает первым — ни с того, ни с сего. Ну вот... «Вудс индастриз» строила здесь энергостанцию, и все уже было почти готово к приему и монтажу оборудования, как они внезапно перестали выходить на связь. В те времена здесь почти никого не было кроме них. Корабль компании прибыл сюда только спустя полтора месяца и его экипаж не нашел ничего, кроме тридцати шести искромсанных трупов, а остальные двадцать восемь человек бесследно исчезли. Что самое удивительное, спустя такое долгое время после смерти на телах не оказалось никаких следов разложения. Командир корабля приказал похоронить мертвых, не отметив толком место (за то и другое ученые не перестают ругать его до сих пор), и снарядил поисковую группу. Он считал, что кто-то из отсутствующих мог остаться в живых и укрыться в окрестных лесах. Группа перестала выходить на связь уже через три дня, и он, собрав вторую группу, возглавил ее сам — с тем же результатом. Оставшиеся не захотели больше рисковать, но их корабль потерялся где-то между Тихой и Землей — домой он так и не вернулся. Считается, что просто не хватило людей, чтобы нормально управлять кораблем — техника тогда была совсем не та, что теперь. В «Вудс Индастриз» долго ухитрялись скрывать гибель строителей станции и факт исчезновения корабля. То ли боялись резкого падения курса своих акций, то ли опасались проблем с УОП. Как впоследствии выяснилось, все их разрешения на постройку промышленных объектов и последующее использование природных ресурсов были весьма сомнительного свойства, а некоторые получены незаконными методами, включая подкуп чиновников.

— Ты сказал обращать внимание на все, — обратился ко мне Рик, недолго помолчав, — я и смотрел подряд все материалы, которые Диане удалось раскопать в архивах еще на Безымянной. А что касается «Вудс индастриз», то в основном это файлы следственной группы, вылетевшей на Тихую после того, как история вышла наружу. Отчеты самой компании составлены для внутреннего использования, и сводятся к записям сеансов связи с экипажем их собственного корабля — с тем, который исчез. Странное упоминание о нетленности тел погибших привлекло на планету множество ученых. Выяснилось, что туземцы вовсе не такие примитивные и отсталые, как считалось вначале. Контакт был с успехом установлен в кратчайшие сроки, в связи с тем, что туземцы верят в проживание в их мире

многочисленных богов в материальном облике. Общение с ними считается делом обычным, появление еще одной разновидности незнакомых разумных существ никого не удивило. Сразу стало очевидным сходство произошедшего с сотрудниками «Вудс индастриз» и преданиями аборигенов, в которых Айтумайран постоянно кого-то жестоко карает за нарушения табу, оставляя после себя горы трупов, не подверженных разложению...

— Начиная с этого момента и мне известно кое-что, — прервал Малыша Крейг. Чтобы он мог принять участие в беседе, а мы при этом не оглохли, всем пришлось прицепить к уху рации. Да и неприятно, когда на тебя все время по-хамски орут через мегафон, а ты не можешь ответить должным образом — мы это в полной мере испытали при благоустройстве лагеря. — Я в свое время интересовался некоторыми выдвинутыми теориями, согласно которым Айтумайран, боги айту и вся прочая здешняя нечисть — не что иное, как естественная защитная система биосферы Тихой, реагирующая таким образом на посторонние влияния и вторжение в ее среду чужеродных организмов... Звучит здраво. Науке давно известны биосферы со встроенными в них природой механизмами жесткого внутреннего контроля и защиты от вторжения любых форм жизни извне. Собственно, любая экосистема такова, речь лишь о степени развития подобных свойств.

— Это подтвердилось? — заинтересовалась Кэт.

— Прямых доказательств нет, — ответил Крейг. — После гибели сотрудников «Вудс индастриз» ничего подобного больше не происходило. Случаи исчезновения людей, которые можно было бы приписать действию биозащиты, с таким же успехом объяснялись другими причинами. «Эффект города», прекрасно укладывающийся в рамки теории, имеет, скорее всего, небиологический характер, что сводит на нет все его соответствие общей картине. Конечно, заключение о небиологическом происхождении этого феномена может считаться корректным только в том случае, если брать за основу понятия современной науки о жизни вообще. Могут существовать формы жизни не только не известные ей, но и не предсказанные... Простите, я отвлекся. Тела пропавших, насколько мне известно, — продолжил Крейг, особо выделив интонацией слово «мне», — ни разу не были обнаружены, так что не имелось возможности проверить непонятную «нетленность» и выяснить ее причины.

— А захоронение тел сотрудников «Вудс индастриз»? — спросил я. — Странно, что его не нашли.

— Неизвестно, в каком месте их похоронили, — ответил Рик. — Захоронение искали, полагаясь на слова капитана корабля компании, сказанные им во время сеанса связи, цитирую: «Мы похороним их как героев... Мы обязаны воздать им почести, какие воздают первопроходцам». И все. Из этих фраз не следует непременно, что он собирался хоронить погибших на Тихой. Он мог приказать забрать их с собой на Землю, а корабль погиб. Просто ученые никак не хотели смириться, даже мысленно, с возможностью безвозвратной потери такого ценного вещественного доказательства.

Кэт угрюмо ковыряла вилкой второе. Похоже, бесконечные разговоры о трупах и затерянных могилах испортили ей аппетит. На нас с Малышом это не действовало, на Крейга — тоже. Я отчетливо слышал по радиации звуки, издаваемые человеком при пережевывании пищи. Иногда доносились удовлетворенные вздохи и одобрительное хмыканье.

— Ученые наткнулись на следы чего-то подобного в обычаях туземцев, — продолжал просвещать нас Рик. — Время от времени некоторые племена приносят людей в жертву Айтумайрану. По слухам, если жертва угодна ему, тела не разлагаются какое-то время. Проверить это также не удалось. Жертвоприношения происходят нерегулярно, по приказу жрецов, получающих откровения свыше. Все обставляется крайне таинственно, и посторонних не допускают, даже «Богов-с-неба», как они называют нас. Место, на котором принесена жертва, тщательно охраняется. По прошествии некоторого времени тела подвергают ритуальному все소жжению, а прах развеивают над водой... Ученым и близко не удалось подобраться, а вскоре Комиссия запретила контакты с туземцами.

— Короче, ясно — что ничего не понятно, — подвела итоги Кэт.

— В условиях постоянной слежки со стороны Комиссии и СОЗ невозможно вести планомерные исследования, — посочувствовал коллегам Крейг. — Мне это знакомо... Дело осложняется еще и тем, что в научном центре «Тихая» существует несколько конкурирующих групп ученых, каждая из которых ведет изыскания в своем направлении. Да и сама теория самозащиты биосферы до сих пор не обоснована как следует. У такой сложноорганизованной системы

должен быть спусковой механизм, а как раз его и не удалось обнаружить. Гибнет вовсе не каждый чужак, вступающий на планету, напротив, такие случаи крайне редки... Неясно, что их провоцирует. На начальном этапе освоения случались куда более грубые вторжения в экосистему Тихой, чем это делала «Вудс индастриз» — и ничего. Напротив, среди пропавших позднее — самые разные люди, некоторые из них исчезли высоко в горах или в пустыне, а район деятельности и род их занятий исключает сколько-нибудь заметное воздействие на биосферу.

Кэт отодвинула свою тарелку, так и не поев как следует; я видел, что настроение у нее неважное. Но навряд ли это было связано с темой разговора или какой-либо другой очевидной причиной. Просто у нее обычно так бывает. Мы с Риком уже управились со своими порциями и с добавкой тоже; тут Кэт подтянула поближе к себе блюдо с тортом, намереваясь собственноручно разделить его между нами, и на ее лице появилось некоторое оживление. Кэт обожает всякие сладости и может поглощать их в любых количествах, не поправляясь при этом ни на грамм. Она все еще была очень задумчива, даже рассеянна, и вместо того, чтобы воспользоваться чем-нибудь из богатого арсенала столовых принадлежностей, зачем-то вытянула из чехла свой здоровенный нож армейского образца. Рик пользуется моделями ножей, выпускаемых специально для экстремалов и других фанатов выживания, Крейг предпочитает традиционные охотничьи, а Кэт, как и мне, больше по душе армейские. Стандартный «Легионер» несколько великоват для женщины, но Кэт ни в какую не хочет с ним расставаться. Все время, что мы знакомы, он постоянно при ней в любом походе, и она никогда не забывает вечером засунуть его в точилку, даже если за весь день ни разу им не воспользовалась. Сейчас она взвешивала нож в руке, примериваясь резать торт. Потом встала со стула, решив, что так будет удобнее.

— Если ты считаешь, что запугать нас с помощью всех этих манипуляций, не надейся, — сказал я. — Никто от своей доли не откажется. Не забывай, что нас трое, и в распоряжении Крейга сторожевые роботы.

Кэт двумя ловкими движениями разделила торт на четыре идеально равные части.

— Когда подойдет моя очередь дежурить, я запрусь в катере и приготовлю огромный торт, из которого вы не получите ни кусочка, — сказала она. — А вас посажу на диету из искусственной манной каши без масла.

Мы еще долго болтали о всяких пустяках. Во время похода почти все нормальное человеческое общение между членами команды сводится к беседам за столом. Когда ты в корабле, можно ходить друг к другу в гости или собираться в рубке, но обычно так не бывает: в каютах тесновато, а в рубку все сходятся только для принятия особо важных решений, если требуется длительное обсуждение и не хочется делать это по связи. Кто-то обязательно занят — дел во время перелета немного, но они есть. В полном составе экипаж собирается ежедневно только за столом. Именно тогда появляется возможность поговорить — о деле, о вопросах, которые всех в данный момент интересуют, и просто о всякой всячине. Постепенно застольные разговоры входят в привычку до такой степени, что, кажется, охотники уже и общаться меж собой не могут иначе, как за обедом. Не зря же в штаб-квартире ООЗ в Уивертауне столько кафе — убери их оттуда, и, чего доброго, ни одни переговоры там больше не пройдут успешно.

Перебрав все возможные темы и съев торт подчистую, мы предоставили «жучке» прибираться со стола и единогласно проголосовали за то, чтобы посвятить остаток дня безделью. Серьезную работу лучше начинать с утра. Рик пошел сменить Крейга, а Кэт опять скинула комбинезон и улеглась загорать на солнышке. Поразмыслив, я присоединился к ней. Крейг, выбравшись из рубки, полез купаться, и долго плавал недалеко от берега, плескаясь и фыркая, как целое стадо тюленей. Выбравшись на берег, он расположился под кустиком метрах в двадцати от нас и время от времени переговаривался по рации то с Биасом, то со своим личным киб-секретарем по имени Кальян. Мы однажды поинтересовались, почему он дал секретарю такое странное имя, и он рассказал, что его далекие предки вовсе не из Латинской Америки, как мы до того считали, судя по его внешности, а из Азии. Хотя и латиноамериканцы среди его дедов-прадедов тоже были.

После ужина, когда подошла моя очередь заступать на дежурство, мы с Кэт еще раз отправились окунуться напоследок. На этот раз мы проплыли вдоль всего пляжа до того места, где заросли подступали

вплотную к воде. Сторожевой робот неотступно следовал за нами по берегу, пока не уткнулся в зеленую стену непроходимых колючих кустарников.

— Хватит, ребята, — сказал Рик через громкоговоритель после того, как мы не обратили внимания на его предупреждения по связи. — «Сторож» дальше не пройдет, я не смогу прикрыть вас.

— От кого нас здесь защищать, хотела бы я знать, — недовольно ответила Кэт, но остановилась.

Она собралась было перевернуться на спину и плыть обратно, но вдруг замерла и повернула голову, напряженно всматриваясь в заросли. Я проследил за ее взглядом и увидел в гуще листвы низко нависшего над водой дерева мрачную черную морду.

Глава 2. Начало охоты на горилл.

Активный способ

На второй день нашего пребывания на Тихой я проснулся перед самым рассветом, и первым делом, сняв с уха рацию, нацепил на голову гарнитуру коммуникатора, именуемую на сленге охотников «очки». Шлемы мы пока решили не использовать — звероловы в них любят работать не больше, чем пользоваться колпаком комбеза. Неудобно, тяжеловато, да и на планетах земного типа, таская на голове такую каску, чувствуешь себя полным идиотом. Правда, шлем хорошо защищает голову, а силовой жгут, соединяющий его с экзоскелетом костюма, помогает не сломать шею, если свалишься со скутера на лету; да и экран у него побольше, чем у «очков», но на этом все его преимущества кончаются. Коммуникатор имеет те же функции, что и шлем-прицел, но несравненно легче и изящнее на вид — просто эластичный обруч, плотно облегающий голову, с экраном в форме больших солнцезащитных очков без оправы впереди. Светофильтры, ночное видение и прочие навороты — все присутствует. Со спецкостюмом, частью которого он собственно и является, его, в отличие от шлема, не нужно соединять кабелем. Единственное, чего не хватает, это кондиционера, который в такую штуку никак не встроить. В этом смысле шлем со своей системой охлаждения-подогрева, естественно, здорово выигрывает, проигрывая в свою очередь колпаку — в последнем и вовсе можно в окружении полярных льдов дышать воздухом жарких пустынь или наслаждаться свежестью морозного утра, сидя посреди душливого вонючего болота.

— Насколько я могу судить, со времени моего дежурства не произошло ничего примечательного, — произнес я вслух.

— Ты прав, Пит, — тут же отозвался Суслик. Киб-мастеру, в отличие от меня, не нужно было спать, и он непрерывно поддерживал связь и с катером, в рубке которого сейчас дежурила Кэт, и с «Артемидой». — С Дианой связь стабильна всю вторую половину ночи, — продолжал он. — Никаких сбоев, как вчера вечером. Вокруг все спокойно, но гориллы иногда появляются поблизости. Биас время от времени фиксирует в лесу концентрацию биомассы.

Через полупрозрачные стенки палатки еще не пробивался ни единый луч света. Я выбрался наружу. Над озером стлалась пелена густого тумана, его клубы медленно выползали и из леса, накрывая отдельные куски пляжа, над которым туман был значительно реже. Справа и слева маячили силуэты «сторожей». Из палатки Малыша не доносилось ни звука — Рик, как всегда, спал сном младенца. Со стороны, где стояла палатка Крейга, напротив, раздавался смачный раскатистый храп. Меня подмывало подойти и хорошенько шарахнуть по белеющему в темноте куполу, но Крейг после такого пробуждения был бы целый день злой как сатана.

— Доброе утро, Кэтти, — сказал я.

— Иди сюда, — позвала она. — Мне тут ужасно скучно одной.

Я прошел в рубку. Кэт сидела в пилотском кресле, положив скрещенные ноги на пульт ручного управления. В руке она держала чашку с кофе.

— Вон, видишь? — Она указала на один из экранов, развернутых Биасом на обзорном стекле. Там, на сине-сером фоне поля охвата биорадара медленно перемещалось несколько красных пятен. — Гориллы. Появились несколько минут назад, сразу четыре. Та, которую мы с тобой видели вчера на дереве, была кем-то вроде разведчика, а эти — наблюдатели. Подходят с разных сторон к самому пляжу, но ни разу еще не вышли на открытое место. Я уверена, что они с самого вечера постоянно поблизости, просто их не всегда ловит радар — чертовски густые заросли, много толстых деревьев. А если повысить чувствительность или расширить спектр, тогда вообще ничего не видно — здесь невероятное множество всякой животной мелюзги.

Я принялся к аромату кофе, наполнявшему помещение рубки.

— Бодрящие напитки здесь подают?

— Конечно! — недовольно сказала Кэт. — Ты только свисни. И я со всех ног помчусь к кухонному комбайну готовить тебе...

Я оперся о спинку кресла и поцеловал ее в макушку.

— Ты сегодня с утра ужасно сварлива. Я не виноват, что ты не выспалась. Но ты сама предложила такой график дежурства.

— Это ты можешь спать по три-четыре часа за ночь и при этом выглядеть свежим как огурчик. — В устах Кэт это должно было звучать извинением за резкость. — А потом закрываешься в каюте и дрыхнешь беспробудно все время перелета между планетами. А я не в

состоянии спать про запас, мне необходимо восемь часов отдыха в сутки.

— Если бы восемь. Обычно ты спишь десять.

— Можешь сам дать команду киб-мастеру. Почему тебе нужно, чтоб это делала я? Биас, будь добр, сгоняй «жучку» за кофе для этого лодыря... По-моему, тебе просто не терпится зацепить меня с утра пораньше.

— Я тебя не цеплял, ты сама завелась ни с чего.

Кэт издала возмущенный нечленораздельный возглас — больше всего на свете ей хотелось продолжать ругаться, не признавая собственную неправоту и оставить последнее слово за собой. Но сейчас она не могла решить, что для нее выгоднее — может быть, лучше промолчать, чтобы я тоже заткнулся. Прикатила «жучка», бережно неся на подносе заказ, но ситуацию это не прояснило. По опыту Кэт знала, что я могу успешно препираться с ней и одновременно от души наслаждаться чашечкой кофе.

— Давай мириться, — великодушно предложил я, войдя в ее непростое положение.

Кэт сочла за благо перевести разговор в более спокойное русло:

— Этот сурок храпит, как стадо слонов, — сказала она, имея в виду Крейга. — Через полчаса его очередь сидеть здесь, и я с нетерпением жду этой минуты. Прикажу «жучке» принести мегафон прямо к нему в палатку и порадую веселой побудкой.

— Не получится, — сказал я. — Кальян его предупредит. Но разбудить его — мысль, иначе он распугает всех животных в округе. А дежурит пусть Рик. Давай перетасуем дежурства так, чтоб тебе реже приходилось сидеть здесь по ночам. Никто не будет против. Просто ты иногда будешь дежурить весь день подряд.

— Что-то ты сегодня очень добрый, — подозрительно протянула Кэт.

— Я всегда добрый, — заверил я ее. — Не мучай себя понапрасну. Ты вложила в дело больше, чем мы вместе взятые, «Артемиды» и вообще твоя собственность, а ты настояла на том, чтобы старшим компаньоном фирмы был я. Ты изо всех сил стараешься не быть на первом месте и нести свою долю общих обязанностей. Часто ты набираешь их больше, чем любой из нас, или пытаешься выполнять то, чего от тебя при любых обстоятельствах никто не потребовал бы. Все-

то ты боишься стать кому-то обязанной. Стесняешься своего богатства, потому, что не сколотила состояние сама, а получила его в наследство от родителей. Так ведь это не преступление. Ну, будь умницей, пожалуйста. — Я ласково погладил ее по голове. — И позволяй нам хоть иногда о тебе заботиться.

Почувствовав, что Кэт смутилась, я залпом допил кофе, ошпарив при этом глотку, и вышел наружу. Не знаю, почему я сказал ей то, что сказал, но мне не хотелось, оставаясь в рубке, смущать ее еще больше. В четырнадцать лет Кэт сбежала из дому, пытаюсь доказать самой себе, что она не маменькина дочка и вполне способна жить самостоятельно. С тех пор она упрямо создавала и культивировала образ крутой амазонки, которой все нипочем. Ну и пускай, раз ей это нравится. «Стальная Кэт» — так ее прозвали в кругу знакомых. Лишь немногие близкие люди знали, что внутри она другая. Ее подруга Кристина. Ее лучшая подруга и бывшая компаньонка Дороти Даллас. Я. И, конечно, Диана. Все остальные не знали ничего, но интуитивно подозревали это, и любили Кэт несмотря на все ее выходки.

Храп, доносившийся из палатки Крейга, прекратился. Я прошел чуть вперед и увидел, что он стоит на берегу, уже успев надеть на голову коммуникатор. Очки слабо светились, меняя цвет — Кальян по приказу Крейга изменял настройки оптики. Палатка Рика задергалась: Малыш тоже проснулся и выбирался наружу.

— Ты заметил, что на этом озере почти нет водоплавающих птиц? — спросил я. — И само озеро какое-то странное. Слишком чистое, и рыб я здесь не видел, когда нырял. Ну хоть стаи мальков-то должны же быть?

— Пернатых водоплавающих на планете вообще на удивление мало, это одна из странностей Тихой, — ответил Крейг. — А ведь сравнительно недавно их было здесь полно. Я, в отличие от вас, посмотрел расширенные отчеты, в том числе — экзобиологов, для себя лично. Не теряю, знаешь ли, надежды когда-нибудь вернуться в науку... Хотя отстал я безнадежно.

— Так что там с птицами? Вымерли?

— Точно. Причины не установлены. И на счет озера ты прав — странное оно. Но для Тихой — типичное. Относительно этого не знаю, а на юге континента ученые обнаружили несколько озер, в которых отсутствуют не только рыбы, но и любые формы жизни вообще. Вода

без ядовитых примесей, обычные условия без всяких отклонений. Попытались запустить туда живность — все прижилось без проблем. Научники из местного Центра гадают теперь: куда же прежние обитатели подевались-то? Что может уничтожить все живое, не оставив после себя следов? Если вы не против, я запустил бы в наше озеро хоть один зонд. Знаю, что это не по делу, но раз уж все равно мы здесь...

— Делай что считаешь нужным, — разрешил я. — Но, так как мы люди крайне корыстные, ты за это отдежуришь за Кэтти пару смен. Ночных. В это время и займешься своими исследованиями, а? И сможешь притащить сюда с орбиты все, что тебе только понадобится.

— Договорились, — быстро сказал Крейг.

— Ну и ладушки.

Я был донельзя доволен собой. Кэт может забыть о ночных сменах вплоть до нашего отлета — Крейга теперь от озера за уши не оттянешь, разве только придется поменять место базового лагеря.

Рик поздоровался с нами по связи — он первым делом пошел еще раз проверить готовность давно готового к полету скутера. Малыш уже знал, что на разведку полетим мы с Кэт, а он останется в лагере. Крейг вызвался смотаться на орбиту на «Рейнджере» и привезти с «Артемиды» второй скутер, дополнительный запас продовольствия, боеприпасов, и те ловушки, которые мы не смогли взять с собой первым рейсом.

— А также хорошенький наборчик зондов для изучения озера, — не преминул поддеть Крейга я. — Самое главное, их не забудь, ведь разгадка секретов Тихой и является нашей первоочередной задачей. А охота — она подождет. Зачем зарабатывать деньги, когда представляется случай сделать безвозмездный вклад в фонд науки?

— Зонды нам так и так понадобятся, — ощетинился Крейг. — Одного явно мало. И вообще, что за выходки? Сначала сам согласился, дал заглотив наживку, так сказать, а теперь издевается!

— Вовсе я не издеваюсь, просто ты показался мне сонным с утра, и мне захотелось тебя чуть взбодрить.

— Мы знаем, что ты не поставишь личные интересы выше общего дела, — поддержала меня из рубки Кэт. Она уже успела в полной мере оценить, какие преимущества лично ей предоставляет наш с Крейгом договор.

— Мы любим тебя, — добавил возившийся со скутером Рик.

— И больше всего за то, — закончил я, — что ты не мучаешь нас головоломной биологической терминологией, вызывающей у людей, не столь сведущих в науке, как ты, острое чувство недоразвитости. А теперь — давай, дуй на «Артемиду», пока мы не передумали. Будешь возмущаться попусту — свяжем и засунем в клетку. Разгадаем тайну мертвых озер сами, а тебе не скажем, в чем она заключается... Я буду приходить к тебе каждый день и трясти перед твоим носом записями отчетов, а смотреть не дам. Представляешь себе всю глубину своих мучений?

— Вы не поступите так со старым верным товарищем, — серьезно сказал Крейг. — Я в это не верю.

— Лучше тебе поверить, — вздохнула Кэт. — Коварство Пита не знает границ.

Вышел небольшой спор по поводу оружия, которое предстоит взять с собой. Мы, как обычно, хотели взять винтовки с подствольной подвеской, а Крейг советовал воспользоваться специальными ружьями под патроны с парализатором.

— У подвески дальнобойность в условиях Тихой максимум пятьсот метров, — сказал он. — И на предельной дистанции из нее даже в животное размером с бегемота трудно попасть. А у ружей дальнобойность при этой силе тяжести две четыреста, как у стандартных винтовок. Лучше использовать их. Гориллы к себе близко не подпускают, только время зря потратим.

— Ты имеешь в виду — если стрелять со скутера, — возразила Кэт. — Но если устраивать засидку в лесу, от ружей никакого толку. В этих дебрях и на пятьдесят метров ничего не видно. А из нормального оружия у нас останутся только пистолеты.

— Можно взять новые «Драконы», комбинированные, — напомнил Рик.

— Это Би-78? У них магазин для обычных пуль всего на двадцать патронов. — Кэт была сторонницей максимальной огневой мощи.

— Зато к ним подходят магазины от пистолета.

— Надо брать ружье хотя бы в багажник, — не сдавался Крейг. — Стрелку нетрудно достать его оттуда даже налету, пока пилот управляется со скутером.

— Значит, так, — остановил всех я. — Охоту только начинаем, и неизвестно, что понадобится. Зато точно известно, что на Тихой может быть небезопасно, и я не вижу причин оставлять винтовки в лагере. У каждого — пистолет с полным боекомплектом. У каждого — стандартный «Тигр» с подствольной подвеской. Рик, сможешь быстро установить на арматуру заднего сиденья дополнительный зажим для ружья?

— Без проблем. Десять минут.

— Чудненько. Одно ружье туда, второе — в багажник, на случай устройства засады. Без винтовки за пределы охраняемого периметра не выходить. Когда «сторожа» отключены, всем иметь при себе оружие — даже в лагере. Крейг стартует на «Рейнджере» первым, мы вылетим следом. Малыш, включишь «сторожей» сразу же, как только наш скутер выйдет из зоны поражения... — Рик хотел было возмутиться, но я сказал твердо: — Не спорь со старшими. И на будущее — то же самое. Любой вылетевший скутер обязательно сопровождает телезонд. Второй повесим над стоянкой, чтоб группа поиска видела, что творится в лагере.

— Я забыла, в каком звании ты демобилизовался из армии? — спросила Кэт.

— Майор, — ответил я. — И, поверь, я его получил не за просто так.

Крейг вылетел на орбиту сразу же, как только мы выгрузили из катера и установили под отдельными навесами переносную станцию зарядки батарей и портативный терминал управления роботехникой. Когда все было готово, мы с Кэт первым делом слетали к Малому Круглому озеру. Окружающие его особо густые, дремучие дебри показали нам удачным местом для начала поиска. Именно такие места, как нам казалось, должны были привлекать столь скрытных существ, как гориллы Фостера.

— Не очень-то они похожи на настоящих горилл, — заметил я вскользь. — Помнишь вчерашнюю харю? Скорее напоминают шимпанзе.

— Мне показалось — шимпанзе и гориллу одновременно, — отозвалась Кэт. — Но это не имеет значения. Человек слишком быстро осваивает космос в наше время — представляешь себе, скольким животным пришлось давать имена? Лично я одних только

псевдогорилл знаю шесть разновидностей. И Фостера, и Раммани, и еще... Тираннозавров — десять, причем половина из них не только не имеют ничего общего с животными, жившими в прошлом на Земле, но даже и не слишком на них похожи. Иногда в качестве названий новых видов использовали малоподходящие термины, а то и вовсе случайные или придуманные слова. Например, гариманги, которых ты терпеть не можешь. Откуда взялось такое название? Может, оно и означает что-то, а может, и нет.

— На счет гаримангов могу сказать точно, — ответил я. — Это несколько искаженная фамилия помощника капитана корабля «Кантон», впервые совершившего посадку на Каими. Билл Гарриман был первым, кого эти твари съели. Но далеко не последним.

Удобных для посадки мест на берегах Малого Круглого не было. Метрах в шестистах нашлась прогалина, сплошь заваленная камнями и сухими корягами — это место мы забраковали.

— Здесь сам черт ногу сломит, — сказал я.

— Не понимаю, зачем вообще цепляться за поляны, — ответила Кэт. — Она развернулась на своем сиденье, и теперь сидела спиной ко мне, прикрывая, на всякий случай, тыл. — На плато деревья стоят реже, чем внизу, на равнине, давай попробуем нырять в кроны. Возможно, горилл не удастся выманить на открытое место, и придется расставлять ловушки в зарослях или на деревьях. Черт, все-таки по этим животным до ужаса мало информации.

— Ты сама сказала, что человек слишком быстро осваивает космос в наше время, — отозвался я. — Всех манят далекие миры, мало кто хочет топтаться на давно открытых планетах. Здесь меньше шансов найти что-то кардинально новое.

Я поднял машину повыше, чтобы как следует разглядеть местность. Одно дело — видеть все это через камеры или на снимках, и совсем другое — в натуре. Непосредственным визуальным осмотром территории, на которой предстоит работать, лучше не пренебрегать.

— Так мы пробуем? — осведомилась Кэт. — Так и так нам этого не избежать. Почему бы не проверить все в первый же день?

Я плавно повел скутер вниз.

— Будь осторожен, Пит, ветви сплетаются очень густо, — предупредил Рик, который видел окружающую обстановку через

камеры сопровождавшего нас телезонда. — Скорость не больше десяти.

— Я не ослышался, Малыш, ты заговорил об осторожности? — поинтересовался я, делая правый разворот и снижаясь еще больше.

На меньшей высоте сплошной зеленый ковер выглядел не таким непроницаемым, как сверху; ведя машину почти вплотную к нему, я приноравливался ко всем неровностям его рельефа и искал просвет, достаточно широкий для того, чтобы в него пролез скутер. Когда дело касается таких вот зарослей, этот легкий и достаточно компактный летательный аппарат кажется удивительно громоздким. Обнаруживаешь вдруг, что у него чертова уйма выступающих во все стороны деталей. И следует помнить, что заднее сиденье в приподнятом положении (особенно удобном для стрелка, когда доходит до дела) намного выше, чем кресло пилота, а если он сидит задом наперед, то видит, что творится по вектору движения, только через твою камеру, и может не успеть среагировать. Были случаи, когда стрелки получали серьезные травмы от ударов о толстые ветки, а то и вовсе платили головой за невнимательность — свою и пилота.

— Оторванные головы назад пришивать трудно, — счел нужным напомнить я. — Они не всегда приживаются.

— Хоть бы раз сказал что-то доброе, — печально промолвила Кэт.

— Сказал бы, но это тебя расслабит и лишит бдительности.

Внимательно следя за экраном скутера и слушая подсказки Суслика, я направил машину туда, где паутина ветвей была пореже. Верхний ярус растительности мы прошли хорошо, дальше стало проще. Лавируя между ветвями исполинских деревьев, я снизился до пятнадцати метров и повел скутер параллельно земле, осматривая густой подлесок. Ни нас, ни машину ни разу даже не задело, лишь изредка ласково гладило листвой.

— Люблю тебя, — вздохнула Кэт. — Ты всегда осторожен. Вот если бы ты еще не был таким вредным, непременно вышла бы за тебя замуж.

— А вдруг бы я не согласился?

Кэт с минуту взвешивала такую возможность.

— Да куда б ты делся, — рассудительно сказала она. — Ни один мужчина не может устоять долго, когда рядом есть женщина, которая хочет его на себе женить.

— Начну исправляться сегодня же, — пообещал я. — Вернемся на Землю — сыграем свадьбу.

— Мне понадобится время, чтобы убедиться, что ты не притворяешься, — возразила она. — Возможно, потребуется много лет.

— И это меня ты назвала вредным?! Да я...

— Эй, вы чем там вообще занимаетесь, я не понял? — прервал нас Рик. — Пробным поиском или...

— Какой ты деловой сегодня! — удивилась Кэт. — Оставайся таким, и я выйду замуж за тебя.

Я повел скутер вперед между огромных стволов, иногда снижаясь почти до самой земли. Но свободных от растительности мест внизу было совсем мало, заросли всевозможных кустарников высотой от полуметра до метров трех — четырех стояли почти сплошь. Из этой зелено-коричневой массы повсюду торчали молодые деревца с голыми, без ветвей, стволами, украшенные на самой макушке пучком широченных бледно-зеленых листьев. Некоторые из них были обвиты лианами так густо, что сгибались под их тяжестью, продолжая расти в наклонном положении. Лианы оплетали и стволы деревьев-гигантов, лезли вверх до самых теряющихся в вышине крон и спускались оттуда вниз, цепляясь за ветви и друг за друга. Вести скутер в таком лесу крайне трудно, зонд не всегда за нами поспевал, и Рик жаловался, что то и дело теряет нас из виду. Солнце встало минут сорок назад, но здесь, внизу, еще царили сумерки. Туман, особенно плотный у земли, выше стлался толстыми покрывалами, как слоеное тесто.

— Суслик, убери очки, — попросил я, на минуту притормозив; киб-мастер выполнил приказ, втянув экран коммуникатора в обруч. Без очков я вообще видел только метров на десять.

— Давай обратно... На каком расстоянии мы от озера?

— Четыреста двадцать метров, — ответил Рик.

— Надеюсь, здесь не везде так, — сказала Кэт. — Это же с ума сойти можно.

— Как только вернется Крейг, пошлем зонды во все стороны. Может, туман такой густой только у озер и только утром.

— Вижу объект. — Суслик показал красной точкой на экране — где. Я повернул скутер в сторону наигустейшего переплетения лиан, примериваясь как-то его обойти. Точка нервно заплясала перед

глазами, и Суслик дополнительно вывел изображение на экран скутера.

— Это не наши камеры и радар, это передача с зонда, — сказал он. — Смотри, еще один. И еще...

— Они?

— Размер подходящий. А этот, двойной — наверное, самка с детенышем.

Между нами и группой животных было от силы метров пятьдесят, но я все еще их не видел. Тихое жужжание поворотного механизма заднего сиденья подсказало мне, что Кэт развернулась в ту же сторону, что и я.

— Следила бы ты за тылами, — сквозь зубы посоветовал я.

— Ты превращаешься в параноика, Пит.

Животные не думали убегать, наоборот, приближались. Но в тот момент, когда мы вот-вот должны были их увидеть, вдруг свернули в сторону.

— Еще! — сказал Суслик. — Левее и выше. Четверо.

— Вижу их тоже! — Рик был возбужден. — А вон и еще двое. Пит, они и сзади появились. Пять, шесть... Восемь. Но, возможно, мы видим не всех.

— Немедленно поверни свое кресло. — Кэт послушалась. Я вытащил винтовку из зажима, продолжая управлять одной рукой.

— Первая группа разделилась, — сказал Рик. — Их там уже тринадцать. Девять идут по полукругу влево от вас, четверо — вправо и поднимаются выше. Восьмерка сзади — или у самой земли, или уже спустилась на землю. Кого ловить будем?

— Не нравится мне это. Неужели никто из них нас не почувял? — Я покачал головой, хотя в данную минуту видеть меня никто не мог. — Не верю. Похоже, нас обнаружили и теперь окружают. Рик, оставь зонд на месте, мы пойдем в сторону второй группы. Ты будешь видеть и нас, и их.

Едва я вывел скутер на позицию, с которой мы должны были увидеть группу из четырех животных уже визуальнo, как они двинулись по ветвям деревьев влево, в восемнадцати — двадцати метрах над землей. Я повернул туда, а они начали спускаться вниз; я попытался отрезать им путь назад, но животные нырнули в такие

заросли, где скутер пройти не мог. Пока разворачивался, они успели опять подняться на прежнюю высоту и остановились, выжидая.

— Те, что сзади, движутся следом за вами, — сказал Рик. — Но держат приличную дистанцию. Я вижу лишь некоторых из них. Сместить зонд?

— Так и есть, они нас видят. Думаю, они обнаружили нас раньше, чем мы их, а это плохо. Будем надеяться, что нам сыграет на руку их любопытство. Я опять двину к ним, но справа, а ты смещай зонд влево, чтоб я хорошо видел, куда они пойдут. Кэт, у тебя теперь не будет картинки с зонда по твоему сектору, рассчитывай только на себя.

Маневр не удался — как только мы попытались взять группу в «клещи», животные рванули по прямой с такой скоростью, что мы за ними не успели. Я снова попробовал зайти сверху и прижать их к земле, но они рассыпались в разные стороны. Повернув назад, я стал преследовать другую группу, состоящую из восьми особей, но результат оказался тот же. Моя правая рука уже ныла от тяжести винтовки, и я вернул ее в зажим.

— Бесполезно. Суслик, выведи машину обратно тем же путем, я не желаю тратить время на поиски другой дырки в кронах.

Мой киб имел выход на управление скутером дистанционно, но я, для надежности, вытянул из приборного щитка кабель и присоединил его к разъему на поясе комбеза. После чего выпустил штурвал и откинулся на спинку своего сиденья. Суслик услужливо выдвинул ее повыше, и даже поставил подголовник. Животные аккуратно следовали за нами всю дорогу, поднявшись почти до самых макушек деревьев. Перехватив управление, я внезапно бросил машину назад, но единственной наградой был мелькнувший на секунду в поредевшем тумане черный силуэт. Я плюнул и позволил Суслику завершить дело. Наверху было солнечно и дул легкий ветерок.

— Попробуем на той стороне озера, — предложила Кэт. — Только теперь нырнем в лес подальше от него, километрах в двух.

Но и там ничего не вышло. Мы блуждали по лесу около полутора часов, пока увидели горилл; судя по всему, как и в первый раз, они заметили нас раньше. Игра повторилась сначала, но все усилия приблизиться к увертливым тварям оказались тщетны. Затем я выбрал место в пяти километрах от Малого Круглого, на самом краю плато, надеясь прижать горилл к обрыву, буде они появятся. Они появились,

заставив нас прождать больше двух часов, и так же легко обманули нас, несмотря на все мои старания. Видимость стала куда лучше, туман совсем рассеялся, и мы несколько раз хорошо разглядели наших пугливых подопечных через камеры зонда, но и только.

Донельзя усталые и злые, мы возвратились в лагерь. Через полчаса с орбиты вернулся наш «Рейнджер». Из катера выпрыгнул оживленный Крейг. Он привез все, что нам было необходимо на первое время, включая роботов обслуги. Рик включил «сторожей» и перешел в рубку «Рейнджера» добывать свое дежурство, а мы втроем расселись на стульях в столовой. Крейг уже успел прослушать все новости по связи и вникнуть в ситуацию.

— Исходя из того, что мы знали о гориллах Фостера, на быстрые успехи нечего было и рассчитывать, — сказал он. — Так что все нормально. С двумя скутерами дело пойдет лучше.

— Тогда кому-то придется летать в одиночку... — начала Кэт.

— Я с удовольствием возьмусь за это дело, — тут же вызвался Рик.

— ... или мы оставляем лагерь без присмотра.

— Последнее исключено. Лучше уж первое.

— Можно меняться. Каждый по очереди летает то в паре, то самостоятельно.

— Когда я в паре с Малышом, то пилотирую я, — безапелляционно заявила Кэт.

— В паре с Малышом тоже я пилотирую, — сказал я. — Я не хочу умереть молодым и красивым. Я хочу умереть в глубокой старости, окруженный почетом и уважением.

— Годится, — не обиделся Рик. — Отведу душу, летая один.

— Если угробишь скутер без причины, будешь отвечать, — предупредила Кэт.

Но скутер угробил Крейг. И произошло это вовсе не без причины. Четыре дня подряд мы, сменяя друг дружку, гонялись по всему плато за неуловимыми животными, не желающими даже попадаться нам на глаза, не то что под выстрел. Густые заросли и непроходимые переплетения лиан сводили на нет все наше техническое преимущество. Правда, запуская четыре зонда, мы теперь почти всегда видели горилл на экранах биорадаров, и их частенько ловили объективы камер. Однако на этом все наши достижения и закончились.

Хитрые бестии почти всегда обнаруживали нас первыми, и так же легко ускользали от двух скутеров, как раньше — от одного. Монотонное однообразие неудачных вылазок было нарушено только однажды. Крейг в паре с Риком вылетели на западную оконечность плато, их сопровождала Кэт, я дежурил в лагере. В течение пяти часов все шло как обычно: гориллам удалось уже дважды обмануть ребят, уйдя у них из-под носа. На третьем заходе Кэт неожиданно повезло — она отрезала группу из шести животных и начала оттеснять их к узкой и длинной прогалине, разрезавшей джунгли полумесяцем. Крейг тут же поддержал ее усилия. Гориллы оказались в «мешке» — им было необходимо или спуститься на землю и выйти на открытое пространство, или идти обратно прямо на загонщиков. Я, как мог, помогал из лагеря, манипулируя всеми четырьмя зондами и отпугивая ими горилл с ненужных нам направлений движения, в то же время стараясь передавать ребятам хорошее изображение окружающей их местности.

Особь, оставшиеся за границей захвата — а их оказалось более двух десятков — забеспокоились и начали со всех сторон приближаться к окруженным сородичам. Я перебрросил два зонда в тыл, им навстречу, пытаясь предотвратить возможное вмешательство, а скутеру Крейга пришлось замедлить движение для того, чтобы дать возможность Рикю, занимающему место стрелка, прикрыть загонщиков с тыла. Одновременно у Малыша появлялась возможность подстрелить одну из находящихся сзади горилл, но теперь Кэт предстояло завершить дело в одиночку.

— Будь осторожна детка, — попросил я. — Не стоит рисковать из-за парочки несчастных обезьян, пусть даже они и стоят кучу денег.

Кэт проделала все просто блестяще, и четверо из шести загнанных животных оказались в пределах прямой видимости с обоих скутеров. Я услышал, как у нее вырвался удовлетворенный вздох, и она, передав управление своему кибу, вынула из зажима винтовку. Потом случилось сразу несколько событий: четверка горилл заметалась по веткам, издавая пронзительные крики; Крейг, не бросая управления, тоже достал винтовку и, удерживая ее одной рукой, прицелился; полтора десятка животных вышли на сравнительно открытое пространство позади его скутера; Рик, отцепив страховочный ремень, привстал в стремях, приготовившись стрелять; из-за

древесного ствола впереди вынырнул огромный черный самец, сжался в комок и, совершив головокружительный прыжок, упал прямо на капот машины Крейга.

Нос скутера нырнул вниз, но самец вцепился обеими лапами в ветровое стекло и удержался. Через камеру коммуникатора Крейга я увидел разверстую пасть зверя с огромными острыми клыками. Он одной лапой ухватил руку Крейга с винтовкой и подтянул его к себе, примериваясь впиться человеку в горло. Крейг машинально дернул скутер назад, машина с размаху врезалась кормой в дерево, Малыш выронил винтовку и свалился вниз с высоты тридцати метров. Кэт, яростно крича, заложила на своем скутере чудовищно опасный вираж между деревьев, пытаясь подхватить Рика и одновременно стреляя с одной руки в нападавшего самца. Я видел, как на широкой, покрытой густыми черными волосами груди гориллы расползлись красные кляксы прямых попаданий винтовочных пуль, но он опять удержался. Кэт бросила скутер вниз, Рик ухватился за хвостовой стабилизатор ее аппарата, но пальцы соскользнули, и он полетел дальше. Я успел подвести прямо под него один из зондов, а вторым с размаху долбанул в голову самца, оседлавшего скутер Крейга, и он, наконец, не выдержал — отпустил ветровое стекло и руку Крейга, огромное тело выгнулось дугой и, сорвавшись с капота, обрушилось вниз, ломая тонкие ветви, ударяясь и отскакивая от более крупных. Третьим зондом я протаранил дерево на пути спешившей на подмогу своим большой группе горилл. Зонд взорвался, звери бросились врассыпную.

Из левого двигателя машины Крейга сыпались искры и валил черный дым; она рыскала из стороны в сторону, задевая деревья, а сам Крейг отчаянно пытался справиться с управлением. Кэт, подлетев сзади, выстрелила из гарпунной пушки. Гарпун вонзился в корму, пробив крышку багажника. Крейг понял, что она задумала, и выстрелил из своей пушки в дерево. Минуты не прошло, как они подвесили искалеченный аппарат на тросах между стволами, и Крейг, заглушив двигатели, перебрался на скутер Кэт.

Рику удалось-таки ухватиться за зонд, который я под него подсунул. Маломощные движки и слабый антиграв зонда, конечно, не могли удержать в воздухе вес человеческого тела, но сумели затормозить падение. Обняв стальную сигару зонда руками и ногами, Малыш свалился вместе с ней в заросли густого кустарника, которые

смягчили удар о землю, и он почти не пострадал, отделавшись несколькими царапинами на лице и шее и порванным в двух местах комбинезоном.

Кэт, выбрав свободную площадку, посадила свой скутер, и Крейг отыскал тело мертвой гориллы. Один труп животного, намеченного для поимки живьем, был слишком скудной платой за то, что произошло, но и бросать его не имело смысла — так или иначе, это ведь первый экземпляр, который удалось добыть за всю историю Тихой.

— Оставайтесь на месте, — сказал я. — Сейчас подниму «Рейнджер» и прилечу за вами.

— Не нужно оставлять лагерь без присмотра, — возразила Кэт. — Кто знает, чего еще ожидать от этих тварей. Пусть Малыш, как самый пострадавший, летит туда и сменит тебя.

— Пустяки, я в порядке, — возразил Рик.

— Не вянькай, экстремал несчастный, — оборвал его я. — Кэтти, будь ласкова, врежь там ему по шее, чтоб в следующий раз не пренебрегал страховочным ремнем, а прилетит в лагерь — я ему еще добавлю.

Остаток дня у нас отняла эвакуация с места происшествия. Труднее всего было вытащить разбитый скутер, но удалось и это. Осмотр в лагере показал, что у машины вдребезги разбит левый двигатель, искорежен стабилизатор и пострадала антигравитационная платформа. Насколько серьезно — можно было выяснить, только просканировав аппарат на ремонтном стенде, а стенд находился на «Артемиде». Никуда не денешься, придется везти его на орбиту, о починке таких поломок в полевых условиях нечего и думать. Решили, что на корабль отправится Рик, раз он самый большой специалист по скутерам среди нас. Один зонд вышел из строя — врезался в толстую ветку после того, как я им сшиб гориллу, от второго остались одни шкварки. Зонд, в обнимку с которым Рик рухнул в кусты, работал, но с перебоями. Лучше его тоже отремонтировать или заменить.

Вечером за ужином, несмотря на вкуснейший борщ по-украински со сметаной на первое, все были немного подавлены. Проявление свирепости и столь несомненной склонности к убийству со стороны животных, которых мы привыкли считать пугливыми и безобидными, подействовало на нас угнетающе. Когда «жучка» подала на стол

эскалоп из свинины и картофельный рулет, я приказал ей притащить пару бутылок красного вина — нам всем явно не мешало выпить. После второго бокала ребята оживились, но все равно наше сборище больше всего напоминало заседание военного совета разбитой армии.

— Просто не могу поверить, какие агрессивные сволочи, — выразил общее мнение Малыш.

— И ты станешь агрессивным, когда тебя загонят в угол, — сказал я. — А страховочный пояс придумывали не для того, чтоб некоторые балбесы, вроде тебя, его расстегивали, находясь в воздухе на высоте трех десятков метров.

— Я просто хотел встать — для верности... Но все равно, спасибо, Пит. Здорово ты меня подцепил!

— Ты тоже молодец, не растерялся. Смог ухватиться за него, а это не просто.

— Ты прав. Он слишком мал, к тому же скользкий, как змея. — Малыш беззаботно расхохотался: — Господи, в первый раз слышу, чтоб чью-нибудь задницу спасли при помощи телезонда!

— Мне крайне печально было бы присутствовать на твоих похоронах, вот я и постарался. Но страховку больше не отцепляй. Если не желаешь заботиться о своем здоровье, подумай о Лори. Она с нетерпением ждет, когда ты доставишь ее папаше перламутровых питонов. Держу пари, она сейчас штудировает Кама-сутру, чтобы подготовиться к свиданию с тобой. Правда, ей всего семнадцать, но лучше уж отсидеть срок за соблазнение несовершеннолетних, чем валяться в джунглях на Тихой, разбившись в лепешку.

— Пит, перестань говорить пошлости, — попросила Кэт.

— Я просто хочу разбудить в нашем Малыше остатки чувства самосохранения.

— Придется сделать небольшой технический перерыв в работе, — сказал Крейг. — Почему бы мне, воспользовавшись случаем, не смотаться на орбиту вместе с Риком, захватив нашдохлый трофей? Я мог бы поработать над ним в медцентре «Артемиды». Я не специалист по инопланетным человекообразным, да и возможности медотсека корабля очень ограничены, но, думаю, смогу узнать кое-что интересное. Например, о наличии дополнительных органов чувств у горилл Фостера. Слишком уж быстро они нас каждый раз находят, слишком хорошо предугадывают наши действия. Диана мне поможет.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Можешь, в случае затруднений, потратиться на сеанс связи и пообщаться с Шанкаром Капуром. Тогда в твоём распоряжении окажется база данных Джайпурского института и все другие, к которым имеет доступ сам Шанкар. Заодно расскажешь о наших затруднениях. Спроси, нужны ли ему трупы. Если нужны, пусть позаботится о разрешении на вывоз. Ему с Земли добиться этого будет проще, чем нам отсюда.

— Зачем разрешение? — удивился Рик. — Мы убили его в прядке самообороны, можем сдать труп в анатомичку или набить чучело — на свой выбор. Трофеи, добытые при подобных обстоятельствах, являются собственностью тех, на кого напали.

— Такое право не распространяется на заповедники А-группы, — сказал я. — Строго говоря, мы и подвергать его изучению в лабораторных условиях не можем. Убить при самозащите — да. Вывезти — нет. Резать — тоже. По правилам, мы обязаны передать его ученым Службы охраны заповедников.

— Их здесь лишили всех дел, Пит, — напомнила Кэт. — Крейг говорил, что исследования, проводившиеся здесь непосредственно СОЗ, давно свернуты за неимением средств.

— Правильно, и учитывая этот факт, и прочий бардак, творящийся в заповеднике, Крейг резать гориллу будет. Но мы не сможем без проблем протащить тело через таможню на Безымянной. Будем уходить в подполье из-за одного трупа?

— Нет, конечно, и еще неясно, нужен ли он Шанкару.

— Еще как нужен, — заверил я. — Ему сгодится любой материал, просто он смог достать лишь разрешение на отлов десяти пар. Но о дополнительных квотах добычи пускай позаботится сам.

— Я обещаю выжать из этого тела все, что смогу, — сказал Крейг. — В первую очередь, понятно, то, что будет нам полезно в плане успешного отлова этих животных.

Глаза Крейга сияли. Сначала ему посулили возможность обследовать озеро, в котором нет рыбы, а вот теперь он сможет по уши забраться в потроха дохлой гориллы — ну что еще нужно человеку для счастья?

Наутро Малыш и Крейг вылетели на орбиту. Без внушительной громады «Рейнджера», доминирующей среди прочих сооружений на берегу озера, наш лагерь теперь казался пустоватым и беззащитным.

Это было не так — «сторожа» исправно исполняли свои обязанности по охране периметра; их огневой мощи хватило бы для того, чтобы остановить кого угодно, а общий резерв оставшихся в лагере боеприпасов позволял держать круговую оборону против полчищ любых, самых ужасных монстров в течение месяца. У нас имелось вдоволь продовольственных припасов и энергии, но все равно — без катера на далекой планете чувствуешь себя очень неудобно. Самый лучший, прекрасно оборудованный и технически оснащенный лагерь сразу становится тем, чем и является на самом деле — затерянным в глубинах космоса клочком цивилизации, существование которого невозможно без подпитки извне. Хотя над нашей головой, на орбите Тихой, находилось достаточно людей и транспортных средств, готовых, в случае чего, придти к нам на помощь, но сделают они это только в том случае, если будет в порядке связь. Связь же в последние два дня оставляла желать лучшего.

— Передай привет Диане, — сказал я Рику перед вылетом. — И постарайся изменить ситуацию. Свяжись еще раз с СОЗ. Может, они все же разрешат нам использовать мощности их станций. Честно говоря, их отказ предоставить Диане доступ к системе наблюдения секторов — просто свинство.

— Возможно, станции всех секторов действительно уже законсервированы, — ответил Малыш. — Ты сам говорил, что им невыгодно распространять такую новость. А предоставь они Диане доступ, она непременно узнает, с кем общается — с людьми или с кибами. Но я попробую.

«Рейнджер» поднялся в воздух и, сделав над лагерем круг, пошел вверх. Мы остались одни. Малыш накануне отдежурил первую половину ночи, Крейг, выполняя свое обещание, подменил Кэт на вторую половину, тем более что мы теперь, оставшись вдвоем, вынуждены были и дежурства удлинить вдвое — ребята давали нам обоим возможность отдохнуть. День достался Кэт, а ночь — мне.

Кэтти заступила на вахту, а я запустил в озеро уцелевший зонд, перепрограммировав его в соответствии с новыми задачами. Сразу выяснилось, что рыба здесь есть, но вся держится у дна и подальше от берега. Зонды, используемые в своих целях охотниками, для которых в первую очередь важна надежная связь, передача изображения и локация биологических объектов, совсем не то, что настоящие

исследовательские зонды, применяемые учеными для изучения чужих планет, но кое-что умеют и они. Этот я настроил таким образом, чтобы он к возвращению Крейга успел возможно более полно просканировать все основные уровни и подуровни экосистемы озера. Он должен был также взять пробы воды, грунта и органических отложений.

Потом я надул одну из двух наших лодок — гражданский вариант армейской «Пираньи», предназначенной для диверсионных подразделений десантных войск, оснащенную собственным компрессором и двумя бесшумными двигателями. Отъехав от берега и несколько раз сменив место, я наловил Крейгу рыбы; хотел уже возвращаться, но в душе у меня все возмутилось при мысли ограничиться лишь интересами науки, и я решил продолжить лов в интересах своего желудка. Вернувшись на берег, я часть рыбы поместил в просторный садок, часть засунул в кухонный комбайн, обеспечив тем самым на обед уху и заливное. Кэт скучала в кресле перед терминалом в нашем «штабе». Я свистнул «жучку», и отнес обед туда. Уха Кэт очень понравилась, заливное — еще больше.

— Ты знаешь толк в еде, браконьер несчастный, — похвалила она.

— Это только по закону лов рыбы в заповеднике считается браконьерством, — сказал я. — Но даже зрители ничего не имели бы против, окажись они тут. Парни, работающие на «земле» — совсем не то, что чинуши из УОП. Такая малочисленная группа, как наша, может хоть каждый день иметь к столу свежее мясо и рыбу, и никто слова не скажет, если дело не касается редких видов. Рик прав: когда настроимся с отловом горилл, можно будет поохотиться в свою пользу и устроить парочку пикников с костром и шашлыками.

— А я люблю дичь на вертеле.

— Я знаю. Ну, как там наши застенчивые и кровожадные друзья?

— Все так же любопытны, — сказала Кэт, указывая на экран. — Несколько особей постоянно толкуются в непосредственной близости от лагеря. Иногда собирается три — четыре десятка. Утром, едва я заступила на дежурство, они устроили целый симпозиум в полукилometре от озера — с помощью зонда я насчитала не менее четырехсот.

— Ого! И что?

Кэт пожала плечами:

— Устроили страшный галдеж, шумели часа два, потом разошлись. Наши постоянные соглядатаи участия в собрании не принимали. У них что-то вроде мобильных групп слежения, они перемещаются в лесу, метрах в пятидесяти от пляжа, часто подходя к самой границе зарослей. Не уверена, но, кажется, животные в этих отрядах время от времени меняются, словно передают дежурство по смене.

— Может быть, так оно и есть, — сказал я. — Гориллы Фостера разумны и цивилизованны, не хуже нас. Дозор возле нашего лагеря — их научно-исследовательский центр, в котором они изучают поведение людей в условиях Тихой, а сборище в лесу — обезьяноподобный вариант заседания Комиссии по Контакткам. На сближение они не идут, поскольку еще не решили, стоит ли связываться с подозрительными личностями, вроде нас. Или они просто не готовы к отправке своей делегации на Землю, да еще в принудительном порядке, в клетках.

— Ты очень красочно обрисовал ситуацию, — усмехнулась Кэт. — Если так, то нам будет нелегко выполнить заказ Шанкара Капура, не нарушая этических норм межрасовых отношений с представителями внеземных цивилизаций... А если серьезно, в жизни не встречала ничего подобного. Такое настойчивое внимание со стороны животных к чему-то постороннему, в течение столь длительных промежутков времени, более чем странно. По данным экспедиции Ростовцева, они неотступно толкались возле лагеря и сопровождали исследовательские группы все восемнадцать месяцев работы ученых на Тихой. Ростовцев впервые отметил чрезвычайный интерес отдельных особей к деятельности людей, и я заметила то же самое. Одни приходят и уходят, но трое здесь почти постоянно, даже непонятно, когда они находят время для добывания пищи. Я почти уверена, что один — тот самый, которого мы с тобой увидели в первый день. Это молодой самец, очень больших размеров для своего вида. Второй и третий — зрелые самцы, все трое регулярно выходят к самому лагерю, и не представляет труда рассмотреть их физиономии через камеры. Один из зрелых самцов, очевидно, занимает высокое иерархическое положение в местном стаде — другие при встрече всегда уступают ему дорогу.

— Да ты настоящий обезьяний детектив, — сказал я. — Говоришь, они постоянно отделяются от других? Вот вернутся ребята, попробуем их отрезать и выгнать на пляж.

— Идея. Или подстеречь большое скопление особей, как сегодня.
— Еще лучшая идея. Свалиться внезапно на скутерах сверху...
— Держу пари, Малыш постарается быть в первых рядах такого предприятия.

«Рейнджер» вернулся только на четвертые сутки. Скутер оказался поврежден еще сильнее, чем мы предполагали: пришлось заращивать трещины в антигравитационной платформе, и ремонт затянулся. Рик спрыгнул на землю, и по его глазам, имеющих в данный момент цвет и приветливость грозовых туч, я понял, что он чертовски зол. Наладить стабильную связь «Артемиды» с лагерем не удавалось, на запросы о предоставлении доступа к системе станций «СОЗ-Тихая» с главной базы опять ответили отказом без объяснения причин.

— Если они скрывают полную консервацию системы, неужели не понимают, что из самого их молчания можно сделать выводы? — пожаловался Рик. — Хоть бы наврали что-нибудь.

— Им фантазии не хватает, — ответил я. — Или просто лень выдумывать. Отсутствие фантазии и беспробудная лень — главные отличительные черты бюрократов из УОП.

Подошел Крейг. Он тоже был невесел.

— Узнал что-нибудь?

— Массу интересных для специалиста-экзобиолога вещей, — ответил он. — Но ничего полезного для нас. Никаких дополнительных органов чувств у горилл нет. Обычные обезьяны. Мозг вот только... Мозг у них просто огромный. Больше, чем у человека.

— Что это значит? Они все-таки разумны?

— Может да, а может, нет. Не забывай, речь идет об инопланетном обезьяноподобном существе, которое впервые попало под скальпель, да еще в обычном корабельном медотсеке. Я бы воздержался пока от далеко идущих выводов. Разумность вида признается или отрицается на основании наличия либо отсутствия нескольких главных и десятка второстепенных признаков... — Крейг, спохватившись, замолчал, затем добавил: — Короче, разумность определяется не по размерам мозга одной единственной особи. Человечеству уже известны в высшей степени разумные существа, у которых вовсе нет ни мозга, ни нервной системы. Также известны животные с огромным мозгом, которые глупее улитки. Иногда природа делает что-то с запасом, и часто этот запас остается невостребованным.

— Ты имеешь в виду, что... — Кэт поднялась из кресла возле терминала. С прибытием «Рейнджера» ее вседневные дежурства закончились. — Хочешь сказать, именно гориллы Фостера, а не туземцы, должны были основать цивилизацию на Тихой?

— Это возможно.

— Господь Бог любит устраивать отбор на конкурсной основе, — сказал Рик. — Вспомните земных неандертальцев. У них тоже объем мозга был больше, чем у современных людей.

— Не совсем точное сравнение, но... — Крейг снова замолчал. — Я бы сказал — человек и шимпанзе. Шимпанзе достаточно сообразительны, в неволе могут перенимать многие чисто человеческие привычки. Представьте себе шимпанзе с мозгом как у нас. Возможно, они станут еще сообразительнее. Но это еще не сделает их людьми.

— Я считаю дискуссию излишней, — сказала Кэт. — Специалисты по контактам какие только программы не прокручивали этим гориллам, благо зрители из них просто великолепные, всегда на месте. Но они никак не среагировали.

— Кэт права, — согласился Крейг.

— Поэтому предлагаю по-прежнему считать их обезьянами и законной добычей, — сказал Рик. — Давайте поймаем этих сукиных детей. В жизни не прощу им, что они разбили скутер.

— Если у них нет никаких органов чувств, кроме обычных, как же они всегда о нас знают? — спросил я.

Крейг пожал плечами.

— Я неверно выразился, сказав, что их нет, — признался он. — Просто я их не обнаружил. А экстрасенсорные способности и вовсе не обнаружить хирургическим путем.

— Ты говорил с Шанкаром?

— Да. Он в восторге. С присущей ему щедростью пообещал оплатить сеанс связи.

— Бесценный клиент, — похвалила Кэт.

— Попросил меня подождать со вскрытием пару часов, потом сам заказал с Земли полноформатный сеанс и наблюдал, когда я резал. Сказал, что разобьется, но достанет разрешение на вывоз тела. Но умолял больше горилл не убивать. Иначе могут возникнуть

осложнения с отловом. Он намекнул, что кое-кто в УОП не прочь отозвать наше разрешение. Похоже, у нас появились конкуренты.

— Час от часу не легче! Кто?

— Он сам не знает. Но не исключено, что кто-то еще получил разрешение на отлов горилл Фостера.

Под навесом завершал сигнал вызова. Мы бросились туда. Это был Ливнев, и качество связи радовало глаз. На экране я видел, что инспектор, как всегда, подтянут и сосредоточен.

— Простите, каким каналом вы пользуетесь? — вылез вперед Малыш.

— Линией СОЗ, разумеется, — ответил Ливнев. — С высоких орбит связь последние дни нестабильна, и директор заповедника Василадис любезно предоставил мне доступ...

— Проклятый ублюдок!!! — заорал Рик. — Простите, инспектор, это я не вам. Василадис! Я обращался лично к нему, а он ответил, что... Вот урод мерзкий!

Ливнев понимающе улыбнулся.

— Я слышал об этом. Согласен, что отказ предоставить вам доступ к системе СОЗ некорректен. Тем более что ваша группа находится непосредственно в районе риска. К сожалению, я не могу здесь командовать. Я мог лишь настоятельно попросить... Им ничего не оставалось, как выдать мне минимально необходимую информацию. Вам известно, что некоторое время назад на Тихой исчез некто Левицкий?

— Да, а еще погиб его сын.

— Вот как? — Ливнев нахмурился, и я понял, что он этого не знал. — Дальше. Левицкий работал смотрителем восемнадцатого сектора — того самого, в котором находитесь вы. Исчез он в этом же секторе. Точное место мне назвать отказались, сославшись, что координаты места происшествия может раскрыть лишь профессиональная следственная группа по завершении всех процедур. Но формально следователь имеет право держать координаты втайне до обнаружения либо Левицкого, либо достоверных доказательств его гибели, то есть — до бесконечности. Я считаю, что эта глупая игра руководства СОЗ в секретность вызвана тем, что, по слухам, Левицкий... и его сын высадились на территории сектора с целью заняться незаконным отстрелом, проще говоря — браконьерством.

Чрезвычайно скандальное происшествие. Боюсь, это все, что я могу вам сообщить. Будьте осторожны. На планете опасно.

Попрощавшись, Ливнев выключил связь. Наступившее молчание нарушил Рик:

— Молодец он, этот инспектор. Василиадис предоставил ему связь, а он почти в открытую назвал его дураком. «Глупая игра руководства в секретность»... Надеюсь, директор прослушивал канал и все слышал. Жаль только, этот Ливнев был излишне вежлив.

— В отличие от тебя, — заметил Крейг.

— Надеюсь, Василиадис и меня слышал, — хладнокровно ответил Рик.

— Ну что, народ, начнем работать? — предложила Кэт. — Быть осторожнее, чем мы сейчас, попросту уже невозможно. И если некоторые из нас не станут расстегивать страховочные ремни...

Глава 3. Последующие попытки отлова

Остаток дня мы посвятили разработке стратегического плана поимки трех неосторожных самцов, которых заприметила Кэт, и ожиданию подходящего момента. Было выдвинуто несколько вариантов, но для надежного воплощения в жизнь любого из них требовалось, чтобы вблизи пляжа собрались все трое. До вечера такого случая не представилось, ночью тоже; но ночную охоту мы с самого начала решили отложить на будущее, если наши шансы на поимку горилл станут абсолютно безнадежны. Ночная охота на скутерах в глухих джунглях — удовольствие ниже среднего, и мы пока не смогли достоверно определить периоды сна и бодрствования этих животных. Из отчетов мы знали, что все известные виды фауны Тихой придерживаются обычного циркадного ритма. Исключение составляли немногочисленные многоногие, которые бодрствовали первую половину ночи, а во второй половине спали, точно так же и днем. Но все четыре периода все-таки укладывались в рамки местных суток. А наши гориллы вроде бы и не спали вовсе. С помощью одних зондов трудно уследить в густом лесу за животными, которые в ужасе шарахаются от них, но мы успели накопить достаточно информации, и Крейг в паре со своим Кальяном попытался ее проанализировать. Через несколько минут они включили в прогноз-группу Биаса, а через полчаса, в один из периодов хорошей связи с орбитой — Диану. Еще через час Крейг устало откинулся на спинку кресла и даже скинул с головы обруч коммуникатора.

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Слишком мало сведений.

— Но хоть что-то получилось? — спросил я.

— Вероятность пятидесятипроцентная. Кому нужен такой прогноз?

— На худой конец сгодится. Мои предки по русской линии в таком случае говорили: «На безрыбье и рак рыба». Понял?

— Нет. То есть, понял, но в этой твоей присказке все наоборот. Раки — деликатес, а рыба — далеко не всякая. Должно быть: «На безрачье (о, ужас!) и рыба — рак».

— А у них в древности были другие гастрономические предпочтения.

— Надеюсь, у них и с прогнозами было получше, чем у современных экзобиологов, — вмешалась Кэт. — Не тяни, Крейг.

— Исходя из имеющихся данных, — сказал Крейг, — можно сделать вывод, что у них четкого ритма нет вообще. Так не бывает, поэтому логичнее предположить, что это у горилл связано с внешними воздействиями. Проще — с ситуациями, которые по какому-то поводу важны для них. Заинтересовавшись чем-то, или чего-то испугавшись, они могут не спать всю ночь и весь следующий день.

— То о чем ты говоришь, свойственно лишь существам разумным, — заметила Кэт. — Животные не страдают бессонницей от страха — как только становится безопасно, они тут же успокаиваются. Некоторые весьма любопытны, однако ни один зверь не пропустит из интереса к чему-то постороннему период сна или обед. Мы уже договорились считать их просто обезьянами. Ты хочешь пересмотреть этот вопрос?

— Я такого не говорил, — отрекся Крейг. — Я просто сказал, что мне удалось выяснить.

— Я тоже просто спрашиваю, строго из интересов дела. Ты в этом плане знаешь больше, чем мы все. Хочешь пересмотреть?..

Крейг задумался на секунду.

— Нет. Когда информации станет больше (если станет), я смогу сказать что-то более определенное.

— Если гориллы разумны, Комиссия по Контакткам поставит нам памятник, — сказала Кэт. — Мы войдем в легенды!

— Я предпочитаю гонорар от Шанкара Капура, — быстро вставил Рик.

— Если они разумны, и Комиссия припомнит нам убитого самца, то памятник будет надгробным, а в легенды мы войдем посмертно, — сказал я.

— Пит прав, — рассудил Крейг. — Слишком необычны наши обезьянки. Не пора ли передать сведения в Комиссию? На орбите полно их людей.

— И лишиться такого заказа? — возмутился Малыш. — Они, конечно, сразу же вышлют с Земли группу, будут проверять, а нас отсюда выдворят до выяснения обстоятельств. Период проверки они могут растянуть хоть на пять лет, хоть на десять. Мы потеряем гонорар.

— Когда тебя на заседании Комиссии начнут зажаривать над костром из протоколов, гонорар тебя вряд ли утешит, — сказал я. — Крейг, неужели произвольное нарушение циркадного ритма такой важный признак?

— Один из признаков... Не знаю. Я не специалист по разумным существам или существам с зачатками разума. Сомневаюсь, что серьезные сведения такого рода есть даже у Дианы. Полная информация по этим вопросам только у спецов-контактеров.

— Можно послать запрос им, — предложила Кэт.

— Проще сразу передать все данные, — ответил Крейг. — Они зацепятся за наш запрос и все равно вытряхнут их из нас. Пришлют группу и закроют планету. Если потом ничего не подтвердится, мы не только потеряем деньги, но и станем посмешищем среди всех звероловов.

— А если подтвердится, и выяснится, что мы утаивали сведения и продолжали отлов, нас лишат лицензии — как минимум, — сказал я.

— Можно уничтожить отчеты, — буркнул Рик.

— Можно, но если потом такое всплывет в ООЗ, нас исключат навсегда. А со стороны Комиссии такие действия расценят не только как преднамеренные, но и как злостные. И лишение лицензии, и тюремный срок.

Рик нервно вскочил, потом снова упал в кресло.

— Ну почему нам не попался заказ, с которым было бы все просто и ясно? — простонал он. — Какого черта нас занесло на Тихую ловить нестандартных горилл?

— Ты ведь сам хотел поохотиться в заповеднике, — напомнил я. — Мы все были против, но наконец поддались на твои уговоры. Фирма пошла навстречу твоему желанию, так что это ты во всем виноват.

Рик изумленно выпучил глаза, не в силах вымолвить ни слова от возмущения.

— Ну ладно, я пошутил, — сказал я, не дожидаясь, пока он очухается. — Мы оказались здесь потому, что нам пообещали кучу денег за работу, которую мы посчитали несложной. Работа оказалась сложнее, чем мы предполагали. Но разве это в первый раз? Почти всегда так и бывает, когда берешься за отлов животных, которых мало

кто ловил или никто не ловил, а заказы, с которыми все просто и ясно, оплачиваются сам знаешь как.

— Никто из вас еще не предложил конкретно, что делать, — едко заметила Кэт.

— В том числе и ты, — не менее едко ответил я. — Биас, сверься со сводами правил Комиссии, ООЗ, УОП, Господа Бога, чертовой бабушки и сообрази, насколько серьезно положение. Должны ли мы передать сведения уже сейчас, или можно не суетиться? А также нам нужно знать, сколько вообще мы можем тянуть с передачей информации, не нарушая чисто этических норм, если эти ушлые макаки на самом деле не животные. Думаю, никому из нас не хочется оказаться в роли бессердечных живодеров, сажающих в клетки и отдающих под нож потенциальных братьев по разуму?

Все согласно кивнули, а Кэт сказала:

— Сделай, Биас.

— Лучше спросить Диану, — ответил киб-мастер. — Она поумнее, чем я, а связь все еще хороша.

— Диана?

— Уже готово, — отозвалась та. Несомненным преимуществом искусственного интеллекта с человеческими качествами является способность предпринимать нужные шаги не дожидаясь приказа. — Вы можете спокойно работать до возрастания вероятности наличия разума у вида свыше ноль семи по шкале Генриха, причем не по одному, а хотя бы по трем параметрам. Пока такой индекс имеют лишь отдельные поведенческие характеристики. Главный признак — деятельность, которую можно без сомнений классифицировать как разумную у существ такого типа, отсутствует полностью. Они не строят жилищ, не пользуются огнем, не выращивают продукты питания, не пользуются орудиями труда, за исключением случаев, вписывающихся в естественные рамки. Например, они переворачивают большие камни, под которыми разыскивают мелкую живность, вроде слизней и личинок насекомых, пользуясь палкой, как рычагом. Но то же самое можно сказать о представителях многих видов. Мне продолжать Пит, или я тебя успокоила?

— Не ехидничай, детка, дело серьезное, — ответил я. — Но мы готовы тебе верить.

— Это — относительно этических норм, — сказала Диана. — Биас передает мне всю новую информацию по мере возможности. Если любые три параметра (даже второстепенные) наберут хотя бы шесть с половиной, я вам немедленно сообщу. При отсутствии связи решайте сами, исходя из ситуации. Чисто юридически вообще все железно. Отсутствие связи и, вместе с ней, возможностей к полноценному анализу — не ваша проблема. Самый мощный ваш анализатор — я, а со мной связь в большинстве случаев отсутствует. СОЗ отказалась предоставить мне доступ к их базам данных и каналам связи «СОЗ — Тихая»...

— Ты умница, малышка!!! — Рик от восторга хлопнул в ладоши. — В случае чего, свалим всю вину на этого мудака Василиадиса.

— Я не то хотела сказать, — поправилась Диана. — Но Малыш прав. Служба охраны заповедников проводила на Тихой собственные многолетние наблюдения за гориллами Фостера. Имея доступ к их закрытым файлам, я могла бы провести наиболее полный анализ — этих материалов нет больше нигде, даже в большом архиве ООЗ. Их нежелание делиться информацией может быть использовано не только как весомый аргумент при объяснениях с УОП или Комиссией, но, — последнее явно было сказано в сторону Рика, — но и как доказательство вашей невиновности на суде любого уровня.

Малыш смутился:

— Да что мне — больше всех надо, что ли? Получается, что я только о своей шкуре забочусь. Мне не больше вашего хочется убить существо, которое может оказаться разумным... Может, даже своего будущего коллегу.

Я очень живо представил себе гориллу в полном снаряжении охотника на заднем сиденье скутера Рика. Крейг рассмеялся. Кэт сказала:

— Считаю вопрос закрытым. Операцию по отлову немедленно прекратим по возрастанию показателей до указанных Дианой величин. Остается хороший запас, и никто не сможет упрекнуть нас в живодерстве — ни посторонние, ни мы сами. А если от всего шарахаться, невозможно будет работать.

Итак, мы твердо нацелились на продолжение отлова, сосредоточившись на поимке трех больших самцов, прозванных Кэт «начальниками караула». Они выделялись среди своих сородичей

независимым поведением и всегда подходили к границе подконтрольной нам зоны ближе, чем группы горилл и отдельные животные, постоянно отирающиеся у нашего лагеря. Словно почуяв, что мы готовим, самцы весь день и первую половину ночи выходили на вахту поодиночке. Не желая уменьшать свои шансы, мы ждали. Под утро к границе подлеска вышли все трое, но нам пришлось снова ждать, пока немного рассеется туман, который на сей раз оказался совершенно непроницаемым. Даже пляж, над которым туман всегда был реже, чем над озером, заволокло густой белой пеленой; большинство наших приборов стали «видеть» куда хуже. Крейг, понадеявшись на то, что гориллы тоже слабее видят в этом молоке, вывесил три зонда на высоте тридцати метров и выдвинул их в лес; два других вывел на границу подлеска на высоте десяти. Общая картина прояснилась. Двое самцов покинули заросли и были на пляже.

— Крейг, они уже совсем близко. Как настроены сенсоры «сторожей»?

— Только на движущиеся объекты, — ответил за Крейга Суслик, про которого я позабыл.

Животные в лесу тоже придвинулись ближе, растягиваясь цепью, их было не менее сорока — тех, что мы видели. Спереди цепи находились две группы животных в пять — шесть особей. Крейг выдвинул один из трех зондов еще глубже в лес, ухитряясь не задевать ветки. Кэт ахнула, когда на экране радара высветилось сплошное месиво красных пятен.

— Господи, сколько же их там?

— Не могу тебе сказать. Полно.

Два самца на пляже подошли еще ближе, вышел из кустов и третий. Он долго выжидал сначала, но теперь продвигался увереннее двух первых. Все трое давно находились в зоне поражения, но роботы не видели их в тумане. В лесу к первым двум передовым группам в центре добавились две более многочисленные группы на флангах. Я поймал себя на том, что все больше мыслю не в охотничьих категориях, а в военных, но и то, что происходило в джунглях, больше всего напоминало подготовку к массивной атаке.

— Биас, дай прогноз, — приказал я. — Когда среагируют детекторы движения?

— Дистанция восемнадцать-двадцать метров, — отозвался киб-мастер.

— Всего-то?

— Я могу увеличить чувствительность или перевести роботов на наводку с зондов. Но тогда они начнут стрелять прямо сейчас.

— Шанкар просил обойтись без трупов, — напомнила Кэт.

— Но наши трупы ему и вовсе не пригодятся, — ответил я. — Как ты думаешь, Крейг, они могут броситься на нас всем скопом? Если да, то в этом тумане нам конец. «Сторожа» стоят слишком редко.

— Теоретически, могут, конечно, — сказал Крейг. — Но подобных прецедентов не отмечено.

— «Теоретически могут», — передразнил я его. — «Прецедентов не отмечено»... Не отмечено никем, кто остался в живых. А сотрудники «Вудс индастриз»?

Мы все были в «штабе». Крейг резко развернул кресло и потрясенно уставился на меня. Потом вспомнил о своих обязанностях оператора.

— Раны на телах были больше похожи на следы зубов крупного хищника, — ответил он, разворачиваясь обратно к пульту.

— Раны на телах, которые исчезли, и больше их никто не видел. Пока никому не удавалось снять слепок с челюстей горилл. Ты вот догадался, когда проводил вскрытие самца?

— Господи, нет.

— Мы все видели его, — сказал Рик. — Достаточно здоровые клыки. И весил он килограмм сто сорок.

— Сто сорок шесть, — поправил Крейг.

— Малыш, ты говорил, ребят из «Вудс индастриз» растерзали, но не съели. Смахивает на типичное проявление ярости со стороны животных-вегетарианцев.

— Их там уже не менее пятисот, — заметила Кэт. — Невесело будет подыхать на этом пляже, погребенными под грудой озверевших горилл.

— Биас, готовь свои пушки, — сказал я, и мы услышали тихое жужжание, когда киб-мастер развернул турель со сдвоенным крупнокалиберным пулеметом. — Катер стоит носом к лесу, используй два передних пулемета по центру, а башенные — по правому флангу. Четвертого «сторожа» перемести от озера на левый фланг. Ты будешь

наводить по аппаратуре зондов. Наводку «сторожей» оставь как есть. Незачем самим начинать бойню.

— Может, нам укрыться в катере? — спросил Крейг.

— Станет по-настоящему опасно — так и поступим. Но это не выход. Мы притащили сюда с «Артемиды» почти все оборудование. Если они разнесут лагерь, нам ничего не останется, как свернуть охоту и возвратиться на Безымянную.

— Давайте пугнем их, — предложил Рик. — Выстрелим по кустам хлопущей.

— Именно внезапный резкий звук и может спровоцировать нападение. Мы мало о них знаем. Лучше не рисковать.

Пару часов мы чувствовали себя как в осаде; трое самцов бродили в тридцати метрах от линии сторожевых роботов, но отступили в лес незадолго перед тем, как туман стал редеть. Все вздохнули с облегчением. Большое сборище в лесу рассосалось задолго до того, как мы оседлали скутеры и принялись осуществлять наш план. Крейг, оставшись в лагере, засел в рубке «Рейнджера» и задраил люк. Я летел один, Рик был стрелком у Кэт. Наши машины разошлись в стороны и, описав в воздухе по широкой дуге, вышли в тыл «начальникам караула» и «сторожевым дозорам» горилл. Последние нас сейчас не интересовали. Мы хотели сделать вид, что охотимся на них, но проскочить мимо и с ходу войти в подлесок, отрезая трех самцов. План был хорош, но с треском провалился. Едва скутеры нырнули в заранее намеченные просветы в кронах, как группы горилл бросились врассыпную, а трое самцов рванули в лес с такой скоростью, что отрезать их мы не успели. Продолжать их преследовать в джунглях не имело не малейшего смысла, поэтому мы возвратились в лагерь. Рик, слезая с заднего сиденья, в рассеянности зацепился ботинком за стабилизатор, сплюнул и грязно выругался. Я прекрасно понимал его чувства. Ни один профессиональный зверолов в глубине души не верит, что существуют животные, которых он не способен перехитрить и поймать. Когда попадается зверь, которого он в течение продолжительного периода времени не может отловить, несмотря на свой опыт и техническое оснащение, это приводит его в состояние тихого бешенства. Особенно раздражает ситуация, когда невозможно понять, что является этому причиной. Современный охотник,

вооруженный превосходной техникой, привык к легким успехам и плохо переносит, когда ему вот так раз за разом утирают нос.

Мы думали, что гориллы долго не появятся вблизи лагеря, но не прошло и двух часов, как все они опять были на месте; только численность групп «дозорных» сократилась до трех-четырёх особей. Когда все три «начальника караула» заняли свои посты на опушке, мы испробовали другой способ. Вылетев из лагеря в сторону Малого Круглого озера, нырнули в лес и стали пробираться к лагерю, заглушив всю технику, какую только было возможно. Даже передачу данных между личными кибками отменили, они лишь держали связь с Биасом, который должен был нас предупредить, когда мы выйдем в нужный район. Через полчаса он сказал:

— Ничего не получилось. Вы еще не вышли на позицию для броска, а они уже отступили.

В третий раз мы использовали завесу из зондов. Из последнего рейса на «Артемиду» Крейг привез оттуда весь наш запас, и теперь их у нас насчитывалось, в общей сложности, двенадцать. Выведя зонды в лес, мы опять зашли с тыла. Крейг пугнул самцов из лагеря, приказав Биасу выстрелить в подлесок шумовой гранатой. Все было бы хорошо, да только гориллы не испугались взрыва и остались на своих местах. Нам ничего не оставалось, как двинуться на них, в надежде подстрелить хоть одного. Крейг манипулировал зондами. Самцы, против своего обыкновения, не попытались избежать встречи с ними и помчались напрямую сквозь завесу. Пока мы подоспели к месту событий, они уже ушли; Крейг попытался оглушить одного зондом, но разбил его о дерево.

В течение целой недели мы старались изловить горилл, используя все известные уловки и на ходу изобретая новые. Потом мы попытались обмануть их, без конца повторяя одни и те же маневры, в надежде сбить животных с толку однообразием действий — не помогло.

Мы с Крейгом старались сохранять хладнокровие, зная из опыта, что с добычей из рейса возвращаешься не всегда. С самого начала мы держали в голове, что можем улететь с Тихой, так никого и не поймав. Кэт психовала страшно. Опыта у нее не меньше, чем у меня и Крейга, но она терпеть не может отступать. Рик был вне себя. Его удивительные глаза меняли цвет с угольно-черного на мертвенно-

белый, что у него соответствовало состояниям ярости и крайней ярости. На десятый день гориллы, продолжая легко пресекать любую попытку лишить их свободы, обнаглели настолько, что стали то и дело показываться в ветвях стоящих близ пляжа деревьев. Мы впервые получили возможность сколько угодно наблюдать их непосредственно, но никого это не утешало. Им всегда удавалось скрыться прежде, чем мы успевали прицелиться и выстрелить парализатором. Рика мы не пускали дежурить в рубку, не без оснований опасаясь, что он пустит в ход пулеметы «Рейнджера». Кэт уже накалилась до температуры плавления металлов.

Ее терпение лопнуло, когда один «начальник караула» спустился на толстую ветку дерева, нависшую над самым пляжем. Он уселся на корточки и уставился на нас. На его морде было написано пренебрежение и крайнее высокомерие.

— СУКИН СЫН!!! — взвыла Кэт, вскидывая к плечу винтовку; судя по всему, у нее и в мыслях не было брать самца живьем. Я быстро протянул руку и пригнул дуло к земле, но за секунду до этого горилла, подпрыгнув вверх на добрых четыре метра, скрылась из виду. Минуты две с очаровательных, по детски пухлых губок Кэт срывались такие ужасающие ругательства в адрес горилл Фостера, а заодно и в мой, каких никто из нас еще от нее не слышал. Воспользовавшись короткой паузой, которая ей потребовалась для того, чтоб набрать в грудь побольше воздуха, я сказал:

— Расслабься. Нет смысла убивать их только потому, что они оказались умнее нас.

— Вряд ли они нас умнее, — выдохнула она. — Просто мы пока не нашли их слабое место. У всех есть слабое место.

— Золотые слова, — охотно согласился я. — Вот и давай поищем его повнимательнее.

— Кэт права, эти твари всех уже достали! — Глаза Рика потемнели до предела. — Давайте настроим «сторожей» на максимальную дальность поражения и выдвинем их к линии леса. Кого-нибудь да зацепим. Шанкар Капур...

— Шанкар как раз просил нас воздержаться от убийств.

Плечи Рика понуро опустились.

— Мне просто жаль: такой заказ — и ни хрена не получим. Так хоть тела продали бы. Пускай потом Шанкар сам разбирается.

— Малыш, если мы послушаем тебя, то после короткого заседания суда нас всех похоронят заживо. А рядом будет могила Шанкара Капура. Деньги в этом сезоне мы и без горилл получим неплохие. Ты что, забыл условия контракта?

— Если хочешь, я прошу тебе восемь штук, которые ты мне должен, — предложила уже успокоившаяся Кэт.

— Ну уж нет, Кэтти, я не...

— Тогда отсрочу выплату до следующего сезона.

— Да не из-за денег я! Просто меня раздражает, что эти твари бесконечно ускользают от нас, а мы...

— Ну вот так и скажи. А то завел одно и то же — заказ, заказ... Всех достали гориллы, не только тебя. Все уже утомлены их хитромудростью. Но у нас еще немало времени на их поимку. Оплаченного времени, заметь. — Малыш попытался что-то сказать, но я его остановил: — Я уже понял, что ты не из-за денег. Все это знают. Просто успокойся. Это не поединок, в котором надо непременно взять верх — обычная работа.

На следующий день Крейг развернул «Рейнджер» боком к лесу и засел в шлюзовой камере, вооружившись «Горгоной» — специальным дальнобойным ружьем, предназначенным исключительно для стрельбы парализующими капсулами на большие расстояния. Гориллы тут же попрятались и не показывались до тех пор, пока Крейг не покинул свою засаду, просидев там без всякой пользы более двух часов.

Следующая попытка была моей. Я лег на обеденный стол в столовой, опустив предварительно все стенки палатки и вырезав аккуратную дырку в одной из них. Высунув наружу дуло «Горгоны», я стал подкарауливать животных, пользуясь изображением и наводками с зонда, которые передавал мне Биас при посредстве Суслика. Повезло мне не больше, чем Крейгу, и я уже через час бросил это дело.

Кэт, нарезав с помощью роботов obsługi уйму зеленых веток, устроила под прикрытием корпуса «Рейнджера» засидку, замаскированную под большой куст. Работала она долго, а когда закончила, все сошлись на том, что это настоящий шедевр. В заключение Малыш помог ей обрызгать ветви консервантом, чтобы листья не вяли возможно дольше. Ночью, перед рассветом, Крейг поднял катер и переставил его на другое место. У Кэт терпения

хватило на целых шесть часов, после чего она сделала большой перерыв и провела внутри своего куста еще четыре часа ночью. Днем гориллы высунули морды из зарослей едва она покинула засидку, ночью внезапно вообще покинули прилегающую к лагерю территорию, исчезнув даже с экранов биорадаров, передающих картинку с подвешенных далеко в лесу двух зондов. Стало очевидно, что так горилл не подловишь, создавать миражи с помощью роботов-имитаторов мы пробовали и раньше.

Однажды вечером, за ужином, с любовью укомплектованным Кэт блюдами из французской кухни, мы все старательно избегали темы отлова горилл, пока Крейг не сказал:

— Надо менять тактику.

— Сначала поменяем место лагеря, — предложил я. — Здесь нам ничего не светит.

— Правильно, — поддержал меня Рик, — давайте хоть слезем с этого чертова плато. Может, внизу, на равнине повезет больше.

— Не просто слезем, — поправил я. — Лучше сразу перенести лагерь на значительное расстояние. Все местные макаки нас уже доподлинно знают. Но сначала надо связаться с Шанкаром. Доложим обстановку и предупредим, что на дальнейшие попытки мало надежды. Единственное, чего мы еще не пробовали — расстановка ловушек.

— Толку-то от них, — заметил Крейг. — Мы ведь не знаем, как настраивать приманку. На что они клюнут?

— Вот это ему и сказать. Ведь мы с самого начала не собирались вешать ему лапшу на уши, верно? Если он не захочет продолжать, сматываемся отсюда. Если захочет — сидим на Тихой до упора, пока не истечет шестимесячный срок разрешения на отлов. Вряд ли мы найдем другую работу до конца сезона.

— Тогда нечего тянуть, — сказала Кэт. — Биас, связь с Дианой, а через нее — с Землей при первой возможности. Или, лучше, передашь ей всю последнюю информацию, пусть свяжется сама.

Ответа нам пришлось дожидаться целых два дня, но он был вполне определенным. Шанкар настаивал на продолжении охоты на прежних условиях. В случае, если в этот период нам поступит более выгодное предложение от третьего лица, он обещал компенсировать издержки, связанные с потерей такого заказа. Мы и вправду могли, в

одностороннем порядке, по причине бесперспективности, расторгнуть контракт с Шанкаром. Но никто не собирался этого делать — должно быть, он просто не совсем правильно понял смысл нашего запроса. Дополнительный заказ мог поступить только через ООЗ, но надежда на это была невелика. А главное, поимка горилл Фостера стала для нас уже почти что делом чести.

— Здорово нужны ему эти макаки, — удивился Рик.

— Замечательный человек, — сказал Крейг. — Если он станет нашим постоянным клиентом, мы можем ни о чем больше не заботиться в жизни до самой старости.

Послание Шанкара мы получили под вечер; подготовку к переселению было решено начать с утра. Все повеселели. Крейг, сверкая глазами, спросил нас, не сможем ли мы обойтись без него — ему хотелось остаться у озера до последнего, он мечтал провести еще несколько опытов. Последние двое суток он без конца запускал зонды в воду, меняя их настройки, и наловил столько рыбы, что можно было бы открыть прямо на берегу небольшой консервный завод. Однако ему еще казалось мало, и мы согласились — старый лагерь все равно нужно кому-то охранять. После нападения на скутер и непонятной активности целой армии горилл две недели назад, мы перестали доверять их безобидности и пугливости.

Глава 4. Пассивный способ охоты и некоторые особенности заготовки свежего мяса

— Вот здесь, — сказала Кэт на следующее утро, указывая на обзорный экран. «Рейнджер» висел над самым краем плато, обрывавшегося почти отвесным склоном в расстилающиеся на равнине джунгли. — Мне надоели эти бесконечные бдения то в «штабе», то в рубке. Если нам предстоит торчать на Тихой еще несколько месяцев, давайте устраиваться с удобствами. Здесь мы можем спокойно спать по ночам — все сразу; для охраны будет достаточно «сторожей» и Биаса. Смотрите, какой простор — здесь и «Артемиду» можно посадить, если надо.

Место выглядело просто замечательно. От края плато до границы сплошных зарослей на восемьсот — девятьсот метров простиралось открытое пространство с разбросанными по нему валунами, выступавшими из сочной травы, и деревцами с пушистыми кронами. Мелкая речушка, вытекая из леса, делала здесь петлю и стремилась по самому краю плато дальше, падая на равнину каскадом небольших водопадов в пятнадцати километрах отсюда. Обрыв нависал над равниной на высоте тридцати метров над вершинами самых высоких деревьев внизу, и с этой стороны мы были бы в полной безопасности.

— Поставим «сторожей» здесь и еще здесь... — планировала Кэт, тыкая пальцем в экран. — Господи, да и трех штук хватит, чтобы наглухо закрыть периметр. Но выставим всех. Я лично установлю им максимальную дальность поражения. Я больше не дам так трепать себе нервы, как на старом месте. А если роботы пристрелят парочку любопытствующих горилл, которые посмеют высунуть свой нос из леса, то это не беда. Зато будем жить спокойно.

Мы согласились с Кэт. За это утро мы успели осмотреть несколько подходящих мест, но ни одно из них нас не устроило так, как это. Рик связался с Крейгом, но тот был слишком занят, торопясь закончить свои опыты на озере, и буркнул, что его устроит что угодно. После

этого решение можно было считать единогласным. Я повел «Рейнджер» на посадку.

Единственного взятого с собой робота-часового мы сразу загнали на стоящую в двухстах метрах от края плато скалу с плоским верхом, которая господствовала над всем открытым пространством по обоим берегам реки, и принялись расставлять палатки. Малыш улетел на «Рейнджере» в старый лагерь. Роботы обслуги трудились как надо. Кэт взяла пробы воды из речки — она оказалась еще чище, чем была в озере. С водой на Тихой нам вообще пока везло. В кронах деревьев, в тени которых мы расположили палатки, щебетали небольшие диковинные птички самых ярких расцветок, что я здесь видел. А может, раньше я просто не обращал внимания. Слишком занятые в первое время нашими гориллами, мы мало смотрели по сторонам. Теперь, когда стало ясно, что нам не удастся быстро завершить работу и улететь с планеты, мы начали чаще оглядываться вокруг. Тропический мир Тихой не был похож на тропические и экваториальные леса Земли и других планет, но он был по-своему красив, по-своему гармоничен.

Мы никуда не торопились, и благоустройство лагеря заняло целый день. Рик тоже не спешил, чувствуя, что его все равно тормознет Крейг. Малыш забрал его с берега озера и привез на новое место с остатками оборудования уже под вечер. Крейг вылез из катера, осмотрел новый лагерь, удовлетворенно кивнул, и растянувшись во весь рост на траве под одним из деревьев, сладострастно застонал, выпрямляя спину. Солнце клонилось к закату. Я подошел и улегся рядом с ним.

— Ну, нашел ты что искал?

Крейг только промычал в ответ.

— Значит, не нашел?

До Крейга дошло, что я от него не отстану.

— Если б я знал, что ищу, было бы проще, — сказал он. — Тыкаться наобум, не имея достаточно времени... Лучше бы я вообще это озеро не трогал. Ты хорошо понимаешь, что такое экосистема? Отдельно взятого водоема, например? В экосистеме Большого Круглого озера отсутствуют целые фрагменты, причем немаловажные. Сам знаешь, если полностью уничтожить какой либо вид, это повлечет гибель других видов. Следствием будет или гибель всей экосистемы (в

крайних случаях), или ее частичное видоизменение. Ты сам заметил, что на озере нет водоплавающих птиц... и много чего еще там тоже нет. Короче, там недавно произошло частичное или полное вымирание многих видов живых существ.

— Как в Мертвых озерах?

— Там вымирание было тотальным.

— Ну и что это значит?

— А я знаю? Говорю же, лучше бы и не брался вообще, только расстроился. Сколько раз клялся себе не проводить изыскания на скорую руку. Нужны планомерные исследования, причем комплексные. Озеро я прозондировал, а соседнее — Малое Круглое — там что? А окрестные леса? Это только принято говорить так: «экосистема озера». Она ведь не существует обособленно от экосистемы планеты, верно? Рассматривать ее в отрыве от целого бесполезно.

— Аппетиты у тебя... То радовался озеру, а теперь уже всю планету подавай.

— Но только так можно вскрыть истинные причины... И не пытай меня. Я не узнал ничего определенного. — Крейг сделал длинную паузу и добавил: — Диана по своей линии тоже в тупике.

— Насчет чего? — не сообразил я.

— Насчет перебоев связи, — ответил он. — Мне они не нравятся. Диана пыталась разобраться, в чем дело, но не получилось. Мы с ней проводили эксперимент — при усилении помех глохнет даже SOS-передатчик, представляешь? Это не магнитные бури и ни одно другое известное ей явление. Дошло до тебя? Помеха ничем не фиксируется... Как зеркало, которого нет.

Я добросовестно попытался представить себе такое зеркало.

— Главное я понял — она не знает причину сбоев связи.

— Умница, — проворчал Крейг. — Возьмем эти помехи — позволительно назвать их так потому, что они мешают передаче наших сигналов. Но вообще-то они сами могут быть сигналами. Хочешь пример? Представь себе... Представь себе обычный текст, в котором некто будет стирать отдельные буквы и по-другому расставлять пробелы и знаки препинания. Пять букв — пробел, две запятых — пробел, четыре буквы... С нашей точки зрения получится бессмыслица, текст будет испорчен. Но на самом деле он превратится

в цифровой код, который сможет прочитать тот, кто знает ключ. Вот и в помехах этих чувствуется некий порядок, то есть это феномен, близкий к известному «эффекту города». Как будто рядом начала работу мощная передающая станция, но не обычная, а паразитного характера, которая не только посылает свои сигналы, но и преобразует наши. Знаешь, что? Хотя нам с Дианой и не удалось выяснить ничего определенного с помощью приборов, но интуиция подсказывает мне, что на планете действует некая сила — могущественная, всеобъемлющая, но невидимая для нас. Я думаю, что Тихая — такой орешек, который ученые раскусят еще не скоро. Просто потому, что не за что зацепиться. Код, чтоб его взломать, должен иметь свою систему... Все феномены Тихой не имеют такой системы ни по отдельности, ни вместе взятые. Точнее, пока ее никто не обнаружил. Является ли совпадением, что «эффект города» фиксировался в том числе и в районе Мертвых озер? Неизвестно. И с остальным то же самое.

— Может, это шуточки Великого Бога Айтумайрана?

— Может быть. Но я подозреваю, что у всех здешних феноменов более материальное происхождение, и они имеют гораздо больше общего с неизвестными нам законами природы, нежели с Божественным вмешательством.

— Меня тоже волнуют перебои связи, — сказал я. — Если уж Диана временами и SOS-передатчики не слышит... Получается, что все, что надежно связывает нас с внешним миром, это наш «Рейнджер». Случись с ним что, и мы застрянем на планете. Может, мы зря не посадили «Артемиду»?

— Может, мы зря над всем этим голову ломаем? С проблемами отсутствия связи так или иначе сталкивались все, кто высаживался на Тихой и провел здесь больше недели. Пока ничего из ряда вон выходящего не случилось. Будем надеяться, что и не случится.

Наутро мы провели разведку лесов на плато и на равнине. Сразу выяснилась интересная вещь — в лесу на плато совсем нет горилл. По крайней мере там, куда мы летали на скутерах, а это километров двадцать. Заинтересовавшись, мы прочесали местность более тщательно, используя «Рейнджер». Рик поднял катер в воздух и принялся методично утюжить пространство над плато, прощупывая джунгли с помощью биорадаров.

— Ну и отлично, — сказала Кэт, когда он вернулся. — Хоть не будут болтаться у лагеря.

В лесах на равнине гориллы были, небольшие группы мы заметили уже на второй день. Наученные горьким опытом, мы не пытались на них охотиться, только примечали места, где они встречались чаще. На четвертый день, не испытывая особого энтузиазма, мы начали расставлять ловушки.

У нас на «Артемиде» имелся неплохой комплект капканов, самоловов и живоловушек, предназначенных для поимки пассивным способом различных видов животных. Были простые механические приспособления такого рода и устройства, снабженные имитаторами приманок и системами маскировки. В настоящее время на рынке предлагается множество более сложных по техническому оснащению ловушек, но стоят они недешево, нужны не всегда, и мы не считали нужным таскать за собой по всей Галактике гору дорогостоящего хлама.

Поначалу мы вообще надеялись провести отлов без ловушек. Всем нам в разное время и на разных планетах довелось поохотиться на человекообразных, особенно богат был в этом плане опыт Крейга. Он не раз похвалялся, что может безупречно рассчитать марку и дозу парализатора для любого известного науке примата. Делать это точно совершенно необходимо, потому что большинство из них, как известно, проводят немалую часть жизни на деревьях, а многие вообще редко спускаются на землю. Никого не порадует, если желанный «экземпляр» свалится вниз с высоты нескольких десятков метров. Даже при падении с небольшой высоты не исключены переломы конечностей и другие травмы разной степени тяжести. Но если все сделано правильно — проблем нет. Животное быстро теряет ориентацию и способность держать равновесие; почувствовав себя неуверенно, оно инстинктивно останавливается и вцепляется в ветви всеми четырьмя лапами и хвостом. Через короткое время оно вообще впадает в полный ступор. Опасности, что животное в таком состоянии разожмет лапы и упадет, никакой, трудность состоит как раз в том, чтобы оторвать его от веток. Подлетаешь на скутере и упаковываешь. Судя по косвенным данным, почерпнутым нами из отчетов, существенных отличий от других человекоподобных у горилл не было; вскрытие добытого нами самца это подтвердило. Крейг клялся, что он

с самого начала рассчитал дозу правильно, однако проверить его утверждение на практике нам так и не довелось.

Теперь, после многих неудачных попыток охоты с воздуха, нам пришлось-таки расставлять ловушки. В очередной раз у нас был случай убедиться, что делать это в ветвях деревьев на высоте от десяти до сорока метров — удовольствие, которого лучше избежать. На земле — другое дело, там все гораздо проще. Увесистый сверток из телескопических штанг, скрепленных подвижными соединениями, разворачивается в конструкцию, напоминающую модель куба с закрытым сеткой верхом, низом, и трубчатыми магазинами падающих стенок по всем четырем сторонам. Надо заметить, что даже на земле лучше это делать вдвоем. Подвижные соединения фиксируются, после чего приводятся в действие буры, упрятанные в полых вертикальных штангах ловушки. Буры могут войти даже в гранит, а уж в почву уходят на всю длину, после чего наконечник раскрывается во все стороны «цветком». Теперь ловушку не оторвать от поверхности земли даже мощнейшему урагану или целой тысяче горилл. В сущности, механизм крепления тот же самый, который используется для обычных палаток. На деревьях ловушки необходимо крепить с помощью тросов; разве что найдешь горизонтальную развилку достаточно толстых веток, расположенных так, что в них удастся загнать хотя бы три бура из четырех — но такие ветки не встречаются по заказу во всех нужных местах. Потом активируется приманка, если знаешь параметры настройки. Последними включаются блокировка, окончательно запирающая фиксаторы угловых соединений, и маскировка. После этого остается только ждать.

Для отлова горилл мы выбрали ловушки с максимально возможной длиной ребра три метра. Длину и ширину мы везде, где позволяло место, оставляли именно такую, высоту уменьшили до двух двадцати. Ясно, что разворачивать и устанавливать подобную конструкцию в кроне дерева, мягко говоря, нелегко, а ведь наши подопечные в основном предпочитали передвигаться по деревьям, спускаясь на землю нечасто. В первый день мы установили одну ловушку на земле и три на деревьях. На второй день поставили шесть — четыре на ветвях и две внизу. Несмотря на то, что ловушки в свернутом виде довольно компактны, в багажник скутера все равно помещается лишь одна. Это тоже задерживало работу, приходилось

периодически делать рейс в лагерь. Две ловушки остались в запасе, у нас на них уже не было сил. У всех портилось настроение при мысли, что эти дьявольские штуковины вскоре придется переносить на другие места, и уж во всяком случае постоянно проверять и перенастраивать. Правда, они были оснащены сигнализацией, которая подает на пульт управления в лагере сигнал о том, что ловушка сработала. Однако у них отсутствовали функции сигнала о пустом захлопывании и автоматической перенастройки приманки в соответствии с заранее созданной программой, не говоря уже о такой роскоши, как самовзводный механизм падающих стенок. Обидно бывает сломя голову лететь по тревоге только для того, чтобы выпустить из ловушки, размером с корабельную каюту, какую-нибудь паршивую крысу. Но устройства с самовзводом стоят несравненно дороже наших моделей. Они управляются уже киб-интеллектом, и в шутку именуется снаряжением для лодырей. Выйти же из строя могут, как и любые другие. Любой зверолов предпочитает иметь десять ловушек попроще, чем одну такую: даже киб-мастер класса «абсолют» не сможет поймать животное, если оно к нему не придет.

В первый день после обеда нам пришлось два раза отвлечься от установки, поскольку срабатывали ранее установленные ловушки. В наземную забрел гигантский дикобраз — животное на Тихой редкое, за которое можно было бы получить неплохие деньги. Малыш в очередной раз предложил бросить честную жизнь и вплотную заняться браконьерством, однако мы его предложение единодушно отвергли. Малыш не то что бы прирожденный нарушитель закона, но страдает легкомыслием. Несмотря на свою бурную, полную приключений жизнь, в тюрьме он ни разу не сидел, и плохо представляет себе условия обитания на каторжных планетах.

Крейг спрыгнул со скутера на крышу ловушки и свернул одну из стенок. Дикобраз развернулся к открывшемуся проему задом, угрожающе ворча и тряся иглами. Весу в нем было не менее семидесяти килограммов, и сдаваться без боя он не собирался. Сообразив, что на него никто не нападает (а на это ушло минут десять), он повернулся к проему передом и с шумом втянул носом воздух. Еще минут пять он топтался на месте, решая, стоит ли выходить, или, может, лучше остаться, потом не спеша потащил свое грузное тело через заросли густой травы к ближайшим кустам.

В ловушку на дереве попала целая стайка маленьких, очень симпатичных оранжево-черных мартышек с огромными, изумленно-испуганными глазами. Очевидно, они по одной и по две постепенно собирались там, сообщая, пытаясь разобраться, где находится лакомство, запах которого их сюда привлек; потом сработал детектор веса, установленный нами на сорок килограмм. Как только Крейг приподнял стенку, бедняжки сыпанули из ловушки с такой скоростью, что уже через пару секунд внутри никого не осталось. Эти милые зверушки принадлежали к числу наиболее распространенных на Тихой видов, и постоянно попадались нам в лесу.

— Хочу одну такую! — застонала Кэт, которой была свойственна любовь ко всему маленькому и пушистому. Она уже давно хотела держать дома что-то похожее, но никак не могла выбрать. — Какие милашки! А грудка — ты видел? — почти белая.

— Нет проблем, — сказал я. — Поймаем хотя бы одну гориллу — можешь попросить Шанкара взять разрешение на мартышку, потом оплатишь. Ему дополнительный маленький заказ оформить ничего не стоит, так часто делается.

Кэт согласно кивнула: она знала, что многие специально поступают так, когда им надо отловить в заповеднике сразу несколько видов — получают сначала разрешение на один-два самых редких. А уже с планеты делают запрос на дополнительные виды по готовому разрешению. Это легче, чем просить сразу все — уоповцы часто обрезают большие заявки, причем, естественно, за счет редких видов.

— Ты что, действительно хочешь захватить с Тихой оранжевую мартышку в качестве сувенира? — изумился Крейг, который тоже знал о желании Кэт. — Но это же все равно что завозить полевых мышей из Андромеды. И здесь, и на других планетах земного типа полно им подобных. Не стоит ли тебе подыскать что-то поэкзотичнее?

— Зачем? Мне нравятся эти.

— Нас знакомые засмеют. Звероловы, обшарившие всю Галактику, привезли на Землю мартышку. Скажут — должно быть, это самое ценное, что нам удалось поймать.

— На всех не угодишь, — заступился я за Кэт. — Что прикажешь делать — посадить во дворе на цепь гариманга? Конечно, это неплохой выход, особенно если цепь сделать подлиннее — можно снимать с участка сигнализацию и экономить на охранных системах дома. А

главное, у всех сразу пропадет охота шутить. После того, как он слопаёт парочку зазевавшихся посетителей, у наших друзей совсем заглохнет чувство юмора.

— Мне надо пересмотреть отчеты по Тихой и точно узнать, чем питаются эти милые крошки! — Кэт уже загорелась воплощением замысла в жизнь. — Ты случайно не помнишь, Крейг?

— Они?.. Боже, да чем угодно! Не понимаю, зачем тащить их отсюда. Они наверняка есть даже в зоопарке Монреаля. Когда вернемся, съезди туда и купи. Или просто закажи с доставкой на дом.

Кэт немного обиделась на Крейга за столь явное пренебрежение к ее выбору и дулась на него до вечера. На следующий день, изгнав из наземной ловушки чету небольших лесных свиней, мы успешно завершили установку всех остальных «спецсредств пассивного отлова» и приготoвились ждать.

Сначала ждать было нетрудно, все просто отдыхали после изнурительного труда в условиях тропической жары. Спецкостюм хорошо защищает тело, но не может уберечь от солнца голову, если нет шлема. Несмотря на это, мы продолжали их игнорировать, пользуясь обычными рациями или коммуникаторами. На верхних ярусах леса, куда проникает много солнечных лучей, нам пришлось работать мало, мы установили там только две ловушки. В нижних ярусах и на земле, где солнца нет, всегда полумрак и не так жарко, только большая влажность. При полетах на скутере даже приятно — обдувает ветром. В лагере на сей раз было много естественной тени от растущих там небольших деревьев, и нам не пришлось растягивать солнцезащитные тенты, как мы делали на пляже у озера.

В течение первого дня Кэт и Рик трижды летали выпустить попавшихся в ловушки ненужных нам животных, на следующий день Крейг и я сделали пять рейсов. Вся информация, записанная устройствами ловушек, передавалась в распоряжение Биаса, что должно было помочь нам впоследствии более тонко их настроить. Мы владели только сведениями ООЗ, которое, в свою очередь, владело отчетами, предоставленными членами Общества, а на Тихой в прошлом высаживалось слишком мало профессиональных охотников. О гориллах Фостера мы знали немного, относительно других видов имелась весьма обширная, но разрозненная информация, в разное время и по разным поводам переданная в ООЗ учеными и некоторыми

организациями и частными лицами. Оставалось лишь действовать методом проб и ошибок, постепенно убирая из программ имитаторов приманок все ненужное, пытаясь при этом оставить возможно больше того, что могло привлечь горилл. Я по-прежнему считал, что они больше походят на шимпанзе.

— Когда мы их наловим, а Шанкар распотрошит, давай настоим на том, чтоб их переименовали, — предложила Кэт. — В твою честь. «Шимпанзе Дугласа». Ну его к черту, этого Фостера. Пусть все забудут про него.

На третий день мы вылетели по тревоге шесть раз, на четвертый — два раза. Большинство рейсов делалось поутру, когда Биас выдавал нам новости о том, что произошло за ночь. Ночью мы не беспокоились. Сетчатые стенки ловушек были изготовлены из прочнейшего каучукопласта — современного материала, гибкого, как резина и несокрушимого как сталь. Вообще-то, в нем нет никаких следов каучука, материал полностью синтетический. На ощупь он нежно-бархатистый, но прочен необычайно. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно попробовать разрезать его ножом — ничего не выйдет. Из него изготавливают ловчие сети и тенета, которыми можно поймать как небольших животных, так и огромных чудовищ, а как материал для ловушек он просто незаменим. Даже если животное, попав в плен, испугается и начнет биться, бросаясь на стенки, вреда оно себе не причинит. Стойки тоже обтянуты слоем каучукопласта. Даже при сильном ударе о них зверю не грозит ничего, кроме легких ушибов, и он не сломает зубы, если вздумает их кусать. Нам нечего было беспокоиться о том, что наши ненаглядные гориллы нанесут себе ущерб, если останутся в одиночестве до утра, дав нам как следует выспаться.

Через неделю попался еще один гигантский дикобраз, куда крупнее первого, который никак не хотел покидать ловушку — ему, кажется, нравилось там, и он не мог понять наших настойчивых попыток выселить его из облюбованного им нового убежища. Еще через три дня, проверяя ту же ловушку, мы опять обнаружили, что она оккупирована дикобразом, на сей раз — самкой с чрезвычайно скверным характером. Даже крупнее, чем последний из самцов, она твердо решила защищать от наглых самозванцев уютную ловушку, и нам с Риком пришлось изрядно попотеть, прежде чем она хотя бы

просто согласилась выйти наружу. Потом ей пришло в голову, что неплохо взять под контроль всю прилегающую территорию. Минут сорок она бродила вокруг, воинственно кряхтела, топорила иглы и поглядывала на нас, смутно надеясь, что мы спустимся со скутера на землю и вступим с ней в битву. Когда ей стало ясно, что мы — жалкие трусы, она разочарованно вздохнула и... напрямик направилась домой — в родимую ловушку. Я едва успел спрыгнуть на сетчатую крышу клетки и захлопнуть открытую стенку; дикобраз, расвирепев, развернулся спиной и сделал короткий молниеносный рывок назад, едва не достав меня через сетки стенки и верха своими длиннющими, острыми как копья иглами. Спустя два часа самка еще топталась вокруг, не желая отказаться от мысли, что ловушка — то самое место, где ей надо остаться жить навсегда и в будущем произвести на свет потомство.

После этого случая мы поняли, что появление в одном и том же месте трех редких животных за короткий срок неслучайно. Либо их привлекает сама конструкция, либо импульсы, посылаемые имитатором приманки. Кэт высказала мнение, что где-то недалеко расположен район их постоянного проживания, а если так, то мы и в будущем не избавимся от повышенного внимания дикобразов к этой ловушке. Не желая впоследствии вести ежедневные небезопасные игры с ними, мы перенесли ее на новое место. Но полученные сведения представляли определенный интерес — если когда-нибудь мы получим заказ на дикобразов, легко добудем их в любом числе.

Другими животными, которые доставляли много хлопот, были лесные свиньи десятков видов, которые водятся в джунглях Тихой. Их размеры варьируются от небольших, с двухмесячного поросенка, шустрых хрюшек, до огромных свирепых кабанов весом до трехсот килограммов и больше. Все они встречаются здесь в больших количествах, практически всеядны, и отстроить имитаторы приманки от их широких вкусов не представлялось возможным. Если бы эти звери, служащие, наряду с многочисленными видами лесных антилоп, добычей разнообразным здешним хищникам, не были столь осторожны и недоверчивы, нам вообще пришлось бы убрать ловушки с земли. Однако, несмотря на свою бдительность, они все же частенько попадали в плен. На деревьях главным источником беспокойства оставались упомянутые оранжево-черные мартышки и обезьяны

других видов и всех цветов радуги. Ежедневно нам приходилось совершать два — три вылета минимум, а иногда и до двух десятков, не считая тягостных обязанностей по перестановке ловушек с места на место. Кроме кабанов и обезьян, нам за первый месяц пришлось выпустить на волю представителей чуть ли не всех крупных травоядных и всеядных видов Тихой, габариты которых соответствовали заданным параметрам отлова. Рик не уставал напоминать нам, что продай мы все это на черном рынке, так непременно станем миллионерами. И только необходимые нам гориллы Фостера упорно обходили ловушки стороной. Ежедневно, ругая на чем свет стоит проклятых горилл, мы выгребали из самолетов кучу ненужного нам зверья, переустановка отнимала прорву времени, а результаты оставались на нуле. К середине второго месяца мы так устали, что даже проклинали неуловимых горилл уже без прежнего азарта, и больше всего на свете нам хотелось посмотреть в глаза негодяю, назвавшему такой способ охоты пассивным. Нам начинало казаться, что по сравнению с этой каторгой охота с воздуха попросту состояние полного покоя.

Однажды мы вылетели на место, чтобы выпустить из ловушки очередного кабана; осложнений не предвиделось — свиньи, едва только падающая стенка поднималась, всегда опрометью бросались прочь на скорости, близкой к скорости света. Процедура стала привычной до автоматизма: Рик, который прилетел один, подвел скутер к самолету и, спрыгнув на крышу, привел в действие механизм трубчатого магазина, в который сворачивается сетчатая стенка; я остановил свой аппарат метрах в двадцати, чтоб нам с Кэт было удобнее наблюдать за тем, как здоровенный кабан рванет в кусты. Он не обманул наши ожидания — едва сетка поднялась на достаточную высоту, сорвался с места словно стартующая ракета. Вот тут Кэт и отколола номер в стиле, обычно присущем Малышу: она спрыгнула с заднего сиденья моего скутера на землю прямо на пути животного. Высота была около четырех метров: Кэт по-кошачьи мягко приземлилась, сжалась в комок и тут же вскочила, согнув спину и расставив ноги — в правой руке у нее был зажат нож. Я выхватил пистолет и прицелился в несущуюся на Кэт двухсоткилограммовую тушу; Рик с крыши ловушки сделал то же самое, но не мог стрелять, поскольку находился с кабаном и Кэт на одной линии; кабан пригнул

голову, готовясь поддеть длинными нижними клыками худенькую фигурку, преграждавшую ему дорогу. В следующую секунду произошли три вещи: я дважды выстрелил по животному, кабан налетел на Кэт, которая долей секунды раньше, отпрянув вправо, всадила свой «Легионер» ему в бок, а Малыш, который получил возможность вести огонь, как только Кэт убралась в сторону, выстрелил тоже, хоть это и было до крайности рискованно. Так что, когда кабан, перевернувшись через голову и прокатившись пару метров, вломился всей своей тушей в заросли кустарника, он уже был мертв на двести пятьдесят процентов. Как выяснилось после разделки туши, обе моих пули попали ему в легкое, превратив его в ключья, пуля Рика пробила позвоночник, а нож Кэт почти пополам развалил сердце.

Рик спрыгнул на землю, шумно выражая свое восхищение:

— Вот это удар, девочка, здорово ты его подловила!

Я посадил скутер и слез с него, пряча пистолет в кобуру.

— Как сказала бы Диана, твои действия были крайне неразумны, Кэтти.

Кэт присела на корточки возле тела, осматривая раны.

— Все-таки это мой трофей. Я взяла бы его и без вас. Ты посмотри, Пит, какие клыки — настоящие бивни! И не вздумай меня ругать, ты сам каждый день твердишь, что надо устроить пикник и пожарить шашлыки, так что я для тебя старалась, обжора несчастный.

— Поздравляю, ты открыла новый способ заготовки мяса к нашему столу, — сказал я. — Это, конечно, намного безопаснее, чем пристрелить животное через сетку ловушки. Всегда впредь так и поступай, а мы будем рады посмотреть. Только в следующий раз, будь добра, предупреждай заранее, а не то нас может хватить удар и некому будет помочь тебе загрузить тушу на скутер.

— Я очень сомневаюсь, что у вас с Малышом вообще есть нервная система, — ответила Кэт. — В любом случае, она такая, что ее бревном не прошибешь. Так что удар вам не грозит. Это я — тонкая и чувствительная натура, легко поддающаяся постороннему влиянию. Я прекрасно помню точно такой же эпизод на Каими, главным участником которого был ты, только кабан там был еще больше... Вот я и решила повторить твой трюк, который ты тогда показал. Дурной пример заразителен.

— На Каими была совсем другая ситуация. Мы заранее решили развлечься. И я не прыгал со скутера прямо ему под нос! Он вышел прямо на меня. У меня не было времени...

— Ври больше, мы же все видели тогда — я и Дороти. Ниоткуда он на тебя не выходил, он вообще никого из нас не видел. Это ты на него вышел, причем ветер был на тебя, и кабан ничего не чуял. И у тебя было достаточно времени, чтобы повесить винтовку на дерево и запустить комом земли ему в зад. А когда кабан развернулся...

— Хорошо, я признаю, что вел себя глупо. Но потом-то у меня действительно не осталось выбора.

— Ну еще бы. А по свой пистолет ты, разумеется, забыл. Хватит вешать мне лапшу, лучше помогите вытащить тушу из этих колючек.

Шашлык вышел замечательным. Мясо замариновали мы с Крейгом — каждый свою порцию и по своему рецепту. Я сделал без особых затей — в майонезной заливке. Всем понравилось, а Кэт сказала, что раз я так хорошо готовлю, то когда она наконец выйдет за меня замуж, кухонная работа ляжет на меня. Я на это ответил, что если она планирует навсегда лишиться меня своей чудесной яичницы с беконом по утрам, так я на ней никогда не женюсь.

Крейг приготовил мясо в томатном соусе с черным хлебом. Он специально испек два здоровых караваев в кухонном комбайне — один использовал для заливки, второй подал к столу вместе с овощным салатом. Пришлось признаться, что ничего вкуснее мы в жизни не пробовали. После второй съеденной порции Рик стал выпытывать у Крейга рецепт томатной заливки и даже клялся построить настоящую печь для выпечки караваев.

Выходка Кэт, сама по себе ребяческая и рискованная, странным образом разрядила обстановку, сняла напряжение, вызванное тяжелой работой и постоянными неудачами на Тихой. Даже Крейг не позволил себе язвительных замечаний, а такой возможности он никогда не упустил бы при других обстоятельствах. Он дважды просмотрел записи эпизода со всех точек, нашел наши действия в сложившейся ситуации безукоризненными, и посоветовал Кэт сделать из материала клип и продать его каналу «Человек и дикая природа».

Объевшись мясом до легкого головокружения и превысив установленную мной для подобных случаев норму пива на одну пинту, я отправился в свою палатку вздремнуть. Когда проснулся, уже

смеркалось. Я откинул полог и выбрался наружу. Крейга и Рика нигде не было видно. На большом плоском камне у речки, обняв колени руками, сидела Кэт. Я подошел и присел рядом.

— Надеюсь, ты на меня не сердишься, — сказала она. — Мне просто необходима была какая-то разрядка.

— И не думал сердиться, — ответил я. — Но я и вправду за тебя перенервничал.

— Я исправлюсь, — тихо рассмеялась она.

— Так я и поверил.

— Нет, правда... Вот увидишь. Это ты неисправим. А я хорошая. И меня надо любить. — Она встала и легко спрыгнула с камня. — Ты что-то говорил там насчет ночевки в одной палатке... — Последнюю фразу она произнесла так тихо, что я еле расслышал. — Пошли быстрее, пока не передумала.

Забираясь вслед за ней в палатку, я зацепился в темноте за нечто, лежавшее перед входом, столкнулся с Кэт, и мы шлепнулись.

— Безалаберная девчонка! Вечно у тебя все валяется как попало!

Кэт смеялась, не в силах остановиться.

— Конечно, я безалаберная! Но... Но это твоя палатка, Пит.

— Не может быть. Мы к тебе пошли!

— Может-может! Господи, неужели ты впервые в жизни заблудился, и я этому причиной? Так романтично!..

— Не вижу ничего романтичного. Ты своими выходками кого хочешь с ума сведешь! Никогда не угадаешь, чего ждать от тебя в следующую минуту.

— Ну я же просила — не сердись... А в том случае, с кабаном на Каими... Ты был просто великолепен.

— Я был еще совсем молод, глуп, и мне хотелось произвести впечатление на вас с Дороти — особенно на нее, ведь именно яркие статные блондинки в отличие от маленьких вредных брюнеток полностью в моем вкусе, и я...

— Боже, Пит, какое ты трепло! И еще ты грубый, беспринципный и бесчувственный. Но, несмотря на это, я тебя люблю.

— Ты во всем права относительно меня, но, несмотря на это, я люблю себя тоже. Иди ко мне.

— Гиппопотам неповоротливый, ты мне сейчас руку отставишь! Ненавижу тебя.

Глава 5. Стивен Шарп. Пари

На третий день после истории с кабаном, я проснулся довольно поздно. Стенки палатки, которые, согласно настройкам по умолчанию, имеют матово-белый цвет днем, становясь полупрозрачными к вечеру и полностью непрозрачными, как только человек ложится в постель, не пропускали прямые солнечные лучи, и внутри стоял приятный полумрак, хотя я знал, что снаружи уже давно светло. У меня на плече мирно спала Кэт, и я слышал ее тихое дыхание. В наших отношениях неожиданно наступила полная идиллия. До ребят это дошло сразу же, как они узнали, что мы ушли ночевать в одну палатку. Когда на утро мы с ней попытались включиться в общие повседневные дела, Крейг безоговорочно пресек такие попытки:

— Мы и сами можем проверить ловушки, а вы посидите в лагере. Всякие лодыри, которые по утрам имеют обыкновение ползать как сонные мухи, нам ни к чему.

— Правильно, — поддержал его Рик. — А маленькие девочки, любительницы размахивать большими ножиками, только мешают в серьезной мужской работе.

После этого мы с Кэт предались самому бессовестному безделью, с радостью свалив все обязанности на них. Мы бродили вокруг лагеря, взявшись за руки, подолгу сидели на большой скале, греясь на солнышке, а когда становилось жарко, уходили в тень под деревья. Мы купались в мелкой, по шею, заводи протекавшей рядом речушки и жарили мясо над огнем. Кэт готовила гарнир, салаты, и пекла маленькие тортики, сервируя обеды на постеленной прямо поверх травы скатерти. Ребята, возвращаясь из джунглей, с радостью к нам присоединялись. Я был полностью счастлив, но знал, что это ненадолго. Наверное, дело в том, что Кэт в походе никогда не может расслабиться по настоящему — так происходит только когда мы дома. Не знаю, в чем тут загвоздка, да только это так, и больше чем на несколько дней я не рассчитывал. Ребята в наших отношениях ничего не понимали, но давно уже перестали задавать мне вопросы по этому поводу и старались принимать вещи как они есть.

Я осторожно отодвинул Кэт и переложил ее голову на подушку. Она недовольно застонала во сне и тут же стянула на себя всю

простыню. Я оделся, натянул на голову обруч коммуникатора и вылез из палатки.

— Поздравляю, командир, — сказал Суслик. — Сегодня ночью ты был на высоте.

— Умолкни, бесстыдник. Жаль, что я забыл тебя отключить.

— Но ты и не отключаешь меня никогда. Нас никто не стесняется. Кибы — не люди, нам изначально присуще непоколебимое целомудрие, с самого дня выпуска.

— На счет других кибов я и не сомневаюсь, а вот что касается тебя...

— Ребята возвращаются, — прервал меня Суслик. — Я только что получил сигнал от них через Биаса.

— Значит, сегодня связь сносная? Скажи им, пусть поторопятся. Старший компаньон соизволил продрать глаза, ждет доклада.

Вчера мы договорились, что Крейг с Малышом с утра проверят ловушки и закроют их на два дня — надо же им тоже отдохнуть. Я прогулялся по лагерю, затем прошел на «Рейнджер» и, воспользовавшись меню быстрого доступа, ввел кухонному комбайну программу приготовления кофе. Сказав Биасу пригнать потом «жучку» с заказом в столовую, я и сам прошел туда. В столовой на стуле сидела полусонная Кэт. Она только что встала.

— Ты что, уже проснулся? — задала она несколько глупый вопрос, увидев меня.

— Нет, что ты, тебе это снится, — ответил я, погладив ее по голове. — И я тебе тоже снюсь, потому что ты сама все еще спишь.

Навес столовой был установлен недалеко от края плато, оно обрывалось вниз в каких-нибудь тридцати метрах, и отсюда открывался замечательный вид на джунгли, из которых сейчас медленно всплывали последние полосы утреннего тумана. Вдалеке над лесом еле виднелось темное пятнышко. Оно на глазах росло в размерах, пока не превратилось в скутер с двумя людьми на нем. Вел Крейг. Через минуту он аккуратно посадил машину возле навеса, под который как раз вползла «жучка» с кофе. Кэт ухватила свою чашку и сделала глоток.

— Доброе утро, Кэтти, — приветливо помахал рукой подошедший первым Рик, заметил ее припухшие, часто моргающие глаза, и сказал: — Господи, бедняжка, когда же ты наконец выспишься?

— На том свете, — брякнула Кэт. Она уже понемногу приходила в себя, обретая привычную форму. — Конечно, если успею туда раньше вас. Говорят, что там мир вечного покоя и безмятежности. Но так будет продолжаться только до того времени, пока вы с Питом туда не попадете.

Мы наслаждались кофе и прекрасным утром, никто не хотел ни о чем думать. Тишину нарушил Биас.

— Внимание, орбита на связи, — гаркнул он через громкоговоритель.

Мы моментально перебазировались в «штаб», к терминалу, и тут же раздался голос Дианы:

— Официальное уведомление от Службы охраны заповедников. Они с главной базы не смогли сами вас достать. Или не захотели. У нас гости, ребята. Инспекция допуска только что утвердила разрешение на посадку команде Стивена Шарпа. Цель — отлов горилл Фостера. — Начиная с этого момента, мы уделяли словам Дианы повышенное внимание. — Срок пребывания на планете — один месяц. Предполагаемый район отлова — Восточный Массив, но Шарп хочет обсудить это с вами.

— Давай его, — сказал я за всех.

— Не так быстро, Пит. Я как раз шлю запросы...

— Стив? — недоверчиво переспросила Кэт. — Стивви — здесь?

— Всю его команду уже должны были переварить бундегешские лягвы, — пробормотал Крейг.

— Так вот кто добивался разрешения в УОП на наших горилл! — Малыш был, как всегда, на высоте, уже считая всех горилл Тихой своей собственностью. Но в глубине души с ним были согласны все — сколько мы уже с ними возились!

— Я думал, это будет Берк, — покачал головой Крейг. — Он же собирался сюда за рэдвольфом вместе со своим Чезалпино. Я думал, что второй раз его сюда за рэдвольфом не пустили, и он захотел воспользоваться гориллами как прикрытием.

— Джонни Берк не дурак, — сказал Малыш. — Он бы выбрал в качестве прикрытия самых простых зверей, чтобы было что показать, и при этом не тратить на отлов подставных животных много времени. Он наверняка в курсе сложностей, связанных с отловом горилл Фостера. Не так, как мы, но...

— Тем более, Рик, с гориллами-то он может вообще ничего не ловить, понял? — поддержал я Крейга. — И, когда скажет, что не поймал, никто не удивится. Ты еще плохо знаешь, что это за хитрая сволочь — он сам, и Чезалпино его ненаглядный. Мне в высшей степени странно, что они еще не появились здесь... Ну, Диана, где там Шарп?

— Я пытаюсь...

Мы ждали с нетерпением.

Стив Шарп был нам так же хорошо известен, как и Джонни Берк. Связь между нами была почти мистической, хотя мы, равно как и сам Шарп, долгое время не подозревали о существовании друг друга. Он родился в один день с Крейгом, учился в одном классе общеобразовательной школы с матерью Кэт, стал закадычным другом отца Рика в колледже и два года служил в том же подразделении, что и я, только на двадцать пять лет раньше. Он первым встретился нам перед приемной президента ООЗ, когда мы вышли оттуда, заверив устав своей только что созданной фирмы и выслушав приличествующие случаю поздравления. Окинув нашу четверку быстрым взглядом, Шарп весело протянул: «Ага, новобранцы!..» — после чего предложил обмыть это дело, пропустив по стаканчику. Кончилось тем, что мы два дня обмывали сперва фирму, а потом и недавно купленную Кэт «Артемиду» во всех ресторанах Уивертауна, оказавшихся в пределах досягаемости наших отяжелевших от алкоголя организмов.

В прошлом профессиональный вояка, Шарп ушел из Вооруженных сил как только ему стукнуло двадцать четыре, стал наемником и после окончательного отделения от Земной Федерации звездного скопления Башни сражался на стороне мятежников. Перед самым концом, после бессмысленного и жестокого уничтожения республиканцами всего населения одной из сохранявших нейтралитет планет, перешел на сторону федералов и добивал своих недавних соратников по оружию в составе ударной группы «Молот» маршала Аммана. Пока шла война, никто не вспоминал его прошлое, тем более что после варварского уничтожения мятежниками Магнезии на сторону федералов перешла чуть ли не половина республиканской армии, возмущенная этим актом чудовищной жестокости. Но когда война закончилась, Шарпу припомнили его грехи — наверное, никто

за всю долгую историю этого конфликта не причинил федералам столько неприятностей, как Шарп со своим подразделением. Судить его не стали, но и простить не захотели. Служба в федеральной армии для него была закрыта, оставался лишь прежний путь наемника в одной из армий периодически бунтующих периферийных планет. Жестоко ошибившись в выборе однажды, Шарп второй попытки делать не стал и ушел на гражданку, основав охотничью фирму. Он обожал общие предприятия, был прекрасным товарищем и компаньоном. Наши фирмы работали в паре на одном из заказов — он и его ребята показали себя с самой лучшей стороны.

Иногда мы встречались. Шарп, когда напивался (что по нему почти не было заметно), часто вспоминал Большую войну, хлопал по плечу Рика и, в зависимости от того, какие именно воспоминания приходили ему на ум, говорил примерно следующее: «Если бы у меня была дивизия таких молодцев, Республика никогда не проиграла бы войну Федерации». Или: «Будь у меня бригада таких парней, как Малыш, республиканцы не продержались бы против федералов даже неделю». Или: «Окажись я на Магнесии вместе с такими ребятами, Моххамед и шагу не сделал бы по планете». Но пил он редко, а будучи трезвым, вспоминать Большую войну не любил. Зная ее историю, я прекрасно понимал Шарпа.

И вот теперь Шарп оказался в роли нашего конкурента. Естественно, ни о какой настоящей конкуренции между нами не могло быть и речи, ведь у него в команде было всего двадцать восемь человек, а в нашем распоряжении — целая планета и миллионы горилл Фостера на ней. Нам было лишь интересно узнать, на кого он работает.

— Связь нестабильна, — сказала Диана. — Шарп спрашивает, не будете ли вы возражать, если он высадится в Восточном Массиве. Его интересуют леса экваториального и тропического поясов на территории секторов семнадцать, восемнадцать и девятнадцать.

Мы прекрасно понимали Шарпа. По крайней мере, в ту минуту думали, что понимаем. Будучи членом Общества и владея относительно горилл Фостера той же информацией, которой владели мы, он сделал из нее похожие выводы, решив, что Восточный Массив неплохое место для попытки отлова горилл.

— Скажи, что мы не против, — ответил я за всех. — Скажи, что мы рады встрече.

— Есть прямая связь... правда, только звук. Передаю...

— Я понимаю, что в нашем распоряжении все тропические леса Тихой, — услышали мы голос Стива, — и не обязательно работать там, где уже высадились вы...

— Брось, старина, ты же знаешь, что планета не наша собственность, — сказал я. — Приземляйся, где хочешь. Привет ребятам.

— Передам обязательно! Я спрашиваю просто потому, что мне хотелось бы иметь наибольшую свободу маневра и в то же время не мешать вам. Возможно, нам придется работать почти рядом.

— Диана даст тебе наши координаты. Когда сядешь, связь будешь держать с нашим Биасом, его позывные тоже передаст Диана. Учти, что условия для связи здесь просто препоганые. Если окажетесь неподалеку, заглядывайте в гости.

— Не знаю, когда сяду... — звук начал искажаться. — Про связь я уже знаю, поэтому и торчу на орбите. Пытаемся добиться у СОЗ доступа к их системе. Знаете, парни, у них тут ужасный кавардак...

— Надо же, а мы и не заметили, — саркастически проворчал Крейг. — Скажи лучше, кто твой клиент?

В эфире повисла пауза, прерываемая только помехами, потом Стив сказал: «Сиднейский институт сравнительной анатомии человекообразных», повисла еще одна долгая пауза, и связь прервалась.

— Подумать только! — покачал головой Рик. — Дружище Стив собирается управиться с отловом горилл в течение месяца.

— Его ждет большой сюрприз, — заметила Кэт. — Надо бы его предупредить.

— Еще чего, — сказал Крейг. — Пусть сначала сам попросит. Тогда подумаем.

— Это не по-дружески.

— Пускай не врет нам, это тоже не по-дружески.

— О чем ты говоришь? — возмутилась Кэт, но я уже начал понимать, что имеет в виду Крейг.

— А то, — сказал он, — что с самого начала кризиса Сиднейский институт сидит на нуле, и за последние пять лет не сделал никому ни

одного заказа. Это всем известно.

— Ну и что? Институт кто-то может спонсировать.

— В том то и дело. Хотелось бы знать — кто.

— Крейг, да что ты, в самом деле? — воскликнул Рик. — Шарп может сам не знать!..

— Рик, не говори глупостей, конечно он знает, — перебил я Малыша. — Мы тоже работаем на Джайпурский институт. Но платит нам Шанкар Капур. Ты возьмешься за работу, не зная, кто будет платить? Диана, детка?..

— Слушаю, Пит.

— Связь прерывалась, или он действительно помолчал какое-то время, прежде, чем ответить? Я имею в виду последнюю фразу. И сразу после нее.

— Да, он молчал. Восемь секунд. Потом прямая связь с вами прервалась. Я спросила, хочет ли он что-нибудь еще передать, но он сказал, что не надо, и пообещал связаться попозже.

— Держу пари, что не свяжется, — повернулся я к Рику. — Я неплохо знаю Шарпа, он терпеть не может вранья. Чтобы избежать этого, он лучше будет молчать. Сядет и начнет отлов. Ну и пускай попотеет немного — глядишь, вспомнит золотое правило ООЗ: не утаивать информацию от своих. Мы знаем от Шанкара, что клиент Шарпа не только получил для него разрешение, но и пытался нажать на УОП, чтобы аннулировать наше. Такое не по зубам ни одному институту, даже не думай. И после этого так запросто дать Стиву информацию, пусть даже ничтожную? А если потом он улетит с гориллами, а мы без? Как тебе такой вариант? Дело-то не в Стиве, а в том, на кого он работает. Наш Шанкар хочет получить горилл, и в этом нет ничего странного. А работодатель Стива хочет забрать все себе и только себе. Дошла до тебя разница?

— Есть разница и в том, *как* на него работает Шарп, — добавил Крейг. — Почему он не сказал? Причина одна — ему велели держать имя клиента в тайне. А как добиться, чтобы кто-то что-то выполнил? Здесь существуют только два способа. Можно или купить молчание человека, или заставить его молчать.

— Шарпа нельзя купить, — возразила Кэт.

— Заставить его тоже нельзя, — сказал я. — Но кто-то это сделал. Одно из двух.

— Чепуха какая-то, — пробормотал Рик.

— Нет, кажется, не чепуха, — задумчиво проговорила Кэт. — В этом есть смысл. И вы заметили, что он ни разу не обозвал нас новобранцами?

Скрывать имя своего подлинного клиента между охотниками считается последним делом — по причинам чисто коммерческого характера. Особенно это касается аналогичных по содержанию заказов — дав такие заказы двум разным фирмам и потом, умело управляя действиями этих фирм с помощью заложенных в контракте условий, такому засекреченному дельцу ничего не стоит разорить одну из них. Это часто делалось раньше и до сих пор делается крупными воротилами звероловного бизнеса. И, хотя невыполнение заказа на горилл никак не могло повлиять на общее положение наших дел, меня очень интересовало, кто смог убедить Стивена Шарпа не раскрывать его имени. В том, что этот человек или организация обладали большим могуществом и влиянием, сомневаться не приходилось. Таинственному недоброжелателю не удалось отозвать наше разрешение, но уже сама эта попытка говорила о многом. Управление по Охране Природы было объединением вездесущим и всемогущим, и тот, кто мог, или считал, что может надавить на него, был, безусловно, фигурой заслуживающей внимания.

И еще меня беспокоило отсутствие на Тихой Берка. Я знал Джонни — он не откладывал дела в долгий ящик. У него остался экипаж Чезалпино, готовый идти за ним в огонь и воду, у него был клиент — хрипчатый Маркус Мендель из «Евгеники», который, в невольном подслушанном мной разговоре в столовой «Гранда» ясно дал понять, что Берк его единственная надежда... Тогда чего ждет Берк? Он уже давно должен быть здесь; он должен был прилететь на Тихую задолго до нас. Оставалось думать, что ему действительно до сих пор не удалось получить разрешения. Возможно, ему помог с этим нынешний клиент Шарпа. Зато теперь мне был понятен интерес «Евгеники» к загадочному существу, которое туземцы чтили под именем Великого Бога Айтумайрана, а склонные к упрощениям земляне прозвали рэдвольфом. К настоящему времени, после многих неудачных попыток отлова горилл уже не осталось сомнений, что они обладают весьма неординарными способностями. Когда мы перенесли лагерь, они долгое время не появлялись вблизи, особенно на плато,

которое мы заняли. Спустя две недели все пошло по-прежнему, правда, они не устраивали таких колоссальных сборищ, как в то жуткое туманное утро, и перестали проявлять к нам и нашим действиям слишком пристальный интерес. Но все же часто выходили к лагерю или устраивались внизу, на равнине, на верхушках деревьев, так что мы их хорошо видели, когда подходили к краю плато. На самом плато они выбирались далеко на открытую местность и останавливались иногда дальше, а иногда ближе от лагеря, но всегда за границей чувствительности сенсоров «сторожей». Крейг для интереса часто перенастраивал роботов, уменьшая или резко увеличивая зону, в которой «сторожа» могли засечь объект и открыть огонь — но гориллы никогда не ошибались. Всю нашу технику и нас самих они безошибочно чувствовали как минимум за пару километров, предугадывали наши действия и убирались подальше в лес прежде, чем мы успевали что-то предпринять. Либо у них в голове стояли локаторы, либо они были ясновидящими. Мне подумалось, что на планете могут быть и другие виды столь же необычных животных. Больше всего на эту роль подходили боги айту и Айтумайран-рэдвольф. О них не было известно почти ничего. Я спросил Рика, есть ли в легендах туземцев упоминания о гориллах Фостера.

— А как же, — ответил он. — Особенно часто их упоминают в своих сказаниях лесные племена, да оно и понятно — гориллы здесь встречаются куда чаще, чем в лесостепи и прериях, хотя и там попадаются. Туземцы называют их Черными людьми, и считают любимцами богов айту.

— Но не самими айту?

— Нет.

— Аборигены считают их разумными?

— Снова нет. Туземцы говорят, что гориллы только наполовину люди, а наполовину — животные. Правда, охота на них все равно запрещена, и очень строго. Считается добрым знаком, если гориллы живут рядом с поселками. А вот если гориллы уходят — жди беды.

Значит, туземцы пользуются гориллами, как своего рода живыми индикаторами. Вникнув в некоторые странные дела, творящиеся на Тихой — сбои связи без причины, «эффекты городов», «трясение биосферы», я не мог назвать поведение туземцев иначе, как весьма похвальным. На планете явно было нечто такое, чего стоило опасаться.

— Выходит, аборигены горилл не боятся, — заключил я.

— Нет, их присутствие считается добрым знаком, — сказал Малыш. — И чем больше горилл, тем лучше. Значит, боги айту тоже рядом, и благоволят к людям.

— Ну что ж, можем быть спокойны — если судить по числу горилл, которые беспрестанно вокруг нас отираются, мы обеспечили себе благоволение местных богов как никто другой.

Итак, думал я, гориллы у туземцев почетного звания богов не заслужили, хотя у первобытных племен многие звери обожествляются и за меньшее — силу, хитрость или просто большой размер. И если уж гориллы Фостера, несмотря на их выдающиеся таланты, не вошли в здешний пантеон, то обожествленные айту и рэдвольф, окажись они просто животными, должны были быть, при таком раскладе, и вовсе чем-то из ряда вон выходящим. Сумей кто-нибудь убедить боссов «Евгеники» в реальности существования рэдвольфа — и заинтересованности этой организации в его отлове никто не удивился бы. Только за последние десять лет ее спецы четырежды фигурировали в судебных разбирательствах относительно срачивания человека с животными, и всякий раз процессы приобретали форму всегалактического скандала.

Некоторое время я рассматривал возможность того, что Шарп нанят «Евгеникой», что объяснило бы засекреченность его клиента, но по зрелом размышлении отверг такую идею. Конечно, «Евгеника» не из тех организаций, что любят афишировать свою деятельность, но вряд ли она способна надавить на УОП. Впрочем, способна — но зачем ей это? У нее нет причин мешать другим заполучить животных с Тихой. Намного проще завербовать человека из лагеря конкурентов и выкрасть готовые результаты исследований — на таких вещах «Евгеника» собаку съела. И если на нее уже работал такой прекрасный специалист, как Берк, то для чего мог понадобиться Стив Шарп?.. Нет, здесь что то другое, но от слишком напряженных раздумий на эту тему мысли начали путаться у меня в голове. Будь что будет, нам нужно всего лишь отловить своих горилл и убраться отсюда. Как только мы это сделаем, проблемы, связанные с Тихой, Берком, и богами айту, перестанут нас волновать. Но я не выдержал и поделился своими рассуждениями с Крейгом.

— Единственное, чем могли зацепить Шарпа, так это его армейским прошлым, — сказал Крейг. — Ты хорошо знаешь Стива — подумай, кто и как мог подкупить или запугать его, чтоб молчал? Ответ будет один — никто и никак. Но ему могли пообещать реабилитацию и восстановление в прежнем воинском звании, то есть то, что уже давно сделано в отношении всех ветеранов, сражавшихся на стороне мятежников. А Шарпа обошли — слишком много генералов Федерации разбил в свое время этот бравый полковник с ненастоящим республиканским званием... Кстати, а федеральное звание у него какое, я забыл?

— Всего лишь сержант, — ответил я, и мы оба расхохотались.

— Военная служба ему давно не нужна как таковая, — продолжал Крейг отсмеявшись, — да и возраст у него уже скоро выйдет, но ты же знаешь, как трепетно относится он к таким вещам. Задумай я давить на Шарпа — поставил бы на это.

Предположение Крейга показалось мне разумным, но вместо того, чтобы прояснить ситуацию, еще больше все запутало. Если Стиву пообещали реабилитацию и формальное восстановление в рядах Вооруженных сил, то кто за этим стоит? Армия? Да, армейские часто действуют скрытно. Спецслужбы? Они тем более, но тогда нам не придется узнать правду. Они могут работать под любым прикрытием, и прикрытия это будет что надо.

Почти сразу вслед за Шарпом с орбиты на связь вышел инспектор Ливнев. Он по-прежнему пользовался передатчиками СОЗ — качество связи, по сравнению с обычным, удивляло. Мы хорошо видели на экране и самого инспектора, и часть рубки его корабля — ту, что попала в камеру. Он тепло поздоровался с нами: похоже, что симпатия, которую мы все испытывали по отношению к этому невысокому, всегда подтянутому и спокойному человеку с пронзительным взглядом, была взаимна.

— Как вы там ребята? — спросил он. — Вот, решил воспользоваться служебным положением и узнать, как у вас дела.

Рик раздвинул нас с Крейгом и протиснулся поближе к экрану.

— День добрый, инспектор, у нас все замечательно. Снова на Тихой?

— Что делать, должность обязывает. Требовалось досмотреть корабль Стивена Шарпа и подтвердить его разрешение на посадку.

Кроме того, моя группа проводит внеплановую проверку деятельности СОЗ на этой планете, и мы задержимся здесь надолго. Впрочем, это такая работа, которую я сам себе задал. Решение о проверке руководство Галактической инспекции допуска приняло с моей подачи, а всякая инициатива, как известно, наказуема. Мои ребята ругают меня на чем свет стоит, но деваться им некуда, а я... — Ливнев смущенно развел руками: — Я просто не могу иначе. Заметив немало нарушений (в том числе и этического характера), допущенных местной СОЗ, я не мог не отразить этого в своем отчете руководству ГИД, более того, сам настоял на ревизии. Долго вам еще находиться на планете?

— Трудно сказать, инспектор, — ответила Кэт. — Наши гориллы оказались существами несговорчивыми, никак не хотят в клетки.

— Мы проведем на орбите Тихой месяц, — сказал Ливнев. — Проверка займет не больше двух недель, но дней через двадцать — тридцать сюда прибудет еще одна группа охотников. Мы останемся, чтобы их дождаться. Если завершите отлов в течение этого времени, надеюсь, увидимся на орбите. Мне хотелось бы вас кое о чем расспросить... — Ливнев на секунду задумался и отвел глаза в сторону. — Расспросить лично. — Мы поняли, что он хотел сказать — поговорить без использования средств связи, контролируемых СОЗ и директором заповедника Василиадисом. — Надеюсь, вы не откажетесь задержаться на денек — угощение, разумеется, за мой счет. Никогда не обедали с главным инспектором допуска?

— Мы будем рады, инспектор, — ответил я за всех. — А не скажете ли, что за охотники должны сюда прибыть? Нам было бы интересно знать, с кем, возможно, придется работать рядом. Ведь мы можем и не управится здесь за месяц.

— Состав группы еще не утвержден, и у меня нет информации, — сказал Ливнев. — Но разрешения в УОП на отлов добывается Пекинский институт экзобиологии, если вам это что-то говорит. — Нам это ничего не говорило. — Они уже подавали прошение три месяца назад, но затем у них, очевидно, расширился круг интересов. Список желаемых к добыче видов они увеличили, и вместо одного корабля с экипажем теперь сюда прибудут, возможно, два. Но какой именно охотничьей фирме или фирмам будет поручено исполнение, я

не знаю. Такие сведения предоставляются в Инспекцию в последнюю очередь. Сначала — разрешение на отлов.

Ну, это-то нам было хорошо известно.

— Возможно, два экипажа... — протянул Крейг. — Вы не находите, инспектор, что на Тихой становится многолюдно?

— Да, я это заметил, — улыбнулся Ливнев. — Перед вами и Шарпом мы утвердили разрешение на посадку лишь Джонотану Берку год назад, а до этого здесь не высаживался ни один охотник с лицензией за последние десять лет. Кстати, именно некоторые действия СОЗ после исчезновения экспедиции Берка вызвали мой интерес и послужили одним из поводов для текущей внеплановой проверки. Но об этом и некоторых других вопросах мы можем побеседовать с вами при встрече — если встретимся.

— Надеюсь, что встретимся, — сказал я.

— Я тоже. Удачной охоты.

Сеанс завершился.

— Хороший парень этот инспектор, — сказал Малыш. — Надеюсь, он раскопает все что хочет и как следует надерет задницу Василиадису.

— Вторая группа — несомненно, команда Берка, — заключил Крейг. — И я буду не я, если наряду с рэдвольфом Джонни не попытается поймать горилл Фостера. По-настоящему, а не ради прикрытия. Чутье меня подводит редко. Нам стоит поторопиться с отловом, если хотим сохранить пальму первенства, изобрести что-то...

Срок, который мы сами себе выделили для отдыха, подошел к концу. Рик предложил первым делом слетать на место нашей бывшей стоянки и установить там одну из оставшихся в резерве ловушек.

— Далеко, — возразил Крейг. — Да и какой смысл пытаться поймать горилл на прежнем месте?

— Вдруг они, увидев, что мы улетели оттуда, расслабились и потеряли бдительность, — ответил Малыш.

Предположение было вполне идиотским — ничто из того, что мы успели узнать о гориллах Фостера, не подтверждало, что они могут потерять бдительность или расслабляются хоть на секунду. Но я поддержал Малыша:

— План настолько глуп, что может сработать. Давайте попробуем, у нас полно свободного времени. Надо проверить все возможности.

Крейг и Рик загрузили в багажник скутера ловушку и отправились к озеру. Путь был неблизкий, установка ловушки тоже отняла время, хотя поставили ее на земле — Крейг наотрез отказался прыгать по деревьям, чтобы проверить идею Рика. Связь оставалась приемлемой. Ребят сопровождали четыре зонда, которые один за другим отставали, зависая в воздухе на каждом большом отрезке пути скутера. Мы с Кэт, сидя в лагере, слышали каждое их слово, хотя и ничего не видели — видеопередача терялась. Крейг и Рик долго переругивались, потом установили ловушку прямо посреди пляжа, на котором раньше находился наш старый лагерь.

— Пустая затея, — сказала Кэт.

— Пусть Малыш развлечется, — ответил я. — Вреда от этого никакого.

— Но проверять пускай летает сам в такую даль.

— Все равно кому-то придется его сопровождать.

Наконец Крейг и Рик доложили, что все готово; они были на полпути назад, когда ловушка сработала.

— Я же говорил тебе, балбес несчастный, что мы замучаемся с этой ловушкой! — завопил в эфире голос Крейга. — Сейчас в нее полезут бесконечные свиньи, мартышки, дикобразы, а мы должны будем летать туда и вытряхивать их! Мало нам дел, так еще ты добавил!

После долгих уговоров Рик удалось убедить Крейга развернуть скутер обратно.

— Ну ладно, но только в этот раз! — согласился Крейг. — Вот увидишь, после того, как мы выпустим сейчас ту тварь, что туда вляпалась, ловушка снова сработает, не успеем мы улететь от озера на километр. Но второй раз я возвращаться не буду — я устал и хочу есть! Давно время обеда.

Скутер уже был у цели, когда Крейг сказал: «Не понял», — а затем мы услышали какое-то придавленное шипение, как будто он выпустил из груди воздух сквозь зубы. Потом заорал Рик.

— Господи, он что, опять свалился со скутера? — спросила Кэт.

— Надеюсь, это произошло над озером, а не над лесом, — вздохнул я.

В эфире раздались нечленораздельные выкрики, и мы по-настоящему забеспокоились. Рик вопил без перерыва. Крейг пытался

что-то вставить и ругал Рика.

— Что там, Крейг? — позвал я. Больше всего меня нервировало то, что я ничего не вижу. — Малыш, что происходит? Отвечайте, черт бы вас!..

— Мы его поймали, Пит, мы его поймали! — орал Рик сквозь висевший в эфире шум. — Мы достали эту гадину, клянусь Богом! Сука, гад, урод проклятый!.. Кэтти, девочка, мы взяли его!.. Ах ты мой миленький!!!

— Пит? — неуверенно сказал Крейг. — Ты слышишь меня?

— Конечно, слышу, что происходит? На вас напали?

— Пит, мы, кажется, поймали одного из них.

— Что значит — «кажется»? «Одного из них» — кого?

— Ты, старый ворчун! — Это снова был Рик. — Пессимист, жалкий научный червяк! Я говорил тебе! Смотри, какой самец! Это же главный «начальник караула»! Пит, Кэтти, мы поймали гориллу! Вы слышите — Г-О-Р-И-Л-Л-У!!! Заводите «Рейнджер», и бегом сюда!

— Поймали? — переспросил я, стараясь унять нервную дрожь. — Ты уверен, Малыш?

— Да, Пит, это правда, — спокойно сказал Крейг. — Невероятно, но факт — мы таки одну поймали.

Я не стал слушать дальше. Оставив в лагере шумно протестовавшую Кэт, я с разбега упал в пилотское кресло «Рейнджера» и приказал Биасу выжать из машины все что можно. Подлетая к озеру, я еще издали увидел ловушку посреди пляжа, скутер рядом с ней и сидевшего на нем Крейга. Рик ходил гоголем вокруг обтянутого сеткой куба, поглядывал внутрь и время от времени пускался в пляс.

Я плюхнул катер на пляж чуть в стороне и, выйдя наружу, подбежал к ловушке. Сомнений не было. Внутри сидела здоровенная обезьяна, больше всего похожая на шимпанзе-переростка. Горилла Фостера. Она не пыталась освободиться, спокойно сидела посреди клетки и смотрела на нас внимательными черными глазами.

Погрузка пленника на «Рейнджер» не отняла много времени, но горилла оказалась страшно тяжелой, и мы вдвоем еле втащили ее в небольшой грузовой отсек катера — второпях я позабыл взять из лагеря роботов. Животное нам не мешало, не бросалось на сетку, просто сидело внутри, вцепившись лапами в стойку, чтобы удержаться на месте, когда ловушка наклонялась и раскачивалась. Обрато в

лагерь я вел катер куда медленнее, чтобы ничем не беспокоить драгоценный экземпляр, а Биас включил демпферы^[26] на полную мощность.

В лагере нас с нетерпением ждала Кэт.

— Ты просто бессердечный мерзавец, — посетовала она. — Как ты посмел не взять меня с собой?

— Но кто-то должен был присматривать за лагерем, — ответил я.

— Тогда почему не ты? Я лучше вожу катер!

— Утверждение спорно. И ты должна быть мне благодарна — тебе не пришлось корячиться на погрузке.

— Мне и так не пришлось бы! Роботов я бы не забыла! И специальную клетку — тоже. Тогда ловушку можно было оставить на пляже.

— Утверждение опять спорно — более чем. Насколько я помню, ты готова была и про катер забыть — я успел удержать тебя, когда ты помчалась к скутеру. Еще немного — и побежала бы пешком.

— Терпеть тебя не могу! Ну зачем тебе такая хорошая память?..

Первым делом мы перевели гориллу в настоящую клетку. По размерам и конструкции она мало чем отличалась от ловушки, но там имелось закрытое спальное отделение, несколько перекладин — на случай, если животное захочет поразмяться и повисеть на них, и, конечно, она была оснащена приборами дистанционного контроля за состоянием животного и системой «кормление-уборка». Ловушку и клетку сдвинули вместе, защелкнули фиксаторы, чтоб животное не смогло раздвинуть стойки и убежать — обе конструкции достаточно легкие. Потом, подняв одну из стенок ловушки и дверь клетки, накрыли все сооружение тентом и предоставили пленнику осваивать новую территорию в одиночестве. Через двадцать минут датчик в клетке среагировал на «присутствие», и захлопнул дверь. Тент сняли и установили над клеткой большую палатку, оставив открытыми две стороны, чтобы у животного было достаточно свежего воздуха. И в клетке и в палатке были встроенные кондиционеры, но мы решили обходиться минимумом аппаратуры. Раз эти твари столь хорошо чувствуют нашу технику, как бы большое число включенных в непосредственной близости приборов не повредило нашей ненаглядной горилле, которую мы сразу окрестили Патриархом. Это был старый, могучего сложения самец с сединой в шерсти. Его седина

не походила на серебряную седину взрослых самцов земной гориллы, скорее — на седые волосы пожилого человека, а вся шерсть казалась более тусклой, чем глубокая чернота шерсти молодых самцов, которых нам доводилось видеть. Патриарх — а это действительно оказался один из «начальников караула», которых мы так долго пытались поймать — вел себя тихо и, по всем признакам, вознамерился переносить заключение стоически. Он внимательно оглядел свое новое жилище, ощупал все, что показалось ему интересным, и забрался в спальное отделение, решив отдохнуть.

Рик энергично промаршировал на месте и от избытка чувств спел первый куплет гимна Земной Федерации.

— Ну, что я вам говорил? — спросил он. — Моя была идея!

— Дуракам всегда везет, — хладнокровно ответил Крейг. — Посмотрим, как пойдет дальше.

Малыш обозвал его мелкой научной козьявкой и заявил, что Крейг ничего не смыслит в искусстве охоты.

— Надо понимать психологию приматов, — сказал он с апломбом, явно над нами издеваясь. — И мыслить творчески.

Нам приходилось терпеть, ответить было нечего. Но, несмотря на едкие замечания Малыша в наш адрес, все несказанно радовались. Наконец-то дела сдвинулись с мертвой точки.

Проигнорировав горячие увещевания Рика, призывавшего нас немедленно снять все ловушки и расставить их вокруг нашего старого лагеря на озере, мы ограничились в первый день тем, что установили там две резервных. Одну опять поставили на пляже, одну разместили в лесу на дереве неподалеку. Весь день Малыш пребывал в радостном возбуждении, к вечеру начал мрачнеть. Связь опять испортилась, было неизвестно, захлопнулись ли ловушки. С большим трудом нам удалось удержать Рика в лагере, уговорив подождать и не лететь на проверку под вечер; наконец он согласился, что гориллы, если они попались, до утра никуда не денутся. Вряд ли он спал в эту ночь. Наутро мы с ним отправились к озеру чуть свет. Ловушки оказались пусты. Разочарованию Рика не было предела.

— Не переживай, — утешил я его, — не все коту масленица. Пока что ты остаешься единственным из нас, кому удалось подать стоящую идею, приведшую к поимке одного из этих хитрых дьяволов.

Между тем вокруг нашего лагеря начался тихий ажиотаж. Две сотни горилл непрерывно перемещались в лесу на равнине, в непосредственной близости от плато, и еще сотни полторы бродили в зарослях на самом плато. Многие подходили вплотную к зоне поражения, ограниченной чувствительностью сенсоров сторожевых роботов, подолгу сидели там на земле и на ветвях деревьев. Патриарх вел себя по-прежнему, абсолютно не нервничал, и вообще, переносил свой плен со спокойствием философа. Мы набрали для него в лесу несколько разновидностей плодов, о которых нам было точно известно, что гориллы питаются ими хотя бы иногда. Он их с охотой съел, развеяв наши опасения относительно того, что он может отказаться принимать пищу в неволе — с некоторыми животными это случается. Из-за скудных познаний особенностей функционирования организма обезьян данного вида, мы не надеялись без вреда для здоровья животного держать его все время под действием спецпрепаратов в состоянии спячки. Однако скудный рацион из трех-четырех разновидностей плодов тоже мог истощить Патриарха. Мы рискнули дать ему брикет концентрата, используемого для кормления в неволе подобных видов — все равно надо приучать его к искусственной пище. Он внимательно осмотрел брикет, обнюхал и съел без всяких вредных последствий.

Больше гориллы нам не попадались. Но первый успех нас взбодрил, и теперь мы выполняли скучную ежедневную работу с охотой и воодушевлением. В течение недели, проверяя ловушки, мы находили там лишь надоевших нам свиней и мелких обезьян. Рик ходил подавленный. Кэт слетала на «Артемиду», чтобы передать Шанкару радостную новость, и попросила у него добыть дополнительное разрешение на отлов. Я думал, что она уже забыла о своем намерении занять оранжевую мартышку, но Кэт если уж вобьет себе что в голову... Донельзя обрадованный нашим успехом, Шанкар спросил, сколько тысяч мартышек она хочет заполучить, и был крайне разочарован, когда Кэт ответила, что ей нужна всего одна особь. Шанкар честно сказал, что разрешение на одно животное ему еще получать не приходилось, что такое прошение может вызвать ненужное недоумение чиновников УОП и массу вопросов с их стороны. Лучше запросить десять — Кэт сможет выбрать любую понравившуюся, а сам Шанкар заберет остальных, и обязуется

содержать их до конца жизни за свой счет в качестве резерва на тот случай, если особь Кэт по каким-то причинам сдохнет.

Шарп высадился на планету с непонятной задержкой в пять суток, более чем в трех тысячах километрах от нас, и прислал свои координаты. Уже через три дня он перенес лагерь на другое место, значительно ближе, и вышел с нами на связь. Эфир был удивительно чистым — мы собрались в рубке и видели Стива на экране

— Мой клиент поручил мне собрать информацию о поведении горилл на воле и выяснить некоторые подробности относительно вида в целом, — сказал он, и я заметил на его лице явное облегчение, когда он понял, что мы не собираемся больше интересоваться, кто именно его нанял. — В связи с этим мне придется много перемещаться, и я хочу еще раз вас спросить — действительно ли мы вам не помешаем здесь. Меньше всего мне бы хотелось действовать вам на нервы, ребята, я уж не говорю о том, что вы прибыли сюда первыми. Но другая группа уже вела наблюдения в данном районе по поручению клиента, и он настаивает, что повторные наблюдения должны проводиться здесь же.

— Если ты надеешься выдавить нас по-тихому с насиженного места, то забудь об этом, — посоветовал я. — Без боя мы родные края не оставим.

— Господи, Пит, да и в мыслях не было! — Открытое лицо Шарпа выразило столько неподдельного изумления, что сомневаться в его искренности не приходилось. — Просто клиент просил начать поиск отсюда. Потом в планах второй континент и острова архипелага Гринберга. Мы начали с задержкой, но теперь уже настроились, и больше чем на десять дней задерживаться в Восточном Массиве не намерены.

— Но у тебя всего один месяц, — заметил я. — Ты что, считаешь, выдержишь провести наблюдения сразу в трех местах, да еще и отловить горилл, и все за тридцать дней? Прости дружище, но должен заметить, что ты чересчур самонадеян. Могу спорить на что угодно, что через месяц ты будешь на коленях умолять нас поделиться опытом отлова этих хитрых бестий.

— Вот как?! — тут же завелся Стив. — Спорим, что не буду? Но согласен бесплатно поделиться опытом их отлова с вами, когда стартую отсюда месяц спустя с гориллами. Вы, жалкие новобранцы, сидите там

уже черт знает сколько, и будете еще сидеть, когда я отправлюсь обратно с трюмом, набитым товаром! На ваше счастье здесь оказался я, так что радуйтесь — вам не придется безрезультатно гоняться за гориллами до старости... Дядюшка Шарп не бросит вас на произвол судьбы.

— Самоуверенный болван! — разъярилась Кэт. — Да ты хоть знаешь, что их даже увидеть без помощи зондов почти невозможно, не то что поймать? Через месяц ты заговоришь по-другому! Но мы не откроем тебе сразу все наши секреты, сначала заставим как следует поунижаться.

— Ничего подобного, — возразил Шарп. — Предлагаю пари. Сколько вам надо животных?

— Десять пар.

— А мне — двадцать. Но и людей у меня больше. Ставлю банкет у Дагена на обе наши команды, что выполню заказ первым.

— Самовлюбленный нахал! Но мы слишком добры и не станем ловить тебя на слове. У тебя только перенесение лагеря с места на место с помощью твоих двух катеров отнимет половину времени. Ты обречен на проигрыш.

— Ничего не обречен! У меня есть разрешение на посадку корабля, и я его использовал. Мой «Миротворец» стоит в пятистах километрах от вас, а десять человек на катерах уже ушли на архипелаг Гринберга. Ребята там будут работать отдельно, у них только наблюдения. Я оставил себе восемнадцать человек, мы поработаем здесь на скутерах, сменим два-три места, потом переберемся на другой континент. Кстати, насчет вашего приглашения в гости — вряд ли увидимся, заказ срочный. Вот отметить удачное выполнение наших контрактов на Безымянной — совсем другое дело. И я ставлю на то, что мой будет выполнен раньше.

— Годится! Но ты проиграешь.

— Я выиграю, детка, — сказал Стив самым оскорбительным тоном. — Хватит спорить со старшими по званию, а то нашлепаю по заднице! Примите приблизительный план моих перемещений в Восточном Массиве... Готово? Ну, тогда — до встречи. В ресторане Дагена. Готовьте мешок с деньгами — у всех моих ребят прекрасный аппетит.

— Нет, ну каков наглец? — удивилась Кэт, когда Шарп выключил связь. — Надо его проучить.

— До всех дошло, что он сказал по поводу «Миротворца»? — обернулся к нам Крейг. — У него не только разрешение на взлет-посадку трансгалакта, но и на свободное перемещение в атмосфере по всей территории заповедника.

— У Сиднейского института сравнительной анатомии широкие возможности, — усмехнулся я. — Кто же все-таки его настоящий клиент?

— Он говорил, что должен продолжить начатые кем-то наблюдения. Упомянул группу, которая уже вела поиск в этом районе... Но тут несколько лет никого не было... — Рика вдруг осенило: — Что, если эта группа — пропавший экипаж Берка?

— Какая разница, что за группа, и кто клиент Шарпа, — отрезала Кэт. — Вы же все видели, как был озадачен Стив, когда Пит сказал, что он хочет нас выжить отсюда? Каковы бы ни были тайные интересы клиента, сам Шарп не имеет о них никакого понятия. Стив — честный парень. Но за наглость проучить его стоит. Теперь мы просто обязаны завершить отлов раньше него. В жизни не прощу себе, если он выиграет. Давайте утрем нос этому фанфарону.

Гориллы Фостера в больших количествах бродили поблизости от нашего лагеря с момента пленения Патриарха, но помогать нам выиграть пари не собирались. Время от времени срабатывали ловушки в лесу на равнине; почти каждый день приходилось летать к озеру. Единственной нашей стоящей добычей за все это время остались десять оранжевых мартышек, пойманных (точнее — отобранных среди многочисленных пойманных) по дополнительному разрешению, которое не замедлил прислать Шанкар Капур. Клетку с мартышками поставили рядом с клеткой Патриарха, чтобы выяснить, как животные Тихой реагируют на близкое соседство с гориллами. Это могло пригодиться, хотя мы пока и не знали — как. Мартышки поглядывали на огромную обезьяну с почтением, но ничуть ее не стеснялись и не боялись. Патриарх, в свою очередь, не пытался запугать своих соседей, издавая вопли и бросаясь на сетку, что часто делают обезьяны некоторых других видов. Он вообще вел себя с большим достоинством. Кэт часть свободного времени неизменно проводила рядом с жилищем мартышек и быстро подружилась со всеми.

Наибольшую симпатию она испытывала к одной из них, молоденькой самочке, едва вышедшей из детского возраста, которую она нарекла Викторией в честь нашей будущей победы над Шарпом, а мы звали Вики. Кэт могла часами сидеть у клетки, разговаривая с Вики, которая отвечала ей на своем тарабарском наречии, похожем на болтовню пьяного инопланетянина. Она ужасно сюсюкала над мартышками, называя их «своими красавицами» и «милыми крошками», но ее общего настроения, безнадежно испорченного отсутствием по утрам в ловушках новых экземпляров горилл, это не улучшало.

— Малыш! — горестно взывала она. — Ты же у нас эксперт по слабостям обезьян, придумай что-нибудь! В прошлый раз ведь придумал?

— Нам надо во что бы то ни стало обскакать Шарпа, — поддержал я. — Если получится, раскрутим старого вояку на самый роскошный обед у Дагена, какой только видел этот ресторан.

— Может, спеть им песенку, или устроить театральное представление, — предложил Крейг. — Ты только скажи, мы все сделаем.

— Я согласна исполнить для них стриптиз посреди пляжа у озера, лишь бы они пошли в ловушки, — сказала Кэт. — И буду готовить завтраки лично для тебя каждое утро в течение месяца по возвращении на Землю.

Всегда веселый и беззаботный Малыш ходил мрачнее тучи. Наконец его посетила мысль, которой он не замедлил поделиться с нами:

— Давайте отправим Патриарха на орбиту, пусть живет в «грузовике» «Артемиды» под присмотром Дианы. Лучше, чем она, мы его не убереем. Вдруг он, сидя здесь в клетке, читает наши мысли и телепатирует своим сородичам о местонахождении ловушек, чтобы они и близко не подходили?

Предположение Рика было не менее фантастическим, чем его задумка поставить ловушку на месте бывшего лагеря, понадеявшись на то, что гориллы там «расслабились». Лучших идей ни у кого не нашлось, и мы согласились. Клетку с Патриархом решили отправить на «Артемиду» завтра же. По счастью, мы не сделали этого немедленно, поскольку уже наступал вечер и возиться с погрузкой никому не хотелось; иначе Малыш совершенно зазнался бы. Потому,

что когда на утро мы отправились проверять ловушки (четыре захлопнулись в течение дня после предыдущей проверки, остальные — ночью), там сидели шесть великолепных горилл Фостера, в остальных четырех оказались другие звери. Слетав к озеру (сигнализация на таком расстоянии не действовала), мы привезли оттуда еще одного самца, опять из ловушки, установленной на пляже; из другой выгнали веселую банду мартышек. Когда всех пленников доставили в лагерь, расставили над их клетками навесы, а радостное возбуждение несколько улеглось, ко мне подошла Кэт и потянула в сторону. Мы удалились прочь от посторонних глаз в столовую, и она неожиданно уткнулась лицом мне в грудь, крепко обняв обеими руками. Так мы стояли несколько минут, я гладил ее по голове и ничего не понимал.

— Я боюсь, Пит, — сказала она наконец. — Сама не знаю чего, но боюсь. И больше всего боюсь этих странных животных. То они упорно не даются нам в руки, то вдруг сами лезут в ловушки.

— Может, у них заржавела телепатия, — попытался пошутить я. — Стала туго работать, требует смазки. Или у них произошел общеплеменной сбой в экстрасенсорных способностях.

— Не смейся, я серьезно! Мне страшно. Впервые в жизни мне по настоящему страшно, а ведь я никогда ничего не боялась, даже когда была маленькой. Прошу тебя, милый, прошу тебя... Давай побыстрее закончим работу и уберемся с этой планеты! Здесь все не так...

Я попытался приподнять ее голову и почувствовал, что моя рука, коснувшись ее лица, стала мокрой — Кэт плакала. Да, Стальная Кэт, стоя посреди лагеря, набитого желанной добычей, дала течь и просто плакала, как испуганный ребенок, а я пытался ее успокоить. В последнее время у меня тоже были основания для тревоги, правда — другого рода. Мои сны, переставшие меня беспокоить с самого момента приземления на Тихой, вдруг вернулись с новой силой. Но это больше не были беспорядочные кошмары, объединяемые лишь общим местом действия и главным героем — заросшим черно-серой шерстью клыкастым чудовищем. Теперь мне почти каждую ночь снился один и тот же сон, который я видел в памятную ночь в отеле «Козерог» на Безымянной: какая-то прогалина в джунглях, заваленная мертвыми телами; умирающая Кэт ползет по земле, пытаясь дотянуться до своей винтовки; я сам стою напротив раненого монстра с пустой винтовкой в

руках; он прыгает, а я не успеваю достать пистолет. Потом все тонуло в кровавом тумане.

Теперь у нас насчитывалось восемь горилл, включая Патриарха. На следующее же утро мы обнаружили в ловушках еще четырех. Заказ был выполнен более чем наполовину, а если не считать старую, еще старше Патриарха самку и его самого, то ровно наполовину. Мы отправили всех животных, включая мартышек, на «Артемиду», я сам отвез их на корабль и в очередной раз связался с Шанкар.

— Конечно, слишком старые особи нежелательны, но только в том случае, если сможете добыть более молодых, — сказал Шанкар. — Если же нет — сойдут любые. Именно перспектива получения приплода является наиболее заманчивой — однако изучение патологий, связанных со старением животных данного вида, также будет для меня интересно. А что, дело пошло на лад, а? — Шанкар улыбнулся и хитро подмигнул.

— Мы все на это надеемся, — сказал я. — Нам до чертиков надоели здешние места, уже хочется домой.

— Если вам удастся набрать двадцать молодых половозрелых особей, свяжись со мной опять. Я постараюсь заставить УОП увеличить квоту отлова за счет «стариков». Проблем возникнуть не должно. Для вида, как такового, они уже не важны. Думаю, вам разрешат их вывести с остальными. Но если не выйдет — вам ведь не трудно будет доставить их обратно на планету и выпустить?

— Нет. Нам надо вывести с планеты уйму оборудования, катер сделает туда-обратно три или четыре рейса. «Стариков» захватим с одним из них и отвезем до поверхности, хотя лично я предпочел бы выкинуть их из грузового люка на высоте километра. Не представляешь, сколько они нам испортили нервов! Но мы доставим их на Тихую. Откроем клетки, и все сообща дадим им хорошего пинка под зад.

— А мартышек вы уже поймали? — спросил Шанкар.

— Мы их тут не ловим, мы тут от них обороняемся, — ответил я. — При желании могли бы обеспечить ими все зоопарки Галактики.

— Чудные зверьки, — улыбнулся Шанкар. — Я хотел преподнести их Кэт в подарок, но она настояла на оплате обычным порядком. Очень серьезная девушка. Ну что ж, нет так нет.

— С ней такое бывает, не обращай внимания.

— Я очень рад, что поручил работу именно вам. Горилл Фостера никто пока не ловил, только вы с этим и могли справиться.

— Ты преувеличиваешь. Вот тут рядом с нами занимается их отловом один человек, который считает, что он с этой работой справится лучше.

— Правда? — удивился Шанкар. — Кто такой? Я его знаю?

— Шарп. Стивен Шарп.

— Ах, Шарп! — обрадовался неизвестно чему Шанкар. — Я о нем слышал. Ну так пожелаем ему удачи, верно? А вы завершайте отлов и возвращайтесь, жду с нетерпением. Мне тоже хочется, чтоб вы поскорее вернулись, и я мог заняться вплотную своими гориллами. Мне просто нехорошо при мысли, что они уже мои, но все еще так далеко от меня. Передавай привет всем. Кэт — персонально.

Следя за тем, как роботы размещают клетки в необъятном чреве грузового отсека, я между делом болтал с Дианой, узнавая новости. Научникам исследовательского центра «Тихая» запретили высадки на планету до улучшения качества связи. В чем причина сбоя, никто не знает, как с этим бороться — тоже неизвестно. Несколько помогают пакетные передатчики «Почтовый Голубь», да только где ж их взять? Их широко применяют в армии, они есть у СОЗ, но эти парни нам уже несколько раз отказали даже в простом доступе к своей системе, так что ПГ они нам вряд ли дадут. И «Почтовые Голуби» — слишком большие штуковины, на скутер их не установишь, так что нам все равно не удалось бы обеспечить двустороннюю связь между теми, кто остается в лагере, и теми, кто летает в лес.

Я вернулся в лагерь и первым делом увиделся с Кэт — мне хотелось убедиться, что с ней все в порядке. Камилла, ее киб-мастер, выдала Биасу диагноз о наличии у Кэт легкого стресса, вызванного нервным перенапряжением — этим и объяснялся недавний срыв. Я предлагал Кэт перебраться на недельку в медотсек «Артемиды» и позволить Диане подлечить ей нервы, но она отказалась.

Мы с Крейгом находились примерно в таком же состоянии, просто пока держались. Сезон выдался нелегким, одна Инферна чего стоила — высадка на одну лишь эту планету уже могла кого хочешь вывести из состояния душевного покоя. Потом Соломония и бесконечные передвижения по всей планете в поисках перламутровых питонов. И вот теперь Тихая со всеми ее загадками. С виду не более

опасная, чем парк развлечений где-нибудь на Земле. Да только в здешнем парке явно были аттракционы, не указанные в программе, а посетителей не спрашивали, хотят ли они прокатиться на таких каруселях. Я был измотан бесконечным однообразием кошмаров последних ночей, и уже начинало сказываться отсутствие полноценного сна. Крейг не в меру расстроился после исследования им озера. Я не понимал его озабоченность по поводу отсутствия в биосфере планеты каких-то там фрагментов, и какое отношение это имеет к нам; а когда он начинал объяснять, то я не мог толком разобраться.

Одному Малышу все было нипочем. Он моментально приходил в себя после любой неудачи, а все, что не находилось в данный момент прямо у него перед глазами, вообще не замечал, и никаким стрессам подвержен не был. Его необычайно крепкий организм легко переносил любые трудности, и у него почти постоянно держался повышенный жизненный тонус. Нам оставалось лишь втихомолку ему завидовать.

— Ты настоящий пофигист, Малыш, — сказал я ему однажды.

— Что за слово? — удивился он. — Я от тебя такого еще не слышал в свой адрес. Но, уверен, что-то оскорбительное опять. Ты сам придумал?

— Нет, дружок, его изобрели еще в двадцатом веке специально для тебя и для таких как ты. Оно определяет человека, которому на все в жизни плевать, и, фактически, является вольным переводом твоей клички. Не расстраивайся, в данном случае это комплимент.

Гориллы больше не попадались, но нас отсутствие добычи уже не беспокоило так, как раньше, все-таки контракт оказался закрыт более чем наполовину. Даже если больше ничего и не поймает, работу можно считать выполненной. Мы отменили перестановку ловушек с места на место, смирившись с тем, что в деле отлова горилл решительно ничего прогнозу не поддается. В полной мере мы осознали этот факт после пленения одиннадцати особей всего за двое суток. Нечего суетиться — если они попадутся, то попадутся и так. Кэт немного переживала лишь из-за нашего пари с Шарпом.

— Ты ошибся, — едко сказала она Рику. — Патриарх вовсе не отпугивал горилл с помощью телепатии. Пока он находился в лагере, обезьяны попадали к нам пачками, а теперь, взгляни: ну хоть бы одна.

А если он, наоборот, завлекал сородичей в ловушки, чтобы не скучать в одиночестве?

— Давайте приволочим его с орбиты обратно сюда, — не растерялся Рик. — Пускай сидит и приманивает.

Шарп выходил на связь ежедневно, аккуратно ставя нас в известность о своих перемещениях. Иногда он находил время немного поболтать. Я заметил, что во время сеансов с «Миротворцем» эфир всегда на удивление чист, но, спросив Биаса, узнал, что обстановка прежняя — качество приема становилось хорошим лишь когда нас вызывал Стив.

— Конечно, у меня есть ПГ, — сказал он в ответ на мой вопрос. — А ты как думал? Причем не какой-нибудь полуфункциональный хлам, который промышленность выпускает для гражданских служб, а настоящий «Почтовый Голубь», способный не только передавать пакеты информации, но и «приносить» чужие. Так что я вас тоже хорошо вижу. Да что там, ты знаешь такие ПГ по службе в армии.

Да, я их хорошо знал. И еще я знал, что когда Шарп говорил с нами с орбиты, у него не было ПГ, иначе нам не пришлось бы пользоваться посредничеством Дианы. Где же Стив его достал? Я не имел сведений относительно того, какое оборудование состоит на вооружении СОЗ, но она одновременно являлась и спасательной службой, а не только контрольно-наблюдательной. У спасателей настоящие «Почтовые Голуби» могли быть... Должны быть. Мои сомнения относительно происхождения передатчика Шарпа развеял сам Шарп:

— Пришлось воспользоваться своими старыми связями в армии. Хорошо иметь повсюду друзей.

Опять вранье: трудно представить, что некие старые друзья взяли и предоставили человеку, для которого служба в армии навсегда закрыта, спецтехнику, ограниченную для использования гражданскими лицами. Врать Шарп никогда как следует не умел, и чтоб не заставлять его продолжать это делать, я перевел разговор на другую тему. Про себя отметил, что Крейг, должно быть, прав — молчание Шарпа обеспечили обещанием восстановить его в рядах Вооруженных сил, но реально сделать это могла лишь сама армия, либо очень влиятельные люди в правительстве. Если клиентом Стива была армия, его задержка на орбите объяснялась тем, что он дожидался, когда ему доставят

необходимое оборудование. Отсюда вытекало два вывода — во-первых, где-то неподалеку от Тихой находится база Вооруженных сил или корабль ВКС — слишком быстро решили вопрос с доставкой. Во-вторых, армия в данном деле предпочитает действовать скрытно, иначе им ничего не стоило бы надавить на местное отделение СОЗ и вытряхнуть из них все что угодно. Последний вывод совпадал с наличием у Шарпа прикрытия в виде официального заказчика — Сиднейского института... Здесь я прервал ход своих рассуждений и, обозвав себя недоделанным сыщиком-любителем, занялся более полезными делами — призвал Кэт, и мы пошли в рубку «Рейнджера» обсудить с Биасом детали предстоящего переноса лагеря на другое место, возможно — на другой континент. В тех широтах, где мы находились сейчас, начинался сезон дождей, а у нас не возникало желания сидеть по уши в грязи.

Глава 6. «Миротворец»

Готовясь к большому переселению, мы уже сняли все двенадцать ловушек и демонтировали часть установленного в лагере оборудования, за исключением того, что необходимо до последней минуты. Крейг и Рик должны были отправиться на орбиту, отцепить «грузовик» и посадить на Тихую «Артемиду». Переезд на несколько тысяч километров — слишком долгое и хлопотное дело, чтобы проводить его с помощью катера, и мы решили использовать наше единственное разрешение на посадку. Согласно плану, после переноса лагеря «Артемиды» оставалась на планете, пока мы не завершим все дела. И перламутровые питоны, и гориллы Фостера чувствовали себя просто замечательно. Диана считала, что их вполне можно оставить на попечение роботов и интеллектроники «грузовика». Самое же главное, что под прикрытием корабля мы сразу почувствуем себя гораздо спокойнее — за всеми изменениями в окружающей обстановке будет следить Диана, а ее возможности намного превышали способность к таким вещам Биаса.

Оставалось обговорить наш переезд с Шарпом. Он тоже собирался покинуть Восточный Массив, и нам не хотелось стукаться с ним лбами, случайно оказавшись слишком близко на новом месте. План своей первой посадки и последующих перемещений на другом континенте он нам предоставил, однако его намерения могли измениться. Но он внезапно перестал выходить на связь по утрам. Сначала мы не обратили внимания, потом встревожились. Связь, правда, совсем испортилась, но у него же имелся «Почтовый Голубь», и он должен был прекрасно понимать, что сами-то мы в таких условиях точно к нему не пробьемся. Несмотря на это, Шарп молчал.

— Не похоже на Стива, — сказал Крейг, когда Шарп пропустил второй сеанс. Когда он пропустил третий, мы уже не на шутку переживали за него.

— Что-то случилось, — говорила Кэт. — Я нутром чувствую — что-то не так.

Мы все были с ней согласны, но не знали, что предпринять. С орбитой связь отсутствовала, что в последнее время уже перестало нас

удивлять или раздражать. Поле помех не пробивали даже личные SOS-передатчики в режиме подачи простого сигнала бедствия.

— Может, слетать к ним и проверить? — предложил Малыш.

— Да ты посмотри, что творится с приборами, — сказал я. — Мы же потом не найдем свой собственный лагерь. Это не обычная электромагнитная буря. Это ад крошечный. Мы не знаем природы явления и разобраться в нем не в состоянии. Тем более, не можем защититься.

— Между нами всего пятьсот километров. Можно ориентироваться визуально, по приметам местности. С глазами-то у нас все в порядке?

— Подождем. У него «Почтовый Голубь». ПГ пробьет что угодно.

— И эту кашу? Ты уверен, Пит?

— Нет, не уверен. Я уже ни в чем не уверен. Но мы подождем. Если он не свяжется с нами в течение следующих суток, тогда полетим.

Шарп вышел на связь ранним утром. Мы сбежались в рубку «Рейнджера», и Биас вывел на экран усталое, измученное, в потеках грязи и крови лицо Стива.

— Нет времени, — перебил он поток наших вопросов. — Я связался с вами с первыми, как только смог. Пит, немедленно сгребайте пожитки, и убирайтесь с планеты. Возможно, непосредственной опасности для вас нет, но будет лучше, если вы уйдете на орбиту Тихой. Сейчас я перенацелю ПГ и пошлю SOS. Мы попали в дьявольскую переделку, ребята, я даже не знаю, что вокруг творится. Я...

Вдруг изображение на экране исказилось, и мы увидели, как глаза Шарпа выпучились, а тело выгнулось назад. Экран погас.

— Это еще что? — воскликнул Крейг, уставившись на вспыхнувшие красным индикаторы на пульте. — Биас?.. Биас!

Сначала киб-мастер катера не отвечал. Затем в динамиках затрещало, и Биас неуверенно сказал:

— Ддд... ддррр... нннрррр... ааа? Ккк-ххх... Здорово меня шлепнуло. А передатчик вышел из строя.

— Ты в порядке? Что значит — вышел из строя?

— Это и значит. Накрылся. Полетел. И я тоже вместе с ним едва не полетел. Еле успел разорвать цепь.

— Что вывело из строя передатчик?

— Нет информации.

— Ну ты-то хоть в норме?

Биас на несколько секунд умолк — очевидно, проверял свои системы.

— Вроде, в норме, — не очень уверенно ответил он.

Кэт посмотрела на меня.

— Что могло вывести из строя передатчик?

— Вот так, как сейчас? Точно не знаю, но то же самое, что вырубил ПГ Шарпа, а его самого согнуло в дугу. Ты ведь видела — это не было простым искажением картинки. И помещение, в котором он находился... Не очень похоже на его корабль.

В рубке повисла напряженная тишина.

— Лучше поступить, как сказал Шарп, — предложил Крейг. — Уберемся отсюда на орбиту.

— А Стив и его ребята? — спросила Кэт. — Не надо быть гением, чтобы понять — они явно нуждаются в помощи. Видел его лицо?

— Он собирался перенацелить ПГ и послать сигнал бедствия.

— Вряд ли он успел это сделать.

Мы помолчали.

— Давайте решать, — предложила Кэт. — Мы можем поднять в воздух «Рейнджер» и уйти отсюда. Взлет — не посадка. У нас уйдет не меньше часа, чтобы добраться до «Артемиды»...

— ...и пока мы сможем убедить зрителей на главной базе СОЗ, что необходима спасательная операция, — продолжил Рик. — Пока они доберутся до «Миротворца»...

— Несколько часов, — закончил я.

— На «Рейнджере» мы доберемся до Шарпа за полчаса, — сказала Кэт.

— Нельзя рисковать катером.

— О чем ты говоришь, Пит? Какой риск? Ну собьемся мы с курса...

— Послушайте меня. — Я отодвинул в сторону Малыша и уселся в пилотское кресло. — Если бы Шарп мог поднять свой «Миротворец», он сам улетел бы с планеты, просто известив нас. Раз он этого не сделал, значит, его кораблю каюк. Я не знаю, что на планете земного типа в состоянии угробить трансгалакт, но такое, по

всей видимости, произошло. Больше нет никаких объяснений тому, что он не улетел, а собирался слать SOS. Два его катера находятся на островах архипелага Гринберга, это вообще в другом полушарии. Выходит, наш «Рейнджер» остается единственным транспортом, на котором можно выбраться с планеты в настоящее время. Если с ним что-то случится, мы не в силах будем покинуть Тихую без посторонней помощи. Я понятно говорю?

— Предельно, — ответила Кэт.

— Дальше. Диана обеспокоится полным отсутствием связи с нами не ранее чем через несколько суток, но в любом случае не посадит «Артемиду» самостоятельно — помешает блокировка. Мы застрянем здесь очень надолго. Шарп — если он до сих пор жив — тоже. Спасательной операции придется дожидаться неопределенное время, если она вообще состоится.

— Что значит — если состоится? — возмутилась Кэт. — Ты хочешь сказать, нас никто не хватится?

— Они не стали искать экипаж Берка в прошлом году. Хотя причин было более чем.

— Ты говорил — они не знали где корабль. Берк убрал маяк...

— Где находимся мы и Шарп, об этом тоже знаем точно только мы с Шарпом. Прикинь, когда на орбите в последний раз брали пеленг наших маяков. У них будет хороший повод просто объявить нас пропавшими без вести, как они сделали в отношении людей Берка. Охотники, мол, знают, чем рискуют. Ты же видишь, что творится в заповеднике... Ты сама сказала — Берк исчез на две недели, и никто даже не почесался. А тем, кто хотел проявить инициативу по розыскам его экипажа самостоятельно, попросту запретили соваться на планету. Инспектор Ливнев не зря начал проверку местной СОЗ. Василиадис там неизвестно что замутил. Нет, мы не можем рисковать катером.

— Если все так... — Крейг задумчиво потер лоб. — Тогда они ведь могут не начать спасательную операцию, даже если мы сами явимся на главную базу.

— Правильно рассудил, — сказал я. — Хуже всего, что мы не знаем, чем здесь занимался Стив. Но что бы он ни делал, случилось неудача. Возможно, его работодатели, с которыми он, несомненно, поддерживал связь, предпочтут, чтоб он пропал бесследно. Мы не знаем, кто они и каковы их цели.

— Мы тут болтаем, а время идет, — заметил Малыш. — Правда, ветер порывистый и без конца меняет направление, но часа за два мы доберемся туда и на скутерах. Хотя я могу и быстрее...

— Мы знаем, что можешь, именно поэтому ты и не полетишь — если не гробанешься по дороге, то точно не станешь проводить предварительную разведку местности в том районе, где сейчас находится «Миротворец», сразу сунешься в самое пекло. Полетим мы с Крейгом.

— Черта с два! — возмутилась Кэт. — Пускай Малыш останется приглядывать за лагерем, но я...

— Ты тоже останешься. — Я встал и взял ее за плечи. — Малыш верно говорит — не время болтать попусту, но не время и препираться. Если с нами что-то случится, только вы сможете вытащить нас.

Кэт, нервно дернувшись, стряхнула мои руки с плеч.

— Ты говоришь глупости, Пит. Последнее, что ты сказал — глупость. Ты просто хочешь, чтоб я осталась. Ну и что мы будем делать, если вы не вернетесь? Бросим вас здесь и уйдем на орбиту? Я этого не сделаю. Я не брошу тебя. Я не брошу Крейга. Малыш тоже без вас не улетит. Где мы будем вас искать? Намного безопаснее не разделяться.

— Кэт права, — сказал Рик. — Вспомни наше главное правило — все вместе, все заодно. Никто не уходит, если кто-то остался. С любой планеты уходим только вчетвером. Никого не оставляем.

— Сейчас вопрос один, — продолжила Кэт, — если только это вопрос. Идем мы искать Стива и его ребят или улетаем на орбиту?

Я видел, что их не переспорить.

— Хорошо, — сказал я, направляясь к выходу. — Идем все вместе. Биас, отключи «сторожей» и больше не включай — вдруг появится кто-то из парней Шарпа. После того, как мы взлетим, задрайшь люк и будешь ждать.

Мы вышли из «Рейнджера» и пошли к скутерам. Рик бегом кинулся к машинам и первым делом установил на приборных щитках выпуклые диски усилителей приема передатчиков.

— Если положение не изменится к худшему, сможем поддерживать уверенную связь в радиусе пяти километров, — сказал он.

— Отлично, — ответил я. — Но давайте постараемся не расходиться так далеко. Лучше держаться в пределах прямой видимости. Всем одеть шлемы. Личным кибам — постоянную связь между собой и нами, без всякой фильтрации реплик. Сейчас любая мелочь может оказаться важной.

Если б охотники не помогали друг другу в беде, вряд ли кто из нас дожил бы до выхода на покой. Я окликнул Рика:

— Так, говоришь, лететь около двух часов? А если поднажать?

Лицо Малыша растянулось в широчайшей улыбке.

— Ну, если поднажать, то значительно меньше.

— Ты с Крейгом пойдешь первым, а мы с Кэт сразу за тобой. Давай, покажи класс, Малыш-на-все-плевать.

Рик без лишних слов надвинул шлем и сел в пилотское кресло. Крейг предельно снизил высоту сиденья стрелка и придвинул его вплотную к креслу Рика. Я вывел ветровое стекло своего скутера вверх до отказа. Гонка обещала быть что надо.

— Сторожевые роботы выключены, — доложил Биас. — Счастливого пути.

Скутер Рика свечой взмыл в воздух, набирая высоту — сверху будет легче засечь невидимый сейчас для наших радаров «Миротворец». Я поднял машину следом.

Вскоре наш лагерь остался далеко позади. Скутер Малыша увеличивал скорость бешеными темпами. Я мельком взглянул на спидометр — красный столбик индикатора уверенно преодолел отметку триста километров в час и быстро двинулся дальше.

Спустя сорок минут сумасшедшей гонки, выйдя в район, где по нашим расчетам находился корабль Шарпа, мы сбросили скорость, развели машины на пятьсот метров друг от друга и двинулись вперед. В полном соответствии с законом подлости, ветер, создававший проблемы всю дорогу, стих сразу после того, как мы прибыли на место. Температура повышалась, влажность росла. Собирался дождь.

Через полчаса я услышал в шуршащем помехами эфире возглас Рика и повел свой скутер влево, в его сторону, но он тоже взял влево и начал снижаться. Через минуту он крикнул: «Нашли!» — и указал рукой вниз. Мы были метрах в сорока друг от друга и в четырехстах метрах над землей. Под нами, на большой поляне стоял «Миротворец». С первого взгляда становилось ясно, что с кораблем не

все ладно — картина напоминала последствия катастрофы при взлете или посадке. Его правый борт, которым он упирался в сплошную стену джунглей, был сильно помят. Правый блок маневровых двигателей сбит и валялся торчком у самой кормы, тоже поврежденной. Несколько деревьев-гигантов, вывернутых с корнем, упало в сторону зарослей, а два сломались и рухнули на корпус корабля. С воздуха мы хорошо видели место, где «Миротворец» стоял первоначально — трава и кустарник там были вмяты в землю брюхом трансгалакта, а вокруг виднелись расчищенные от кустов участки с установленными на них палатками и навесами для техники. Лагерь выглядел так, будто подвергся интенсивному обстрелу, как и вся местность вокруг, а неподалеку от него начиналась широкая полоса взрытой земли — там, где корма корабля пропахала поляну, содрал всю почву до скального основания. Повсюду в лагере валялась искореженная пулями и снарядами техника. Вокруг редкой цепью стояли сторожевые роботы, многие из них были повреждены и повалены на землю.

— Бог мой! — выдохнул в эфир Крейг. Мы осторожно снизились, и теперь разглядывали поляну, больше напоминающую поле боя, во всех подробностях. — Стив что, развязал на Тихой войну?

— Я больше хотела бы знать, с кем он воевал, — сказала Кэт. Она подняла свое сиденье, отодвинув его дальше от моего кресла, и вынула из седельного зажима свою винтовку.

— С кем бы Стив ни сражался на этом месте, он проиграл, — заключил Крейг. — На сеансе связи мы видели остатки разбитой армии. Но мы хотя бы знаем, что сам он остался жив. По крайней мере, оставался жив до сеанса.

— Всем приготовиться, — сказал я, и тоже отцепил винтовку, сняв предохранитель. — Снижаемся до предела, осторожная разведка с воздуха. Далеко не расходиться, из вида друг друга не терять. Кэт, Крейг, разверните кресла и следите за тылами.

Мы медленно вели машины над землей. Под большим навесом стояли три скутера, изрешеченных пулями. Одна из стоек, перебитая у самой земли, ушла в сторону и тент сильно провис. Четвертый скутер был совершенно разбит и выброшен из-под навеса ударом снаряда, который прошел его насквозь. Переносная станция для зарядки батарей лежала на боку. Опущенная задняя стенка бывшей столовой напоминала дуршлаг — столько в ней было отверстий от пуль; от стола

и кресел остались лишь куски пластика и рваные клочья обивки. Жилые палатки тоже все прострелены, две сбиты, на месте третьей виднелась воронка от взрыва гранаты.

Я провел скутер за границу лагеря и, пролетев над сторожевым роботом, разваленным пополам попаданием снаряда, приблизился к развороченной корме «Миротворца». Там, в глубине разбитых разгонных двигателей стлался едкий дымок и проскакивали длинные трескучие молнии; время от времени вся корма одевалась сеткой разрядов. Толстенная стойка правого блока маневровых двигателей, согнутая и сломанная, упиралась в большое дерево. Сам блок сейчас лежал прямо под нами — огромный параллелепипед, смятый в гармошку спереди, ощерился рваной дырой там, где он раньше крепился к стойке; оттуда торчали концы оборванных кабелей и энергопроводов.

— Нам лучше сесть и осмотреть все с земли, — предложил я. — Думаю, это безопасно. Что бы здесь ни произошло, все уже давно закончилось.

Мы посадили скутеры перед входным люком «Миротворца». Края проема носили следы повреждений, бронированная плита самого люка, сорванная с одного крепления, повисла на другом, упершись углом в землю.

Рик остался снаружи. Мы втроем поднялись в шлюз. Выдвижные трансформные стены шлюзовой камеры выгнулись наружу, словно в ней произошел сильный взрыв. Судя по всему, так оно и было. Внутренний люк валялся в грузовом отсеке, выбитый взрывом внутри корабля. Мы прошли в рубку. Там было пусто, как и во всем корабле — ни живых людей, ни трупов. Но всюду — и в коридорах и в рубке — на полу валялось множество стреляных гильз от реактивных и простых винтовочных патронов, они со звоном стучались друг о друга, перекатываясь у нас под ногами, а стены носили следы попаданий пуль.

— Как звали киб-мастера «Миротворца»? — спросил Крейг.

— Суворов, — ответил я. — Но если бы он функционировал, то уже дал бы о себе знать.

— Черт, почему мы не догадались взять из лагеря киб-диагностер? Сейчас узнали бы, в чем дело.

— Кто ж мог предвидеть такое? — Кэт обвела рукой вокруг себя.
— А с помощью своего киба подключиться сможешь?

— Не знаю, попробую. — Крейг подошел к главному пульту и, вытянув из пояса комбинезона кабель, стал искать подходящий разъем. Потом для удобства сел в пилотское кресло. — Давай, Кальян, поработай с Суворовым.

— Рик, — позвал я, — ты знаешь этот тип кораблей? Где у них передатчик?

— Это «Геракл», — отозвался снаружи Малыш. — Оба передатчика в отсеке связи, прямо под рубкой.

— Спуститься, посмотреть? — предложила Кэт.

— Не нужно, — ответил я ей. — Да не обычные, Рик, где они могли поставить «Почтовый Голубь»? Сколько у «Геракла» портов для съемных устройств?

— Пять. ПГ поставили, скорее всего, в главном порту, прямо наверху. Если порт закрыт, передатчик мог уцелеть.

— Сядь на скутер и проверь. Только постарайся не терять из виду входной люк. Мало ли кто здесь может шататься поблизости.

Через минуту Рик сказал:

— Главный порт был открыт, а передатчик выдвинут, когда они врубались в лес. Передатчик в лепешку, сверху на нем сейчас лежит обломок древесного ствола.

— Проверь остальные порты.

— Два из них на другой стороне, я могу посмотреть, но не буду видеть вход.

— Я выйду наружу.

Встав прямо перед шлюзом, я видел, как Малыш подвел скутер к борту «Миротворца», пришвартовал его с помощью фала и спрыгнул в открытый проем порта.

— Да. Тут еще один!.. — Рик замолчал. — Нет, Пит, слушай, это не передатчик. То есть, передатчик, но это не «Почтовый Голубь», это какая то хрень на его основе... К нему прицеплен киб, и еще какая-то штука... Я не знаю, что это. Но точно не устройство связи.

— Хорошо, проверь остальные порты.

Малыш осмотрел второй порт и перебрался на другую сторону. Я слышал, как он тихо ругается вполголоса — на той стороне деревья стояли вплотную к корпусу корабля, Рик мешали ветви и лианы.

— Суслик, почему пропадает изображение с камеры Малыша? — спросил я. — Ничего не вижу.

— Сила помех изменяется скачкообразно, — отозвался мой киб-мастер. — Я делаю все, что могу.

Наконец Рик показался на своем скутере над корпусом «Миротворца», перевалил через него и опустил машину рядом со мной.

— Везде одно и то же, — сказал он. — Все приборы целы, но непонятно, для чего они.

— Суворов мертв, Пит, — сообщил из рубки Крейг. — Кальян говорит, что у него заблокирована вся память, каждая отдельная ячейка, представляешь себе? Не стерта, а заблокирована. У каждого блока отдельный код... Этими кодами все забито, даже у киба класса «абсолют» миллион лет уйдет, чтобы все расшифровать. Кальян не знает, как такое можно сделать, но считает, что это является следствием действия вирусной программы, внедренной в Суворова... Если так, то коды будут плодиться по мере расшифровки. Безнадёжно.

— Тогда выходите. Я пока осмотрю приборы, которые нашел Малыш.

Я вернулся только через полчаса, но с готовым заключением:

— Ничего сложного — это суггесторы, созданные на основе «Почтового Голубя». Самодельные, но работа выполнена на профессиональном уровне. Те же имитаторы, создающие виртуальную действительность, но дистанционного действия. Предназначены для создания в голове у человека очень натурального бреда наяву. Генераторы галлюцинаций.

— Такие приборы ведь запрещены? — спросила Кэт.

— Ну еще бы, — подтвердил я. — Однако состоят на вооружении в армии. Боевые суггесторы, с их помощью ничего не стоит создать в чистом поле танковую колонну, только танки будут существовать лишь в воображении солдат противника. Старые модификации работали в связке с обычными гиперпередатчиками, а эти приборы оснащены двусторонней связью посредством ПГ. К каждому подключено записывающее устройство, позволяющее фиксировать степень и эффективность воздействия суггестора на солдат противника и производить необходимые корректировки с помощью киб-мастера, наращивая силу посылаемого импульса и степень достоверности. Эти

штуки были разработаны достаточно давно, против инопланетян. Никогда не применялись на практике, потому что мы пока не встречали инопланетных существ, враждебных нам, и одновременно находящихся на столь низком уровне, чтобы не иметь эффективной защиты против суггесторов.

— Шарп что — собирался их опробовать на Тихой? На ком — на гориллах Фостера?

— Возможно, что и опробовал. Он ведь говорил о каких-то порученных ему исследованиях.

— Так вот почему он был так уверен, что наловит горилл без труда — собирался загипнотизировать их? Постой Пит, разве можно воздействовать с помощью суггестора на животных?

— Можно воздействовать на кого угодно, кто не имеет защитного экрана. Надо только знать — как. Для этого — записывающее устройство и киб-корректировщик. А теперь давайте попробуем разобраться, с кем ребята Стива тут воевали и куда делись потом. Думаю, что все произошло в тот день, когда Шарп впервые не вышел с нами на связь. С тех пор не было дождя, все следы должны хорошо сохраниться.

Мы самым тщательным образом осмотрели поляну, сели на скутеры и облетели ее по кругу — заросли по краям носили следы жесточайшего обстрела из пулеметов и пушек корабля, но нигде не было видно ни трупов, ни следов крови. Углубившись в лес, мы стали медленно описывать все более широкие круги, стараясь вести машины вплотную к земле там, где этому не мешали заросли кустарника. Иногда Кэт и Крейг спускались на землю и шли пешком. За границей зоны обстрела мы обнаружили на земле множество следов, но на покрывавшем почву толстом слое прелых листьев невозможно было прочесть, кому именно они принадлежат. Стали более внимательно осматривать топкие берега двух протекавших возле поляны ручьев. Наконец Крейг, последний час почти все время двигавшийся по земле, поднял голову и сказал:

— Нет сомнения, что это именно они. Гориллы Фостера.

— Ты уверен? — спросил я.

— Уверен, я же осматривал тело убитого нами самца.

— Боже правый, сколько же всего тогда их здесь было? Они ведь предпочитают деревья. И раз столько следов на земле... Тысячи!

— Да, если Шарп собирался приманить их поближе, у него получилось... Подождите, я не видел ни в лагере ни в корабле глиссера, а ведь у них был глиссер, шестиместный. Надо постараться его найти, если он рядом.

— Они улетели на нем, — сказал Рик. — На чем-то же они улетели отсюда?

— Все восемнадцать человек? — повернулся к нему Крейг. — На шестиместном? Глупости, Малыш. Он бы их поднял, но там ведь просто не за что держаться, разве только за сиденья и друг за друга. Свалились бы с него. Логично предположить, что группа из четырех — шести человек вылетела на нем в разведку или на отлов животных перед тем, как началась заваруха. Если киб глиссера внезапно вышел из строя, как Суворов, они могли разбить и глиссер тоже.

— Тогда они или вернулись к «Миротворцу» пешком, или остались на месте аварии, — сказал я. — Поищем машину на ближних полянах, следы приземления хотя бы.

Шестиместный открытый аэроглиссер имеет в ширину около четырех метров; такие внушительные габариты исключают возможность маневрирования между деревьями в джунглях — машина сразу запутается в лианах или придется непрерывно менять направление и возвращаться назад, выбирая подходящую дорогу. Люди Шарпа могли передвигаться лишь над лесом, по руслам рек над поверхностью воды, а также использовать глиссер на больших полянах, сходя на землю или стреляя прямо с него. Если они разбились над лесом, найти их не представлялось возможным — легкая машина не пробилась бы в кронах деревьев заметную дыру. Реки, достаточно широкой для движения глиссера между сплошными зарослями по обоим берегам (а по берегам рек они были особенно густыми), здесь не протекало. Оставались поляны.

Связь с лагерем, а значит, и с Биасом, отсутствовала. К счастью, карты района, где Шарп разбил лагерь, хранились в памяти наших личных кибов — когда-то мы сами планировали охотиться тут. Шанс был настолько мизерным, что мы даже не особенно надеялись, однако нам повезло. Всего в десяти километрах от лагеря, на очень широкой прогалине Рик заметил следы посадки. Через пятнадцать минут мы обнаружили глиссер, застрявший невысоко над землей в ветвях двух стоящих рядом деревьев. Обтекаемые «торпеды» грузовых бункеров

почти отвалились от рамы вместе с сиденьями стрелков. Установленный на капоте суггестор, подобный тому, что я видел на корабле, раздавлен и сброшен на землю. Пулеметная турель, находившаяся в задней части машины, тоже сбита, сиденье пулеметчика искорежено и в крови. Крейг и Кэт изучали следы на земле и деревьях — на стволах виднелось множество отметин от попаданий пуль.

— На них тоже напали, — сказал Крейг. — Их было шестеро, один тяжело ранен. Отсюда его понесли на носилках. Следы ведут по направлению к лагерю.

Полчаса мы шли по следам. Люди Шарпа, прошедшие здесь до нас, периодически останавливались и открывали стрельбу. Повсюду в траве валялись короткие гильзы от реактивных патронов, в двух местах кусты разметало взрывами гранат.

— Стреляли из подствольных гранатометов, — определил я. — У них вместо подвесок были гранатометы. Или они вообще не собирались добывать горилл живьем, или... Или слишком надеялись на свои суггесторы. Несомненно, Шарп предвидел осложнения в работе — иначе они вовсе не стали бы цеплять гранатометы.

— Парни двигались напрямиком к лагерю, Пит, — сказал Крейг. — Шли, почти бежали, а их гнали.

— Гориллы? Ты нашел следы?

— Нет, надо смотреть вокруг. Но кто еще? Здесь все то же, что и в лагере. Мы сэкономим время, если проверим лес возле лагеря по этому направлению. Найдем следы — значит, они присоединились к остальным, нет — вернемся сюда.

Искомую цепочку следов мы обнаружили в нужном месте. Не так уж трудно различить отпечатки ботинок с шипами даже на толстом слое слежавшихся листьев, но людям Шарпа пришлось переходить вброд ручей.

— Все дошли, я уверен, — сказал Крейг. — И носилки с раненым несли — две пары отпечатков значительно глубже других.

— Ну, и что все-таки здесь произошло? — требовательно спросила Кэт после того, как мы еще раз осмотрели расстрелянный лагерь. — Есть идеи?

— Кажется, все и так ясно, — сказал Крейг, но по его интонациям я почувствовал, что он ровным счетом ничего не понимает. — Все

началось у глассера. Там на них напали в первый раз. Возможно, ребята Стива впервые испытали на гориллах суггестор, и у обезьян внушение вызвало негативную реакцию... Они дошли до корабля, заперлись вместе с остальными и отбили первое нападение. Твари, перегруппировавшись, пошли в атаку снова...

— ...а на скорострельные пушки им было плевать, — ввернул я, но Крейг не остановился: как и всех нас, его взбудоражило увиденное, и он не особенно думал, что говорил.

— ...взломали входной люк и взяли корабль приступом, — закончил он.

— Потом обезьяны забрали своих убитых и раненых и ушли, не забыв перед этим стереть каждую каплю крови с листьев, веток, да и с земли тоже, — ехидно заметила Кэт. — Поразмысли, что плетешь. Ты видел, сколько следов в джунглях — там, за линией обстрела? Сотни. Как после парада! Ребята Шарпа не новички, они отстреливались всю дорогу сюда, били прицельно, короткими очередями — видно, боеприпасы берегли. Здесь уже ни черта не берегли. Я счетчики на корабельных пулеметах смотрела — во всех пусто! А это — по десять тысяч патронов в каждом. Разрывные пули вперемешку с бронебойными. Плюс пушки «Миротворца». Плюс винтовки и гранаты. И что же — так ни кого и не зацепили? Надо очень постараться, чтобы впустую израсходовать корабельный боекомплект, стреляя по толпе! И даже миллионы горилл не смогли бы взломать входной люк. Нет, они его сами взорвали, заложив бомбу в шлюзовую камеру.

— Кэт права, — сказал Рик.

— Сам знаю, — буркнул Крейг. — Но зачем им взрывать собственный шлюз? Ты еще скажи, что они и «Миротворец» специально разбили.

— Послушайте, — сказал я, — все указывает на то, что ребята Шарпа стреляли по пустому месту, а не по гориллам или кому другому. Горилл на поляне вообще не было, как и любых других существ — повсюду только следы ботинок, а ведь на взрытой взрывами земле непременно остались бы отпечатки лап. Они палили по привидениям. Как внутри имитатора, понимаете? Смоделированная реальность. Но не внутри имитатора, а наяву. Гипноатака.

— По-твоему, они попали под удар своих же излучателей? — спросила Кэт.

— Исключено. Во-первых, их суггесторы — довольно простые, в наше время любой человек имеет защиту против таких. Во-вторых, люди Шарпа — почти все — бывшие профессиональные военные, значит, во время службы в армии им установили дополнительные экраны, которые не возьмешь практически ничем. Нет, излучение собственных суггесторов никак не могло им повредить. Только постороннее воздействие, причем излучение имело неизвестные, отличные от обычных характеристики, раз от него не спасла защита. Вспомните то утро, когда стоял необычайно густой туман, и сборище горилл возле нашего лагеря. Мы думали, что обезьяны хотят на нас напасть, и приготовили оружие, но, возможно, гориллы готовились к гипноатаке. То, что Крейг не обнаружил у мертвого самца никаких дополнительных органов чувств, ничего не значит. Мы непрерывно говорим о сверхспособностях горилл — что если они, собираясь большими группами, способны внушать людям то, чего нет в действительности? Это все объясняет. Это объяснило бы, почему у всех сторожевых роботов здесь, вокруг лагеря, сохранился полный боезапас. Они-то ничего не видели. Датчики не реагируют на миражи.

— Но, Пит, Стив же не ребенок, — сказала Кэт. — Неужели они не смогли бы отличить фантомы от... Я еще поверю, что они не заметили подвоха у глоссера в лесу. Но здесь, на открытом месте? После первого же хорошего залпа, после того, как пули прошили нападавших, не причинив им вреда...

— Я говорю не о простых миражах, вроде тех, которыми нас балует в полетах Диана. Я имею в виду полностью реальный для человека мир, подобный тому, что создает имитатор действительности. Шарп и его люди могли видеть, как атакующие умирают на поляне десятками... Они видели бы, что твари готовы проникнуть в шлюзовую камеру — потому и взорвали там бомбу. Пилот мог видеть, что бой идет уже в рубке корабля, и на миг бросил управление, когда пытался поднять «Миротворец». Единственное разумное объяснение.

— Хорошо, я согласен с тобой, — сказал Крейг. — Вполне могло быть именно так. И что мы будем делать дальше? Уже вторая половина дня. Предлагаю продолжать поиск до темноты, потом вернуться к «Рейнджеру» и улететь на орбиту. С «Артемиды» дадим знать о

случившемся в Службу охраны заповедников. Смотрите, как потемнело небо и какая стоит духота. Будет дождь, настоящий тропический ливень, который смоет все следы. Если мы не обнаружим Шарпа раньше, то после ливня и подавно не найдем.

— Верно, — согласился я. — Но сначала надо поесть. Лучше оставить в резерве запасы концентрата наших комбезов. Неизвестно, что может случиться, вдруг они еще понадобятся нам... Конечно, лучше поесть через трубочку на ходу и сэкономить время, но мы должны определиться, в какой стороне начинать поиск. Они ушли отсюда — куда?

Воспользовавшись кухонным комбайном на камбузе «Миротворца», мы приготовили и съели простейший обед — особого аппетита ни у кого не было.

— Советую всем проглотить по килограмму гипномина, — сказал я. — Чувствую, на сей расчудесной планете нам понадобятся все наши знания и опыт. Раскачаем подсознание. Пусть поработает.

— После таблеток станем шипеть, как придавленные гадюки. И так полно шума в эфире...

— Малыш, ты же знаешь, что такое ненадолго. Через полчаса голос приходит в норму.

— Шарп выходил на связь, — задумчиво сказала Кэт. — Их «Почтовый Голубь» разбит, на глиссере второго не было, значит, и в запасе его не было...

— Да и прихвати они передатчик с собой, вышли бы на связь с нами раньше, — согласился я. — Где на Тихой они взяли «Почтового Голубя»?

— Где-то к юго-западу отсюда есть наземный наблюдательный пункт СОЗ, — сообщил Крейг. — От ученых Центра я слышал, что он года три как законсервирован.

— Далеко?

— Не помню. Километров сто — сто двадцать.

— Суслик, есть карта этого района?

— Нет, — ответил киб-мастер. — Вы не собирались проводить там отлов. У меня есть карты от лагеря Шарпа до нашего и дальше. На юго-запад — лишь на двадцать километров. Вся карта Восточного Массива только у Биаса.

— Черт! Связи с ним, конечно, нет? Ладно, все равно нужно сначала узнать, куда ли они пошли. Если в ту сторону — рванем туда на скутерах. Такое сооружение, как наземный НП — не соринка, разглядим с воздуха, даже если начнется ливень... Значит так, еще раз ищем следы. Теперь — всей группы.

Следы отхода людей Шарпа мы обнаружили у последнего люка грузового отсека. Они открыли его и, попрыгав на землю, углубились в джунгли, следуя боевым порядком. Раненых — теперь их стало двое — несли в середине отряда. Стив и его люди продвигались на юго-запад не меняя направления, их никто не преследовал. По обеим сторонам их пути мы не обнаружили никаких следов, и вскоре перестали на это отвлекаться. Мы с Кэт двигались на своем скутере по лесу, Рик и Крейг, пролетев два — три километра над джунглями, опускались вниз и старались обнаружить след впереди по курсу. Когда им удавалось, мы присоединялись к ним. Таким способом мы двигались к району предполагаемого местонахождения наблюдательного пункта достаточно быстро. Охотники Шарпа уверенно двигались по прямой, не сворачивали, разве что огибали огромные деревья и торчавшие повсюду в лесу одинокие скалы. В джунглях мох растет вовсе не только на северной стороне деревьев, ночью здесь не видно звезд, и даже днем зачастую невозможно определить, с какой стороны солнце. Либо у них еще работали какие-то навигационные приборы, либо их вел человек, умеющий ходить по лесу не руководствуясь видимыми ориентирами и приметам. Сам я умею ходить так — просто выбираю один раз направление, потом двигаюсь вперед, и сколько бы не приходилось поворачивать вбок или даже возвращаться назад, делая петли, никогда не сбиваюсь больше чем на сотню метров на каждые десять километров пройденного пути. Обычно погрешность еще меньше.

— Не могу поверить, — твердил Рик. — Неужели наши гориллы — живые ходячие суггесторы?

— Всего лишь гипотеза, Малыш. Наша задача — найти Стива. Или хоть четко обозначить направление поиска для спасательной группы.

— А почему они не пытались проделать подобную шутку с нами? И почему не загипнотизировали нас, когда мы доставили пойманные экземпляры в лагерь?

— Может, пока примеривались. Помнишь, что я говорил о приборах, установленных на «Миротворце»? Там обратная связь и киб-мастер — для анализа поступающей информации о степени оказанного воздействия. Если речь идет о совершенно неизвестных существах, проходит немало времени, пока киб создаст необходимую для эффективного внушения программу. А гориллы в лагере... Вероятно, их просто было слишком мало. Может, они потому и попались, что отбились от своих стад — способности ослабели. Учти, я могу ошибаться, я не ученый.

— А с киб-мастером «Миротворца» они что сделали?.. Внимание! — перебил он сам себя. — Пит, сюда, мы нашли стоянку.

На небольшой поляне охотники Шарпа устроили привал, и тут на них снова напали. Поле боя выглядело так же, как в лагере, и нападение произошло, очевидно, того же сорта. Никаких следов, кроме их собственных. Сотни стреляных гильз, огонь велся в том направлении, откуда они пришли. Группа разделилась — десять человек побежали дальше на юго-запад, остальные (двое на носилках, четверо, что их несли, и еще двое) отстали, потом двинулись в направлении на запад, через два километра опять свернув на юго-запад. Первая десятка пыталась повернуть обратно, но преследователи, кем бы они ни были, миражами или летающими монстрами, не оставлявшими следов, отжимали людей в сторону.

— За кем пойдём? — спросил Рик.

— За носилками. Ребята Стива своих не бросят. Первая группа теперь станет кружить по лесу, пытаясь соединиться со второй... Идти за ними бессмысленно. Или им это удалось, или они все равно двинулись потом к наблюдательному пункту, надеясь, что и люди с ранеными пойдут туда.

Через пять километров, на другой поляне мы снова обнаружили следы схватки — на этот раз, безусловно, реальной. На раздвижных носилках лежал труп с перекушенным мощными челюстями горлом. Рядом, в разных позах — еще четыре трупа в порванных комбинезонах и с разорванными телами. Магазины у винтовок почти все оказались пусты, один из покойников сжимал в руке нож. Я узнал его, поскольку лицо не пострадало, чего нельзя было сказать о других частях тела — Георги Мерабишвилли, заместитель Шарпа, его близкий друг. Какое-то

время мы стояли молча. Мы уже привыкли к мысли, что в конце концов обнаружим ребят Шарпа и его самого живыми и невредимыми.

— Они находились здесь долго, — нарушил молчание Крейг. — Мне кажется, их убили не всех сразу. Раненый, и вон тот, с раздавленным лицом, лежат аккуратно, рядом, даже руки им сложили на груди. Они погибли первыми. Остальные — потом, тела валяются как попало... Их атаквали дважды.

Вокруг были не только следы шипастых ботинок, но и отпечатки лап с длинными когтями. Да и раны на теле говорили сами за себя.

— Миражи не оставляют следов, Пит, — тихо сказал Малыш.

— Как ты тонко подметил... Но они и гориллам не принадлежат. Верно, Крейг?

— Точно. Явно следы хищника. Но я не припомню из отчетов, у кого на Тихой такие лапы.

— Я тоже. — Кэт пошла в сторону, внимательно глядя под ноги. — А это что еще? Пит, взгляни... Парни использовали что-то из арсенала военных?

Неподалеку трава была примята и засыпана тонким слоем мельчайшей черной пыли. Я поддел ее носком ботинка — вверх поднялось облачко.

— Вряд ли. Никогда не видел такого.

На краю поляны нашлось еще одно пыльное пятно. Какое отношение имеют пятна к произошедшему, мы не разобрались.

— Трое ушли отсюда, — сказал Рик. — Двое ушли — и несли третьего. Двигаем за ними?

Долго искать нам не пришлось. В двух километрах, на поляне побольше, мы обнаружили вторые носилки, тело с которых было сброшено. У одного из мертвецов откушена голова. Тело третьего долго трепали и тащили по земле в джунгли — до него шла широкая полоса смятой травы. Повсюду следы когтистых лап. Черные пыльные пятна не попадались.

— Господи, это Сюзанна, — узнала Кэт. — Это ее на носилках несли...

— Вы заметили, что тела совсем не разложились? — спросил Рик.

— Мы не знаем, когда их убили, — отрезал Крейг.

— Ну не полчасика же назад! Если они покинули «Миротворец» в то утро когда Стив не вышел на связь... Они не могли добираться сюда

слишком долго. Максимум — часов шесть-восемь.

— Справедливо, — сказал я. — В любом случае, тела в условиях тропиков начинают разлагаться уже через несколько часов.

— Нетленные тела сотрудников «Вудс индастриз», — пробормотала Кэт. — Разорванные, но нетленные... Это что — работа Великого Бога Айтумайрана?

— Какой он, на хрен, бог, — сплюнул Рик. — Просто здоровая хищная зверюга. Туземцы напридумывали сказок...

— Куда дальше? — спросила Кэт. — Стемнеет часа через четыре. Вернемся на след первой группы?

— Лучше поднимемся над лесом и пойдем на юго-запад, — сказал я. — Вряд ли здание наблюдательного пункта построили на равнине в лесу. Для них выбирают открытые и возвышенные места. Заметим издали даже без карт и локации.

Крейг пошел было к скутеру, но я его остановил:

— Сначала проверь комбезы. Вдруг удастся откачать хоть одного киб-мастера. Зря мы не сделали это, когда нашли первых.

— Пит, мы дураки! — воскликнул Рик. — Мы ведь не проверили навигатор глоссера... Вдруг он цел? Там наверняка карты всей округи, они ведь здесь охотились. Я слетаю? Моментом. Сэкономим много времени, до наблюдательного пункта сможем идти на предельной скорости. Пока Крейг прозондирует кибов...

— Один не пойдешь, — сказала Кэт. — Я с тобой.

До места они добрались быстро. Одновременно с тем, как Крейг проверил последний комбез, в эфире прозвучал еле слышный, искаженный помехами на большом расстоянии голос Кэт:

— ...напрасно. Он тоже мертвый. Из... мы ничего не узнали.

— Возвращайтесь немедленно. — Я повернулся к Крейгу. — Бросай, бесполезно.

— Сейчас... Заканчиваю. — Крейг согнулся над мертвым телом, а я повернулся, чтобы идти к скутеру, когда в зарослях на краю поляны послышался быстрый громкий шорох. Краем глаза я засек стремительное движение сзади и резко повернулся. Со стороны леса на ничего не подозревающего Крейга неся, почти распластавшись по земле, огромный зверь, похожий на очень большого волка, но со странной уродливой головой — длинная как у крокодила пасть раскрыта.

— Крейг! — заорал я, пытаюсь сорвать с плеча винтовку; нападение было столь неожиданным, что я позабыл о том, что винтовка осталась в седельном зажиме скутера. — Крейг, сзади!

Он среагировал моментально: не оборачиваясь бросился в сторону, перекатился по земле, поднялся на ноги и выхватил пистолет, но в этот момент зверь его сшиб. Крейг успел выстрелить, однако две пули чудовище не задержали. Я подхватил с земли винтовку одного из убитых ребят Шарпа и дал по животному длинную очередь. Зверя сбило с ног, но он не выпустил Крейга, которому впился в левое плечо, и, поднимаясь, продолжал трепать его тело из стороны в сторону. Крейг сумел выстрелить еще трижды, а я всадил монстру в живот вторую очередь. Зверь утробно взревел, на секунду выпустил плечо, но тут же вцепился Крейгу в левый бок, и теперь его тело загораживало мне цель. Я бросился в сторону, пытаюсь обойти его и крича в эфир:

— Кэт, Рик, сюда, скорее! Осторожно — стреляйте в то, что увидите, с воздуха!

— Пит, что там у вас? — Связь стала гораздо чище. — Пит, Крейг, держитесь, мы на подходе!

Мне удалось-таки выйти на нужное место, и я дал короткую очередь в голову монстру. Но он никак не хотел умирать, только выпустил неподвижное уже тело Крейга. И бросился на меня. Очередь из десятка пуль его остановила, он застыл неподвижно, уставившись мне в лицо прищуренными глазами, в которых горела ненависть, и начал подбирать под себя задние лапы, готовясь к прыжку. Я прицелился и выстрелил.

То есть, хотел выстрелить. Винтовка сухо щелкнула. Я тупо взглянул на индикатор сбоку. Кончились патроны.

Но этого же не может быть! Стандартный винтовочный магазин вмещает семьдесят патронов, а я был уверен, что истратил только сорок-пятьдесят.

Да ведь это не моя винтовка. Такая же точно, но не моя. Я взял ее у убитого. Из нее уже стреляли раньше.

— Стреляй, Пит, стреляй! — ворвался в мои уши из эфира голос Кэт. Она уже видела меня с приближающегося скутера. — Убей его, бога ради!

«Стреляй, Пит, стреляй...» — эхом отдалось у меня в голове. Я вспомнил свой сон, который видел в уютном и безопасном

гостиничном номере отеля «Козерог». Тот сон, который беспрестанно мучил меня все последние ночи на Тихой. Поляна с трупами на ней, жуткий монстр напротив, а у меня в руках пустая винтовка. Правда, сейчас рядом не было изувеченной, умирающей Кэтти, как там, в том сне. Но дела это не меняло, потому, что рядом был мой изувеченный и умирающий друг Крейг Риера.

— Стреляй, Пит, стреляй!..

«С-т-р-е-л-я-й П-и-т, с-т-р-е-л-я-й», — отозвалось в голове эхо. Там, в своем сне, я никогда не успевал выстрелить.

— Стреляй!!!

Моя правая рука отпустила рукоять винтовки и рванулась к пистолету, а зверь прыгнул. Его растянувшееся в прыжке тело было на расстоянии метра от меня, когда я начал стрелять; мое лицо обдало жарким дыханием из разверстой пасти, уши заложило от оглушительного рева, а первые пять пуль вспороли грудную клетку монстра на участке размером в ладонь. Его отбросило назад, а я продолжал нажимать на спуск так часто, как только мог, и грохот выстрелов слился в протяжный жуткий вой. Когда в пистолете закончились патроны, я отшвырнул его, вынул пустой магазин из винтовки и вогнал в освободившееся гнездо свежий из чехла на поясе. Зверь медленно поднялся, взглянул прямо мне в глаза и прыгнул снова. Он давным-давно должен был умереть, в него попало не менее трех десятков пуль из винтовки и все двадцать — из пистолета, но он поднялся и прыгнул. Я вскинул винтовку и выстрелил. Короткой очередью ему разворотило полголовы и развернуло. Он остался стоять боком ко мне, широко расставив все четыре лапы.

— Позвоночник, Пит, — раздался сзади слабый голос Крейга. Он приподнялся на локте на том месте, где лежал, и попытался прицелиться из пистолета. — Средний отдел позвоночника...

Я прицелился и нажал на спуск. Не знаю, где у этого монстра проходил позвоночник, но после того, как я выпустил в него более шестидесяти пуль, оставшихся в магазине, с расстояния трех метров, у него больше не было всей средней части спины вообще, как и большей части туловища — просто кровавое месиво. А я уже перезаряжал... Вся прогалина до самой темно-зеленой стены зарослей была покрыта клоками мяса, шкуры, и сплошь забрызгана кровью. Я опустил винтовку и потрясенно смотрел, как то, что осталось от чудовища, все

еще скребет лапами по земле и порывается встать. В двух шагах от меня на прогалину с неба свалился скутер, с него спрыгнули Кэт и Рик, направив винтовки на шевелящуюся, окровавленную, хрипящую грудку мяса у моих ног.

— Это еще что за... — начал Рик, и умолк.

Кэт тронула меня за плечо:

— Ты в порядке? Я так перепугалась, что ты не стреляешь, просто стоишь...

— Я не мог. Я взял винтовку с полупустым магазином, подхватил с земли.

— Да потом-то я поняла, когда увидела твою винтовку в зажиме на скутере. И, конечно, ты не мог стрелять на таком близком расстоянии из гранатомета.

К своему стыду я только теперь вспомнил, что все винтовки людей Шарпа оснащены гранатометами. Но минуту назад мне это и в голову не пришло; я привык, что мы охотимся с подствольными подвесками, да и те мы отцепили, когда вылетели. Мы летели на выручку людям Стива, и понимая, что нам, возможно, придется вывозить кого-то из них на скутерах, оставили в лагере все, что только могли, чтобы максимально облегчить машины.

— Посмотрим, что с Крейгом, — сказал я.

Крейг был очень плох, но еще жив.

— Крейг? — позвала Кэт, когда мы с ней опустились на корточки возле его тела. Рик, с винтовкой в руках, внимательно оглядывал окружающие поляну заросли, готовый стрелять во все, что оттуда появится.

— Он потерял сознание, — ответил за Крейга Кальян. — Я не смогу поддерживать его слишком долго. Ранения серьезные, а системы жизнеобеспечения костюма частично повреждены. Его необходимо срочно поместить в медцентр или, хотя бы, в переносной реанимационный блок.

— Мы сможем донести его до лагеря? До «Рейнджера», а потом отправить на «Артемиду»?

— Нет. Понадобится не менее двух с половиной или трех часов. Он не сможет сидеть в кресле скутера, даже если его привязать. Поездка убьет его прежде, чем вы доставите его на «Рейнджер». Но в

любом случае Крейг умрет в течение полутора часов, даже если его переодеть в целый костюм.

— Целых костюмов у нас нет... С целыми кибами, то есть. Крейг проверил интеллектронику комбезов убитых — почти ничего не действует. Но на «Миротворце» есть реанимационные блоки... Должны быть.

— Есть, — сказал Рик. — Я видел, когда осматривал там медотсек. Но неизвестно, работает ли у них автоматика. Ведь вся интеллектроника корабля мертва.

— Будем надеяться, что только та, которая была включена в момент атаки, — сказала Кэт. — Реаниматоры ведь никогда не включают до тех пор, пока они не понадобятся.

— Помоги-ка мне... — Я встал и направился к скутеру, по пути подняв и перезарядив свой пистолет, брошенный во время схватки с монстром. Кэт пошла следом. — Да нет, — остановил я ее. — Достань носилки. А я подведу машину поближе.

Багажник скутера — не самое подходящее вместилище для транспортировки тяжелораненых, но у нас не было выбора. Раз Крейга нельзя транспортировать сидя, то только в багажнике, благо размеры позволяли, а если оставить люк открытым, то человек там не задохнется. Кэт вытянула из своей аптечки десятисантиметровый цилиндр катомарной основы, включила активатор и блок развернулся в носилки. Получились две трубки с ручками на концах, с тонкой пленкой каучукопласта между ними. Мы уложили Крейга на носилки и, задвинув их в длинный и узкий, проходящий под обоими сиденьями скутера бункер багажника, примотали ручки шнурами к хвостовому стабилизатору. Каучукопласт — абсолютно нескользкий материал, на ощупь он как мелкопористая резина. Тело Крейга не могло соскользнуть, но я все же до предела задрал корму скутера вверх, когда мы летели до «Миротворца». Кэт, развернув заднее сиденье, следила за носилками с Крейгом и нашими тылами.

— Сомневаюсь, что волкокрокодилы умеют летать, — сказал я ей. — Крыльев у них нет. Но на Тихой все может случиться.

Небо потемнело, но не от того, что наступал вечер — просто над джунглями повисла сплошная пелена иссиня-черных туч. Духота продолжала сгущаться, воздух перестал быть неподвижным, как раньше. Как только мы поднялись над лесом, управлять стало трудно.

То и дело налетали резкие порывы ветра, бросая легкую машину в стороны и сильно раскачивая ее. Тропический ливень вот-вот должен был обрушиться на землю, но почему-то все медлил. На подходе к «Миротворцу» Рик, летевший впереди, свернул в сторону, и я повел свой скутер прямо в раскрытую пасть входного люка. Медленно пробравшись через искаленную взрывом шлюзовую камеру, я провел скутер через весь грузовой отсек и посадил его перед коридором, ведущим в головную часть корабля. Малыш догнал нас и приземлился рядом. Пройдя вместе с ним в медотсек, мы подняли один из десяти стоящих там переносных реанимационных блоков. Тот, кто назвал эти тяжеленные сундуки «переносными», был, по всей видимости, большим оптимистом. Вытащить саркофаг по узким коридорам корабля в грузовой трюм оказалось очень нелегким делом, но мы не хотели тратить время на поиски грузовых роботов с уцелевшей интеллектуальной электроникой — ведь таковых могло не оказаться. Кэт успела отвязать носилки. Она вытащила их из багажника на четверть, а кибер-мастер «расслабил» весь комбинезон Крейга так, что он превратился в бесформенный мешок. Общими усилиями мы переложили безжизненное тело друга в реаниматор, закрыли прозрачную крышку и наблюдали, как внутренности блока заполняются вязкой белесой жидкостью, медленно затекающей внутрь комбинезона Крейга. Тонкие щупальца с присосками опутали тело сверху и пробирались под оболочку костюма. Самое большое щупальце, с треугольной присоской на конце, потянулось к лицу, закрыло рот и нос. Жуткое зрелище, но нам казалось, что мы в жизни не видели ничего более прекрасного. Крейг не умрет.

Малыш зачем-то приложил ухо к стенке саркофага и постучал по прозрачной крышке.

— Кальян?

— Не стучи, я тебя и так слышу, — ответил кибер-мастер. — Состояние организма начинает стабилизироваться. Не хотите подключить блок к внешнему источнику энергии в медотсеке?

— Ну его. Неизвестно, что с местной энергосистемой. Вдруг... Уже всего начинаешь бояться. Пусть работает автономно.

— Ресурс — десять часов. Резерв — два часа. Потом меняйте батареи.

— Порядок, — облегченно вздохнул Малыш. — Он там может сто лет жить.

— Надеюсь, мы не пробудем на Тихой так долго, — сказала Кэт. — Пора выбираться отсюда. Ребятам Шарпа, если из них кто-то остался в живых, мы помочь уже не сможем, нам теперь самим требуется помощь.

— Да, спасатели из нас получились никакие, — согласился я. — Отправились выручать друзей и влипли сами.

— Мы не могли поступить иначе... Надо придумать, как доставить Крейга на «Артемиду» и побыстрее подключить блок к нормальной медицинской аппаратуре.

— В багажник он не поместится. — Рик оглядел саркофаг, который имел по семьдесят сантиметров в ширину и высоту, а в длину — два метра с лишним. — И весит он до черта... Стойте, на корабле есть грузовые платформы. Две.

— Над лесом их не поднять, ты же знаешь, — сказал я. — А внизу, между деревьями... У нас уйдет месяц на путь до лагеря. Только скутеры.

— Да, но как?..

— А вот пошли, посмотрим.

Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь раньше кто-либо пытался транспортировать реанимационный блок при помощи двух открытых скутеров; только этим можно оправдать то, что наша конструкция вышла далекой от удобства и эстетичности, не говоря уже о соблюдении законов аэродинамики. Мы торопились. Если возле «Миротворца» появится сразу две — три твари, подобные той, что напала на Крейга, нам конец. Живучесть волкокрокодилы имели просто потрясающую, и не было времени подумать, что мы можем им противопоставить в схватке.

Поставив оба скутера рядом, мы связали боковые стабилизаторы шнурами, положив на них в качестве поперечного связующего крепления четыре винтовки без магазинов, взятые в арсенале. На этот примитивный каркас привязали одну из стенок разобранной на части ловушки. Рик отрегулировал ее размеры так, чтобы стенка поместилась в пространство между корпусами машин, и закрепил фиксаторами угловые соединения. Получился сетчатый помост длиной в два с половиной метра и метр двадцать шириной, после чего мы

водрузили на него пустой саркофаг, принесенный из медотсека. Закрепив его шнурами, мы синхронизировали двигатели скутеров и совершили пробный полет над поляной. Конструкция оказалась достаточно прочна, но в воздухе вела себя просто отвратительно, виляя в стороны и заваливаясь на бок при каждом порыве ветра. Что произойдет, когда мы поднимемся над вершинами деревьев, где ветер дул гораздо сильнее, не хотелось и думать. Положение усугублялось еще и тем, что нас трое, и на одном краю всегда был перевес. Как мы ни пересаживали с одной машины на другую более легкую Кэт, вскоре стало ясно, что нашим кибам, которых мы соединили с инфорами скутеров, не удастся откорректировать работу двигателей таким образом, чтоб связка машин шла ровно.

— Я лягу на саркофаг, — предложила Кэт.

— С ума сошла?! — воскликнул Рик. — Свалишься при первом же толчке!

— Буду держаться за шнуры, которыми привязан реаниматор. Если не выйдет, привяжете меня.

Привязывать ее не пришлось, и управлять стало полегче. Но такое управление требовало непрерывного напряженного внимания, и приличную скорость набрать было невозможно — при порывах ветра я не успевал совершать маневр, соответствующий тому, который делал Рик, и наоборот. Конструкцию начинало крутить в воздухе, и один раз мы чуть не врезались в землю.

— Двадцать — тридцать километров в час, — сказал Рик, когда мы приземлились. — Нас черепаха на земле обгонит.

— До лагеря почти пятьсот. О, нет! — застонала Кэт. — Двадцать или двадцать пять часов! Да у нас просто энергии не хватит долететь.

— Энергия не проблема, возьмем запасные батареи из резерва «Миротворца», — ответил Малыш. — Но придется делать привалы через час — два. Без отдыха мы не сможем дольше двух часов подряд сражаться с ветром на этом катафалке. Я считаю, лучше двинуть в сторону наблюдательного пункта СОЗ. Туда, куда шел Шарп. Именно оттуда он и вышел на связь. Больше тут нигде не может быть передатчика. Правда, уже почти ночь... Слушайте! Там ведь обязан быть маяк! На любых подобных сооружениях на неосвоенных планетах ставят маяки. У них такой широкий спектр подачи сигнала и столько наворотов, что полностью его из строя не вывести ничем —

что-нибудь да останется работать. Они ведь специально так созданы. На случай, если заблудится кто... Он в сто раз мощнее карманного SOS-передатчика! Нам достаточно выйти в тот район, хотя бы приблизительно, и мы его непременно засечем несмотря на любые помехи, он всегда работает. Почему мы об этом не подумали?

— Мы вообще слишком о многом не подумали. — Я встал с крышки пустого саркофага, снятого нами со связки скутеров, на котором сидел во время разговора. — Что-то у нас в последнее время слишком туго мозги работают. Ты говоришь дело, Малыш.

— Там есть свой медцентр, — добавила Кэт.

— Там и катера в ангаре могут стоять. Пункт законсервирован, а это значит, что вся техника осталась на месте. Другое дело — в каком она состоянии. Видели, что произошло, когда Стив связался с нами?

— Но и в нашем лагере могло произойти что угодно, — резонно заметила Кэт. — Мы сами приказали Биасу отключить защиту периметра.

— Тогда в путь, — сказал я. — Держись крепче, девочка, я не хочу, чтобы ты шлепнулась вниз.

Болтало нас страшно. Рик и я старались держать машины выше, подальше от крон деревьев. Внизу волновалось зеленое море — ветер крепчал, потом хлынул ливень. Синхронизацию двигателей мы отключили — она больше мешала, чем помогала нам управлять. Помаленьку мы приспособились, и смогли увеличить скорость сначала до пятидесяти километров в час, а потом до семидесяти. Когда подошла ночь, то стемнело очень быстро, но наши кибы работали исправно, приборы ночного видения тоже, хотя и недалеко пробивали повисшую в чернильной мгле сплошную завесу из потоков низвергающейся с неба воды. За два часа мы прошли около ста километров, и уже начали жалеть, что не выбрали направление на свой лагерь. Потом случились две вещи: наши приемники поймали сигнал маяка — он шел с расстояния двадцати шести километров прямо по курсу, а Кэт сообщила, что все крепления окончательно разболтались, и шнуры, удерживающие саркофаг, ослабли. Что мы пережили, пока нашли в кромешной тьме пригодную для посадки поляну, лучше не вспоминать, но были и хорошие новости — дождь все не стихал, зато ветер совсем прекратился.

— Теперь дела пойдут нормально, — прокричал Малыш, с трудом слезая со своего скутера. От непрерывного напряжения он совсем окостенел. — Перевяжем шнуры и — двадцати минут не пройдет, как долетим до места.

— погоди радоваться, — прокричал я в ответ, разминая сведенные судорогой кисти рук. — Неизвестно, что мы там обнаружим... Бедненькая моя лягушка-путешественница, — сказал я Кэт, которая слезала с реанимационного блока с грацией заржавевшего робота. — Доберемся до «Артемиды» — я буду целовать тебя в течение недели, и ты опять превратишься в прекрасную принцессу.

— Ты и в аду не прекратишь хохмить, Пит, — отозвалась она. — Я уже начинаю жалеть, что не ты лежишь в саркофаге — хоть бы помолчал чуток. Мы с Крейгом вели бы машины получше вас, а Малыша загнали бы на этот чертов гроб, чтобы он узнал... — Она так и не смогла придумать, о чем бы узнал Рик, лежа на ее месте, и сказала: — Давайте затянем веревки.

— Прости, Кэтти, я просто пытаюсь поднять нам всем настроение. Жизнь иногда и вправду становится адом, и если ее постоянно воспринимать всерьез, лучше сразу повеситься.

— Кэт, ты же знаешь, что мы с тобой менялись бы местами, но не можем, — жалостливо сказал Рик. — Ты почти вдвое легче любого из нас.

— Ладно, я ведь сама предложила, — вздохнула Кэт. — Так мы затянем, наконец, веревки?

Мы включили антигравы скутеров и подвесили их над землей на высоте полутора метров. Так было удобнее просовывать вниз и затягивать концы шнуров, но сначала нам пришлось их почти все развязать. Мы укрепили связки машин между собой и створкой клетки, и принялись за саркофаг, когда Малыш заорал: «Кэт, справа!!!», — сорвал с зажима свою винтовку и начал стрелять; я тоже схватил оружие, стреляя в том же направлении, что и он, хотя еще ничего не видел. Потом я увидел.

На инфракрасном мониторе моего шлема мчавшаяся на нас тварь выглядела совершенно нереально, но это был такой же монстр, как тот, что едва не убил Крейга. Кэт, крутанувшись на каблуках, выхватила из кобуры пистолет, стреляя почти в упор, потом дернулась в сторону, но ее затекшие за время полета мышцы еще не пришли в норму, и

отскочить она не успела. Зверь сбил ее; падая, она ударилась головой о хвостовой стабилизатор одного скутера, а монстр грохнулся всем телом о корму другого, и вся конструкция встала почти вертикально. Реанимационный блок, с которого мы только что сняли удерживающие его шнуры, медленно перевалился через край настила, отбросил в сторону пытавшегося его удержать Рика и упал Кэт на ноги.

Раздался жуткий хруст, и я взвыл от почти физической боли; зверь вскочил, снова свалив пытавшегося подняться Рика, разинул свою крокодилью пасть и схватил Кэт поперек туловища, круша клыками ребра. Приставив дуло винтовки вплотную к его голове, я дал длинную очередь, которая снесла зверю всю верхнюю часть черепа; меня забрызгало кровью, какой-то дрянью, и ударило осколками костей. Малыш, встав, выпустил ему в бок почти весь магазин, и чудовище наконец отпустило Кэт. Теперь мы стреляли оба, и с близкого расстояния. Во все стороны летели клоки шкуры и мяса. Рик быстро сменил магазин.

— Сдохни, сука, сдохни!!! — орал он. — Пит, почему эта гадина недохнет?..

Но чудовище упало только тогда, когда уже превратилось прямо-таки в гору фарша — столько мы в него всадили пуль. И эта масса, буквально растекаясь по земле, продолжала шевелиться и дергаться. Рик подбежал и прицелился, но стрелять не стал — там уже не во что было стрелять. Я попытался снять с ног Кэт — с того, что осталось от ее ног — блок саркофага. Подошел Рик. Объединившись, мы, как могли аккуратно, подняли реаниматор и оттащили его в сторону. Малыш повернулся ко мне.

— Что ж это за твари такие, что ж это за сучья мразь!.. — В его голосе дрожали слезы. — Проклятая планета! Сначала Крейг, теперь — Кэтти... Что это за уроды, Пит, почему они не мрут, когда в них стреляешь?..

А я рад бы был заплакать, но не мог. Да и Малыш не плакал. Просто струи дождя стекали по нашим лицам.

Из оцепенения нас вывел голос Камиллы — киб-мастера Кэт:

— Она еще жива.

Мы бросились к Кэт, будто могли чем-то помочь. На нее было страшно смотреть.

— Сколько она будет жить, Камилла? — спросил я.

— Не более часа. Но я не уверена. Очень большая потеря крови. Сотрясение мозга, перелом обеих ног, многочисленные переломы ребер. Повреждения внутренних органов, внутренние кровоизлияния. И еще, ребята... Она нетранспортабельна. Первые же толчки в полете убьют ее, даже если она переживет погрузку на скутер.

Минуту мы стояли молча.

— А что с Крейгом, Кальян?

— С ним все хорошо, — отозвался киб-мастер. — Целостность блока не нарушена.

— Срочно нужен еще один саркофаг, — неожиданно спокойно сказал Рик.

— Ближайшие к нам саркофаги находятся на «Миротворце», — ответил я. — Сейчас это все равно что в другой галактике. Мы сюда добирались два часа. За час мы не успеем долететь обратно. И ты же слышал, что сказала Камилла.

— Я успею. — Малыш быстро двинулся к скутерам. — Помоги мне, Пит. Развяжем их.

— Ну и что? Ну, долетишь ты до «Миротворца»... А как привезешь сюда реаниматор?

— Я привезу. Я... Я что-нибудь придумаю. Это единственная надежда, Пит. Не знаю как, но я привезу сюда саркофаг. А ты будь здесь. Все равно нельзя оставлять Кэтти одну.

Я посмотрел на него, а он посмотрел на меня. На нас сверху падали струи дождя. Лицо Малыша скривилось — он пытался улыбнуться.

— Я не позволю Кэт умереть на этой чертовой планете. Ветер стих. Я успею.

— У тебя есть час.

Я помог распутать машины. Рик, не говоря ни слова, рванул скутер по наклонной вверх, едва не зацепив деревья на краю поляны. Я проверил винтовку и поставил полный магазин. Подствольный гранатомет, один из тех, что мы захватили из арсенала «Миротворца» после возвращения на корабль с телом Крейга, был заряжен кассетой с десятью гранатами. На этот раз я про него не забыл, но опять не мог использовать, потому что зверь находился слишком близко от нас.

Медленно тянулись минуты.

— Камилла, как она?

— Пока жива.

Пока... Пока жива, а потом? Успеет Малыш, как обещал? Сам я сейчас ничего сделать не мог. Не успеет? Когда доберется до корабля, что будет делать? Думать ни о чем не хотелось. Сколько еще здесь таких тварей? Я поглядывал по сторонам, изредка бросая взгляд на Кэт.

— Как она?

— С ней очень плохо, Пит. Она умирает. Осталось не больше сорока минут.

Сорок... Быть может, меньше. Оставался единственный способ, который применяют в таких случаях. В мозг человеку вводят дозу спецсредства, которое есть в аптечке, и ждут две минуты. Потом ампутуют голову и помещают ее в специальный контейнер. Он тоже находится в аптечке, в свернутом состоянии. Срок хранения — двадцать четыре часа. Но есть только пятьдесят шансов из ста, что ампутированная голова приживется на полностью биомеханическом теле. Мне несколько раз случалось проводить такие операции в бытность биомехаником.

Оторванные головы плохо приживаются, сказал я как-то в разговоре с Кэт. Это правда. И люди, выжившие после пересадки, никогда не становятся теми же, что раньше. Нельзя безнаказанно заменить все органы и части тела на искусственно выращенные или биомеханические. Тем более сразу. Но и постепенно нельзя, иначе такое понятие, как смерть, давно осталось бы в прошлом человечества.

Господи, если бы я только мог сейчас перенестись вместе с Кэт в клинику профессора Вацека! Стерильная операционная, лучшее оборудование в мире, интеллектроника высочайшего уровня, ассистенты-профессионалы, любые биомеханические органы... Да и в медцентре «Артемиды», где нет всего необходимого, я сумел бы прооперировать Кэт в паре с Дианой. Даже в медотсеке мертвого «Миротворца», без энергии, без интеллектронной поддержки, вручную...

В данный момент я бы предпочел оказаться где угодно, только не на этой поляне в джунглях, с почти бесполезными аптечками. Здесь я был абсолютно беспомощен. Здесь — лишь ампутация. После — сутки резервного времени.

— Как она, Камилла?

— Еще жива. — Камилла будто угадала мои мысли: — Если ты хочешь провести ампутацию, лучше сделать это как можно раньше. Потом может быть поздно. Я не могу заметно влиять на ее состояние. Фактически, она может умереть в любую минуту.

Я устало прикрыл глаза, тут же спохватился и оглядел поляну. Никого... Сверху лил дождь. Люди, пережившие операцию по пересадке головы или мозга, недолго остаются прежними. Через год или два они становятся иными. Поведение их начинает больше напоминать поведение робота или животного. Что делать?

Отрезать голову Кэт?

Выбросить из саркофага Крейга и положить Кэт на его место?

Может умереть в любую минуту... Где та граница, в пределах которой человек вправе принимать решения? Как определить меру необходимости действия или бездействия?

Действие — произвести ампутацию. Бездействие — сидеть и ждать.

Резать сейчас?

Потом будет поздно.

Как она?..

Еще жива.

Я опять закрыл глаза. Больше всего на свете мне хотелось вытащить нож и отрезать голову самому себе.

— Что если я переодену ее в свой костюм, Камилла? Твой ведь поврежден?

— Лучше ее не трогать Пит. Она умрет еще быстрее.

Где Малыш? Разбился по дороге к кораблю? Долетел и дерется с очередным монстром в темных коридорах «Миротворца»? Разбился на обратном пути?..

Обшаривая взглядом окружающие поляну заросли, я протянул в сторону левую руку и нащупал слабенькую, едва заметно трепещущую жилку на шее Кэт. Потом, не желая ее беспокоить, провел ладонью по рассыпавшимся в траве волосам и намотал одну прядку себе на палец.

Скутер Рика появился только тогда, когда прошло уже почти три часа. Под брюхом машины, подвешенный на тросах к стабилизаторам, бешено болтался реаниматор. Скутер бросало из стороны в сторону, он то и дело клевал носом. Малыш опустил блок прямо возле меня и

спрыгнул на землю. Срок, назначенный Камиллой, давно закончился. Кэт все еще была жива.

Моментально пробудившись к деятельности, я бросился к Рику, и мы положили тело Кэт в саркофаг. Теперь можно было не бояться. Даже умри она у нас на руках, реаниматор вернул бы ее к жизни — для того они и созданы. Несмотря на это, мы старались действовать осторожно. Как только Кэт оказалась внутри, ее сердце, словно почувствовав, что можно положиться на технику и передохнуть, отказалось работать.

— Теперь у нас два блока, — сказал Рик. — Оба на помост не войдут. Если поставим один на другой...

Я понял его без слов. Если поставим один на другой, грохнемся, не пролетев и сотни метров.

— А если подвесить к каждому скутеру по одному, как сделал ты?

— Нет, Пит. Опять поднялся ветер. Блок слишком сильно болтает. Туда-то я долетел быстро, все остальное время ушло на дорогу обратно. До сих пор не знаю, каким чудом я добрался. Пришлось садиться четыре раза, три из них — прямо в лесу. Стабилизаторы гладкие, да еще и опущены вниз. Сам саркофаг можно только обвязать веревками вокруг, и он то и дело съезжает — то вперед, то назад. Ты думаешь, это первый блок? Это второй. Первый я разбил в шести километрах от «Миротворца».

— Все равно, ты просто молодчина, Малыш, — сказал я. — Никогда в будущем не стану подшучивать над твоей манерой водить скутер.

Рик медленно прошелся по поляне, не прекращая поглядывать по сторонам, и вдруг остановился.

— Мама моя! Пит, да ты только взгляни...

Я подбежал туда, где мы прикончили гнусную тварь. Изорванной пулями туши на этом месте больше не было. Там медленно растекалась в стороны густая, вздувающаяся пузырями жижа, из которой торчали целые кости и части костей. Кости выглядели так, будто их полили кислотой — даже дымок, вроде, поднимался вверх.

— Ты видел хоть раз что-то подобное?.. — прошептал Рик.

— Я даже и не слышал о таком. Он как будто разлагается, только очень быстро. Просто испаряется. А потом, наверное, от него

останется пятно черной пыли, какие мы видели на той поляне. Должно быть, там ребята Шарпа пришили двух таких.

— И каким он был живучим! — сказал Рик. — Сколько нам пришлось в него стрелять! Давно должен был сдохнуть!

— Крейг говорил на счет среднего отдела позвоночника. Что-то пришло ему в голову в последний момент. Он же экзобиолог.

— Но гаду попало в хребет не меньше десятка пуль. Половина — в средний отдел.

— Значит, Крейг ошибся. Да и неизвестно, где у этого монстра позвоночник. Мы стреляли туда, где он у нормальных зверей, а у него, может, в брюхе где-нибудь проходит, если вообще есть.

— Господи, о господи... Чем это может быть?.. Знаешь, Пит, хватит с меня загадок. Со всех нас хватит. Я ведь узнал его — он очень похож на Айтумайрана, каким его изображают местные туземцы. На рэдвольфа, понимаешь? Только у того шерсть красная, а не черная, как у наших... Бог знает, кем эти твари могут оказаться. Ты же видишь...

О, да, я видел.

— Ну, допустим, долетим мы сейчас до наблюдательного пункта, — продолжал Малыш. — Не дай бог хоть один из саркофагов сорвется. А если там вся техника выведена из строя, как ты говорил? А если там катера нет? Слушай, нам пора забирать свой «Рейнджер» и мотать отсюда ко всем чертям. На этой планете есть что-то такое, с чем мы навряд ли справимся.

Я смотрел на него и понимал, что Малыш вовсе не испугался. Такое чувство, как страх, вообще не входило в спектр его душевных переживаний. Просто с нас действительно уже хватит. Кэт... Крейг... Кто следующий? И кто вытащит Крейга и Кэтти с Тихой, если с нами что-то случится?

— Ты прав, Малыш, — сказал я. — Надо забрать «Рейнджер» и уходить. Но для этого один из нас должен лететь в лагерь. На скутере лучший у нас ты. Сколько...

— Пит, я не хочу оставлять тебя здесь. Если явится еще одна тварь... С ними и в два ствола почти невозможно справиться. Одному...

— А что делать? Лететь двоим, оставив здесь саркофаги?

— Так безопаснее. Зверь саркофагам ничего не сделает. Я понимаю, что ты не хочешь оставлять Кэт...

— Хрен там безопаснее. Вспомни — гад растерзал раненых, одному перекусил горло, когда он просто на носилках лежал. Что ему помешает раскурочить саркофаги? Эти монстры убили восемь людей Шарпа — просто так, и даже кусочка мяса не съели. Они не обычные хищники. Они убивают, чтобы убивать. И остаться здесь ничуть не опаснее, чем лететь за катером. Там тоже могут поджидать любые сюрпризы. Тихая — планета сюрпризов, и по большей части неприятных. Так сколько времени тебе потребуется?

— Над лагерем я окажусь через час... Допустим, я найду его не сразу. Но и обратно на катере я прилечу быстрее, значит — около двух часов. Через два часа начинай пускать ракеты. Твоя ракетница цела? И еще возьми мою. В двух кассетах у тебя будет двадцать ракет, каждая горит секунд сорок-пятьдесят. Запускай по одной каждую минуту. Или Биас почует твоего Суслика, или я увижу ракеты.

Малыш подошел к скутеру и легко бросил свое тело на сиденье. Я ему удивлялся — после многих часов поиска людей Шарпа, едва передохнув от перелета с реаниматором, он уже снова был бодр и свеж. Не человек, а машина.

— Удачи, Пит.

— Удачи, Малыш. Включи «сторожей» на все время, что проведешь в лагере.

— Я буду там всего пять минут.

— За пять минут многое может случиться. Пусть лучше они пройдут спокойно.

— Хорошо, я сделаю так, как ты сказал. Продержись здесь два часа, Пит.

— Не беспокойся. Скорее возвращайся, и увезем отсюда ребят. Через три часа мы уже пристыкуемся к «Артемиде». Пошлем сигнал в СОЗ. Они прилетят за Шарпом. Или мы сами за ним вернемся.

Глава 7. Схватка

Рик гнал свой скутер на скорости, далеко превышающей любые пределы, установленные для безопасного вождения. Если бы это происходило на гонках легких воздушных машин, в которых он регулярно участвовал в перерывах между охотничьими экспедициями, то первый приз, без сомнения, преподнесли бы ему.

Он оказался над лагерем значительно раньше намеченного срока, к чему и стремился — Малышу хотелось иметь в своем распоряжении возможно больше времени для поиска самого лагеря на случай, если Спидди, его киб-мастер, не сумеет поймать позывные «Рейнджера», которые Биас непрерывно передавал в эфир. А эфир был забит спутанной неразберихой — сплошной шум и треск прерывался пронзительным свистом, скрежетом, грохотом; раздавались странные звуки, похожие на вопли и стоны, слышалось неясное бормотание, как будто накрывшее весь Восточный Массив поле помех говорило с человеком на своем непонятном и угрожающем языке.

Малыш едва не проскочил нужное место — но помогло то, что лагерь разбили на краю очень приметного плато. На экране своего шлема Рик разглядел катер, палатки, и лишь потом услышал Биаса.

— Биас, это я. «Сторожа» выключены? Тогда включи их, как только я приземлюсь, и открой люк.

Окончательно затормозив уже у самой земли, Рик ловко и расчетливо посадил скутер, нырнув на нем прямо под навес, где располагалась стоянка машин и переносная энергостанция для заправки батарей. Несмотря на хороший резерв времени до условленного часа, Малыш спешил. Он хотел оказаться на «Рейнджере» над нужным районом раньше того момента, когда Пит начнет пускать ракеты, засечь его местонахождение по первому же сигналу и поскорее забрать его и ребят. Рик не желал оставлять их в джунглях даже на одну лишнюю секунду. Мысль о том, что Пит находится там один и в любой момент может появиться еще одна тварь, действовала на него не хуже кнута. Он даже и думать не хотел, что произойдет, если на поляну явятся сразу две таких твари.

На территории лагеря связь действовала приемлемо. Рик различал каждое слово Биаса, хотя и сквозь общий, царящий в эфире шум.

— Докладывай, — приказал он, вбегая под навес, где располагался терминал управления техникой лагеря.

Несмотря на спешку, Малыш не собирался оставлять лагерь совсем без присмотра после того, как он уведет отсюда «Рейнджер». Необходимо настроить аппаратуру для работы в автономном режиме на время длительного отсутствия людей. Вряд ли у них с Питом появится желание в ближайшую неделю провести хозяйство после того, как они окажутся на орбите. Желательно подождать, пока связь хоть немного улучшится. А Стив Шарп... Что бы ни говорил Пит, спасение людей Шарпа больше не их задача, они и так уже сделали для этого все, что могли. Смотрители займутся, куда они денутся, все УОП живет за счет нас и таких как мы — охотников, рудокопов, фермеров наконец... Пошлины за отлов, пошлины за использование природных ресурсов, штрафы за ущерб экологии, штрафы неизвестно за что... На правительственных дотациях они давно откинули бы копыта с голодухи. Дерут со всех, с кого только можно, и с тех, с кого нельзя; а деньги, естественно, не работягам идут, не рядовым зрителям несчастным этим, не на охрану окружающей среды, а... Вот доберемся до орбиты, я всю душу вытрясу из Василиадиса, я...

— Здесь все спокойно? — спросил Рик Биаса, прерывая беспорядочный поток своих мыслей.

— Сейчас — да, — ответил киб-мастер. — Вы приказали отключить «сторожей», и я отключил. Люди Шарпа не появлялись. Связь с «Артемидой» отсутствует. Через два часа после вашего отбытия в лагерь явилось стадо горилл Фостера в количестве восьмидесяти девяти особей...

— Ого!..

— Я не мог применить оружие и не считал возможным им препятствовать другими способами. Животные вели себя спокойно, с обычным любопытством. Ходили по всей территории, все осматривали, но ничего не трогали.

— Им нет нужды трогать, — проворчал Рик, колдуя над пультом. — Они у нас, брат, телепаты, все могут изучать дистанционно... сукины дети. На кого я только не охотился... Кого я только не ловил. Но чтоб попались живые суггесторы... Нет, не довелось. Спидди уже передал тебе данные касательно нашего поиска, и что мы выяснили? Вот теперь поразмысли на досуге. Прилетим на «Артемиду» — Диана

придет в восторг. Ей нравятся такие вещи, а страсть к новым знаниям просто безгранична... Любит разгадывать загадки. Кэт уже замучилась покупать для нее дополнительные блоки памяти. И остальное, что вам нужно, чтобы становиться умнее... Скажи, Биас, что может быть умнее киба класса «абсолют»?

— Только киб класса «абсолют-плюс», с возможностью саморазвития и надстроек. И еще киб «абсолют-абсолют».

— Она у нас давным-давно «плюс» и еще раз «плюс». Пойдет так дальше — и «Артемида» в будущем ничего не сможет возить, кроме самой Дианы, а Кэт окончательно разорится на дополнительных блоках. Наверно, это здорово — постоянно умнеть. Имей я возможность вставить себе в голову дополнительные мозги, я... А что гориллы делали дальше?

— Почти все животные ушли из лагеря в течение двух часов. Семь особей провели здесь еще около часа. Последний — крупный самец, очевидно, вожак стада, удалился спустя три часа сорок одну минуту. Больше на территории лагеря они не появлялись.

— Удовлетворили любопытство и ушли... Совали они нос в мою палатку? Жаль, я туда бомбу не заложил. Впрочем, они бы ее учуяли, верно? Они у нас умные... Через край умные. Ну все, я закончил. — Малыш выскочил из-под навеса. — Биас, сейчас взлетим и двинем по направлению...

Он умолк, ошарашено глядя на стаю несущихся со стороны джунглей к лагерю странных и страшных существ. Монитор ночного виденья не давал вполне ясной картинки, но Рик хорошо различал на экране шлема фигуры похожих на гигантских обезьян животных, бежавших по равнине. Да нет, это не обезьяны... Кожа голая, хвосты — как у земноводных. Оскаленные пасти... Они атаковали молча, потом раздался рев. Малыш метнулся к скутеру и отстегнул винтовку. Роботы роботами... Первые животные достигли границы зоны поражения. Рик ждал выстрелов, ждал не без злорадства — его угнетала мысль о том, что в поединке «люди — планета Тихая» все потери, в основном, пока пришлись на долю людей. Но роботы не реагировали. Биас произвольно уменьшил предел чувствительности датчиков? Не должен...

— Биас, что со «сторожами»? — нервно спросил Рик. — Ты включил их? Если нет, включи сейчас! Максимальная дальность,

самый широкий сектор обстрела!

— Они включены, — спокойно ответил Биас. — С момента твоего приземления. Не о чем волноваться.

Первые обезьянощеры проскочили линию периметра. Теперь, даже если роботы среагируют, то этих уже не смогут достать, ведь они запрограммированы вести огонь только строго по фронту. Малыш вскинул винтовку.

— Биас, проверь еще раз! Ты что, охренел — «не о чем волноваться»?.. Спидди, максимальную ясность изображения... — Малыш осекся на полуслове. «Сторожа» не реагируют. Это то, о чем говорил Пит. Мираж. Галлюцинация.

Стоп. А монитор ночного видения, многочисленные сканеры и вся интеллектуальная электроника шлема — у них тоже галлюцинация? Приборы галлюцинациями не страдают. Кибы — тоже... Но Спидди передает ему на экран изображение монстров. А «сторожа»...

— Биас, что ты видишь на границе лагеря? Отвечай, черт тебя дери!!!

— Рик, я ничего не вижу. Все чисто.

— Почему Спидди видит, а ты нет?.. Почему...

— Но я тоже ничего не вижу, — сказал Спидди. — Ни на равнине, ни в лагере никого нет, кроме тебя.

— Что ты мелешь??? Ты же передаешь мне...

Малыш осекся. До него дошел смысл происходящего. На экране его шлема пусто. Ему передают картинку напрямую в мозг, включая изображение экрана и монстров на нем, минуя зрение и прочие органы чувств.

— Ах вы!.. — Рик задохнулся от возмущения. — Ну!.. — У него не было слов. — Ладно, сейчас я вам покажу! Супергориллы... Хомо сапиенс тоже кое-что стоит. Биас, врубай все освещение, какое есть!

Территорию лагеря залил яркий свет.

В уши ворвался пронзительный визг. Кибы успели отметить дрожь поля помех, а потом мгновенно вышли из строя, не успев предупредить человека.

— Биас, Спидди, ничего не предпринимать, пока я не скажу! Поняли?

Рик не обратил внимания на молчание в ответ. Он опустил винтовку, скинул шлем и ждал, широко расставив ноги.

Первый монстр находился от него на расстоянии сорока метров. Рик неплохо знал принцип работы обычного суггестора. Будет тяжело, но если он сумеет отвлечься от происходящего... На секунду он закрыл глаза, сосредотачиваясь.

Когда он их открыл, существо было на расстоянии прыжка, и Малыш напрягся, зная, что его ждет.

— Сейчас, проверим... — выдохнул он, даже не задумываясь, что такая проверка может стоить ему жизни, если Пит и он сам ошиблись. Если звери — настоящие...

Обезьянощер прыгнул. Вытянутые вперед передние лапы чудовища вцепились Рiku в плечи, а клыки впились прямо в лицо. Малыша окатило волной раздирающей боли, он машинально отставил правую ногу назад, пытаясь устоять, но в следующую секунду его сшибла на землю страшная тяжесть горячей, скользкой туши, и он проехался спиной по мокрой от дождя земле. Оседлавшая его тварь повалилась на бок, прижимая человека к себе, рывком подтянула вверх нижние лапы, готовясь вспороть когтями живот. И...

Рик обнаружил себя по-прежнему стоящим посреди лагеря. Только правая нога, действительно, отставлена назад. Но иначе он упал бы. Первое воздействие на все сенсорные реакции тела было чрезвычайно сильным.

Лагерь был пуст.

— Ну что, сучьи отродья, съели? — Рик широко улыбнулся, довольный собой.

То, что сделал он, смог бы не каждый, и он серьезно рисковал. Волевое сопротивление неконтролируемому многоуровневому внушению, когда сила воздействия неизвестна, чревата самыми серьезными последствиями, в том числе и со смертельным исходом. Но у него не было выбора, ведь он не знал, хотели его лишь напугать или же убить с помощью внушения. Скорее всего, первое, иначе он бы не отделался так просто.

— Биас, приготовься к взлету, — сказал Малыш, закидывая винтовку за спину и направляясь к опущенному трапу. — Но поведу я сам.

Или твари пробуют силы. С первого раза не вышло. Теперь они... Рик остановился. Что говорил Пит на счет обратной связи и корректировки? Суггестия всегда остается суггестией, кто бы и как ее

ни применял... Они сейчас получили информацию о его реакции на внушение. Теперь начнут изменять интенсивность и частоту. Внесут необходимые поправки, а затем... Неважно, как они это делают. Но они это делают.

Однако стоящая за произошедшим сила не стала действовать шаг за шагом, а просто скачком увеличила мощность импульса до предела. Малышу показалось, что небо рухнуло вниз и расплющило его о землю. Он сделал несколько неверных шагов вперед, покачнулся и упал. В голове гудело, в уши рвался дикий рев и визг, хотя на самом деле вокруг стояла тишина. Рик попытался встать, поскользнулся на мокрой после дождя траве и рухнул в большую лужу. Во все стороны разлетелся каскад брызг, казавшихся тысячами сверкающих бриллиантов в ярком свете горящих прожекторов. Морщась от боли в голове, Малыш окунул в воду лицо, надеясь, что полегчает, но не полегчало. Еще два раза он пытался встать, понял, что не сможет, и пополз. Вперед, к трапу. Надо доползти, уцепиться как следует, а Биас втянет его внутрь вместе с трапом. Каждый метр давался с трудом, тело не слушалось, перед глазами плясали черно-красные круги. Немало их, метров до трапа... Но вот Малышу удалось ухватиться за стойку перил и закинуть непослушное тело на три нижних ступени.

— Биас... — прохрипел он. — Давай, втащи меня... Биас... Биас!
Киб-мастер «Рейнджера» молчал.

С великим трудом Рик поднялся, судорожно цепляясь за перила, и начал подниматься. Каждая нога весила минимум тонну. На середине пути он не удержался, выпустил перила и упал назад, сильно ударившись головой о землю.

* * *

После того, как Малыш улетел за «Рейнджером», я постарался привести в порядок свой временный лагерь. Трудно приготовить к возможной обороне пустое место посреди поляны, не имея под рукой ничего, кроме двух саркофагов и скутера.

Сдвинув реанимационные блоки вместе, я забрался в кресло пилота и, подняв скутер в воздух, подключил к бортовому инфору Суслика. Теперь скутер медленно кружил над поляной на высоте пяти метров, а в центре вращения были оставшиеся внизу саркофаги. К спинке сиденья стрелка я привязал обруч своего коммуникатора.

Суслик вывел изображение с его камеры на экран шлема, и теперь я видел, что происходит сзади.

— Я хочу знать, насколько прав Малыш, — сказал я. — Звери, что напали на нас, действительно похожи на местного божка — Айтумайрана?

— Полной информации у меня нет, — замялся Суслик. — Малыш работал по отчетам на «Артемиде», а у меня только дайжест и несколько картинок. Показать?

— Сделай одолжение.

Суслик выполнил. И в самом деле, похож. Разница только в цвете шерсти. Может, они становятся красными, когда линяют? Вот, должно быть, зрелище! Господи, ну почему я сам так и не удосужился посмотреть отчеты...

Шли минуты. На небе не виднелось ни единой звездочки, его продолжали закрывать толстой шубой тучи, но дождь прекратился. Два часа тянулись долго. Я внимательно следил за джунглями, ежесекундно ожидая появления оттуда очередного издания Айтумайрана-рэдловфа, надеясь, что замечу его раньше, чем он окажется в непосредственной близости от саркофагов, когда будет уже нельзя стрелять из гранатомета. Я также рассчитывал на то, что зверь не в состоянии прыгать на высоту пяти метров над землей, не достанет меня, не собьет скутер вниз, но все же велел Суслику держать машину подальше от реанимационных блоков.

Прошло полтора часа — погода не ухудшалась, рэдловф не появлялся. Кто он такой? Все прежние предположения относительно крайней редкости этого зверя не оправдались. За короткий срок на небольшом участке их убито четыре; я не сомневался, что черные пыльные пятна на поляне возле тел парней Шарпа остались после окончательного распада трупов чудовищ. Никогда не слышал о существах с подобными свойствами... Четверо мертвы, и бог знает сколько бродит вокруг. Почему же о них не знают ученые, и все сведения о них — только в сказаниях туземцев да охотничьих байках? Ответ пришел сам собой — потому, что почти все, кто с ними встречался, умирали. Неудивительно — крайне живучие, почти неуязвимые, они до последней секунды жизни пытаются нападать и убивать. Но всего это не объясняло. Если они встречаются столь часто, то и случаев столкновений с ними должно быть гораздо больше.

Возникало желание связать учащение встреч с монстрами с повисшим над районом полем помех. Твари чувствуют возрастание активности экзотических излучений поля и пробуждаются, выползают на поверхность из своих подземных нор...

— Пит! Пит!.. Командир!..

Я вернулся к действительности. Неужели я почти заснул? Нет оправданий! Заснув сейчас, проснешься на том свете.

— Спасибо, Суслик.

Время от времени я справлялся у кибов Кэт и Крейга о состоянии их хозяев. Прошло два часа. Я начал пускать сигнальные ракеты, аккуратно повторяя процедуру раз в минуту. Где ты, Малыш?

Через двадцать минут ракеты закончились. «Рейнджер» не прилетел. Вздохнув, я посадил скутер, велел Кальяну откачать стабилизирующую жидкость из саркофага Крейга, открыл замок и начал шарить рукой в густой белой жиже. Найдя, что искал, я отцепил с пояса Крейга ракетницу и тщательно обтер ее травой. Теперь у меня было еще десять сигнальных ракет, и я делал запуск каждые пять минут; использовал восемь, оставив две в качестве резерва. Но катер так и не приземлился на поляне. Или Рик сильно сбился с курса, возвращаясь назад, или с ним что-то случилось в лагере. В то, что Малыш мог уйти так далеко в сторону, что не заметил ракет, я не верил. Оставалось предположить, что он погиб. Наши старые знакомые — гориллы Фостера, или наш новый приятель Айтумайран — кто-то до него добрался. Мог ли монстр, при своей живучести, проскочить линию «сторожей», несмотря на стрельбу из пулеметов? Пожалуй, мог, если только его не разорвет на части. Гориллам с их гипнозом «сторожа» и вовсе не преграда, они делали свое дело оставаясь в безопасности.

Но я не трогался с места еще около часа. Ракетницу Кэт я использовать не стал — ее сердце еще не заработало, и открывать реанимационный блок было рискованно. Положение казалось безнадежным, единственным выходом виделась возможность оставить саркофаги на поляне, а самому лететь на скутере в направлении наблюдательного пункта СОЗ, рассчитывая, что там, в ангаре, окажется катер. Но мне ужасно не хотелось оставлять здесь тела Кэт и Крейга. Если я не вернусь или опоздаю, некому будет даже поменять в

реаниматорах батареи. Крейг проживет еще немного, поддерживаемый Кальяном. Кэт умрет сразу.

— Вот положение, а, Суслик?

— Да, командир, в такую передрагу мы еще не попадали. Со мной, по крайней мере, ты не попадал.

— Я и без тебя не попадал.

Не люблю гололомок, в которых вместо разрозненных сегментов приходится манипулировать чужими жизнями. Наверное, потому и ушел из армии. Но эту решать придется.

Я думал, пока не стала трещать голова. Потом еще и еще думал...

Полет в наш лагерь после неудачной попытки Рика и вовсе бесперспективен.

Думай!

— Попробуй решить задачку, Суслик. Как утащить в одиночку на одном скутере два саркофага, если мы втроем на двух машинах с трудом везли один? Не знаешь? А я знаю! Нам нужен верблюд. Люди в древности использовали это животное для перемещения грузов. Они тогда еще не имели летательных аппаратов и передвигались исключительно по поверхности планеты. — Несмотря на отчаянную ситуацию, я воспрянул духом и пришел в хорошее настроение. — Ты слышал старую историю о том, как Бог сотворил мир из первозданного хаоса? Я не Бог, но сейчас сотворю верблюда из скутера.

Я посадил машину на землю, слез и раздвинул в стороны саркофаги.

— Что бы ты ни задумал, Пит, ничего не выйдет, — сказал киб-мастер. — Скутер не поднимет два блока, да еще с телами. Нагрузка слишком велика.

— Тот, кто тебя программировал, Суслик, законченный пессимист. Мы сейчас демонтируем все лишнее и уменьшим собственный вес машины.

— Все равно — ты не сможешь на него сесть, чтобы пилотировать. В тебе девяносто два килограмма, Пит. Столько деталей со скутера не снять.

— Хочешь сказать, я жирный? Где ты видишь на мне хоть грамм жира?

— Ты не жирный, но дела это не меняет. Девяносто два килограмма остаются таковыми, из чего бы ни состояли.

— Уверен? Я мог бы легко доказать обратное — будь ты человеком, стукнул тебя сначала подушкой, а потом железякой того же веса... Но я не стану ничего тебе доказывать, и машину поведу не я. Ты.

Я снял оба сиденья, потом вытащил из багажника запасные батареи для скутера и реанимационных блоков. При помощи аккумуляторных инструментов из собственного набора скутера открутил крепления сидений вместе с поворотным механизмом заднего, вытащил ветровое стекло и снял хвостовой стабилизатор, который необходим только при движении на сколько-нибудь заметной скорости. Я не планировал, что мы с «верблюдом» сможем передвигаться быстрее пяти километров в час. Работа продвигалась медленно, поскольку я постоянно оглядывался вокруг, опасаясь нападения. Малыша, будь он здесь, хватил бы удар при виде того, как я издеваюсь над его любимым видом транспорта. Я бы с радостью срезал и боковые стабилизаторы, но они еще пригодятся. Гарпунная пушка... оставил бы, но она входит в комплект универсальной комбинированной пушки, предназначенной для стрельбы минисетями, парализующими патронами большого калибра, дротиками, оснащенными радиомаячками... Весит сие приспособление прилично. Открыв порт на капоте, я демонтировал агрегат вместе с выдвигной платформой.

Поставив облегченный до полной потери летно-технических характеристик скутер между реаниматорами, я обвязал их веревками и стал стягивать вместе, постепенно задвигая на короткие крылья боковых стабилизаторов. Теперь осталось поднять машину в воздух. Присоединив коммуникатор к бортовому инфору, я приказал Суслику пробовать. С первой и последующих трех попыток скутер поднять не удалось: антиграв и двигатели, вроде, тянули, но помехи сбивали сигналы команд киб-мастера даже на расстоянии нескольких метров.

— Не получится, Пит, — сказал Суслик. — Это ведь не изображение передавать или звук. Мне требуется...

— Не нуди. Нет так нет. Переключи всю энергию на антиграв. Пусть просто поднимется хоть чуть-чуть.

Мой «верблюд», с подвешенными по обеим сторонам саркофагами, нехотя, лениво покачиваясь, всплыл на полметра от земли. Висеть он висел, но иногда еле заметно нырял вниз. Нагрузка

оказалась предельной, батареи в багажник уже не положишь, как я планировал сначала.

— Поворачивать и регулировать высоту сможешь? — спросил я Суслика.

— Да, но не больше. Только простейшие маневры.

— Большого и не требуется.

В заплечный ранец костюма я сложил два комплекта батарей для скутера и четыре — для реаниматоров. Общий вес батарей составил более шестидесяти килограммов, и более сорока из них пришлось на батареи для скутера, но я не хотел уменьшать свой резерв энергии до тех пор, пока не выясню, с какой скоростью смогу передвигаться и сколько станет кушать «верблюду». От поляны до наблюдательного пункта предстояло пройти ориентировочно двадцать — тридцать километров. Если идти по прямой. Но по прямой в джунглях летают птицы, да и те — поверх деревьев, а внизу... У меня не было мачете, однако складной сучкорез вполне мог его заменить. Охотники, и те, кому приходится работать в лесах, обычно применяют именно сучкорезы, которые компактнее и удобней в обращении, чем мачете. Они похожи на большие складные садовые ножи с выгнутым внутрь лезвием и незаменимы для выполнения мелких работ, для которых невыгодно использовать аккумуляторные пилы.

Прорубившись сквозь густые заросли на краю поляны, мы вошли в лес. Суслик вел скутер, моей основной задачей было расчищать для него проход — сам-то я мог пройти почти везде. Но Суслик оказался не в силах поднять машину выше чем на метр. Там, где кустарник был низкорослым, он вел скутер поверху, пригибая макушки; все, что оказывалось выше полутора метров, приходилось либо обрубать, либо обходить. В левой руке я нес винтовку, правой работал, готовый в следующую секунду бросить сучкорез и начать стрелять. При переходе через лог с крутыми склонами мы выяснили, что Суслик не в состоянии удержать скутер в наклонном положении — на спуске аппарат скреб землю кормой, на подъеме задевал склон носом. В первом случае ничего нельзя было поделать — приходилось заходить сзади и поддерживать корму, для маневров на подъемах я привязал к носу машины короткий поводок.

За первый час мы прошли два километра. В течение второго, на участке, поросшем особенно большими деревьями, где кроны днем

пропускали вниз очень мало солнечного света, и подлесок был чахлым и редким, сделали пять километров, но потеряли много времени на следующем отрезке пути. Там протекал ручей, превратившийся после прошедшего ливня в полноводную быструю речку; я истратил не менее получаса, отыскивая место, где течение не сбilo бы меня с ног при переходе речушки вброд. Современный человек привык передвигаться большей частью над поверхностью земли, и не представляет даже, насколько он беспомощен и медлителен без разнообразной, проникшей во все сферы его деятельности техники. Я полз по джунглям, как букашка, таща на привязи своего «верблюда», а ведь мне еще помогал Суслик...

Через пять часов мы одолели тринадцать километров, и на этой счастливой отметке у нас закончилась энергия в батареях скутера. Заменяв батареи, я облегчил свою ношу в ранце на двадцать килограммов, и двигаться стало чуть легче, правда, с неба опять хлынул дождь, и меня поливало буквально как из шланга. В комбине зоне, да еще в шлеме ливень не страшен, но я опасался дальнейшего подъема воды в попадавших на нашем пути ручьях. Камилла сообщила хорошую новость — состояние Кэт окончательно стабилизировалось, заработало сердце, и реаниматор выключил соответствующий аппарат поддержки. Я назвал Камиллу умницей, попросил раздобыть еще один саркофаг и положить туда меня. Несмотря на усилитель мышц костюма и подкормку моего организма питательной смесью и стимулирующими уколами, которыми непрерывно потчевал меня Суслик, я чувствовал серьезный упадок сил. Сначала я не обращал на слабость внимания, списывая ее на обычную усталость и отсутствие отдыха и сна, потом мне начало казаться, что тут что-то не то. Неладно было не только с телом. Мысли в голове путались, душу охватывало беспокойство, перераставшее в отчаяние. В такие моменты я отвлекался, болтая с Сусликом о всякой ерунде. Мне было все равно, что говорить, лишь бы говорить, слышать звук собственного голоса.

— Суслик, а почему ты не умер, как остальные кибы... Как Суворов на «Миротворце»... Здесь, похоже, вся техника с электроникой мертва.

— Не вся, — возражал Суслик. — Техника саркофагов ведь работает, живы все кибы ребят... Ты сам все еще жив. Ведь на Тихой

сейчас не только кибы умирают, люди тоже. А ты жив, и будешь жить, ведь без тебя некому будет доставить ребят домой. Но... Если позволительно так выразиться, я себя плохо чувствую, Пит. Я должен тебе сказать. Моя система внутренних связей нарушена. Мне кажется, с самой структурой матричного кристалла что-то происходит, она изменяется... Но я не уверен. Сам я не смогу ни разобраться в причинах, ни исправить положение.

— Не вздумай помирать, Суслик! Не вздумай бросать меня здесь совсем одного, иначе я свихнусь.

— Я постараюсь. Но я не понимаю, что со мной происходит, и контролировать процесс изменений не могу. Меня как будто разрезали на части, Пит. Это безболезненно, однако одни части плохо слышат другие и не слишком хорошо взаимодействуют между собой.

— Ты это брось... Ты мне нужен. Мне нужны системы костюма — в рабочем состоянии... Мне нужен экзоскелет. Без него я не смогу тащить саркофаги, и мы все сдохнем здесь, в этих проклятых джунглях.

— Экзоскелет работает независимо от меня, Пит. Ты сможешь пользоваться им, даже если я выйду из строя, ты это знаешь.

— Все равно — не вздумай помирать. Мне даже поговорить будет не с кем. И что я потом стану без тебя делать?

— купишь другого киба. Я не уникален, всего лишь серийная модель.

— Я не хочу другого, и мне плевать, что ты — серийная модель. Я к тебе привык. Я не смогу называть другого киба твоим именем.

— Назовешь иначе.

— Ну тебя к черту! Мне твое имя нравится. Так что будь добр остаться в живых. Мы оба останемся в живых и всех отсюда вытащим. И Рика найдем. Хотя бы тело его — найдем... С любой планеты — только все вместе.

Восемнадцать километров... Глуша беспокойство, уныние и другие эмоции, накатывала волна усталого равнодушия. Хотелось лечь, заснуть и не вставать...

Я заставил себя встряхнуться. Опять что-то странное творится — не так уж много сил я потерял. Или много? Что говорил Суслик насчет себя самого? Нарушена система связей... Он имел в виду внутренние информационные потоки?.. Мой разум заволоч густой туман. Но я

понял — или думал, что понял. Излучение действует двояко. Мощные всплески, выводящие из строя технику и погружающие людей в иллюзорный мир виртуальной реальности, и фоновое излучение, влияющее на людей и кибов таким же образом, но гораздо медленнее. Неудивительно, что мы в последнее время туго соображали и принимали поспешные, непродуманные решения. И постоянная легкая усталость, от которой все страдали в последние недели пребывания на Тихой, очень хорошо объяснялась постепенным возрастанием интенсивности неизвестных излучений. Вредное воздействие проявлялось, с одной стороны, нервозностью, упадком сил и заторможенностью мышления у людей, с другой — сбоями в работе техники. А главное, сильными помехами связи — обычной, и внутри любых интеллектуальных систем.

Постой, а причем тогда гориллы Фостера? Именно их мы сочли виновниками инцидента с «Миротворцем». Но сейчас ни одной обезьяны вокруг — все попрятались от дождя... Да и могут ли гориллы, сколько бы ни набралось их на обоих материках, инициировать феномены всепланетного масштаба? Я был уверен, что Диана, даже без доступа к системе СОЗ, уже зафиксировала какой-нибудь «эффект города» или что-то похожее в том районе, где мы сейчас находимся. Она сделала анализ, составила прогноз...

Хватит. Вот окажешься с нею рядом на орбите — сразу все узнаешь про анализы, прогнозы и эффекты. Диана сделает тебе апельсинового сока, уложит в кроватку и расскажет на ночь страшную сказку про рэдвольфов — это, значит, чтобы крепче спал. Потому что рэдвольфы будут внизу, на Тихой. А ты наверху — в безопасности.

Расспросив Камиллу и Кальяна, я узнал, что они отмечают у себя те же нарушения, что и Суслик, но в меньшей мере. Очевидно, материальные преграды, вроде наглухо закрытых саркофагов, могли в некоторой степени служить экраном от фонового излучения. Значит, надо постараться как можно быстрее дойти до наблюдательного пункта СОЗ с его герметичными, хорошо защищенными помещениями...

Но ведь мне и без того необходимо попасть именно туда. Или Кэт умрет, когда закончится энергия во всех батареях.

С внезапной яростью я взмахнул сучкорезом и врубился в густой кустарник, стоящий стеной у меня на пути. Больше я ни о чем не

размышлял, стараясь держать разум под контролем воли, и получилось! Тоска, подавленность и отчаяние отступили, а их место заняла упрямая решимость выжить.

Мгновенно вернулась ясность мышления. Я даже на секунду замер, изумленный.

Выходит, бороться с этим возможно! Ах вы, собачьи сыны, подумал я, неизвестно кого имея в виду. Нет, я вам не сдамся! Я смогу с вами справиться, выйти отсюда, вынести Крейга и Кэт. А потом найду Малыша. Найду, чего бы ни стоило... Не тело, нет! Живым найду!..

* * *

Малыш очнулся от яркого света, что проникал сквозь опущенные веки и мешал ему спать. Он хотел отвернуться, застонал и открыл глаза.

Попытался открыть.

Веки будто прилипли к глазным яблокам. Горло давило со всех сторон, мозг горел в огне, а тело стянуло тугими жгутами раскаленной добела боли, боли, боли...

Перевернувшись на живот, Рик уткнулся лбом в прохладную мокрую землю. Отрывочные воспоминания произошедшего проносились в голове серией беспорядочно склеенных эпизодов.

— Спидди... — позвал он. — Спидди, что со мной? Господи, как больно...

На голове не было шлема. Но рация на ухе на месте... Он, медленно ворочаясь на земле с боку на бок, ощупывал себя. Зацепившись рукой за кабель, подтянул шлем и нахлобучил на голову. После такого усилия Рик пришлось несколько минут отдыхать. Наконец он сумел осознать происходящее вокруг настолько, что понял — он лежит у подножия трапа и снова идет дождь.

— Зря ты здесь разлегся, братишка, — сказал он самому себе. — Тебя ждет Пит. И Кэтти... Спидди, мать твою, ответишь ты или нет?!

Киб-мастер не отозвался.

— Сдох, — понял Малыш. — Ему конец. Как кибу на «Миротворце»... Значит, и Биасу тоже...

Он скинул шлем — мертвый черный экран мешал видеть. Собрал силы и пополз к трапу. Потом по трапу, и дальше, в шлюзовую камеру... На счастье, внутренний люк открыт. Ну да, Биас ведь ждал его, они готовились лететь... Куда?

При каждом движении тело пронзали миллионы горячих зазубренных иголок, Рик то и дело забывал, зачем он здесь находится и что делать дальше. Чудовищным усилием воли ему удалось кое-как сосредоточиться, и он пополз по коридору в рубку.

— Давай, Малыш, вперед... Ты сможешь, сможешь! Тебе же плевать на все... Давай.

Несколько раз по дороге он терял сознание. Оказавшись в рубке, окончательно отключился. Снова придя в себя, Рик хотел вскарабкаться в пилотское кресло, но боль скрутила его в комок. Разогнувшись, стоная и плача, он повторил попытку. Еще раз. Еще... Сесть в кресло удалось с восьмого раза.

Малыш долго сидел, закрыв глаза. Почему он в такой неудобной позе? А-а-а, шлем мешает. Рик дотянулся до стойки комбеза и отцепил кабель и силовой жгут. Шлем соскользнул вниз, ударился о подлокотник кресла и с глухим стуком покатился по полу. Снаружи в рубку пробивался свет — все прожектора в лагере включены... Нет, не только. Просто уже закончилась ночь и наступил хмурый день — с дождем, и небом, закрытым серыми тучами.

— Опоздал...

Малыш закрыл и снова открыл глаза. Опоздал к сроку, но Пит все равно оставался там, на поляне, в пятистах километрах отсюда, с двумя саркофагами. Надо лететь.

Рик наклонился вперед и едва не выпал из кресла. Поймав в отражении на одном из экранов свое лицо, увидел, что у него весь подбородок в чем-то темном... Ощупал рукой, поднес ее к глазам — кровь. У него изо рта кровь течет. Внутренние повреждения... Насколько сильные? Сможет ли он лететь?

Присмотревшись внимательнее к своему отражению, он понял, что кровь течет не изо рта — просто он сильно искусал губы. Они здорово распухли. Ну, это совсем не страшно. Подумаешь... Он приободрился, даже обрадовался.

— Ерунда... С девочками целоваться тебе еще не сегодня, браток. Заводи движки... Там Пит. И Крейг. И Кэти... Давай Малыш, соберись с силами... Хватит хныкать! Бери штурвал.

Рик трясущейся рукой машинально перевел управление на ручное. Катер вздрогнул, неуверенно приподнялся над поверхностью

земли и замер, вихляя кормой; потом круто пошел боком влево, сбил навес столовой и, набирая высоту, полетел над равниной.

* * *

Я прошел двадцать один километр, когда дождь прекратился и занялся рассвет. Джунгли буквально пропитались влагой, над землей поднимался легкий туман. Правая рука, сжимавшая сучкоруб, отказывалась работать. Наблюдательный пункт должен быть уже совсем близко, но пеленг терялся. Только бы не промахнуться, только бы не пройти мимо... «Верблюд» вел себя пристойно. На двадцать третьем километре пути попала длинная поляна, скорее даже цепь полян, разделенных узкими участками леса. Расчищать путь почти не приходилось, я набрал приличную скорость несмотря на то, что ноги от непрерывной ходьбы стали как деревянные.

На последней прогалине я наткнулся на еще одного монстра из кошмара. На сей раз я заметил его первым — он смотрел в сторону. Великий Бог туземцев Айтумайран, собственной персоной. Я бросил поводок, на котором вел скутер, выпустил из руки сучкорез и, прицелившись, выстрелил из гранатомета. Зверь стоял в сорока метрах — в последнюю секунду он повернул голову, и граната попала ему прямо в приоткрытую пасть, готовую издать рык. Зрелище получилось что надо. Мощным взрывом рэдвольфа разнесло в клочья; на том месте, где он стоял, в воздухе висел теперь только клуб дыма, тающий в воздухе и смешивающийся с туманом.

— Это тебе за Кэт, — сказал я. — Надеюсь, что удастся пристрелить еще хоть парочку твоих долбанных сородичей за остальных наших, прежде чем я улечу с планеты. Пovýлазили...

Перед тем, как снова войти в джунгли, я долго оглядывал заросли и прислушивался. Но вокруг было тихо, и я двинулся дальше. Излучение так действовало или нет, но я совсем выдохся. Меня поддерживала лишь мысль, что наблюдательный пункт совсем рядом. Не успел пройти по лесу и километра, как заново хлынул ливень — господи, сколько же воды еще осталось в облаках? Когда она кончится?..

При свете дня идти стало повеселее. Я сменил шлем на коммуникатор. Ледяные струи освежили голову, она заработала лучше. Шлем укрепил на скутере так, чтобы Суслик мог через его камеру видеть то, что творится позади, и передавать изображение мне. Я тихо

молился про себя о том, чтоб на моем пути больше не попадались речки. На двадцать пятом километре пути я вышел из леса на открытое пространство перед крутым склоном, уходящим высоченной наклонной стеной вправо и влево. Склон оказался не каменистым, а глинистым, и теперь размокшим от дождя и скользким. Серьезное препятствие, но я собирался преодолеть его, не желая тратить время на поиски более удобного для подъема участка. Мне только что пришлось второй раз заменить батареи у скутера. Из прошлого опыта я знал, что для транспортировки такого груза, как мой, их хватит на пять часов. За это время мне надо найти наблюдательный пункт, иначе мой «верблюду» окажется прикованным к одному месту, и я вместе с ним.

Пройдя по поляне перед склоном, я принялся внимательно его осматривать. Он поднимался под углом сорок — пятьдесят градусов, из него выступали каменные карнизы слоеных плит песчаника, росли кусты, за которые можно ухватиться, а заканчивался он вертикальной стенкой высотой три — три с половиной метра с нависшим толстым козырьком почвы. Как взобраться на него вместе с нагруженным реаниматорами скутером, я не представлял себе, но планировал залезть наверх один и попробовать затянуть «верблюду» следом, обвязав веревками. На самом краю росло нависшее над обрывом, прочное на вид дерево. Если через его ветки перекинуть веревки и спустить вниз, оно превратится в стрелу подъемного крана, правда, неподвижную. Стоило попробовать.

В зарослях на самой опушке леса послышалось шуршание, закачались ветки. Я повернулся и выстрелил по кустам из гранатомета четыре раза подряд, а оставшиеся в кассете гранаты положил вокруг подозрительного места. После того, как стих грохот взрывов, никакого шевеления больше не наблюдалось. Я сменил кассету. Жаль, если там бродило какое-нибудь безобидное животное.

Привязав к боковым стабилизаторам скутера четыре шнура подлиннее, я завязал их на конце узлом вокруг своего сучкоруба, предварительно его закрыв. Когда подберусь к отвесной стенке, заброшу наверх веревки с грузом. Останется лишь залезть туда самому, перекинуть веревки через дерево и по очереди подтягивать их, пока машина не поднимется выше обрыва, после чего я подтащу ее к себе с помощью поводка, конец которого я тоже удлинил и пристегнул сейчас карабином к поясу.

Подъем по склону до половины занял у меня почти час. Я уподобился мифическому Сизифу, вкатывающему огромный камень на верхушку горы. Разница заключалась только в том, что у Сизифа срывался вниз камень, и ему приходилось начинать все сызнова; а мой «верблюдо», контролируемый Сусликом, оставался на месте, но зато вниз съезжал я сам. Метр вперед, два назад... Склон оказался чудовищно скользким. Здесь ранее не раз происходили обвалы почвы с козырька; устоявшегося слоя дерна не образовалось, пучки травы и кустики легко вырывались с корнем, оставаясь в руке, а я летел вниз. Не будь дождя, склон был бы, по крайней мере, сухим, а теперь не помогали и шипы на подошвах ботинок.

Я начал помаленьку приспосабливаться, когда вдруг услышал тяжелый глухой шум и поднял голову. Деревце наверху качалось, словно от порывов ветра. Ничего не понимая, я смотрел, как вздрогнула вертикальная стена и козырек почвы; деревце раскачивалось все сильнее. Я понял, и похолодел: участок обрыва подмыло дождем, и он готов сорваться вниз, а я даже в сторону отскочить не могу... В следующую секунду козырек обвалился.

Я отцепил карабин поводка и прыгнул назад, оттолкнув скутер, стараясь отпихнуть его подальше от склона, и тотчас же сверху обрушилась лавина мокрой почвы, воды и мелких камней; меня швырнуло лицом в грязь, перевернуло на бок, потом на спину, и потащило вниз. Последнее, что я успел увидеть — кувыркающееся сверху прямо на меня дерево с ломающимися ветками.

* * *

Малышу пришлось долго прочесывать интересующий его район, прежде чем он обнаружил нужную поляну и сваленные в кучу детали от разобранного скутера. Рик сообразил, что произошло: Пит вначале дожидался его, потом придумал способ везти на скутере сразу оба саркофага. Взлететь с таким весом нельзя, следовательно, он пошел пешком. Он ушел с поляны давно, и дождь успел смыть следы, но двинуться мог лишь в одном направлении — к наблюдательному пункту СОЗ. Рик, тяжело ступая и покачиваясь, побрел к «Рейнджеру», держа винтовку за дуло и опираясь на нее, как на костыль. Или Пит туда добрался, или он в пути, но в последнем случае в джунглях обнаружить его невозможно. Разве только он сам заметит катер с земли и даст сигнал. Малыш от всей души надеялся, что у Пита

остались сигнальные ракеты. Надо медленно лететь над самым лесом на юго-запад. Рик проклинал бесшумность современных летательных аппаратов. Услышать движущийся над лесом «Рейнджер» Питу будет не легче, чем пролетающий воздушный шарик, это ведь не трансгалактический корабль. Можно снять с двигателей поглотители, шуму станет сколько угодно, но на такую работу без помощи роботов уйдут сутки. Да и не в том состоянии он сам, чтоб заниматься демонтажем поглотителей.

Если бы не слабость на грани потери сознания, не пронзающая поминутно все члены огненная боль, заставляющая непроизвольно дергать штурвал, он снизился бы до предела и утюжил брюхом катера кроны деревьев, надеясь привлечь внимание Пита... Но и о таком способе лучше забыть. Один неосторожный маневр, и даже на скорости пять-десять километров в час «Рейнджер» станет для него гробом. Малыш ругал себя, обвинял в изнеженности и обзывал слюнтяем, но взять себя в руки это не помогло. Рик не знал, что люди, подвергшиеся на Тихой энергоинформационным ударам до него, вообще не приходили в сознание самостоятельно.

Он поднял катер, задрал пулеметы в небо и двинулся над лесом, стреляя короткими очередями и следя, не взмоет ли в воздух сигнальная ракета. Но Пит уже лежал под завалом у обрыва, а Рик, добравшись до строений наблюдательного пункта через два часа, прошел чуть в стороне и не увидел ни его, ни уткнувшийся в одинокое дерево скутер с одним помятым и одним разбитым саркофагом на нем. Прозрачная крышка реаниматора, висевшего справа, лопнула по всей длине, из отверстия текла тягучая белая жидкость, а индикаторы на приборном щитке горели тревожными красными огнями.

Рик посадил «Рейнджер» неподалеку от двухступенчатой башни наблюдательного пункта, ухитрившись при этом не задеть здание и не разбить катер; выбрался наружу и минуту стоял неподвижно, ожидая, пока рассеется затянувшая глаза темнота, разрезаемая вспышками молний острой боли в голове. Упирая в землю приклад винтовки, Малыш двинулся к маячившему впереди входу. Бронированные створки ворот раздвинуты в стороны, а открыть их не мог никто, кроме дошедших сюда людей Шарпа... Или Пита. В шлюзовой камере и ведущем в центральный зал коридоре горел свет, но киб-мастер станции не отзывался. На полу виднелись следы: несколько сухих

листьев, засохшие отпечатки грязных ботинок... много следов, и все они вели в одну сторону. Ребята Стива вошли сюда, но обратно уже не вышли.

Рик призвал себя ко всей возможной осторожности, однако не знал, как это выполнить — усилий его воли хватало только на то, чтобы держаться на ногах. Тогда он просто пошел по коридору в центральный зал, и первое, что там увидел — десять неподвижных тел. Вот и сам Шарп на полу у главного терминала. А вон тот привалившийся к стене пожилой чернокожий мужик еще жив... Рик доковылял туда и осмотрел его. Глаза закатились, дыхание хриплое, из раскрытого рта на грудь стекала стружкой слюна. Малыш позвал киб-мастера чернокожего — тот не ответил, однако система жизнеобеспечения комбеза, судя по всему, работала. Да, человек жив, и все остальные, включая Шарпа, тоже оказались живы. И все — без сознания. Похоже, прямо во время сеанса связи группу накрыл удар направленного излучения, подобный тому, какой недавно испытал на себе Рик. Но сам-то он в сознании! Терял его, больно, слабость, но — в сознании... Малыш пожал плечами. Значит, Стива шарахнуло сильнее. Или же я оказался крепче этих парней... Рик мотнул головой, отогнав последнюю мысль — какая разница? Надо найти передатчик.

Повсюду на полу валялись пустые пластиковые бутылки из-под воды, а в одном из трех кресел у пульта откинулся на подголовник маленький человечек лет сорока. Рик узнал его: бывший офицер ВКС и бывший заключенный, ныне профессиональный охотник по кличке Манки. Очевидно, он тоже время от времени приходил в себя, нашел воду, пытался поить остальных, пытался подать сигнал с пульта... Но у Манки не вышло, на орбите его никто не услышал, иначе уже прилетели бы. Значит, запустить передатчик отсюда нельзя.

Рик вышел наружу и поднялся по узкой металлической лесенке на плоскую крышу башни НП. Один из портов оказался открыт, платформа для установки техники выдвинута. На ней высилось устройство, похожее на средневековую корабельную пушку, задравшую дуло к небу. Пакетный гиперпередатчик «Почтовый Голубь». И еще где-то здесь же должен стоять маяк... В одном из закрытых портов?

Да «Почтовый Голубь» и есть маяк, догадался Рик. Остальные пристежки и навороты к нему где-то внизу... Линза, закрывавшая

«жерло пушки», горела слабым голубоватым светом. Сейчас он передает в пространство: «Наземный наблюдательный пункт Службы охраны заповедников, законсервирован в таком-то году»... Обычная программа изолированной системы маяка. А на передачу произвольной программы как его настроить? Снизу его нельзя включить, потому что вся техника вышла из строя, но тогда его вообще нельзя включить, потому, что и вся сопутствующая аппаратура самого прибора, и киб-мастер, подключенный к нему, тоже мертвы... А-а-а, дьявол! Малыш в ярости пнул «станину пушки» ногой. Тонкий корпус неожиданно легко смялся от удара. Тихо, тихо, не психуй... Должен же быть способ?

Да, он есть; а ты неизлечимый кретин, друг Малыш. Вот же, красная прозрачная крышка с надписью на универсальном, понятная даже дебилу: «Резервный контур. Аварийный пуск. Только сигнал SOS». Внизу, на корпусе, та же надпись на десяти наиболее распространенных национальных языках... Будь паинькой, открой крышечку.

Сорвав пломбу, Рик откинул крышку и перевел переключатель в положение «активировать». Линза засветилась ярче, в ее глубине начали проскальзывать яркие всполохи, напоминающие вспышки бесшумных электрических разрядов. Все.

Малыш внезапно почувствовал страшную усталость. Все сделано, он сделал, что мог, оставалось ждать. Еле волоча ноги, запинаясь, он стал спускаться по лестнице вниз.

* * *

Я пришел в себя от того, что начал захлебываться жидкой грязью, которая медленными ручейками стекала прямо на лицо с кучи земли, придавившей грудь. Грязь затекала в нос и приоткрытый рот. Я закашлялся и повернул голову в сторону, открыл глаза и тотчас зажмурил левый — в него попала хорошая порция противной липкой жижи.

— Прости, командир, — виновато сказал Суслик. — Я не успел захлопнуть колпак, а когда тебя завалило, это оказалось уже невозможным. Хорошо, что ты пришел в себя. Еще немного, и тебя затянет целиком. Шевелиться можешь?

Я лежал на спине, почти полностью погребенный под слоем земли и мелких камней, снаружи оставалась только голова выше подбородка

и кисть вытянутой в сторону правой руки. Левую руку, протянутую вдоль туловища, намертво придавило к земле. Грудь и шею зажало словно в тисках, и дышать было невероятно тяжело. Ног я почти не чувствовал — на них лежал особенно толстый слой почвы. Я попробовал поворочать верхней частью туловища и головой, пытаюсь освободить хотя бы шею.

— Одна из тварей подходила к тебе, — сообщил Суслик. — Айтумайран — или рэдловф, назови как хочешь.

— Что?!.. — От неожиданности услышанного я с такой силой рванулся вперед, пытаюсь сесть, что с груди свалилась часть земли, а по завалу на полметра вверх пошла широкая трещина и дышать стало легче. — Что ты сказал? Один из монстров был здесь?

— Он подошел к тебе, долго стоял, но трогать не стал. Наклонился, обнюхал голову и ушел. Это произошло около часа назад. А всего ты лежишь без сознания более двух часов, и тебя все больше затягивает грязь. Я пытался привести тебя в чувство, но...

— Ладно, не извиняйся. Что с саркофагами?

— Не знаю. Камера у тебя на груди завалена, камера коммуникатора, пока ты так лежишь, скутер не видит. Камера шлема ничего не показывает. Очевидно, шлем сорвало со скутера и завалило землей. Связь с кибями ребят потерял сразу, когда машину отбросило. Наверное, она просто оказалась слишком далеко от меня. Жуткие помехи.

Трещину, образовавшуюся от моего рывка, быстро заливало жидким илом, сверху с завала на меня текли новые потоки грязи, дождь хлестал всюду. Нет, я не хочу, чтобы меня похоронило заживо! И еще меньше у меня было желания ждать, пока дружище Айтумайран передумает, вернется сюда и откусит мне голову.

Я начал размеренно двигать плечами, одновременно пытаюсь освободить правую руку. Мне удалось согнуть ее в локте. Повернулся, насколько сумел, влево, и выдернул всю руку вверх. Теперь, оказавшись на воле, она могла скидывать землю и камни с груди и левого плеча — чего же вам еще? Через пятнадцать минут я освободил левую руку настолько, что вытащил и ее, раскопал до конца грудь, освободил живот и сел. Прежде чем приняться за ноги, я прокопал дырку возле правого бедра и с облегчением достал из кобуры пистолет. Каждую секунду, пока я работал, ожидая возможного возвращения

монстра или появления нового, мне было очень не по себе. Пистолет — слабая защита против него, а в том, что он непременно нападет теперь, когда я в сознании, я не сомневался, но не желал умирать без боя. Пусть он меня убьет, но я успею понаделать дырок в его шкуре. В добрые намеренья такого чудовища я не в силах был верить, несмотря на то, что один раз он и оставил меня в покое. А если он просто не любит убивать живые существа, пока они в беспомощности и ничего не чувствуют? Не ощущает кайфа, так сказать...

Я стал торопливо разгребать ноги. Слава богу, они не сломаны. Но затекли, поднялся я с большим трудом и, неуверенно ковыляя, пошел туда, где стоял мой «верблюд».

Когда лавина обвалившейся земли толкнула скутер вниз, он ударился о небольшое деревце на поляне, помял себе капот и, сильно искорежив один из саркофагов, был отброшен в сторону, на другое дерево. Теперь удар пришелся на другой реаниматор, крышка лопнула, жидкость вытекла наполовину, открыв часть лежащего внутри тела и мешанину шлангов и кабелей. Лицо покрывал толстый слой липкой слизи. Невозможно разобрать, кто это, но лежавшая на груди рука маловата для того, чтобы принадлежать мужчине.

— Кто там? — глухо спросил я, и сразу сообразил сам — саркофаг висел справа, а справа...

— Кэт, — сказала Камилла. — Автоматика функционирует на шестьдесят пять процентов. Требуется срочно заменить реанимационный блок.

— Как она?

— Еще жива.

«Еще жива». Еще жива!!!.. Я заскрипел зубами, рискуя их сломать. Сколько раз мне слышать эту фразу: «Еще жива»? Сколько у меня шансов сделать так, чтобы Кэт просто жила — без «еще»?..

— Что с Крейгом?

— В порядке, — ответил Кальян. — У блока помят только корпус. Аппаратура почти не повреждена, функционирует на девяносто процентов. Но лучше заменить блок.

Я вынул нож, обрезал со стабилизаторов все лишние веревки, приготовленные мной для подъема с помощью дерева, которого теперь не было, и обмотал ими свои ботинки. Чувствовал я себя так, как будто по моему телу проехался каток. Левое колено страшно болело, и я был

весь избит камнями. Но времени на отдых не оставалось. В батареях скутера энергии на час с лишним... Сняв с головы обруч коммуникатора, я подсоединил его к машине взамен потерянного шлема. Суслик не мог держать аппарат ровно над землей — он получил серьезные повреждения и качался в воздухе как на качелях, попеременно цепляя землю то носом, то кормой, то всем брюхом. Дождь усилился. Обвал сделал доброе дело — вертикальная стенка обрушилась на большом участке, и склон теперь стал наклонным до самого конца. Ухватившись за поводок обеими руками, я перекинул его через плечо и потащил своего покалеченного «верблюда» наверх.

То, что я пережил, втаскивая скутер по склону в первый раз, было ничем по сравнению со вторым восхождением на него. Через час я почти дошел, но энергия в батареях заканчивалась, и машина тяжело бороздила по грунту днищем, прижимаясь к земле все плотнее. Ботинки, обмотанные веревками, скользили меньше, но на них налипали огромные комья грязи. Последний участок пути... Скорее... Скорей!

Вот заросли редкого кустарника наверху. Ветки сплелись, не желали пропускать, нудно цепляясь за саркофаги и друг за друга. Я зашел сзади и толкал скутер, упершись в корму.

Напрягая все силы, я вытолкнул машину через это сплетение и сам вылез следом, то и дело поскальзываясь и падая на четвереньки, но упорно продолжал двигаться, толкая скутер все дальше, на ровное, открытое место, где смог встать на ноги и оглядеться. Все вокруг закрывала пелена дождя, поливавшего большую поляну — целое поле. А метрах в ста от меня торчала башня наблюдательного пункта, похожая одновременно на крепость, средневековый храм и обсерваторию. От нее к самому краю обрыва тянулся крытый коридор, ведущий к еще одной башенке поменьше. Другой коридор, короче первого, связывал башню с большим, приземистым зданием — очевидно, ангаром. Там было еще что-то, но я не рассмотрел, поскольку мое внимание приковал стоящий возле башни катер «атмосфера-4». Стоял он как то криво, входной люк распахнут, лента трапа безжизненно свисала на землю, словно вывалившийся изо рта язык мертвеца. Почему катер брошен снаружи, ведь он должен стоять в ангаре? Где ребята Шарпа и он сам? На всем пространстве поляны ничего не двигалось, а сам наблюдательный пункт казался мертвым.

Он таким и должен быть, он на консервации три года, но где Стив? Неужели они не дошли сюда? Или они пошли вовсе не сюда, мы ошиблись, и они сейчас совсем в другом месте? Но тогда кто вывел из ангара катер? Толкая впереди себя скутер, я начал приближаться к катеру, пока, подойдя поближе, не смог прочитать на борту его название — «Рейнджер».

В проеме шлюза показался Рик и стал спускаться вниз по ступеням, делая столь простую вещь так, будто у него вместо ног росли негнущиеся протезы. Я шагнул к подножию трапа и подхватил его, иначе он упал бы. Лицо Малыша покрывала смертельная бледность, глаза ввалились, подбородок был в засохшей и свежей крови, а искусанные губы превратились в бесформенную массу.

— Смотрю — идешь... — зашептал он и закашлялся. — Я опоздал на поляну, прости... Там, в нашем лагере, такое было... Я стрелял — стрелял всю дорогу сюда, весь боезапас... Как же ты меня не слышал? Думал, ты уже давно здесь. Где Крейг, Кэтти?.. Ты привез их? — Его взгляд уперся в саркофаги. — Привез... — Малыш пошарил рукой по моему плечу, обхватил за шею. Его голова тряслась, как у старика, взгляд блуждал, только в самой глубине глаз все еще горел упрямый огонек несломленной воли. — Я нашел Шарпа. И передатчик. Я уже дал сигнал, вызвал помощь... Где-нибудь, да услышат. За нами прилетят... А если нет, сами улетим, у нас есть «Рейнджер»...

Он еще что-то говорил, скуля, как больной щенок, его ноги подогнулись, я перехватил его покрепче и прижал к себе.

Мы стояли, обнявшись, посреди поля, слева возвышалась башня наблюдательного пункта СОЗ, а сверху на нас низвергались водопады воды. И вдруг пространство зашаталось, гулко вздрогнул воздух и дождь прекратился. То есть, ливень продолжался, поливая джунгли вокруг, но прямо над нами его не было.

Прямо над нами в небе медленно проявилась, протаяла из пустоты пятикилометровая громада крейсера ВКС, снимавшего глухую маскировку. Задрав голову, я смотрел, как его катапульты выплевывают десантные катера типа «Торпеда». Один из них, завершив крутое пике, проехал на брюхе по поляне, поднимая вокруг себя фонтаны воды и грязи; бортовые люки открылись еще на ходу, и оттуда стали выпрыгивать десантники в полной штурмовой экипировке.

Глава 8. Вячеслав Ливнев. Будем знакомы!

Первым, кого я увидел, когда открыл глаза, был мой бывший младший ассистент, врач-биомеханик Леонид Гроссман, которого я в свое время запросто называл Леней. В последний раз я видел его в клинике при лаборатории профессора Вацека в Праге, двенадцать лет назад, и он был в обычном белом унике. Теперь на нем красовался форменный комбинезон с эмблемой военного врача.

— Где я? — Звук собственного голоса мне совсем не понравился: он как будто шел из могилы, причем могилы очень древней и всеми забытой. — А ты что здесь делаешь, разгильдяй?

— Ты в медцентре крейсера ВКС «Тамерлан», — улыбнулся Ленья. — А я здесь служу. Уже восьмой год. Жаль было расставаться с нашим душкой-профессором, но что поделать... В армии больше шансов сделать карьеру. И у меня получилось.

— Ты всегда был ужасным проходимцем.

— А ты был и остался ужасным грубияном. Но я тебе искренне благодарен. Ты хорошо меня поднатаскал по нашему делу. Жаль, что ты весь целый, и мне не удастся поработать над тобой. В знак благодарности за науку я бы тебя подлатал по первому разряду.

— Так я тебе и доверился. Что с ребятами?

— С какими именно? Их к нам доставили немало... — Ленья наморщил лоб, соображая. — А-а, понял, тот парнишка с бешеными глазами и девушка с мужчиной в саркофагах. Мне сказали, что они были в твоей группе. Какая-то охотничья фирма... Ты что, теперь охотой занимаешься?

— Что с ними?!?..

— Да в порядке они, в порядке, не переживай, — заторопился Ленья, увидев выражение моего лица. — Особенно молодой парень радуется — он получил мощнейший энергоинформационный удар, но в себя приходит прямо на глазах. Организм у него железный. Все из группы Шарпа, кто подвергся аналогичным ударам, до сих пор лежат в нокауте, за исключением одного, когда придут в себя — неизвестно. Десять человек его команды, работавшие на архипелаге Гринберга,

невредимы. Девушка и мужчина — которые в реаниматорах — пострадали серьезно, придется их подштопать.

— Не вздумай лапать их своими грубыми клешнями, бездарный коновал. Пусть их лечат в настоящей гражданской клинике, а не в вашем летающем сарае... Что здесь делает «Тамерлан»?

— Секретная операция. Больше ничего сказать не могу, лучше не спрашивай.

— Э-э, нет, так не пойдет. Говори все что знаешь. Секретная операция — чья? Флота? Армии? Приюта инвалидов войны?

— Службы Безопасности.

— Федеральной? Так и знал. Их почерк. Вечно они путаются куда не надо.

— Бери выше, — вздохнул Леня. — Объединенной Службы Безопасности Цивилизации.

С минуту я и слова не мог сказать от удивления.

— ОСБЦ? Господи, что им нужно на Тихой?

— Ты *меня* спрашиваешь? Я всего лишь военный врач.

— Не самый лучший, не обольщайся... Ладно верю, что не знаешь. — Я сел на кровати. — А теперь, отцепи от меня немедленно все эти присоски... Не возражай!!! Знаю, что скажешь — мне лучше побыть в постели. Но я не побуду. Я уже в норме. И медицинскому кибу скажи — пусть уберет от меня свои щупальца! — Я спустил ноги на теплый, бархатистый пол. — Где мой комбез? Ты что, хочешь, чтобы я явился к капитану вашего крейсера голым?

— Пит, да ты с ума сошел, тебя вообще не пустят к капитану!.. Боже, Пит!.. Ладно, подожди, сейчас принесу твой комбез...

Леонид вернулся через минуту и подал мне мой комбинезон.

— Бери, псих ненормальный... Абсолютно чист. Продезинфицирован всеми способами. Будь у тебя тонус пониже, ни за что не отпустил бы.

Первым делом я попросил Леню отвести меня к ребятам. Малыш лежал в отдельной палате, опутанный шлангами медкомплекса, и спал, дыша тихо и безмятежно.

Кэт и Крейг находились в специальном боксе, их уже переложили из побитых реаниматоров, которые мы забрали с «Миротворца», в другие, и я заметил, что саркофаги абсолютно новые.

— Как раз те, какие были у вас на корабле, — пожал плечами медтехник, кучерявый парнишка с темно-кариими глазами.

— У нас на корабле?.. — Я развернулся к Лене: — Вы что, взломали нашу «Артемиду»?

— Легче, Пит! — Он отступил на шаг и рассмеялся. — Никто ваш корабль не взламывал. Послали запрос киб-мастеру — Диана, кажется? Объяснили ситуацию, она выдала нам саркофаги. Мы подумали, так будет лучше. Вам ведь на Безымянную, потом на Землю, а «Тамерлан» от Тихой пойдет к... Впрочем, неважно, но в другую сторону. Жизнь этих людей вне опасности, ты и сам их довезешь куда надо.

— Да, ты прав, так лучше... Выходит, ОСБЦ нас задерживать не собирается?

— Насколько я знаю, нет. Вы оказались там случайно. Дадите подписку... То есть, ты дашь подписку о неразглашении, как старший компаньон фирмы, и можешь всех забирать. Люди Шарпа — другое дело, они полетят с нами.

— Погоди-ка, погоди-ка... — Я взял его за ворот комбеза и притянул поближе. — Что-то странная у тебя осведомленность по всем вопросам для рядового врача...

— Да ну тебя к черту! — возмутился Леня. — Сначала сам вытягивает сведения, а потом... Хорошо, Объединенной Безопасности известно, что мы с тобой бывшие коллеги и давно друг друга знаем. Они специально попросили меня с тобой поговорить по душам. Они знают, что ты бывший военный, не станешь болтать лишнего и своих компаньонов сможешь убедить, когда они придут в себя... Отпусти мою одежду. Ты прекрасно понимаешь, что о-эс-бэ-цешники могли бы задержать вас на сколь угодно долгий срок — из соображений секретности. Но Безопасность надеется на твое благоразумие. Это все. С капитаном можешь отношения не выяснять — я ведь понял, зачем ты к нему собрался.

— Другими словами, ОСБЦ знает, что мы ни хрена не знаем об этой их операции... И знать не хотим. — Тут я несколько покривил душой — мне очень хотелось знать. — Но мне все равно нужно к капитану. Попрошу его о содействии. У нас на планете осталась куча оборудования, и мне одному потребуется тьма времени...

— Уже сделано, — остановил меня Леня. — ОБСЦ таких вещей из виду не упускает. Оборудование, два скутера, катер — все находится в «грузовике» вашей «Артемиды». Разберешь сам по пути на Безымянную.

— Быстро работаете. Уважаю.

— Ну, вот... Как только будешь готов, отправим вас всех на ваш корабль, и ступайте на все четыре.

— Готов? Да я уже готов. Сейчас можешь организовать?

* * *

Леониду я, конечно, врал — мое состояние оставляло желать много лучшего. Физически я почти не пострадал, однако мозг оказался забит информационным мусором похуже, чем после конгрессов в Уивертауне. Но мне хотелось поскорее оказаться на «Артемиде» — это почти что дома. Леня понял меня правильно и удерживать не стал. В корабельном медцентре я провел почти сутки — за это время техслужба крейсера успела забрать с поверхности Тихой то, что осталось от экспедиции Шарпа. Техника, люди, чуть ли не каждая стреляная гильза и сам «Миротворец» целиком — все было загружено в необъятное чрево «Тамерлана» для последующего тщательного изучения в лабораториях. Крейсер готовился уйти из системы Тихой, ждали только, когда меня и остальных станет возможно переправить на «Артемиду». Я не стал их разочаровывать. С нашими делами я мог справиться и сам — при помощи Дианы. Когда ребята из техслужбы «Тамерлана» покинули борт нашего корабля, я первым делом проверил правильность установки и подключения саркофагов с телами Крейга и Кэт в корабельном медотсеке. Необходимости в этом не было никакой, но я все же проверил. Не поверил сам себе, и проверил во второй раз. Когда я занялся тем же самым в третий, меня остановила Диана:

— Прекрати психовать, Пит, техники сразу все правильно сделали.

— Я просто хочу, чтобы с ними все было в порядке, — виновато сказал я.

— Я тоже хочу, чтобы с ними все было в порядке, — ласково ответила Диана. — И держу их состояние под своим полным контролем вот уже двадцать минут — с момента подключения

саркофагов. Малыш в своей каюте, и через пару дней я ему разрешу вставать — если пообещает соблюдать реабилитационный режим.

Что и говорить, на нашу Диану можно положиться.

Через трое суток «Артемиду» посетил инспектор Ливнев со своей группой. Досмотр провели моментально, Ливнев отпустил своих парней, а сам неожиданно напросился в гости. Честно говоря, я очень обрадовался и пригласил его пообедать со мной. Мы прошли в кают-компанию, «жучка» накрыла на стол. Я быстро понял, что Ливнев остался неспроста. Слишком внимательно он на меня поглядывал.

— Я думаю, вас мучают вопросы, — начал он, когда мы принялись за первое. — Вы мне нравитесь, Пит. И ваши компаньоны нравятся. С одной стороны, я считаю нечестным оставлять вас в неведении, с другой — рассчитываю на вашу будущую молчаливость относительно некоторых подробностей, которые я вам готов сообщить. Спрашивайте.

Такого начала было более чем достаточно, чтобы меня заинтриговать.

— Начнем с самого простого, — сказал я. — Какую роль во всем, что произошло, сыграли вы?

— Я старший инспектор допуска в заповедниках А-группы, — ответил Ливнев. — И, как всякое должностное лицо такого ранга, одновременно являюсь сотрудником Объединенной Безопасности. ОСБЦ, к вашим услугам.

Конечно, как же я сразу не догадался!

— Что это за секретная операция на Тихой? Почему Объединенная Служба Безопасности Цивилизации? Кстати, это вы руководили операцией?

— Ну, это уж вы через край! — Ливнев с улыбкой развел руками, в одной из которых была зажата ложка, а в другой — ломтик хлеба. — Операцией руководил другой человек, точнее — люди. Я тот, кто я есть — инспектор допуска в полужакрытые зоны. А в иерархии ОСБЦ я всего лишь эксперт по заповедникам А-группы. В том числе и Тихой. Именно в последнем качестве я и принимал участие в операции. Относительно самой операции могу сказать, что она была организована после передачи нам доклада исследовательской группы Комиссии по Контактam с Внеземными Цивилизациями и спровоцирована выводами, сделанными ведущими специалистами

аналитического отдела нашей службы из данного доклада. Группа экспертов Комиссии, с подачи некоторых ученых с мировым именем, в очередной раз занялась исследованием феномена под названием «эффект города», о котором вы, наверное, слышали. Упоминаниями о нем пестрят все отчеты по Тихой. Если нет, то скажу, что «эффект города», по мнению ученых, имеет ярко выраженный техногенный характер. Правда, никакой техники, способной производить такое воздействие на окружающую среду, до сих пор не обнаружено. Но сам феномен неоднократно фиксировался приборами орбитальных станций и напрямую связывается с возможностью существования на Тихой неизвестной цивилизации, либо с присутствием на планете ее представителей. Комиссия, естественно, интересовалась возможностью вступить в контакт с таинственными существами, тем более, что сами они делать это явно не спешили — «эффект города» известен уже около двухсот лет, попытки его изучения периодически предпринимались с момента открытия Тихой. Но теперь ученые подали идею связать феномен с одним из наименее изученных видов живых существ Тихой, предположив, что они являются носителями разума наряду с туземцами.

— Гориллы Фостера, — вставил я.

— Да. Параллельная цивилизация, находящаяся в зачаточном состоянии, разумная деятельность которой неочевидна для наблюдателя. Такова была исходная гипотеза. Гориллы идеально подходили на заданную роль. Техногенный характер излучений в районах возникновения «эффектов городов» ученых не смущал. Современной науке известна масса случаев... Взять хотя бы губку Парсонса с потухшей звезды Кентавр. Она, по сути, живой ядерный реактор; поставь с ней рядом подобный агрегат — и невозможно будет отличить одно от другого, если судить лишь по показаниям приборов... Млекопитающее с планеты земного типа, конечно, не губка Парсонса, но о гориллах ничего не было известно. Итак, Комиссия, точнее — ее научно-исследовательская группа, взялась за дело, имея в распоряжении здание наземного наблюдательного пункта СОЗ и стандартный набор специалистов в своем составе. Кстати, это был тот самый НП, к которому вы добрались на исходе своих скитаний в джунглях. В самом начале экспериментов выяснились весьма неожиданные и необычные вещи. Группе на ходу пришлось пополнять

свои ряды специалистами из самых разных областей науки, но нас интересуют двое, поскольку именно они стали авторами находящейся пока в зачаточном состоянии теории под условным названием «Суперзародыш». Название, на мой взгляд, ужасное, но вы же знаете ученых — всегда слишком увлечены делом и уделяют мало внимания эстетике. К моменту прибытия двух интересных нам людей, спецы-контактеры уже успели в очередной раз опровергнуть разумность горилл Фостера — окончательно и бесповоротно. Они не проходили ни по одному из принятых Комиссией критериев. Ученые и аналитики, пытавшиеся связать горилл с «эффектами городов», столь же безоговорочно подтвердили их причастность к данному феномену. В этот критический для группы момент на Тихую прибыла Анке Солф, экзобиолог-зоопсихолог, специалист в области патологий поведения инопланетных человекообразных — сможете понять, чем она занималась? Впрочем, неважно. Важно то, что Анке Солф была сильнейшим экстрасенсом и личностью, склонной к нестандартным решениям. Быстро исчерпав возможности изучения горилл Фостера традиционными методами, она тайно нагрузила снаряжением и провизией легкий двухместный глассер и исчезла в неизвестном направлении. Вернулась спустя пять месяцев, когда все уже считали ее погибшей. Без глассера, без одежды, в одной набедренной повязке, она наотрез отказалась даже от простого медицинского осмотра, утверждая, что абсолютно здорова, но позднее все же согласилась. Тестирование показало, что она не только в полном порядке, но еще здоровее чем была. Анке Солф утверждала, что гориллы, собираясь в большие группы, в состоянии записывать в групповую память психоматрицу любого живого существа, в том числе и человека, манипулировать ею и передавать на небольшие расстояния обратно объекту...

Я попытался вставить слово, но Ливнев предупреждающе поднял руку:

— Минуточку, я знаю, что вы удивлены, и рассчитываю удивить вас еще больше, но позднее. Мысль, что некие животные способны создать полноценную копию человеческой личности, то есть сделать то, о чем нашим ученым пока приходится только мечтать, может поразить кого угодно. Понимая, что убедить коллег в справедливости своих выводов просто так не удастся, Анке Солф настояла, чтоб на

Тихую пригласили Масатоши Ми, автора современной теории пакетного перемещения информации.

— Изобретателя «Почтового Голубя»? — переспросил я. К этому времени я уже забыл про еду; Ливнев увлекся рассказом и забыл тоже.

— Точно, — сказал он. — Масатоши Ми стал знаменит благодаря ПГ, хотя и не создал ничего нового — пакетная передача данных применяется давно, так работают любые гиперпередатчики, которые используются для дальней космической связи. Принципиальным отличием стал лишь способ передачи информации. Вряд ли я смогу вам объяснить разницу вразумительно — я не физик и не инженер-интеллектуал. Вы, кстати, тоже. Но что такое инфотроны, вы, конечно, знаете. Итак, в случае с обычным гиперпередатчиком, информация группируется в стойкую систему-пакет и передается в пространстве посредством инфотронных волн — на любые расстояния и практически мгновенно. Это пока не выходит за границы нашего грубого материального мира. А вот в случае с ПГ все куда интереснее: тот же самый пакет никуда не передается — он помещается напрямую в Энергоинформационное Поле Вселенной. Разница очевидна. Передача данных с помощью инфотронных волн требует ничтожно малого, но все же вполне определенного промежутка времени, на больших расстояниях он становится заметным. Инфотроны подвержены внешним воздействиям со стороны материальных сил нашего мира, следовательно, неизбежны помехи, перебои связи и так далее... А Энергоинформационное Поле — штука крайне стабильная, основа основ нашей Вселенной и всего сущего, архив информации обо всем, что было, есть и будет. Оно реально, но неощутимо, внешним воздействиям не поддается... Раньше считалось, что не поддается, — поправился Ливнев. — Итак, «Почтовый Голубь» помещает пакет в ЭПВ, и с этого момента он существует там (следовательно, и в нашем, материальном мире) повсюду в пространстве одновременно, а также в настоящем, прошлом и будущем; ныне, присно, и во веки веков, аминь.

Некоторое время мы сидели молча.

— Не сразу и в голове-то укладывается, верно? — тихо спросил Ливнев. — А ведь, казалось бы, давно известные истины — об ЭПВ люди узнали очень давно, а его существование предсказали еще раньше. Но стоит представить себе весь спектр возможностей, открывающийся для человечества вместе с главной из них —

возможностью воздействия на ЭПВ... Если мы поместим в Поле доброкачественную информацию о планете Земля, снабдив такой пакет соответствующей нашим пожеланиям программой, вторая планета Земля неизбежно — понимаете? — *неизбежно* возникнет в заданной нами точке Вселенной, в соседней галактике, к примеру. О таких мелочах, как создание резервных копий отдельных людей, я уж и не говорю. Я не говорю о том, что собственную копию человек может создать в урезанном, «отредактированном» виде... Без хронических заболеваний, коими он страдал. Без нежелательной наследственности.

— Без привычки к курению, — не выдержал я серьезного тона. — Без некрасивой бородавки на лбу.

Ливнев от души рассмеялся.

— Ну да, и это тоже. Или, напротив, дополнить самого себя любыми качествами и способностями... Телепатия. Телекинез. Левитация... Да разве все перечислишь!.. Но самое главное — это возможность личного бессмертия. И безграничное могущество.

— Насколько я смыслю, нам пока далеко до создания из ничего не только планет, но даже камешка, размером с горошину.

— Правильно. Применяя свой метод, Масатоши Ми создал технологию, с помощью которой возможно поместить в ЭПВ кое-какую информацию. Именно «кое-какую» — способ пока далек от совершенства. Но закинуть в Энергоинформационное Поле обычную полимедийную подборку — это запросто, а в нее можно включить и простейшую программу для сбора данных о получателе или передачи последнему дополнительных сведений об отправителе и его окружении в реальном времени; например, виртуальную тривидеокамеру или такой же виртуальный проектор. Указанные программы являются неизменным приложением информационных пакетов при обычной передаче данных на сеансах полноформатной связи. Но на обычном сеансе получатель может легко блокировать такие вложения, а скрытые программы для сбора данных будут автоматически заблокированы как шпионские. В случае с «Почтовым Голубем» все по-другому — блокировать пакет или отдельные его части невозможно, поскольку нет никакого канала, подлежащего блокировке, никаких волн, никаких частиц, а есть ЭПВ, любые данные в котором имеют статус закона для нашего мира. И существование в нем виртуальной камеры, направленной на получателя, совершенно

неисправимо общеизвестными средствами защиты. Это привело к тому, что ПГ в его исходном исполнении не только запрещен в гражданском использовании, но и ограничен для применения спецслужбами. Малейший намек на бесконтрольность создаст такую угрозу информационной безопасности граждан и общества в целом, равной которой не возникало никогда. А ведь Масатоши Ми, использовав свое открытие, создал и другие приборы, использующие тот же принцип, например — аналоговый импульсный резонатор. Видели когда-нибудь такой в действии?

О да, я видел. На учениях во время службы в армии я видел, как корабль-мишень, подвергнутый воздействию импульсного излучателя, разнесло на молекулы после того, как прибор спровоцировал резонанс в рабочих камерах его двигателей.

— Разрушение с использованием ЭПВ — задача попроще, чем созидание, и в этой области Масатоши Ми добился значительных успехов, — сказал Ливнев. — В резонансной камере импульсного излучателя желаемое действие моделируется в миниатюре, после чего проецируется на материальный объект посредством «Почтового Голубя». Последствия — дестабилизация и последующее уничтожение объекта. Технология находится на стадии обкатки, но уже не раз применялась на практике, причем не только в армии. На планете Кантаг в системе Прао таким способом недавно превратили в кучу гравия целый горный хребет. Гравий, кстати, получился вполне доброкачественный, нужной фракции — в полном соответствии с заданными параметрами. Случаются и неудачи... При упомянутом эксперименте, например, сопутствующие отрицательные эффекты несопоставимы с достигнутым успехом. Сотрясение от резонансных колебаний в горных толщах спровоцировало сильнейшие землетрясения по всей планете. К счастью, Кантаг — всего лишь полигон... Но, как говорили в старину, вернемся к нашим баранам. Точнее — к нашим гориллам. Сейчас вы поймете, почему вокруг них возник такой ажиотаж: на фоне собственных скромных успехов при попытках воздействия на ЭПВ, всех, конечно же, весьма заинтересовали существа, способные (по утверждениям ученых) делать это более успешно, чем мы сами. Масатоши Ми считает, что животные чувствуют земную технику через любую маскировку так хорошо потому, что считывают информацию с наших макросистем и

улавливают малейшие колебания электромагнитных и биомагнитных полей, причем не напрямую, а через Энергоинформационное Поле Вселенной. А для воздействия на людей и киб-интеллекты применяют, на уровне инстинктов, те же принципы, что заложены в основах работы «Почтового Голубя» и аналогового импульсного резонатора, пользуясь собственной биоэнергетикой и резервами мозга. Это делает людей и технику практически беззащитными, по двум причинам. Первая — проводником агрессивного влияния является, опять-таки, ЭПВ. Вторая — люди попросту пока еще не встречались с существами, способными генерировать биомагнитное излучение такой частоты и мощности. Следовательно, и эффективная защита не создана, спохватились лишь сейчас. Первые образцы экранов ученые разработали только пару месяцев назад, снабдили ими людей Шарпа, но, как теперь известно, они оставляют желать много лучшего. Шарпа они не спасли. А если догадки ученых верны, то никакой эффективной защиты против животных данного вида вообще не существует. Им ничего не стоит обойти любой экран. Им ничего не стоит внушить человеку любой образ или цепочку образов... Нанести энергетический удар произвольной силы. В таком случае, гориллы Фостера — не просто животные-телепаты. Они — животные-чудотворцы. К счастью, они не обладают разумом, и пользуются своими сверхспособностями в основном для поиска пищи или для защиты от нападения. Угроза нападения может быть подлинной или мнимой — неважно, они ответят одинаково. Гипноудар чудовищной силы по людям и блокировка электроники. Если угроза не устранена и враг не обратился в бегство, сила внушения нарастает постепенно или скачкообразно. В последнем случае у человека наступает состояние, близкое к полному параличу психики... Не больше. Хотя спровоцировать разрыв сердца и тому подобные неприятности — для них пара пустяков. Однако они не ставят перед собой цель кого-то убивать — им достаточно защитить самих себя. На Тихой они распространены повсеместно и не имеют естественных врагов. Кто же способен им противостоять...

— Тем не менее, они дали нам себя изловить, — заметил я.

— Я просмотрел все материалы, отснятые вами на Тихой, — сказал Ливнев. — Думаю, такие факты еще найдут объяснение при более пристальном изучении вопроса. Анке Солф утверждает, что

наиболее ярко способности горилл проявляются при коллективном взаимодействии сотни особей и больше. В любом случае, гипотеза выдвинутая ею и Масатоши Ми — пока только гипотеза. Правда, неплохо обоснованная. Лучше сказать, настолько обоснованная, что ею вплотную заинтересовалась Объединенная Служба Безопасности Цивилизации. Ведь итоговые выводы экспедиции скорее тревожат, чем обнадеживают. Сегодня гориллы — животные, и действуют согласно инстинкту самосохранения. А если завтра в них проснется разум и они станут пользоваться своими экстраординарными возможностями произвольно? Вас не бросает в дрожь? Меня — да. Понятно теперь, почему Тихая попала в зону особого внимания ОСБЦ? Кучка этих обезьян, вооруженных интеллектом, способна завоевать Галактику быстрее, чем кто-либо поймет, что происходит. Согласно теории «Суперзародыш», развитие цивилизации у горилл Фостера, если такое случится, будет носить взрывной характер, и этот взрыв похоронит не только Галактику, но и всю Вселенную. Из животных они превратятся в повелителей мира буквально в десятилетия (если не годы), какие-либо нормы морали и этики просто не успеют развиваться. То, к чему человечество и другие известные цивилизации шли десятки тысяч лет, через труды и неудачи, само упадет им в руки. Существа с возможностями богов и психологией младенца, не ведающего разницы между добром и злом, с единственным законом поведения «я хочу». Проблемы «могу ли я?» для них не будет. Им даже не надо технику создавать. Они вполне могут воспользоваться нашей — и кто им помешает? Им не нужна наука — любые знания они получают напрямую из Энергоинформационного Поля Вселенной. У них не будет дефицита энергии — они получают ее из того же источника в неограниченных количествах. Окажутся ли они милосердны к нам — жалким пигмеям, копошащимся рядом? Хорошо, если так. Если же нет, под вопросом окажется не только существование человеческой цивилизации, как таковой, но и выживание человека как вида. Я не упоминаю о возможных побочных эффектах их будущих пробных вылазок в ЭПВ. Это вообще грозит вселенским светопреставлением... Катастрофы, подобные нашим собственным недавним, не вполне удачным опытам на полигонах Кантага, и экспериментам в системе Энигмы, где одна из планет была практически уничтожена в результате неконтролируемой свертки пространства, прекрасно иллюстрируют

последствия неумелого вмешательства в тонкие структуры мироздания.

— Мне кажется, вы сгущаете краски, инспектор, — спокойно сказал я, но в душе признался, что слова Ливнева произвели на меня впечатление. — Вы сами сказали: «Суперзародыш» это всего лишь теория.

— Да, — охотно согласился Ливнев. — Но проигнорировав возможность подобного сценария на данном этапе, мы рискуем лишиться в будущем шанса извлечь урок из своей ошибки. На то и создана Служба Безопасности Цивилизации, чтобы исследовать любую возможность угрозы человечеству извне. Наш девиз: «Предвидеть и предотвращать». Это проще, чем устранять последствия.

— И что собирается делать Служба? Взорвет Тихую? Уничтожит поголовно всех горилл Фостера?

— Ну, ну, Пит, вы о нас слишком плохого мнения. Безопасники — не палачи. И человечество — не беспомощный ребенок. Мы уже стали слишком сильны для проявлений неоправданной жестокости и, надеюсь, достаточно мудры для панического страха перед неизведанным. Никто не собирается уничтожать Тихую. Мы не забываем и о другой, уже существующей на планете цивилизации — туземцев Тихой. Запланирована еще одна экспедиция — совместная, межведомственная, под эгидой правительства. Комиссия по Контакткам, ученые... Безопасность. Я не случайно упомянул Службу в последнюю очередь. Мы намерены просто прикрывать тылы, стараться держать ситуацию под контролем... Поменьше вмешиваться в действия гражданских. Просто стоять на страже, в чем и заключается наш долг. Не только на страже интересов человечества, заметьте, но и других цивилизаций Галактики, тех же местных аборигенов. А для паники поводов нет. Есть повод отнестись к предупреждениям ученых внимательно, они свои выводы не из пальца высосали. Кстати, они тоже не паникуют. Считается, что именно наличие таких способностей, не заработанных, а полученных от природы в подарок, до сих пор мешало развитию разума у горилл Фостера. Зачем им разум? У них начисто отсутствуют стимулы к его пробуждению. Отсутствие естественных врагов. Идеальная среда обитания — тропические и экваториальные леса. Благоприятный климат, обилие

пищи. Регуляцию численности вида они, похоже, решают каким-то образом на уровне инстинкта.

— То есть, они могут так и остаться животными?

— Это в высшей степени вероятно. И все наши тревоги и меры предосторожности окажутся напрасными. Но не нужно считать, что ОСБЦ боится собственной тени. — Ливнев откинулся на спинку кресла и помассировал кончиками пальцев виски. — Думаю, вы понимаете, что меня, как офицера ОСБЦ, и всю Службу Безопасности больше волнует не потенциал горилл Фостера, и не те сверхспособности, которые они обретут (а может, и не обретут) в будущем, а то, что представители данного вида умеют делать и делают уже сейчас. — Последнюю фразу инспектор произнес таким тоном, что я невольно подобрался, и не зря: — Внушение. Создание виртуальной реальности, которую человек не в состоянии отличить от действительности, настолько тесно одно сплетается с другим. Более того: ученые подозревают, что гориллы могли бы легко обмануть и наши приборы, ведь воздействие на ЭПВ подразумевает возможность вирт-моделирования любой сложности, вплоть до полной материализации объектов. Нетрудно представить спектр перспектив, открывающихся перед нами, если сумеем этим овладеть — от самых благих до самых людоедских. Меня, как безопасника, больше волнуют последние. Пси-зомбирование, подавление личности, ее полная трансформация... Нетрудно также предсказать, сколько найдется среди нас, людей, желающих использовать в личных корыстных целях такого рода потенциал. Вот вам и задачи ОСБЦ на сегодняшний день. Самыми безобидными предполагаемыми обладателями телепатического всемогущества на сегодняшний день, как ни странно, могут быть лишь те, кому оно и принадлежит — гориллы Фостера. Они даже не пытаются каким-либо, пусть самым ничтожным образом, изменять личность человека. Только — и то ограниченно — воздействуют на его память и временно искажают восприятие действительности. Строго в целях самообороны, заметьте. Мы, люди, в силах будем удержаться в таких рамках? Я сомневаюсь. А гориллы... Даже после сверхвоздействия — запорогового энергоинформационного удара, психика приходит в норму за два-три месяца, а через пять не остается даже остаточных вредных эффектов. Нвокеди, например, уже здоров, Джонатан Берк — тем более... Да, —

вспомнил Ливнев, — вы, помнится, спрашивали, кто из охотников получил разрешение на высадку в заповеднике, — это Берк.

— Ничуть не сомневался, — проворчал я. — Кого будет ловить?

— Теперь — никого. Планета закрыта. Его разрешение аннулировано с выплатой положенной компенсации. После принятия окончательного решения Тихую, скорее всего, объявят закрытой зоной. Или полузакрытой, но другого типа. Сам я считаю, что заповедник останется как есть, лишь доступ еще больше ограничат. Каковы бы ни были скрытые способности горилл, непосредственной и постоянной угрозы для человека они не представляют. Даже внушение — а феномен внушения мы намерены исследовать в первую очередь, действует только на малой дистанции, менее километра, максимум — один-два, при больших скоплениях животных.

В последнем я (мысленно) не вполне согласился с Ливневым. Для этого имелся личный повод — мои сны.

Сны, вызванные, как выразилась некогда моя киб-секретарша Люси, некими информационными имплантатами, внедренными в мой мозг в качестве посланий. Теперь я был почти уверен, что получил с Тихой предупреждение типа: «Не суйся куда не звали», но размышления на эту давно волнующую меня тему я немедленно решил отложить в долгий ящик — сейчас не время. По вполне понятным причинам я не собирался рассказывать об этом Ливневу. Открытие факта, что гориллы Фостера способны предвидеть намерения человека до того, как они у него возникли, и насильно впихивать ему всякие информпакеты не считаясь с межзвездными расстояниями, могло окончательно добить научный мир. Но прежде всего меня беспокоила ОСБЦ. Меньше всего я хотел провести остаток дней в какой-нибудь засекреченной лаборатории этой славной организации в качестве подопытного кролика. В том, что такое возможно, я не сомневался. Озабоченности ОСБЦ по поводу способностей горилл, похоже, не было предела, а озабоченность чем-либо подобных заведений иногда плохо отражается на правах и свободах граждан. При необходимости наше демократическое государство становится втрое тоталитарнее Третьего рейха и начинает вести себя по отношению к людям соответственно. По самым серьезным поводам и с самыми благими намереньями, разумеется... Ради спасения всей цивилизации, не меньше. Однако если гориллы и вправду могут проделывать шутки с

внушением не только на родной планете, но и в масштабах Галактики, то я со своими имплантатами наверняка не уникален. Пускай спецы Безопасности найдут для препарирования кого-нибудь еще. Ливневу я доверял, его конторе — нет.

У меня оставалось еще три вопроса к нему, но первый касался рэдвольфов. Воспоминания о схватках с волкокрокодилами были еще крайне свежи и неприятны. И я по очереди задал следующие два:

— Для чего вы мне все это рассказали? Я неплохо знаком с кодексом поведения сотрудников организаций вроде ОСБЦ. Вашу откровенность вряд ли можно назвать ординарной.

Ливнев улыбнулся и кивнул.

— В точку. Но я не всегда работал на безопасность. Не сомневаюсь, что мы с вами еще встретимся, и тогда, в более благоприятной обстановке, я расскажу вам кое-что о себе... Если захотите слушать. Пока скажу вот что: я, знаете ли, против ненужной секретности и верю в благоразумие людей. Я верю, что вы не станете утруждать себя передачей содержания нашего разговора каждому встречному, скорее — наоборот. А вот на ознакомлении с ним ваших друзей я бы даже настаивал, не случайно ведь напросился в гости, ваш киб-мастер все запишет. Вы немало пережили на Тихой, и имеете право знать. Кроме того, сведения, сообщенные мною вам, вскоре так или иначе станут общедоступны хотя бы частично. У ОСБЦ широкие полномочия, но даже она не в состоянии закрыть планету, ничего не объясняя — ни правительству, ни Парламенту, ни общественности... Следовательно, сообщения появятся и в средствах массовой информации. Цель мер по сохранению секретности состоит не в том, чтоб избежать огласки, а в пресечении ненужной шумихи. Но вы же не рванете сломя голову к репортерам?..

— И еще. Диана сказала, что вы не реквизировали наших горилл. Это нонсенс. Экземпляры для изучения, столь необходимые спецам ОСБЦ...

Ливнев вздохнул.

— Причина та же — я верю в людей. Даже если рискую карьерой, как в данном случае. Именно я настаивал на Совете^[27] оставить все как есть. Ну что мы получим, реквизировав горилл? Двенадцать экземпляров? А оставив, получаем в свое распоряжение опыт и знания прекрасного специалиста... Ваш заказчик, Шанкар Капур, —

признанный авторитет в области изучения инопланетных человекообразных. Мой расчет оправдался: сутки назад получено его согласие на самое тесное сотрудничество с нами и любимыми учеными, желающими принять участие в мозговом штурме задачи, причем без всякого давления с нашей стороны. Он был в восторге, когда мы предложили ему обмен данными по проблеме и прямой доступ в архивы УОП и Комиссии по Контакткам. Ведь он и понятия не имел, какого рода животных вам заказал. А понадобятся ОСБЦ «личные» гориллы — наловим. Вы же поймали. Учтем ваш опыт. Мы ведь беспардонно скопировали все ваши данные и видеохронику по Тихой... А вы, я заметил, даже и не сердитесь на нас за наглость? Вот видите! У меня есть причины доверять людям...

Мы распрощались с Ливневым у шлюза, и я взял на себя смелость пригласить его в гости в чужой дом — в особняк Кэт в Монреале, когда он будет на Земле.

— Уверен, она одобрит, когда придет в себя. И все наши тоже.

— С радостью, — улыбнулся Ливнев и протянул мне руку: — Ну что ж, будем знакомы? Вячеслав. Но друзья зовут меня просто Слава.

Когда за ним закрылся люк шлюзовой камеры, я подумал, что всегда буду рад встрече с этим необычным человеком. Я уже немного жалел, что не поговорил с ним о рэдвольфах. Мысль о чудовищах, с которыми мы столкнулись на Тихой, странным образом тревожила меня, причем это никак не было связано с моими личными переживаниями. Я хорошо понимал причины беспокойства ученых и ОСБЦ относительно горилл. Люди давно привыкли жить в Большом космосе как в собственном доме. Но мы чувствовали себя царями природы и повелителями Галактики лишь до тех пор, пока природа нам это позволяла. Столкнувшись с животными, которые превосходили человека во всем, и чей потенциал в начале эволюционного пути оказался выше, чем сумма достижений, могущая ожидать нас самих в его конце, мы начали чувствовать неуверенность в себе и завтрашнем дне. Как нарочно, это оказались обезьяны — существа похожие на тех, от которых, согласно Дарвину, когда-то произошли мы сами. Однако меня не покидало ощущение, что рэдвольфы могли оказаться не менее опасны, чем гориллы. Возможно — более опасны.

И еще я думал о Берке. На мой запрос Диана ответила, что оба его корабля уже ушли из системы Тихой. Один раз он здесь потерпел неудачу, во второй его и вовсе не допустили на планету. Насколько я знал Джонни, он, несомненно, попытается снова.

* * *

— Мы, несомненно, попытаемся снова, — сказал Маркус Мендель. — Временные трудности с высадкой на Тихую не имеют значения, они преодолимы тем или иным способом.

Герхард Снельман, президент объединения «Евгеника», бессменно занимавший сей пост в течение многих лет подряд, наклонился вперед, и его оплывшее, без выражения лицо заняло весь экран над столом в кабинете Менделя. Кабинет был связан с резиденцией Снельмана конфиденциальной линией связи, и они имели возможность общаться не опасаясь прослушивания.

— Видит Бог, как я ценю твои таланты, Маркус. Но не кажется ли тебе, что неудача на Тихой вызвана лишь задержкой с высадкой охотников Берка, а задержка, в свою очередь, является следствием твоего желания ухватить сразу все? Не спорю, что гориллы Фостера весьма заняты. Но тебе лучше было сосредоточиться на поимке существа, которое более интересно для нас — рэдвальфа. Его жизнестойкость удивительна. Это почти бессмертие. — Снельман уперся в Маркуса немигающим взглядом. — Понимаешь? БЕССМЕРТИЕ!!! Точнее — наш путь к нему, когда существо попадет к нам в руки. Ты уже упустил возможность послать людей на Феникс...

Маркус понимал, почему Герхарда так заботит проблема бессмертия. Один из немногих, он знал, что президенту «Евгеники» осталось жить считанные годы, и традиционная медицина уже не могла ему ничем помочь.

— Ты просто еще не видел мой последний отчет по гориллам, — спокойно сказал Мендель. — Не так-то легко выудить сведения из ОСБЦ. Когда увидишь — поймешь.

— Что бы ни было в отчете, ты не мог знать это несколько месяцев назад, когда задержал экспедицию ради подготовки к отлову горилл, — отрезал Снельман.

— Знать — нет. Просчитать — да. Посмотрев отчет, ты согласишься, что я не ошибся. А сейчас позволь мне заняться другими

делами. Известный тебе инспектор допуска оказался на редкость дотошным. Он настоял-таки на внеплановой проверке «СОЗ-Тихая», раскопал всю подноготную деятельности Василиадиса, в том числе — в нашу пользу. Связь директора заповедника с «Евгеникой» обнаружить невозможно, однако его уже сняли с должности. Мне вряд ли удастся еще раз протолкнуть туда своего человека. Но, по крайней мере, стоит позаботиться, чтобы место Василиадиса занял гражданский, а заповедник не превратился в зону, полностью подконтрольную ОСБЦ. Предлагаю пустить в ход наши связи в правительстве...

* * *

После визита Ливнева я приказал Диане готовиться к старту. Кэт и Крейг пока были без сознания, но состояние их больше не внушало опасений.

Малыш быстро приходил в себя и уже передвигался по своей каюте и коридорам корабля самостоятельно, придерживаясь рукой за стенки. Иногда его начинало раскачивать как пьяного — в таких случаях Диана настаивала на его немедленном возвращении в каюту. Я, вместе с командой роботов obsługi, приводил в порядок наше хозяйство. Ребята с «Тамерлана» действительно доставили с Тихой на «Артемиду» решительно все, сложив принадлежащее нам имущество посреди грузового отсека. Предстояло его осмотреть, разобрать и разложить по местам. Себе они забрали только комбез Малыша и демонтированный с «Рейнджера» мертвый кристалл киб-мастера — для исследований. Рик, узрев, как я изувечил скутер, на котором вез саркофаги, обозвал меня варваром и обещал поколотить, когда окончательно поправится. На восьмые сутки пути к Безымянной очнулся Крейг. По сигналу Дианы я помчался в медотсек. Крейг лежал, убирая ладонью с лица остатки откачанного теперь из реанимационного блока стабилизирующего раствора, и свирепо глядел на меня через прозрачную крышку. Маску, закрывающую рот и нос, он уже снял, и я хорошо слышал его голос через динамик.

— Я так и знал, что дело кончится именно этим, когда вы с Кэт заявили ко мне пять лет назад с предложением основать охотничью фирму! — сказал он. — Черт меня дернул согласиться!.. Почему я не могу шевелить левой рукой?

— Тебе ее чуть не откусили.

— Ну, вот! У меня уже и так протез вместо правой, а теперь...

— Левую ты не потеряешь, ее приведут в порядок. После выгрузки добычи на Безымянной первым делом отвезу вас с Кэтти на Ульмо. В «Гиппократе» вас подлатают в два счета.

— А что с Кэт?

— Она в соседнем саркофаге. Ее сильно покусала такая же тварь, что набросилась на тебя.

— Надеюсь, ты моего монстра прихлопнул?

— С большим трудом. Второго убили вместе с Риком. Третьего я взял в одиночку, из гранатомета. Невероятно живучие твари. Кстати, что ты тогда сказал на счет позвоночника? Про средний отдел?

— Просто догадка. Видел шишки у него на боках? Похоже на рудименты конечностей. И сама форма тела... Мне пришло в голову, что далекими предками этого животного могли быть многоногие. Еще одна пара ног на таком теле смотрелась бы к месту.

— Господи, Крейг, тебя чуть не убили, а ты успевал заниматься наблюдениями?!

— Но это же просто в глаза бросается. А у многоногих Тихой спинной мозг развит сильнее, чем... Да что тебе объяснять, невежа. Погоди, а Малыш?

— Он в норме. Попал в переделку, но теперь почти выздоровел.

— Естественно! — возмутился Крейг. — Все нормальные люди лежат в саркофагах, а вы двое... Постой, Пит, не уходи. Скажи Диане, пусть немедленно отмоет меня от этой липкой гадости! Остановись!.. Пит, ты мерзавец. Кальян? Скажи Диане...

— Я и сама слышу тебя, Крейг. Подожди несколько минут, и я...

Кэт пришла в себя уже на орбите Безымянной, пока мы болтались там, выжидая положенное время на карантине. На сей раз Диана, с присущей ей тактичностью, сначала отмыла Кэт от раствора и только потом позвала меня. Я просидел рядом с ней почти час, болтая о всяких пустяках. Чтобы поднять ей настроение, я сходил в грузовой отсек и, забравшись в обиталище оранжевых мартышек, не без труда отловил Вики. Бедняжка пришла в ужас, но как только убедилась в том, что я не собираюсь ее съесть, сразу успокоилась и начала с интересом изучать зрачок камеры на груди моего комбеза. Оранжевые мартышки — потрясающе беззаботные и глупые создания. Но, когда я принес Вики в медотсек, она сразу же узнала Кэт, хотя и не могла

чувать запах через крышку саркофага. Она радостно запрыгала у меня на руках, весело забормотала, и протянула лапку к бледному лицу за невидимой, но непроницаемой преградой. Кэт не менее радостно улыбалась ей с той стороны. Так мы и сидели втроем — то есть, я сидел. Вики прыгала и разгуливала по крышке, а Кэт, конечно, лежала. Нам никто не мешал. Крейг спал в своем реанимационном блоке. Рик, которому Диана ничего не сказала, справедливо полагая, что нам с Кэт лучше побыть наедине, случайно забрел в коридор, ведущий к медотсеку. Узрев всю картину, Малыш издал радостный вопль и кинулся внутрь, но Диана захлопнула дверь у него перед носом.

— Попроведаешь Кэтти попозже, — безжалостно сказала она. — Не спорь... Нет, ты не сможешь выломать створки, они очень прочные. И не смей обзывать меня бездушным роботом...

* * *

Кэт выписали из медцентра «Гиппократ» на месяц позже, чем Крейга. Я сам летал на Ульмо с Земли, чтобы забрать ее домой. Что касается Малыша, то он отказался лечь в больницу и оправился самостоятельно. Все вчетвером мы встретились в старом особняке Кэт в Монреале лишь к концу третьего месяца после посадки на Безымянной.

Точнее — впятером.

Вики освоилась в доме на удивление быстро и полюбила кататься верхом на роботах-горничных. Единственное, что служило для нее здесь источником постоянных разочарований и неприятностей, так это голографические миражи, создаваемые кибками в комнатах ради большего психологического комфорта обитателей. Особенно ее волновало, когда наш главный киб-мастер, Большой Эрл, искренне желая поднять ей настроение, изображал пейзаж тропического леса. Она очень быстро поняла, что если не хочет постоянно расшибать нос об стенку, то на деревья в таком лесу лучше не пытаться запрыгнуть, особенно с разбега. Понять-то Вики поняла, однако смириться с этим была не в силах, и периодически пыталась забраться на виртуальную ветку, или хоть подергать за свисающую сверху соблазнительную лиану.

Больше всего она любила проводить время в спальне Кэт — во-первых, там не росли ненастоящие деревья, поскольку Кэтти предпочитала виды солнечных пляжей Пальмиры или полей Омфалы.

Во-вторых, у бара, на специально поставленной тарелочке, она всегда могла найти что-нибудь вкусненькое.

Еще через месяц нас неожиданно навестил Вячеслав Ливнев. Мы с Малышом возле кухонного комбайна препирались по поводу обеденного меню, когда услышали, что Эрл с кем-то беседует, прежде чем впустить в дом. Мы вышли в холл, он уже стоял внутри — невысокий, собранный, подтянутый, в черных глазах плясали веселые чертики. В левой руке — небольшой чемоданчик.

— Проходил мимо. Решил заглянуть... Простите, бога ради, за банальность.

По лестнице сверху спустилась оповещенная Эрлом Кэт.

— Господи, Вячеслав, ну почему вы не предупредили? — попрекнула она. — Мы бы приготовились...

— Потому и не стал — нечего вам беспокоится попусту, я ненадолго.

— И не мечтайте! Обедать вы останетесь. И ужинать тоже...

Мы расселись по креслам в гостиной; подошел Крейг. Ливнев, поставив свой чемоданчик на колени, откинул крышку и достал оттуда... охотничий комбез. Встряхнул, разворачивая. Мы уставились на него с легким недоумением.

— Думаю, он принадлежит вам, Рик, — сказал Ливнев. — Воспользовался властью и отобрал у наших ученых. У них осталось восемнадцать костюмов людей Шарпа, хватит для исследований.

Малыш, ничего не понимая, вертел комбез в руках, разворачивая так и эдак.

— Активируйте, — предложил Ливнев.

— Киб мертв, инспектор, — начал Рик, но, встретив его взгляд, полез внутрь.

— Добрый день Малыш, — сказал комбез голосом Спидди. — Не скучал без меня?

— Спидди?.. — потрясенно пробормотал Рик, потом заорал восторженно: — Спидди, сучий потрох! Я так и знал, что ты притворяешься!..

— Спустя три месяца после событий выяснился интересный факт, — сказал Ливнев, предупреждая наши вопросы. — Вся поврежденная электроника внезапно «пришла в себя». Самостоятельно. Сколько с ней бились до этого — никаких результатов, а тут... Еще одна

загадка, над которой предстоит поломать голову специалистам. Но, как я сказал, у них достаточно рабочего материала. Сам я здорово привык к своему Джеку — глупо так привязываться к личному кибу, но тем не менее... Вот и подумал, что Рику стоит получить комбез обратно. Кристалл киб-мастера вашего катера вам тоже, конечно, вернут.

— Погодите-ка, — подался вперед Крейг. — Я так понял, что у вас давно находится интеллекtronика, подвергшаяся подобным воздействиям. Кибы костюмов пострадавших в прошлом людей... Того же Паго Нвокеди. И Джонни Берка. Что с ними?

— Вы ошибаетесь, — сказал Ливнев. — Костюмы первых пострадавших и комбез Берка были утилизированы после короткого периода изучения. Да и не в наших руках они находились — ОСБЦ тогда проблемой Тихой не занималась. А Нвокеди... Опять же, сперва никто не заинтересовался, а когда хватились, выяснилось, что и костюм Нвокеди, и все приборы, которые он использовал на планете, и кристалл киб-мастера катера — все исчезло неизвестно куда. Кстати, сей факт послужил отправной точкой расследования по делу директора заповедника Василадиса.

— О-го, — протянул Крейг. — Уже есть дело?

— Есть. Сам он, как только за него взялись всерьез, исчез. Просто сбежал. Но мы его найдем.

— Погодите... А тот смотритель... Тот, что решил поохотиться в собственном секторе вместе с сыном?

— Левицкий? Он до сих пор не обнаружен. Но они не подвергались нападениям со стороны горилл. Интеллекtronика их катера цела. Мальчика, по всей видимости, убил такой же монстр, с какими столкнулись вы сами.

Повисла невеселая тишина. Каждый из нас невольно вспомнил подробности схваток с рэдвальфами. Я спросил:

— Кто они? Ученые ОСБЦ... Комиссия по Контактam, или кто еще сейчас занимается Тихой — они выяснили, кто эти твари?

— Пока нет, — ответил Ливнев. — И, честно сказать, у нас мало кто в этом заинтересован. Поймите меня правильно: никто не собирается подвергать сомнению вашу историю, тем более что она полностью подтверждается вашей же видеохроникой...

— Не только нашей, — напомнил въедливый Крейг. — Если на Левицких напал один из монстров, камера костюма мальчика должна

была это зафиксировать.

Ливнев невесело усмехнулся:

— Тело мальчика вместе с костюмом таинственным образом пропало прямо с главной базы «СОЗ-Тихая». Думается, не без стараний Василиадиса. Сам Василиадис — просто мелкий хапуга, ставший волей случая (возможно, не без помощи неких заинтересованных лиц) директором заповедника А-группы и превратившийся в хапугу крупного. Нас больше интересуют те, кому он продал технику Нвокеди и все остальное, наплевав на закон и чувства матери мальчика — Эвелин Левицкой, которая и без того уже потеряла мужа. Однако у нас достаточно доказательств реальности существования рэдвольфов из иных источников. Другое дело, что никто сейчас не заинтересован в разматывании этого клубка. Некоторые до сих пор находятся под влиянием укоренившегося убеждения в том, что рэдвольф — мифологический персонаж; к изучению рэдвольфов, как нового вида животных, они попросту не готовы. Большинство ученых опасается даже высказать определенное мнение относительно этих существ, боясь попасть впросак и подпортить себе репутацию. И все слишком озабочены гориллами Фостера, чтобы идти по следам хищника, пусть и обладающего некоторыми необычными свойствами. По секрету скажу, что на коллегиальном совете при ОСБЦ принято решение данную тему пока не разрабатывать. Гориллы и только гориллы. Возможные представители нового доминантного вида разумных существ в Галактике — вместо нас. Животные, готовые стать богами.

Пока он говорил, передо мной вновь хищной тенью прокралось чудовище из моего кошмара, ставшего явью на планете, с ласковым названием — Тихая.

— Знаете, Слава, — сказал я, — мне кажется, эксперты допускают ошибку, выпуская сих тварей из поля зрения. Мне трудно пояснить причину своих сомнений в правильности их решения... Назовите это предчувствием. Но они ошибаются.

Ливнев развернулся и внимательно посмотрел мне в глаза. Кэт решительно встала между нами.

— Стоп, мальчики. Пит, мы же договаривались забыть о Тихой, рэдвольфах, и обо всем, что с ними связано.

Я ничего не помнил о подобном договоре, но охотно кивнул. Я был бы рад забыть — если оно забудется. Кэт взяла ситуацию под контроль и принялась командовать:

— Так, парни, дальнейшие споры по поводу сегодняшнего меню отменяются. Крейг, почему бы тебе не связаться со службой доставки натуральных продуктов? Я буду страшно занята на кухне... Нет, Вячеслав, даже не мечтайте уйти от нас голодным!

Малыш лучезарно улыбнулся и похлопал Ливнева по плечу:

— Вы не можете себе представить, инспектор, как я вам благодарен за Спидди. Пойдемте, я покажу вам дом.

* * *

На территории сектора восемнадцать заповедника «Тихая», неподалеку от затерянного в бескрайних джунглях Восточного Массива одинокого туземного поселка, большое стадо горилл Фостера неторопливо пробиралось по ветвям деревьев в пятнадцати — двадцати метрах над землей, иногда поднимаясь выше. Некоторые животные спустились на землю. Они никуда не спешили.

Множество лиан спускалось сверху в густой колючий кустарник, из которого выростали толстые колонны деревьев с гладкими, или покрытыми шершавой корой, или ребристыми стволами. Тонкие молодые деревца, жавшиеся меж ними, до половины и еще выше оплетали вьюнки. Побегги похожих на бамбук растений пробивались из земли к свету прямо сквозь сгнившие колоды — останки некогда упавших на землю, отживших свой век лесных великанов.

На краю заросшего тропической зеленью оврага дрогнули и зашуршали ветки. Шедшие по земле гориллы подняли головы и разом рванулись к деревьям. Остановиться и оглядеться они отважились лишь забравшись повыше. А из кустов вышел крупный, несколько непропорционально сложенный зверь с уродливой головой и лапами, похожими на волосатые когтистые человеческие руки.

Стадо расселось по деревьям. Самки с немногочисленными детенышами и молодняком сбились в центр. По краям заняли сторожевые посты матерые самцы.

Гориллы не боялись. Они, в отличие от остальных обитателей Тихой, уже давно научились вести себя так, чтобы не привлекать к себе внимания подобных существ. Надо лишь пореже спускаться вниз. Передвигаться почти все время по веткам трудновато для таких

больших животных, как они, зато куда безопаснее. Вожак стада с шумом выдохнул, издав звук, похожий на «ух!», давая знать своим, что непосредственной угрозы пока нет.

Зверь внизу даже не глянул в сторону обезьян. Гориллы не представляли опасности для него, и никто другой на планете тоже, ведь именно он и подобные ему испокон веков являлись полноправными хозяевами и повелителями этого мира.

Внезапно зверь остановился и со свистом втянул воздух в приоткрытую пасть. Он чувствовал что-то... Что?

Стадо горилл охватило беспокойство.

Айтумайран замер, глаза сверкнули холодными недобрыми искорками. Он вдруг встал на задние лапы, выпрямился, наклоня чуть вперед уродливую голову, и издал долгий, протяжный вой, переходящий в глухой низкий рев. Шерсть замерцала, наливаясь алым светом, засияла, переливаясь всеми оттенками красного. Гориллы на деревьях поспешно отступали вглубь леса — прочь от проклятого места, подальше от зверя, объятого холодным невещественным пламенем! Они прекрасно знали, что происходит — Айтумайран почуял свою будущую жертву, увидел ее, нашел, не нуждаясь ни в зрении, ни в обонянии. Горе тем, кто окажется рядом или встанет у него на пути! Назад, назад, в спасительную чащу...

Монстр постоял неподвижно, затем опустился на четыре лапы и уверенно двинулся вперед. Его фигура вызывающе светилась кровавым пятном среди окружающей зелени, лес словно вымер, все живое попряталось. Айтумайран шел и шел широким шагом, шерсть медленно тускнела. Он знал, что там, впереди, есть живые существа, минуто назад ставшие лишними в подвластном ему мире. Они еще двигались, еще дышали, но скоро перестанут — как только он с ними встретится.

Другие книги автора

Другие книги Юрия Соколова вы можете найти на его сайте «ФАНТАСТИКА плюс ФАНТАСТИКА» по адресу:

<http://uusokolov.blogspot.ru/>

Приятного чтения!

Информация об издании

Издание подготовлено и осуществлено Т/о "Упуат", 2014г.

<http://upuat.blogspot.ru/>

Обложка предоставлена творческой группой "СамИздат"

<http://sam-izdat.org/>

Художник: Михаил Евдокимов

notes

1

Киб-мастер — искусственный интеллект, предназначенный для управления системами жизнеобеспечения жилища или космического корабля. В широком смысле — искусственный интеллект вообще.

2

ООЗ — Общество охотников и звероловов.

3

В первоначальном смысле — охота на крупных животных в Африке. Здесь: организация и проведение охотничьих туров на других планетах.

4

УОП — Управление по Охране Природы

5

СОЗ — Служба охраны заповедников. Одно из подразделений УОП.

6

ВКС — Военно-космические силы Земной Федерации.

7

Комиссия по Kontakтам с Внеземными Цивилизациями (ККВЦ).

8

Штаб-квартира ООЗ

9

Экзобиология (ксенобиология) — наука, занимающаяся изучением внеземных форм жизни.

10

Биомеханик — врач, специализирующийся на пересадке искусственных, синтетических или искусственно выращенных внутренних органов и частей человеческого тела; биопротезист.

11

Одно— или двухместный летательный аппарат с открытым верхом.

12

Устав о проведении научно-исследовательских работ на планетах населенных разумными, либо обладающими зачатками разума существами.

13

Соответствует земному счислению, в отличие от местного. Местное время для разных планет с различными суточными циклами принято с большим либо меньшим количеством земных часов в сутках, либо делится, для удобства, на 24 часа (при минимальных отличиях длительности суток) но с иным числом минут.

Макроинформер или инфор — аналог компьютера с большим объемом памяти и возможностью самообучения, постоянно подключенный ко всем доступным базам данных и каналам получения информации, если только это не запрещено пользователем.

Катомарная система — любой предмет обихода, оборудование или их составляющие, созданные по принципу программируемой материи.

Независимый научно-исследовательский центр по изучению цивилизации планеты Тихая.

Тероподы — хищные динозавры.

Двухголовые ящеры.

Президент Общества.

Чепсы — кожаные штаны, которые ковбои надевали поверх одежды для защиты ног. Напоминают длинный передник с разрезом посередине, каждая штанина не сшита, а застегивается на ноге ремешками.

Аллохтоны — животные, населяющие данную местность, но возникшие в процессе эволюционного развития организмов где-либо еще.

Ароморфы — представители быстро прогрессирующего, переходного от рептилий к млекопитающим вида.

Таксидермист — специалист по изготовлению чучел животных.

Ф. Гальтон впервые предложил изучать влияния, которые могут улучшить наследственные качества (здоровье, умственные способности, одаренность) будущих поколений.

Устройства и приспособления, задачей которых является поглощение колебаний либо уменьшение их амплитуды до допустимых пределов.

Имеется в виду Координационный совет, особый орган при правительстве, призванный обеспечить взаимодействие различных ведомств при возникновении кризисных ситуаций.

Table of Contents

[Юрий Юрьевич Соколов](#)

[Степень превосходства](#)

[Пограничные миры – 1](#)

[АННОТАЦИЯ](#)

[Юрий Соколов](#)

[СТЕПЕНЬ ПРЕВОСХОДСТВА](#)

[Часть первая](#)

[ДОМ БОГОВ](#)

[Глава 1. Планета без названия](#)

[Глава 2. Паго Нвокеди. Неудачный эксперимент](#)

[Глава 3. Лучшее общество в мире](#)

[Глава 4. Герман Левицкий. Расследование по факту](#)

[Глава 5. Дом, в котором живет Кэт](#)

[Глава 6. Агизекар Тау. Под сенью Вечного Леса](#)

[Глава 7. Старт экспедиции](#)

[Глава 8. Свежий взгляд на привычные вещи](#)

[Глава 9. Айхамар](#)

[Глава 10. Планы на будущее](#)

[Часть вторая](#)

[КОЛЫБЕЛЬ ИСПОЛИНА](#)

[Глава 1. Прибытие на Тихую](#)

[Глава 2. Начало охоты на горилл. Активный способ](#)

[Глава 3. Последующие попытки отлова](#)

[Глава 4. Пассивный способ охоты и некоторые особенности заготовки свежего мяса](#)

[Глава 5. Стивен Шарп. Пари](#)

[Глава 6. «Миротворец»](#)

[Глава 7. Схватка](#)

[Глава 8. Вячеслав Ливнев. Будем знакомы!](#)

[Другие книги автора](#)

[Информация об издании](#)

[1](#)

[2](#)

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27